

Виктор Суворов
Самоубийство

Серия: *Ледокол* – 4

<http://reed.ru/lib/>

Аннотация

Зачем Гитлер напал на Советский Союз? Была ли Германия готова к войне? Казалось бы, ответы на эти вопросы очевидны. Но не все так просто... В своей книге Виктор Суворов с присущей ему убедительностью показывает полную и абсолютную неготовность к войне гитлеровской Германии.

*Книгу с таким названием друзьям не посвятишь.
Потому – врагам.*

ГЛАВА 1 СЕКРЕТНАЯ ИСТОРИЯ

Настоящие архивы Сталина и Берии, несомненно, представляли собой скопище столь тайных и убойных материалов, что их вряд ли рассекретят полностью (если только они еще целы).

Александр Бушков. «Россия, которой не было»

- 1 -

Эта книга ломала мою жизнь. Увидеть такую книгу – то же самое, что обернуться вдруг на переезде и ощутить всем существом слепящий прожекторами, летящий из мрака экспресс в тот самый момент, когда не остается времени даже на прощальный вопль.

А самое интересное в том, что книгу эту даже не надо было читать. Она оглушала и плющила одним только названием, только титульным листом. Взглянул – и умри. Взглянул – и лопни от изумления.

О существовании этой книги я впервые узнал в секретной библиотеке Киевского высшего общевойскового командного Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе. В этом пышном титуле так много слов и в то же время – ничего не сказано. Кто не посвящен, тот никогда не догадается, кого готовили в тех стенах. Тем более что Московское высшее общевойсковое командное училище – это одна песня, Ленинградское – другая, а Киевское – третья. Тут лучше параллелей не проводить. Так вот, привели меня, зеленого курсантика, к присяге, дали допуск, и вот я – за броневой дверью секретной библиотеки. В самый первый раз. А для меня посещение секретной библиотеки – вроде как неофициальный визит в чужой гарем: уж очень любопытно.

В библиотеке – тишина и покой. И образцовый порядок. К полкам не пускают. Есть каталог – и ищи. Что потребуешь – поднесут. После соответствующей процедуры. И вот я перебираю карточки, как скупой рыцарь жемчужины. А в карточках названия одно другого сластнее: Изделие З-Р-10. Звучит-то как: ТРРРИ-ЭРРР-Десяттть!

Или вот: У-5-ТС. Кстати, это то же самое, что и 2-А-20. Такая штука стояла на Объекте 166. А Объект 166 – это вовсе не военная база. Это танк. В те времена – весьма секретный. Широкий народным массам не положено знать про изделия и объекты, а я могу просто заказать книгу на выбор и вникнуть. Проблема только в том, что глаза горят и разбегаются: З-М-6, 2-П-27, Т-12А... Выбрать-то что? С чего начать, чем закусывать?

И вдруг на розовой карточке – то самое название книги. Название, которое разрывает чело- века на куски.

- 2 -

До сих пор не понял: как меня не разорвало? Удивляюсь: как это я остался жив, прочитав такое? Видимо, просто повезло. Но оглушило крепко. Две недели на зарядках и смотрах, на тренировках и поверках, на лекциях и семинарах я жил в режиме полного отключения. Вернее, кто-то за меня жил, служил, чистил оружие, сапоги и сортиры, получал взыскания и поощрения, бегал, прыгал и орал строевые песни. А я, оглушенный и растоптанный, в мире отсутствовал.

И вот через две недели, отдышавшись, отправился снова в секретную библиотеку. За броневую дверь. Эмоции – отключил. Нашел в каталоге ту самую розовую карточку и, стараясь чувств не проявить, книгу заказал. Я ведь ее еще и не видел, я всего только название на карточке прочитал. И вот она передо мной. Небольшая. Серенькая. В правом верхнем углу гриф – «Секретно» и инвентарный номер – 0341. Автор – генерал-полковник Л. М. Сандалов. Название – «Боевые действия войск 4-й армии Западного фронта в начальный период Великой Отечественной войны» (Воениздат, 1961).

- 3 -

Что, стукнуло вас название? Как колуном между глаз? То-то. Вот и передо мной когда-то после прочтения титульного листа свет померк. Вы-то сейчас к сенсациям привыкли, к обличениям. Сейчас если название это и бьет, то не насмерть. А в те годы оно воспринималось как убойное. Нас-то учили, что война была великой и отечественной. Нам говорили, что война была святой и освободительной. И некоторые этому верили. Я – в их числе. И вот оказалось, что история войны, которую мы изучали, – это лапша на наши развесистые уши. История, которую нам рассказывали, – это баллады для толпы, для широких народных масс, для непосвященных. А тут, за броневой дверью, за стальными решетками, за несокрушимыми стенами, за широкими спинами вооруженных автоматами часовых, за звериным оскалом караульных собак, за бдительным взглядом «Особого отдела», защищенная допусками, пропусками, печатями, учетными тетрадьями, инструкциями по секретному делопроизводству хранится совсем другая история той же войны. И тайные воспоминания генерала Сандалова тут вовсе не в единственном числе. Просто эта книга мне первой попалась. А кроме нее, тут целый пласт секретных мемуаров: генерал армии И. И. Федюнинский и главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, генерал-лейтенант с. А. Калинин и маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, генерал армии П. И. Батов и генерал армии А. В. Горбатов (тот самый, про которого товарищ Сталин сказал, что Горбатова могила исправит). И много еще там всякого.

Спрашивается: а что прячем? И зачем?

А ведь прячем серьезно. Если я буду держать язык глубоко в своей глотке, то мне в аттестацию впишут слова о том, что военную и государственную тайну хранить умею. Но стоит только болтнуть, стоит рассказать кому-то содержание секретных мемуаров, то попаду под самые серьезные статьи Уголовного кодекса, начиная с 64-й. И возможен достаточно печальный приговор. Да что там содержание! Даже не надо пересказывать содержания тех книг, не надо в подробности врезаться: стоит всего лишь сказать, что секретные мемуары существуют, – и это уже разглашение, и это уже влечет за собой уголовную ответственность по тем же статьям. Ну а если я ночью полезу ломать решетки секретной библиотеки, то часовой на посту разорвет меня в ключья автоматными очередями. Не задумываясь. И я сам, когда заступаю часовым на этот пост (он назывался постом No 2), расстреляю теми же очередями любого, кто посмеет нарушить покой наших секретов. И тоже – не задумываясь. И получу благодарность за убийство и краткосрочный отпуск с бесплатными проездными документами в любой конец страны. И в мою аттестацию впишут слова о проявленной решительности в деле охраны военной тайны. Эти строки станут украшением биографии и помогут восхождению к вершинам карьерной лестницы. Да только что это за такие, за разглашение которых я обязан убивать не задумываясь? Что это за секреты, за раскрытие которых меня обязаны убить?

Представьте, живете вы с прекрасной женщиной год, два, десять. И всем она взяла: на зависть соседкам умна, стройна, красива, трудолюбива, чиста делами и помыслами. И вдруг узнаете, что у вашей любимой, обожаемой женщины темное, грязное прошлое. Настолько темное, настолько грязное, что попытка проникнуть в него грозит смертью. Вам попросту отрежут голову, если только рыпнетесь что-то выяснять.

Вот именно в такой ситуации я себя и ощутил. Только речь шла не о женщине, а о великой, прекрасной победе в святой и самой справедливой из всех войн. Оказалось, что у великой победы – мерзкое и грязное прошлое. В противном случае – что же мы прячем? Если та, другая, секретная история войны чиста и прекрасна, то зачем вокруг нее скулят и воют караульные псы?

- 4 -

Мы умеем хранить секреты. Мы объявляем сведения о войне секретными и совершенно секретными, мы запираем эти сведения в сейфы, сейфы опечатываем, потом запираем двери хранилищ и тоже их опечатываем. И выставляем часовых. Два часа – смена, еще два часа – снова смена. Стой, кто идет? Идет разводящий со сменой! Разводящий ко мне, остальные на месте! Пост сдал! Пост принял! Караульный, принявший пост, превращается в часового, часовой, сдавший пост, – в караульного: бодрствующая смена, отдыхающая, и снова: пост сдал, пост принял. Начальник караула спит только днем, четыре часа – с десяти до двух. Если нет происшествий. В

пять – развод. В шесть – смена караулов. И все – с самого начала: двухсменные посты, трехсменные. Сдал-принял. Бдительно охранять и стойко оборонять... Услышав лай караульной собаки... Часовой обязан применять оружие в случае...

Сохранение в тайне той, другой, истории войны, стоит огромных средств и усилий. Вы попробуйте прокормить одну только караульную собаку, песика серого. Это советского человека можно не кормить, он привык, он выкрутится. А собачку, извольте, – по два килограмма мяса в день. Это сколько в год получается? А караулы кругом, за каждым высоким забором: кабы только народ ничего о войне не узнал. Ребяткам бы урожаем собирать. А мы хлеб в Америке покупаем, а здоровых мужиков от работы отрываем. Десятилетиями. В караулах их держим, чтобы никто не узнал историю войны, которую приказано называть отечественной. Я те секреты в Киеве охранял. И не только в Киеве. А кто-то ту же секретную книгу генерала Сандалова и книги других секретных мемуаристов охранял в Новосибирске, Риге, Таллине, Североморске и Уссурийске, в Арзамасе и Бухаре, в секретных библиотеках Вюнсдорфа и Лигницы, Хабаровска, Красноярска и Урюпинска. Это в какие же копейки влетает нам хранение в секрете своей собственной истории?

А чекисты бдят. А чекисты высматривают: нет ли где утечки информации о войне, которой приказано гордиться. А чекисты вылавливают тех, кто замышляет открыть тайны самой справедливой в истории войны. И получают за бдительность боевые ордена. А ведь и чекистов надо кормить. Мясом. И не хуже, чем караульных собак. А то, не ровен час, чекистская бдительность притупится, и наш народ что-нибудь пронюхает про войну, которая отгремела полвека назад.

- 5 -

Сам бы я до такой крамолы ни за что не додумался. Но готовили меня не в простом учебном заведении, а в особом. И в самый первый день, на самой первой лекции, матерый полковник объяснил сразу все секреты ремесла: не верьте, говорил, тому, что вам назойливо демонстрируют, ищите то, что от вас прячут. И весь первый час он повторял, что нельзя верить тому, что демонстрируют. Весь второй час – что надо искать то, что от нас скрывают. А завершил так: «Найдете то, что скрывают, – не радуйтесь. Это может оказаться всего лишь вторым каскадом закрытия. Помните: хороший секрет закрывают в два каскада. Или в три».

А тут подвернулся тот самый случай. Мне всю мою, тогда еще короткую жизнь весьма назойливо демонстрировали светлую и чистую историю великой и священной войны. И вот выясняется, что другую историю той же войны от меня тщательно прятали. Я еще не открыл секретную книгу Сандалова, я еще не держал в руках секретных мемуаров других генералов и маршалов, но уже сообразил, что существуют две параллельные истории. И это две совершенно разные версии. Если бы они были одинаковыми, то зачем одну из них прятать?

Какая же из двух правильная? Видимо, та, которую охраняют. Если у нас есть золотое колечко, то мы, уходя из дома, его спрячем, а дверь на ключик запрем. Еще и собачку с цепи спустим, чтобы по двору бегала, хвостиком виляла. А если у нас цепочки и крестики алюминиевые, под золото крашенные, если наши бриллианты стеклянные, то мы об их сохранности не особенно беспокоимся. Так вот: то, что хранится за броневыми дверями, то и есть история войны, хотя, может быть, и не вся. А то, чем нас кормили Некричи, Маковские, Шолоховы, Озеровы и всякие прочие Стаднюки, короче – Главпур с Агитпропом, то историей не является. То – суррогат, эрзац, фальшь и подделка.

Тут надо и об официальных шеститомниках и двенадцатитомниках сказать: это то, что было приказано выпячивать. В этой же связи – и об отношении к тем тысячам томов военных мемуаров, которыми наши генералы и маршалы завалили библиотеки и книжные магазины. Какая им цена? Вот тот же генерал-полковник Л. М. Сандалов написал три хорошие книги о начале войны: «Трудные рубежи», «Пережитое», «На московском направлении». Но как прикажете относиться к этим книгам, если вы узнали, что, кроме трех, есть еще одна, секретная? В несекретных книгах генерал Сандалов гнет одну линию, а в секретной – другую. Как после этого прикажете его несекретным книгам верить?

Само наличие секретных мемуаров наводит на размышления о том, что не все в той великой войне чисто, и о том, что у наших генералов – уголовные повадки: толпе одни истории рассказывают, своим – другие. Как урки. Так у воров принято: для всех рассказывают чернуху, а

своим рассказывают другую версию, зная, что из своего круга она не выйдет. И не важно – в своем кругу говорят всю правду или не всю, важно, что в своем кругу рассказывают не то, что всем.

- 6 -

Мемуары – штука интересная. Но документы войны интереснее. Как же к ним прорваться?

Наши вожди много десятилетий держали в секрете не только содержание архивов, но и способы проникновения в них. И только через 46 лет после германского вторжения, когда бушевала и на все лады воспевалась так называемая гласность, «Военно-исторический журнал» (1987. No 9. с. 87) наконец объяснил всем любителям способ проникновения к архивным документам времен войны: «К документам главных штабов и центральных управлений видов Вооруженных Сил, главных и центральных управлений, военных округов, округов ПВО и фронтов – с разрешения Начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР».

Видите, как все просто, – нужно пойти в Генеральный штаб: «Кто тут у вас Маршал Советского Союза Ахромеев?» Вам непременно дверь укажут. Стучитесь: «Здрасьте, мне бы по архивам поскрести, по сусекам помести...» И маршал Ахромеев (или кто там у них сегодня) вам тут же выпишет разрешение.

Правда, за этой простотой кроются две оговорочки и одна недоговорочка. «Военно-исторический журнал» разъяснил, что, во-первых, исследователь должен рыскать по архивам не по своему хотению, а «по направлению воинских частей, учреждений и государственных организаций». А какой, объясните мне, прок главе учреждения инициативу проявлять, на свою голову приключений искать, брать ответственность за ваши исторические изыскания в сферах, где изыскания вовсе не поощряются, а весьма решительно пресекаются?

А вторая оговорочка вот такая: «направляемый ими исследователь должен иметь справку о допуске к работе с секретными документами». Круг замкнут быстро и надежно: особо любопытным допуском к работе с секретными документами не дают, а тот, кому такой допуск дан, им дорожит, не высовывается и за разрешением к начальнику Генштаба никогда не попросится. Но если и попросится, если ему и откроют доступ, то и тогда никто результатов изысканий не узнает: поработал в архиве, любопытство свое удовлетворил – и помалкивай в соответствии с подпиской о неразглашении.

Это такие оговорочки. А вот недоговорочка: все сколько-нибудь важные решения по вопросам ведения войны принимались Сталиным и его ближайшим военным окружением, т.е. Ставкой Верховного Главнокомандующего – СВГК. Все остальные государственные и военные органы, все командующие и все штабы были всего лишь исполнителями сталинской воли. А в перечисленном выше списке сказано о многих весьма высоких инстанциях, но не о Ставке ВГК. Так что если у вас и есть допуск к работе с секретными документами, если вашему большому начальнику и загорелось нечто такое о войне узнать и он оформил соответствующее направление, если начальник Генерального штаба вам и позволит по архивам рыскать, то главного вы там все равно не найдете. Ибо допускают вас только к второстепенным бумажкам второстепенных штабов.

Через несколько лет заместитель начальника Генерального штаба по научной работе генерал армии М. А. Гареев это подтвердил: «Документы Ставки ВГК после войны были изъяты из Генштаба» («Красная звезда». 27 июля 1991 г.). А кто изъясил и куда спрятал, генерал армии Гареев почему-то не рассказал. Вот и ищите правду о войне, ломая головой непробиваемые стены.

Справедливости ради надо признать, что один исследователь из университета Тель-Авива без всяких проблем получил не только разрешение, но и приглашение работать с любыми архивами России, включая архивы Министерства иностранных дел, Генерального штаба, ГРУ, Внешней разведки, Коминтерна, и даже в помощники ему выделили советника Президента России. Случай интересный. Я с завистью говорю: везет же людям! Только мне непонятно, какая государственная организация давала этому исследователю направление и кто ему давал допуск к работе с секретами? Ведь для получения такого допуска надо принять присягу, доказать преданность правящему режиму и умение хранить государственную и военную тайну. Товарищ исследователь, вы приняли присягу на верность? Вы соответствующие бумаги подписали?

- 7 -

Такое везение сопутствует не всем.

Вот, к примеру, исследователь Дмитрий Юрасов. С 13 лет ведет картотеку репрессированных. Окончив школу, поступил в Историко-архивный институт, был кадровым работником архивов Октябрьской революции, народного хозяйства, Верховного Суда СССР. За многие годы (данные на февраль 1993 г.) собрал 430 000 (четыреста тридцать тысяч) карточек и 60 000 (шестьдесят тысяч) писем. Интересуется человек историей. Вот таких-то и приказано выявлять. Вот за такими и охотятся недремлющие органы. Повышенный интерес Юрасова к нашей истории был выявлен верными псами. И вылетел любопытствующий Юрасов из архивов и более туда не допускается. А ведь Дмитрий Юрасов всего только собирает данные о преступлениях, которые, как заявляют горластые «дети XX съезда», давно разоблачены. Юрасов военных тайн не касался. В военные архивы не рвался. И собирал он сведения НЕ СЕКРЕТНЫЕ.

Таких исследователей наше родное руководство не жалует и при случае с чувством глубокого удовлетворения вставляет им рельсы в колеса.

А тот, кто интересуется войной, находится в еще худшем положении. Вокруг военных архивов барьеры куда как выше.

Генерал армии М. А. Гареев, сообщив в «Красной звезде», что документы Ставки ВГК находятся неизвестно где, продолжает: «Как это ни печально, но, трезво оценивая обстановку, видимо, придется считаться с тем, что к какой-то части документов доступ будет открыт еще не скоро».

Перевести генеральские слова можно так: дорогие товарищи исследователи, самого интересного в Генштабе давно нет, а к тому, что есть, мы вас, к великой нашей печали, допустим еще не скоро.

Опубликовано это «Красной звездой» 27 июля 1991 года. С момента германского вторжения до момента публикации генеральского заявления прошло ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ, ОДИН МЕСЯЦ И ПЯТЬ ДНЕЙ. В сравнении с этим сроком как прикажете, товарищ генерал, понимать термин «еще не скоро»? Это когда?

И вот вам, генерал армии Гареев, все тот же вопрос: ЗАЧЕМ? Объясните не мне, а народу, который вас кормит: ЗАЧЕМ секреты войны надо хранить? ЧТО ВЫ ОТ НАРОДА ПРЯЧЕТЕ?

Самое пикантное тут вот что: именно этого генерала из породы стерегущих назначили Президентом Академии военных наук, именно он и является самым активным исследователем войны, старателем белых пятен. Приветствую вас, о великий открыватель тайн истории!

И работает Академия военных наук, и гордится своим составом: неисчислимыми стадами докторов и кандидатов. Вызываю на бой великих открывателей: опровергнуть «Ледокол» – ваша прямая обязанность. Товарищи генералы, нужно или признать «Ледокол», или оспорить. Вам за это деньги платят. Ну, кто выйдет конным или пешим, грудь на грудь и щит на щит? Кто возразит по существу, а не по мелочам? Но храбрых выйти на поединок под телекамеры ни в Министерстве обороны, ни в Генеральном штабе, ни в Академии военных наук не сыскалось. А вместо опровержений нашли генеральские академики и академические генералы отговорочку: мол, все в «Ледоколе» вроде бы правильно, да вот только подтверждающих документов в архивах, к сожалению, найти не удалось.

Здорово у генералов получается: с одной стороны – документов найти не удалось, а с другой – «как ни печально, но к какой-то части документов доступ будет открыт еще не скоро». Бедные генералы-исследователи не могут обнаружить то, что твердо решили нам не показывать. Они украли и спрятали нашу историю, а теперь почему-то не могут найти украденное.

Работает генерал армии Гареев не один, а в дружном коллективе таких же открывателей. Вот еще один упорный исследователь – генерал-полковник Ю. А. Горьков. Он неутомимо мечет камни в мой огород. Придумал он вот какой финт: объявил, что архивы-то в руках генеральских, следовательно, только в их творениях – чистая правда. А некоторые, понимаешь, пописывают без опоры на архивы, что с них возьмешь?

Генерал-полковник Горьков прикидывается слабоумным, делает вид, что не понимает простых вещей, а ведь доступ к архивам вовсе не означает стремления говорить правду. Наши генералы ВСЕГДА имели доступ к архивам, но из этого вовсе не следует, что они говорили правду. А существование целой подпольной генеральской секретной литературы о войне, «закрытые»

исследования, неприступность военных архивов – это как раз и есть ясно выраженное НЕЖЕЛАНИЕ ГОВОРИТЬ ПРАВДУ. Это как раз и есть четко проявленное стремление ВРАТЬ. С опорой на архивы.

А генерал Горьков не унимается: «Выяснение истины... учитывая особую сложность проблемы, требует осмотрительности, трезвости суждений, строгой опоры на документы» («Красная звезда». 21 октября 1995 г.) Далее генерала понесло в высокие материи. Генерал-полковник Горьков рассказывает о великом потенциале нашего народа: «Этот потенциал включает и знание истории, в которой общество черпает силы. И изучать историю нужно, образно говоря, не по поддельным копиям, а в подлиннике».

Ай да логика генеральская! Историю надо знать! Из нее народу следует черпать силы! И изучать ее надо по подлинникам, с твердой опорой на документы... которые генералы никому не показывают, которые спрятаны неизвестно где, которые с собаками стерегут, к которым 50 лет народ так и не подпустили и в ближайшие пятидесятилетия допускать не намерены.

А не кажется ли вам, товарищи генералы, что делаете вы ту же самую работу, что и серые караульные псы, которые за два килограмма мяса в день не подпускают народ к его собственной истории?

ГЛАВА 2 СРОК ХРАНЕНИЯ – ТРИ МЕСЯЦА.

Главный принцип нашей работы – правдивость.
ВИЖ. 1988. № 10. с. 71 5

Мы обязаны держаться правды.
ВИЖ. 1989. № 6. с.

За полную правду.
ВИЖ. 1990. № 12. с. 66

Писать и печатать правду.
«Красная звезда». 26 ноября 1993 г.

Ничего, кроме правды.
«Красная звезда». 9 февраля 1995 г.

Наша задача – говорить правду.
«Красная звезда». 24 января 1997 г.

Говорить правду, и только правду.
«Красная звезда». 19 марта 1997 г.

Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить?
Член ЦК КПСС, Начальник Главного политического управления Советской Армии генерал армии А.А. Епишев. «Огонек». 1989. № 25. с. 5

окошко, так и не перевернув титульного листа.

Решил: мы пойдем другим путем. Я не буду читать секретные мемуары наших генералов и маршалов. Пока. Моя будущая работа, моя профессия заключаются в том, чтобы раскрывать военные тайны. Методы, которыми меня готовят, достаточно совершенны. Однако в любом обучении никак не уйти от условностей и упрощений. А тут выпала возможность готовить себя самому. Без условностей и упрощений. Там, за броневой дверью секретной библиотеки, сотни книг, которые содержат военную тайну – секретную версию войны. В чем заключается секретная версия, чем она отличается от несекретной, я не знаю.

Но это можно ВЫЧИСЛИТЬ.

Нужно просто вникнуть в несекретную версию, прикинуть, чего в ней недостает, где она искажена, и на этой основе сделать вывод о том, как может выглядеть секретный вариант истории той же войны. И вот только после этого я доберусь до секретных мемуаров и проверю, насколько точны мои вычисления и предположения.

Итак, первый ход – изучение несекретной версии. В те годы основой всех основ была шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945», разработанная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Те тома выглядели внушительно: роскошные переплеты, хорошая бумага, безукоризненная печать, обилие карт и фотографий, сноски, ссылки на источники, приложения – все это вызывало уважение.

Уважение перерастало в трепет после прочтения титульных листов: редакционная комиссия – список на полстраницы членов Политбюро и ЦК, маршалов, генералов, адмиралов, академиков, известных писателей. Отдельно – авторский коллектив и редакция каждого тома. Кроме того – список консультантов, а в нем – маршалы, маршалы, маршалы и министры оборонной промышленности, и опять – академики, академики, академики. А уж помимо всего этого – списки архивов, наших и зарубежных, из которых черпались знания. Одним словом, академическое исследование в лучшем виде.

Правда, никто тех томов никогда не читал. В скобках отмечу: выступаю иногда перед своими читателями, выпадает выступать и перед соотечественниками. Теперь их немало по границам. Многие из них жили в Советском Союзе в те времена, когда сей шеститомник являлся украшением любой квартиры. Мой вопрос в зал: поднимите руку, кто прочитал все шесть томов? Понимаю, слушатели ждут подвоха и моих каверзных вопросов, потому помалкивают.

Тогда вопрос повторяю в другой форме: кто этот шеститомник не читал? И тут зал отвечает веселым дружным всеобщим голосованием без воздержавшихся. И когда меня упрекают в том, что стиль у меня не научный, я, скромно потупив глаза, вопрошаю: а кому нужен тот академический стиль, который никто не читает?

Считаю: дело нехитрое – писать научным стилем. Писать книги, главное назначение которых – украшение квартир, может любой, даже и академик, ибо не в содержании ценность, а в переплете. Вот вы попробуйте писать обыкновенным человеческим языком так, чтобы книги покупали не только ради красивых картинок.

Но это к слову.

Официальный шеститомник я бы тоже читать не стал но тогда сложилась ситуация: надо. Пришлось себя заставить. Открыл. И оторваться уже не мог.

- 2 -

Это великая книга. Жаль, что нашим народом она не читана. Каждый, кто одолеет хотя бы первый том, прозреет.

Первое, что бросается в глаза, – отсутствие системы в изложении материала. Читал я шеститомник в то самое время, когда меня учили сведения собирать вместе, выбирать главное, отбрасывая малозначимое, раскладывать по полочкам, приводить к системе. А тех, кто писал «Историю Великой Отечественной», этому явно не учили, потому академики попросту набивали тома всем, что попадалось под руку, никак не заботясь распределить материал по темам или придать логику изложению.

А я по причине врожденного упрямства пытался сведения о войне, которые содержались в официальной истории, сортировать. Но из этого ничего не выходило. Начинаю с самого верха: наиболее крупная организационная единица Красной Армии в предвоенный период – военный

округ. Сколько же их было на 21 июня 1941 года? В шеститомнике описаны (бегло) пять приграничных округов. Но были и внутренние военные округа. Сколько? Каких? Кто ими командовал? Какие силы в них находились? Ответов нет. То тут, то там упоминаются то Московский, то Орловский, то Харьковский военные округа. Но почему все это разбросано, раскидано, разметано по разным томам, частям, главам и разделам? Почему эти данные не собраны вместе на одной странице, в одной таблице?

Организационная единица ниже военных округов – армия. Второй вопрос: сколько было армий в Советском Союзе на 22 июня 1941 года? И опять я в тупике. Этой информации в официальной истории нет. Каков состав этих армий? Где они находились в момент германского нападения? Я снова и снова упираюсь в несокрушимые стены. На листе выписываю номера армий, которые упомянуты в тексте. Получается, что армий было 12. Их номера: 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 23 и 26. В этом ряду – странные пробелы. Пропущены 1, 2, 9 и 13-я армии. Где они были 22 июня? Или их вовсе и не было? А после номера 14 – дикие скачки. Почему?

По какой-то причине положение армий на карте не показано, просто надписи: военный округ такой-то и в скобочках – номера армий, которые были в его составе. Где же они находились? Одно дело – войска сосредоточены у самых границ, тогда они попадут под первый удар и погибнут, другое дело – если они в десятках и сотнях километров от границы, тогда будет время поднять войска по тревоге и достойно встретить противника. Если армии далеко от границы, то мы в первый момент войны теряем некоторую часть своей территории, но сохраняем войска от первого внезапного удара. Но если войска сосредоточены у самых границ, то мы теряем и армии, а вместе с ними и территории, которые некому будет защищать, и тем самым ставим страну на грань катастрофы. Я хочу знать, что случилось 22 июня 1941 года. Но этого понять нельзя, не зная положения наших армий. В шести томах – множество карт.

Только той, самой главной, нет. Та, которая позволяет понять начало войны, отсутствует.

И сколько же их было, армий? Двенадцать? Или не двенадцать? Если двенадцать, то зачем использовать номер 26? Врагов обманывать? Или себя?

Много позже по песчинкам собрал сведения по каждой армии, и получилось: 22 июня их было не двенадцать, а тридцать одна. Эти сведения можно получить, просеивая множество других книг, словно тонны песка ради нескольких золотых крупинок. Но из официальной истории войны этих сведений извлечь нельзя. Официальная история написана так, чтобы в отвалах шлака золотых пылинок не содержалось.

Эта бьющая в глаза пустота статистических отвалов позволила мне сделать первый вывод.

- 3 -

Любая достаточно большая сумма знаний превращается в науку, если знания систематизированы. А наша официальная версия войны изложена без системы. Другими словами – это не наука. Таков был мой первый вывод. От него я не отказываюсь и через 35 лет. Скажу больше: сведения о войне в официальном шеститомнике не только не систематизированы, но их там практически нет. Шесть томов можно выразить тремя словами: войну выиграл Хрущев. Все шесть томов – отвлеченные рассуждения, призывы и лозунги, восхваления коммунистической партии и лично товарища Хрущева, а об армии и войне – почти ничего. Судите сами. Основной ударной и маневренной силой Красной Армии летом 1941 года были механизированные корпуса. Понять начало войны, а следовательно, и весь ее последующий ход невозможно, не зная, сколько у нас было мехкорпусов, где они находились, кто ими командовал, каков был их состав. Об этой основной маневренной и ударной силе Красной Армии сообщается следующее: «Формирование механизированных корпусов проводилось в два этапа. Некоторые из них создавались начиная с июля 1940 года, а большая часть – в марте – июне 1941 года. Однако руководство Наркомата обороны допустило ошибку, предоставляя технику всем корпусам сразу, в результате чего к началу войны большинство из них не было полностью укомплектовано» (Т. 1. с. 457). И это все. И снова вопросы: так сколько же их было, этих самых мехкорпусов? Пять? Десять? Двадцать? Тридцать? Что они собой представляли? Мехкорпус – это сто танков? Или двести? Пятьсот? Может быть – тысяча? А грузовых машин сколько в мехкорпусе? Тысяча? Две? Пять? А солдат? Десять тысяч в каждом? Двадцать? Тридцать? Что значит «некоторые из них», «большая часть», «большинство»? Если бы я в ходе решения учебной задачи докладывал преподавателю

сведения о противнике, используя термины «некоторое количество», «определенный процент», «какая-то часть», то меня немедленно упекли бы в 26-ю камеру киевской гарнизонной гауптвахты, в ту самую, в которой дезинфекции ради – ведра с хлоркой. И правильно сделали бы. Ибо мы люди военные и точность – наша вежливость. Как у королей. А отсутствие точности – хамство. И очень жаль, что наших маршалов и академиков, писавших официальную историю, за проявленное хамство не сажали в камеру с хлоркой. А ведь они заслужили.

- 4 -

Если официальная история войны – наука, то требовалось хотя бы назвать число этих самых корпусов, собрать их в таблицу: номер корпуса, когда создан, какой армии подчинялся, кто командир, какие дивизии в его составе и сколько в нем танков и артиллерии. Если корпусов было мало, то таблица много места не заняла бы. Если их было много, значит, они заслуживают внимания, так не пожалейте же страницу.

И еще: если это наука, то тут же рядышком должны быть такие же сведения о немецких корпусах. Если сказано гадость о том, что наши корпуса не укомплектованы в своем большинстве, то следовало – просто справедливости ради – сообщить и о немецких корпусах: сколько их было и был ли хоть один из них укомплектован.

Переворачиваем страницу официальной истории: «В конце 1940 года численный состав авиадесантных бригад возрос в два раза. С начала 1941 года было развернуто формирование нескольких авиадесантных корпусов, завершено в основном к 1 июня 1941 г.». Для пущей научности – тут же и сносочка: Архив МО СССР, фонд ВДВ, опись 46027, дело 1, листы 10-15, 98, 203.

Нам сообщили, что в начале 1940 года у нас были десантные бригады, но не сообщили сколько. Сообщили, что были у нас десантники в неизвестном количестве и стало их вдвое больше. Нам сообщили, что в 1941 году были созданы десантные корпуса, забыв сказать, сколько, где, какой численности, а главное – зачем? Зачем весной 1941 года создавались десантные корпуса, если наша страна действительно готовилась к обороне?

Сейчас некоторые заявляют, что можно было бы десантные корпуса использовать не только в наступательной, но и в оборонительной войне: взять да и бросить их в тыл наступающим немцам, то-то переполоху будет! Хорошо, согласимся на минуту: десантные корпуса и бригады можно использовать для выброски в тыл наступающему противнику. Чудесно. Так следовало и поступить. Отчего же их туда не бросили? Правда, интересно: великий Жуков формирует сверхмощные десантные соединения якобы для того, чтобы бросить их в тыл наступающим немцам для переполоха. И вот сложилась именно такая ситуация: немцы наступают, а великий Жуков почему-то немцам в тыл десантные бригады и корпуса не бросает и переполох не устраивает.

А причина вот в чем: если противник наступает, значит, у него превосходство или даже господство в воздухе.

Потому обороняющаяся сторона не может даже мечтать о проведении десантной операции. Десантную операцию можно проводить, только обладая превосходством или полным господством в воздухе, т.е. в обстановке победного наступления. В оборонительной войне десантники в огромных количествах не нужны, и использовать их по прямому назначению невозможно. Для оборонительной войны нужны не десантники, а заранее в мирное время подготовленные партизаны. Вот их-то великий Жуков и разогнал весной 1941 года, приказав распустить партизанские формирования и уничтожить ранее подготовленные партизанские базы в белорусских лесах.

Но это к слову. Сейчас мы о другом. Вопрос вот какой: сочинявшие историю войны члены Политбюро и ЦК, маршалы, генералы, адмиралы, доктора и профессора, действительные члены и недействительные, знали они или не знали, сколько у нас было десантников и сколько авиадесантных корпусов было создано в СССР весной 1941 года? Если не знали, зачем брались писать историю? А если знали, то почему скрывали эти сведения от своих читателей? Почему официальная история великой и святой войны состоит из шарад, ребусов и кроссвордов? А ведь цифра, называющая количество десантных корпусов, созданных (зачем-то) весной 1941 года, много места не займет. Наоборот, если вместо слова «несколько» написать «пять» или «десять», то получится хоть и маленькая, но экономия места и типографской краски.

Ссылка на архивы в данном и во всех остальных случаях – издевательство: маршалы и ака-

демики никаких конкретных сведений о десантниках, десантных частях и соединениях не сообщают, а отсылают читателя в архив... в который его все равно не пустят.

Не лучше и указание на то, что численный состав авиадесантных бригад возрос в два раза. Мы все в школе учили знаменитую фразу: «Дайте мне точку опоры...» А наша официальная история написана так, чтобы не дать точек опоры. Если бы сообщили, сколько было этих самых бригад и сколько в тех бригадах было десантников, то это стало бы нам опорой. От нее бы и танцевали: как-нибудь умножили на два и получили новую численность. Но опоры нет. Кругом болото. Может, был у нас в стране один десантник, а стало два. В этом случае даже и десятикратное увеличение несущественно. А если их было тысяч сто, тогда...

Одним словом, если любопытствующий читатель примет первоначальное число советских десантников за X , вспомнит, что их стало в два раза больше, то в результате вычислений получит $2X$.

- 5 -

Когда-то, во времена хрущевского изобилия, отстояв три часа в очереди, я купил коробку конфет. Открыл – а конфеты давно разложились на несъедобные фракции. Ясно: штабель тех коробок держали на складах и базах много лет. Решил узнать, сколько именно. Ищу дату выпуска на коробке. Нет ее. И когда срок хранения истекает, тоже не указано. Вместо этого большой красивый розовый штамп: «Срок хранения – три месяца». А как исчислять эти три месяца, от какой печки танцевать?

Я-то думал – глупость. Потом сообразил: им так удобно. И это не разгильдяйство и не глупость. Это – наглость.

Вот именно такая наглость и была основным оружием Политбюро, ЦК, Агитпропа, холуйствующих героев, маршалов и академиков, создававших незабвенный шеститомник. Вот следующая страница – 459: «Части и соединения ВВС флота состояли на 45,3 процента из истребительной авиации, на 14 процентов – из бомбардировочной, на 9,7 процента – из торпедоносной, на 25 процентов – из разведывательной; 6 процентов составляла авиация специального назначения». И опять же – сносочка: ЦГАВМФ, фонд 864, опись 1, дело 172, лист 87.

Строго научно. Что мы из этого узнали? Сколько самолетов было в авиации флота? Была это мощная авиация или хилая? Если я вам сообщу, что за вчерашний вечер вылакал 97,8 % запасов спиртного в своем доме, и приложу соответствующую справочку, заверяющую, что дело обстояло именно так, то что вы из этого узнаете? Сколько же я выпил: бутыл, две, пять? Или полбочки? А может быть, весь мой запас – то, что в забытой бутылке на доньшке осталось? Что есть проценты от неизвестного?

А вот сведения не о морской авиации, а обо всей: «Готовность ВВС к войне была недостаточной, хотя наши новые самолеты имели ряд преимуществ перед немецкими, но этих самолетов было мало, примерно 22 процента от общего числа наличных самолетов в авиации приграничных округов» (т. 1. с. 476).

Процентами от неизвестного можно поразить воображение идиота. Скажем, например, что один человек тратит на питание сто процентов своих доходов, а другой – сотую часть процента. Кто же из них лучше питается? Кажется, сто процентов больше, чем одна сотая. Но так кажется дураку. А мы спросим: сто процентов от чего? И сотая часть процента – от чего? Калека в подземном переходе сто процентов дохода тратит на питание. А для олигарха с миллиардами, сколько бы ни тратил на роскошные приемы в мраморных дворцах и на океанских яхтах, все равно это будет ничтожной долей от его доходов. Одна сотая процента ЕГО доходов, истраченная на бочки икры и реки шампанского, в неисчислимо большее количество раз больше, чем сто процентов голодного на улице.

Или вот рассказ об одном бедном человеке: он владеет тощим пакетом, в котором всего лишь 4,8% акций «Газпрома». Неполных 5% – какая нищета! Но если эти проценты перевести в миллиарды долларов, то они будут восприниматься нашим сознанием несколько иначе...

Казалось бы, объяснять тут нечего. Но на беду в академических кругах по обе стороны Атлантики нашлось достаточно идиотов, которые дружно повторяют: всего только 22% советских самолетов были новейшими! Всего только 22! О эта ужасающая сталинская неготовность!

Эти проценты вошли в сотни диссертаций и монографий. И никто вопроса не задаст: а во

сколько раз 22 сталинских процента больше, чем 100 гитлеровских процентов? И не проще ли перейти от процентов и разов к реальному количеству?

Америк не открывают: использование в научном труде процентов, когда их значение заведомо неизвестно, есть шарлатанство. Вся наша официальная военная история, от хрущевского шеститомника до Жуковских мемуаров, от академических томов до школьных программ, зашифрована в проценты, значение которых не раскрывается, т.е. вся история войны шарлатанская. Не в обиду вам будет сказано, товарищи ученые и орденосные мемуаристы.

Люди военные мыслят не процентами, а количеством истребителей, торпедоносцев, бомбардировщиков, танков, пушек и крейсеров. И так пишут в документах, которые потом ложатся в архив. И это всегда числа целые, а не дробные, потому как не может летать треть самолета, как не могут бороздить моря 43,4% одного крейсера. И вот какие-то дяденьки ударным трудом, не досыпая ночей, зашифровывают любую цифирь в проценты. И доходят до того, до чего редакторы армянского радио никогда бы не додумались. Пример. Благодарный читатель «Военно-исторического журнала» (1989. No 12. с. 95) интересуется: а какой у вас тираж? На дворе перестройка с гласностью буйствуют, в те времена ходили даже слухи (необоснованные), что будто бы сам Горбачев кому-то якобы обещал разрешить иногда говорить правду. И вот редакция «Военно-исторического журнала», опьяненная гласностью и вседозволенностью, окрыленная ветрами перестройки, отвечает любопытствующему: «Если среднемесячный тираж 1988 г. принять за 100%, то в 1989 году он составит 369,3%, а на январь 1990 г. – 593,3%».

Это только со стороны кажется, что военные тайны раскалывать – романтика беспробудная. А вот вы попробуйте на человеческий язык перевести «593,3%».

- 6 -

Пухлые многотомники о войне – это только вершины терриконов, сложенных из военных мемуаров и бесчисленных исторических изысканий. Коллективы докторов наук и генералов сочиняли трактаты о действиях авиации и танковых войск, о развитии стратегии и тактики в ходе войны, о промышленности и транспорте, о войсках связи и саперах, о десантниках и военных железнодорожниках. И умудрились все сведения о войне сохранить в непроницаемой тайне. Все эти мемуары, все трактаты – череда неразрешимых загадок. Зададим вопрос о количестве истребителей в авиации приграничных округов. И получим точный ответ – 59 процентов (Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1968. с. 13). Писано это мощным авторским коллективом авиационных генералов-героев под руководством ба-альшого начальника.

Для того чтобы шарады с процентами не утомили читателя, наши иллюзионисты применяют и другие методы шифровки. Пример: производство боеприпасов в Германии в 1939 году (История Великой Отечественной войны. т. 1. с. 375) выражено не в количествах снарядов, мин и патронов, не в тысячах тонн, а в миллионах марок. Но пулемет потребляет патроны. Миномет – мины. Гаубица – снаряды. Но отнюдь не марки. Так и расскажите же мне про патроны и снаряды, а не про марки! Сколько в марках стоил один патрон, один 37-мм или 75-мм снаряд, одна граната, я не знаю. И где искать сведения о ценах на германские боеприпасы в 1939 году? И что такое миллион марок в то время? Выходит: цифру мне сообщили, но эта цифра – пустышка, фантик, конфеткой сложенный, чтобы дурачков обманывать. Но и это не конец головоломки. Чтобы окончательно затуманить картину, в скобках почему-то указано: «по ценам 1941/42». В 1939 году были одни цены, я не знаю какие. В 1941 году – другие, но тоже неизвестные. И вот академики продукцию 1939 года зачем-то вычисляют по ценам 1941 года. Сразу признаюсь: этот орешек не по моим зубам. Это нашим вождям такие уравнения решать. Это они знают, как расплатиться в случае, если работа выполнена в прошлом году, а зарплату (пока не всю) платим в этом году по ценам позапрошлого года. Похоже, историю войны писали такие же шустрые ребята, как и те, которые сейчас страной правят.

- 7 -

Но и за германские боеприпасы мы должны авторов шеститомной истории благодарить, ибо о советских боеприпасах они вообще ничего не сообщают. О Красной Армии авторы офици-

альной истории как бы забыли. Они пишут, например, что Германия бросила против Советского Союза 3410 танков. Но почему-то постеснялись сказать, что ВСЕ немецкие танки были устаревшими. А сколько танков имел миролюбивый Советский Союз? Молчание было нам ответом. А сколько у нас было самолетов? Опять секрет. Нераскрываемый.

И вот я вынужден повторить: если официальная история не содержит данных о количестве танков, самолетов и боеприпасов в Красной Армии, если в ней нет данных о количестве военных округов, армий и корпусов, значит, эта версия войны вообще версией не является. Шеститомная «История Великой Отечественной войны» – не история. Это чисто декоративное издание, оно практической ценности не имеет. У мошенников есть старый, но не отживший прием: пачку аккуратно (очень аккуратно) нарезанной бумаги всучить лоху вместо пачки денег. Именно этот прием и был применен нашими мошенниками в маршальских мундирах. Шесть томов официальной истории – это аккуратно нарезанная бумага, которая ничего не содержит. Это – видимость истории. Только иллюзия. Трюк. Шулерский, финт.

Кстати, сами правители это понимали лучше нас. Потому немедленно после выхода шеститомника историю войны приказали переписать. Шесть томов – мало. Давай двенадцать. Специально для написания новой, несекретной, версии войны был создан Институт военной истории. А ему в помощь подключили Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт всеобщей истории АН СССР, Институт истории СССР АН СССР. В редакционную коллегию ввели новый, расширенный, табун членов Политбюро и ЦК, маршалов, генералов, чекистов высшего выбора и пр. и пр. и пр. Новому двенадцатитомному творению дали название: «История второй мировой войны 1939-1945 годов». Загадки начинаются прямо в названии. По неизвестной, никогда никем не объясненной причине наши академики название Второй мировой войны почему-то пишут с маленькой буквы. А ведь это – центральное событие XX века. А ведь это – мясорубка, каких ранее не бывало. Так хотя бы из уважения к невинно загубленным миллионам... Наконец – это имя собственное.

Двенадцатитомник получился смешнее шеститомника. И на этот раз все двенадцать томов можно выразить тремя словами. Только это несколько другие слова: войну выиграл Брежнев. О том, что это за версия войны, вам судить: во всех двенадцати томах ничего не говорится о расстрелах советских командиров накануне войны. Мы можем к этим расстрелам относиться по-разному, но непозволительно исторические события замалчивать. А в двенадцатитомнике слово «расстрел» для этой ситуации вовсе не применяется. При Хрущеве для смягчения смысла придворные академики термин освоили: «репрессии». Но в брежневском двенадцатитомнике и этого слова нет. Вместо него – «обвинения». Вот, мол, против некоторых командиров были выдвинуты необоснованные обвинения. Вроде бы обвинения выдвинули и успокоились. Вроде бы обвинениями дело и кончилось.

Как и раньше, во всех двенадцати томах нет данных о том, сколько же танков имела Красная Армия в 1941 году, сколько самолетов, сколько боеприпасов. Вы не найдете количества советских армий и корпусов. Группировку войск, т.е. расположение наших армий, корпусов и дивизий, авторы обделили вниманием. Где находились советские войска в момент начала войны – так и осталось государственной тайной. О наших потерях – ни единого слова. Видимо, без потерь воевали. Единственная удача авторов – роль политкомиссара Брежнева Леонида Ильича в мировой истории показана ярко и выпукло. За что и получили авторы двенадцатитомника премии, ордена, титулы, звания и прочие всякие материальные блага. О тех временах они вспоминают с тихой грустью: «Надо прямо сказать, историки, тем более военные, лауреатскими лаврами давно не отягощены. Последний раз их коллективный труд был удостоен Государственной премии пятнадцать лет назад. Такую оценку получили авторы 12-томной истории второй мировой войны» («Красная звезда». 26 декабря 1996 г.).

Жалко официальных историков – их так редко награждают. Но виноваты, товарищи, вы сами: нюх потеряли. Написали бы 24 тома о том, что войну выиграл тот, кто на данном историческом этапе финансовые потоки страны в нужные русла направляет, мигом бы вас премиями завалили.

фронтовик В. П. Астафьев: «Мы как-то умудрились не без помощи исторической науки сочинить „другую войну“. Во всяком случае, к тому, что написано о войне, за исключением нескольких книг, я как солдат никакого отношения не имею. Я был на совершенно другой войне. А ведь создавались эшелоны литературы о войне. Например, 12 томов „Истории второй мировой войны“. Более фальсифицированного, состряпанного, сочиненного издания наша история, в том числе история литературы, не знала. Это делали, том за томом, очень ловкие, высокооплачиваемые, знающие, что они делают, люди. Недавно схватились два историка, Морозов и Самсонов, в споре о частностях в этой истории. Я написал письмо редактору газеты о том, что историки в большинстве своем, в частности те, которые сочиняли историю Великой Отечественной войны, не имеют права прикасаться к такому святому слову, как правда. Они потеряли это право своими деяниями, своим криводушием» («Вопросы истории». 1988. № 6. с. 33).

А создатели двенадцатитомника своим творением гордятся. Им даже не хватает ума и совести прикидываться изнасилованными, мол, все мы жертвы системы. Вовсе нет – они скорбят по тем счастливым временам, когда удовлетворенный клиент в ранге Генерального секретаря сверх обещанного бросил им лишний червонец в виде Государственной премии.

- 9 -

Но весьма скоро вожди сообразили, что зря лауреатам икру скармливали. Над брежневской версией войны мир смеялся больше, чем над предыдущей хрущевской. Премии историкам дали, а истории войны как не было, так и нет. И снова надо начинать все с самого начала. Пробовали третий раз в разгар перестройки и гласности: во главе ученых табунов – ГРК, т.е. Главная редакционная комиссия, которой подчинены другие комиссии в великом множестве. Председатель ГРК – Министр обороны СССР. У него – свита заместителей: начальник Генерального штаба, главнокомандующий силами Варшавского Договора, главнокомандующие видами Вооруженных Сил, начальник Главного политического управления, вице-президент АН СССР, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и пр. и пр. Кроме них в составе ГРК – начальники, начальники и начальники: АПН, Воениздат, Госкомитет по статистике, Главное архивное управление, Всесоюзный совет ветеранов войны и труда. И много там еще было всяких ответственных товарищей из высоких кабинетов. И за каждым – структуры с ордами подчиненных. Кроме тех институтов, которые раньше у многотомников кормились, пристегнули еще несколько, в их числе – Институт теории и практики социализма...

Вокруг ГРК буйно разрастались структуры и подразделения. Главной редакционной комиссии была подчинена организация, которая называлась редакцией десяти томника. А ей, в свою очередь, подчинялись десять редакций отдельных томов, научно-контрольная редакция и «ряд научно-технических подразделений».

Но вновь ученая отара уперлась в те же запертые ворота: война-то секретная, о ней нашему народу ничего знать не положено, и он не знает (кроме удивительных сказаний про 28 панфиловцев и про наши горящие бомбардировщики, которые врезались в гущу вражеских танков и цистерн). В этом блаженном неведении народ следовало оставлять и дальше. Потому требование старое: написать много томов, на сей раз – десять, но так, чтобы секреты не раскрыть. Иными словами, вновь ставилась задача писать какую-то другую правду, отличную от той, которую прячут за решетками и броневыми дверями под охраной недремлющих органов.

Потому и на этот раз ничего, кроме конфуза, выйти не могло и не вышло. Академики, генералы и маршалы затеяли скандал на всю страну, называли друг друга всякими нехорошими словами, проели много казны, но так ничего и не написали. В 1991 году читатели должны были получить первые два тома. Читатели подписались, внесли деньги. Но ничего не получили. Вся затея была первой российской финансовой пирамидой: много шума, много расходов. Пар ушел в свисток, а деньги – неизвестно куда... На том и заглохло.

Тенденция налицо. Первая попытка написать историю войны завершилась шеститомным анекдотом. Вторая попытка – результат еще хуже. Итог третьей попытки – звенящая пустота. И после того работа по написанию официальной истории войны не возобновляется.

Как ни крути – закономерность просматривается: чем дальше, тем хуже. Чем больше узнаем о той войне, тем труднее сочинять ее историю. Мы дошли до того, что написание официальной истории пришлось бросить, как строительство «мертвой дороги» Салехард-Игарка, которая

сквозь болота, тундру и вечную мерзлоту вела... в никуда. И не пора ли задуматься: война была святой, великой, освободительной, но подогнать под нее хоть какую-нибудь версию не выходит. Что-то не стыкуется. Мешок неподъемный. И в нем не одно шило, а тысячи. Во все стороны иглы торчат. Стыд-позор: все агрессоры историю войны давно написали. У немцев есть официальная история войны, у японцев – 96 томов. А у нас не вырисовывается. Не вытанцовывается. Не выплясывается.

Скажу больше: а ведь мы еще и не приступали. Говорят, что хрущевский шеститомник, брежневский двенадцатитомник, горбачевский десятитомник – это неудачные попытки. Для таких заявлений оснований нет. Эти многотомники нельзя считать попытками, пусть даже и неудачными, ибо изначально ставилась цель всевозможными финтами суть дела замутить, а не прояснить, ибо изначально научный подход был заменен шулерскими трюками, ибо изначально ставилась задача писать так, чтобы никаких секретов не раскрыть.

Если директору кондитерской фабрики дано право использовать штамп «Срок хранения – три месяца», значит, это выгодно и главку, и министру, и кому-то выше. Значит, грызть нам окаменевшие пряники, сколько бы ни призывали начальники повышать качество продукции.

Если маршалам и академикам дано право дурачить нас головоломками и шарадами из процентов и разов, значит, это выгодно власти, значит, питаться нам огрызками с праздничного стола историков-лауреатов, сколько бы они ни призывали сами себя писать правду, и только правду.

Вывод не навязываю, но предрекаю: историю войны, которую развязал Советский Союз и которую некоторые называют чуть ли не отечественной, написать не удастся.

Никогда.

Просто потому, что у правды двух версий не бывает.

ГЛАВА 3 КТО ПИСАЛ НАШУ ИСТОРИЮ?

История СССР (настоящая история) целиком состоит из тайн. Тайны эти в основном неприятные.

«Московский комсомолец». 27 октября 1994 г.

- 1 -

Много лет у тех, кто рангом повыше, я осторожно допытывался: почему история войны у нас засекречена? Почему изучение войны запрещено? Почему у нас две версии войны? И как это может быть, чтобы обе были правдивыми?

Ответ я получал всегда один: а у них там, у врагов, тоже есть секреты.

Вот те раз! Так ведь они же – враги. Они буржуины, вампиры, злодеи, империалисты, поджигатели, они из пролетариев кровь пьют и негров на фонарях вешают, они войны развязывали захватнические, им есть что прятать. Но мы-то освободители! Нам ли с поджигателей пример брать?

И почему мы берем только дурной пример? У них ведь есть чему учиться. Потому, если уж и брать пример, то давайте копировать и все остальное. Британский рядовой солдат, к примеру, получает достаточно денег для того, чтобы свой отпуск проводить на берегах Средиземного моря или где-нибудь на солнечных пляжах Атлантики. Отчего же мы подражаем только плохому, не перенимая хорошего? Про наших солдат не говорю, но каждый ли наш сержант имеет возможность на свою получку в Монте-Карло расслабиться?

Да и прячут проклятые империалисты какие-то темные дипломатические ходы, тайные сговоры, шпионские достижения. Но никому и в голову не приходило скрывать количество танков и самолетов, которые уничтожены или списаны полвека назад.

А мы скрываем.

- 2 -

История – цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных событий. Но мы знаем только

отдельные факты, случаи, фрагменты. Задача исследователя – сложить из косточек скелет, из черепков – вазу, из обломков – монумент, из отдельных фактов – общую картину прошлого.

Главное – упорство и внимание. И честность.

Тогда все стыкуется. Тогда все идет легко и просто.

Однако такая легкость сопутствует исследователю лишь до первой ошибки, не имеет значения – случайной или преднамеренной. Как только допустил ошибку – положил кусочек разбитой мозаики не туда, – так сразу пошли нестыковки. Это как в арифметике: если в цепи вычислений мы где-то пропустили нолик, то дальше пойдет чепуха, да не простая, а нарастающая. Нестыковка – следствие ошибки и ее признак.

Наша история, прежде всего история войны, наукой не является, ибо в ней ничего не стыкуется. Это нарастающая чепуха. Вот основа основ нашей мемуарной литературы: «Воспоминания и размышления» Жукова Георгия Константиновича, Маршала Советского Союза, четырежды Героя Советского Союза. В момент начала войны он был начальником Генерального штаба, т.е. главой «мозга армии». Его прямая обязанность – знать главное о своей армии, ибо ее действия он планирует, направляет и контролирует. И вот именно Жукову следовало сказать в своих мемуарах, сколько и каких у нас было танков и самолетов, сколько орудий, винтовок, патронов и снарядов. Ему следовало показать, где располагались наши аэродромы, стратегические запасы, где в момент начала войны находились армии, корпуса и дивизии.

Но Жуков ухитрился исписать 734 страницы, но о войне ничего не рассказать. Жуков все сохранил в тайне, заполнив страницы сплошными нестыковками и нарастающей чепухой.

С 1917 по 1941 год – почти четверть века. За эти годы марксисты (и Жуков в их числе) истребили десятки миллионов людей, вырезали целые сословия и поколения, истратили десятки тысяч тонн золота, разрушили великую культуру, которая была способна дать миру Толстого, Гоголя, Репина, Чайковского, испохабили (а после войны и сгубили) природу страны. И возникает вопрос: ради чего? Жуков вынужден оправдываться: ради оружия. «С января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила более семи тысяч танков» (Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. с. 205). «По уточненным архивным данным, с 1 января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила от промышленности 17 745 боевых самолетов» (Там же. с. 209).

Тут надо вспомнить, что Красная Армия получала вооружение и до 1 января 1939 года. И это отнюдь не старье. Танки и самолеты, которые поступили в 1936-1938 годах, имели возраст от трех до пяти лет. Но об этом Жуков не вспоминал и не размышлял. А ведь по любым стандартам это было вполне новое и современное оружие, особенно в сравнении с устаревшим вооружением Германии. Да и то, что поступало раньше 1936 года, тоже отнюдь не хлам. Чтобы не быть голословным: война была танковой, а двигатель – сердце танка. Поступивший на вооружение в 1932 году советский танк БТ-2 имел двигатель М-5 мощностью 400 л.с. Этого показателя немцам удалось достичь только через десять лет. До конца 1942 года, т.е. до Сталинградского перелома, ни один серийный немецкий танк не имел двигателя такой мощности.

О количестве танков и самолетов в армиях Германии и ее союзников Жуков сообщает дважды. Страница 263: 3712 танков (это он слегка приврал) и 4950 самолетов (тут он крепко соврал). На странице 411 повторил: 3712 танков и 4950 самолетов. И тут же вывод: «Количественное превосходство войск врага было велико – в 5-6 и более раз, особенно в танках, артиллерии, авиации».

Это жуковское «в 5-6 и более раз» прилипло-присосалось к нашей истории. Но давайте проявим бдительность. Обратим внимание на странности: немецкие генералы наскребли 3712 танков. Это то, что произвела промышленность Германии в период между двумя войнами, и то, что собрали со всей покоренной Европы. А Красная Армия только за два с половиной года до германского вторжения получила более 7000 танков. Но получала их и ранее. Откуда же у немцев превосходство в 5-6 и более раз?

С самолетами еще смешнее. У немцев 22 июня на Восточном фронте их было 2510. Жуков, ни на что не ссылаясь, объявил: 4950. Но даже если мы и поверим этой цифре и если забудем про советские самолеты, поступившие на вооружение Красной Армии до 1 января 1939 г., то все равно 4950 не может быть «в 5-6 и более раз» больше, чем 17 745.

Вопрос: кто же это писал?

- 3 -

Мне возразят: так у немцев же качество! Стоп. До качества мы дойдем. Сейчас – о количестве.

Если у немцев 3712 танков и это (если верить Жукову) в пять раз больше, чем у нас, тогда в Красной Армии было 742 танка.

А если у немцев было танков в шесть раз больше, значит, в Красной Армии их было 618. Но что такое «и более раз»? Это как: в семь раз? Или в восемь? А может быть, в десять? Почему великий полководец говорит загадками? Почему мы должны гадать, сколько же у него было в подчинении сил?

Дурной пример заразителен. У писавших «Воспоминания и размышления» нашлись последователи и продолжатели. Член-корреспондент Академии военных наук, доктор военных наук генерал-майор М. Белов заговорил про «спасительный гений Жукова» и восьмикратное превосходство немцев («Красная звезда». 19 апреля 1996 г.). Поверим. Значит, в Красной Армии было 464 танка. Как тогда это стыковать со всеми известными цифрами? Ведь в Красной Армии 22 июня 1941 года одних только Т-34 было 1363. А это танки, равных которым не было ни у кого в мире, и до конца войны так никому и не удалось создать ничего подобного. Кроме того, Красная Армия имела 677 танков КВ, опять же, равных им не было ни у кого в мире. Ни в одной стране не существовало ничего отдаленно похожего на КВ не то что в металле, но даже и в проектах. Ни у кого не было даже такой весовой категории.

Помимо Т-34 и КВ, Красная Армия имела танки других типов и в гораздо больших количествах. И в их числе: Т-28, Т-35, Т-37, Т-38, Т-40, БТ-7 и БТ-7М, которым в то время тоже не было равных ни в Германии, ни в Японии, ни в Америке, ни в Британии и нигде в мире. «Устаревший» БТ-7 имел двигатель мощностью 500 л.с., в то время как самый мощный зарубежный танковый двигатель того времени, германский HL-120TRM, имел только 300 л.с. А «устаревший» БТ-7М имел не просто сверхмощный двигатель, но легендарный быстроходный танковый дизель В-2. Такого двигателя ни одной стране мира не удалось создать до конца войны, всем нашим противникам и союзникам пришлось обходиться карбюраторными двигателями, отчего их танки горели как спички в коробке.

Как совместить все это с заявлениями генерала Белова о восьмикратном германском превосходстве? И куда девались 7000 танков, полученных Красной Армией только за два с половиной года перед германским вторжением?

А куда пропали 17 745 боевых самолетов?

- 4 -

«Воспоминания и размышления» – позор России. Это преступление против народа, причем даже более страшное, чем публикация хрущевского шеститомника. Жуковский вздор переведен на все языки. Иностранцы читают эту чепуху с удивлением: и это творение гения? Да он же считать не научен. И этого Жукова допускали в Генеральный штаб? Такого туда даже на должность дворника пускать не следовало. Если это писал русский военный гений, какой же уровень у остальных, которые – не гении?

Секрет популярности жуковских мемуаров прост: немцам нравится читать про наш идиотизм из столь авторитетного источника. А Франция рухнула за месяц. Это срам. Потому французам жуковские мемуары – бальзам на раны: русские дурнее нас. В США и Британии книги Жукова нарасхват: вот видите, войну выиграли западные союзники, что могли сделать эти русские кретины, если их высший гений даже считать не умеет, если для него четыре немецких тысячи в 5-6 и более раз больше, чем 17 русских тысяч?

А меня удивляет не жуковское вранье, а неумение врать. Бывает завхоз – вор. Но хитрый. Проворовался, но вывернулся. А бывает – вор, но дурак, incapable даже соврать красиво, своих преступлений скрыть. Жуков – ворюга. Воровал в особо крупных размерах. Но воровал так глупо, что Сталину все его проделки были известны. К этой теме мы еще вернемся, а пока рекомендую любопытствующим «Военные архивы России» (1993. Выпуск 1. с. 175).

И воровал Жуков не только бриллианты из короны супруги германского кайзера, не только золото слитками, картины старых мастеров целыми галереями, не только уникальные книги в

золотом тиснении целыми библиотеками, не только шелка, парчу и бархат километрами, не только изумруды горстями и мебель эшелонами, но и, восхваляя дутую гитлеровскую мощь, он воровал нашу военную славу. И опять же – в особо крупных размерах, и так же глупо, как неумелый завхоз. Все выдумки о нашей хилости и отсталости, которые содержатся в так называемых мемуарах Жукова, этой же книгой и опровергаются.

- 5 -

Но в чем же секрет популярности жуковских мемуаров в России, которую он оклеветал?

У Жукова толпы поклонников и защитников. Нобелевский лауреат Шолохов Михаил Александрович объявил мемуары Жукова гениальными. Но если это гениальность, то что же тогда идиотизм?

Маршал Советского Союза В. Г. Куликов регулярно восхваляет жуковское творение при всяком удобном и неудобном случае. Глава Союза писателей СССР Герой Советского Союза Карпов Владимир Васильевич накатал три тома восхвалений Жукову. А у Карпова – целая ватага подчиненных писателей, которым он дал боевой приказ: «Делай, как я!»

И они делают. Прямо на свою страну. На ее армию. На ее народ и его историю.

А я спрашиваю.

Во-первых, можно ли интересоваться военными вопросами, а Второй мировой войной не интересоваться?

Во-вторых, можно ли интересоваться Второй мировой войной, но не прочесть книгу, на обложке которой имя того, кто возглавлял Генеральный штаб РККА 22 июня 1941 года?

В-третьих, можно ли прочесть эту книгу и не заметить противоестественной холуйской жуковской любви к Гитлеру и гитлеровцам? Можно ли не заметить мерзость, гадость и дикую клевету, которая не пролезает даже в широкие ворота жуковских дворцов? Можно ли не обратить внимания на то, что в книге все не стыкуется, что писавшие «Воспоминания и размышления» сами себя и опровергли?

В-четвертых, можно ли прочесть эту гадость и не возмутиться?

Нам рассказывают, что война была чуть ли не «отечественной». Но почему же никто не выступил в защиту Отечества? Куда попрятались все «герои», когда Жуков поливал грязью это самое Отечество?

Герой Советского Союза писатель Карпов Владимир Васильевич, признайтесь, что вы о войне ничего не знаете, что мемуаров Жукова не читали. А если читали, то почему же не плюнули в наглые глаза клеветника? Ведь вы же с ним встречались! Где же ваша храбрость? Как верить в ваш героизм, если вы не решились выступить на защиту чести своей страны и своего народа?

Маршал Советского Союза Куликов Виктор Георгиевич, признайтесь, что вы военными вопросами не интересовались, что о войне знаете лишь понаслышке, что не читали «Воспоминания и размышления». Если же вы читали, но не заметили диких нестыковок, гадости и глупости, тогда ясно, какого рода стратегом были вы сами. Тогда понятен крах Варшавского Договора, который вы возглавляли, и крах Советского Союза, руль которого крутили и вы, ведя нас от победы к победе.

Все хвалители Жукова, настало время признаваться. И всем вам я великодушно бросаю спасательный круг, я открываю вам щель для отступления: вы не читали «Воспоминания и размышления». Вот и все. Это ваше оправдание. Это и Маршалу Советского Союза Жукову Георгию Константиновичу посмертная лазейка: он просто не читал свои «Воспоминания и размышления». Он не интересовался войной и тем, что главный идеолог КПСС Суслов и Главпур пишут под его именем.

Если кто-то будет доказывать, что Жуков свои мемуары читал, тогда неизбежен другой вывод: он был кретином или продажным борзописцем.

Если Жуков читал свои мемуары, тогда прощения ему нет. Если у него не нашлось мужества протестовать против мерзостей, которые враги народа вписывали в «его» книгу, значит, он сам был врагом народа.

- 6 -

Самую страшную, поистине убийственную оценку состояния нашей военно-исторической науки дал доктор военных наук, профессор, генерал-лейтенант Н. Г. Павленко: «В середине 60-х Г. К. Жуков, да и мы, военные историки, считали, что к началу войны противник имел превосходство в силах и средствах над нашими группировками в приграничной зоне. Сейчас в связи с новыми публикациями... взгляд на соотношение сил коренным образом меняется» (ВИЖ. 1988. No 11. с. 26).

Мысль генерала Павленко можно выразить проще: Жуков, другие маршалы, генералы и официальные историки несколько десятилетий рассказывали удивительные истории об ужасающем немецком превосходстве, но все, что они говорили, не соответствует действительности.

Из этого можно сделать неоспоримый вывод: если наши маршалы, генералы, академики не знали истинного положения вещей, не представляли соотношения сил сторон, значит, все их выводы, оценки, построения, заключения и размышления ошибочны. Вот это и есть цена всем многотомникам, всем военным мемуарам и миллионным тиражам, всем заявлениям о нашей неготовности – все это чепуха. И все восхваления Жукова, все премии историкам – это поощрение невежества.

Более интересно вот что: Жуков и военные историки знали с точностью до единицы количество немецких танков и самолетов. Если они допустили столь грубый просчет в определении соотношения сил, следовательно, они не знали второй составляющей уравнения, а именно – они не знали силы Красной Армии. И выходит, что лауреат Нобелевской премии Шолохов М. А. объявил гениальными творения Жукова, который попросту ничего не знал об армии, действия которой должен был направлять. В этот же капкан угодили и глава Союза писателей СССР, и Маршал Советского Союза Куликов В. Т., и тысячи их последователей.

Генерал Павленко первым признал, что наши эксперты, официальные историки и мемуаристы, начиная с Жукова, ничего не знали о Красной Армии. Только вопрос: Жуков Георгий Константинович и в 1941 году не знал, сколько у него сил в подчинении? Как же он войну планировал, понятия не имея, сколько у него армий, механизированных и десантных корпусов, сколько пушек, снарядов, патронов и винтовок? Или, может быть, в 1941 году он знал, сколько у него войск, а потом забыл, потому и молчал после войны чушь под общим названием «Воспоминания и размышления»?

Если верить Жукову, то получается, что наш глупый, отсталый, ленивый народ не дал армии достаточно оружия. И вот тогда, в критический момент, появился он, гений и спаситель, весь в белом.

А если верить цифрам, то получается иначе. Наш талантливый и трудолюбивый народ, голодая и замерзая, жертвуя всем, от куска хлеба до жизни миллионов людей, обеспечил армию оружием, количеством и качеством которого удивило даже Адольфа Гитлера. Но распорядился Жуков этим оружием так, что пятимиллионная кадровая армия была немедленно разгромлена и пленена, а тысячи танков и орудий, 25 000 (двадцать пять тысяч!) вагонов боеприпасов, огромные запасы продовольствия, обмундирования, инженерного и другого имущества оказались в руках противника в первые же дни войны. И в этом надо винить не народ, а Жукова.

Против 3712 устаревших германских танков у Жукова в подчинении было 23 106 советских танков с несравнимо более высокими характеристиками. И это не считая танков в составе воздушно-десантных корпусов, мотострелковых дивизий НКВД, пограничных войск, военно-учебных заведений, учебных частей и подразделений. Против 2510 немецких самолетов у Жукова было 21 130 боевых самолетов, включая новейшие МиГ-3, Ер-2, Як-2 и Як-4, Ил-2 и Ил-4, Су-2, Пе-2 и Пе-8, равных которым у Гитлера не было. Если бы Жуков признался в этом, ему пришлось бы отвечать на множество неудобных вопросов. Тогда ореол героизма и гениальности померк бы. Потому Жуков и прикидывался непомнящим, потому и врал про многократное германское превосходство.

И вот вывод: Жуков – герой и гений. Но только на фоне своего вранья или невежества.

А теперь вопрос: кто мог считать у гитлеровцев ВСЕ самолеты, а у нас только те, что поступили после 1938 года? Кто мог считать у гитлеровцев все танки, включая трофейные фран-

цузские, выпущенные в 1917 году, т.е. 24 года назад, а у нас только те, что поступили с заводов менее трех лет назад? Кто мог объявить, что 3712 гитлеровских танков – это «в 5-6 и более раз» больше, чем у нас? Такое могли написать только враги нашего народа. «Воспоминания и размышления» – вражеская диверсия. Эту подлую книгу писали те, кто считает арийцев высшей расой, а всех остальных – низшей.

Удивительно: люди (или нелюди), писавшие «Воспоминания и размышления», знали с точностью до единицы количество немецких танков и самолетов и повторили эти цифры дважды, а количество советских не знали даже приблизительно: может быть, их было в пять раз меньше, может, в шесть, а может быть, в неопределенное количество раз.

И странная мысль тревожит меня: а ведь это, видимо, писали недобитые гитлеровцы или те, кто им продал свои перо, тело и душу.

- 8 -

А годы летят, летят десятилетия, и в нашем народе зреет непонимание: почему та война так и остается секретной? И как долго это будет продолжаться?

В ответ на это недоумение наши вожди новый финт отмочили. Вдруг в 1996 году взорвалась «Красная звезда» восторгом и радостным ликованием: тру-ля-ля, тру-ля-ля! Тайн больше нет! Спешите видеть! Новая победа наших военных ученых! Институт военной истории выдал коллективный несекретный труд «Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник No 1 (22 июня 1941 г.)».

Я, естественно, не поверил. Такого быть не может. Но все же по всем возможным каналам начал поиск. А каналов много. Частный бизнес – штука всесильная. Есть в Париже, Берлине, Варшаве, на Брайтоне хорошие ребята, которые связь с издателями держат тесную и достанут какую угодно книгу, причем почти мгновенно и по вполне разумной цене. Объявляю общий аврал. Никто «Статистический сборник No 1» достать не может. Поднимаю цену. Результат – тот же. Звоню в Москву. Есть кому звонить. Горжусь тем, что по московским издательствам, библиотекам, институтам достаточно людей, которые «Ледокол» оценили и готовы помочь. Всем – подъем! Но найти никто не может. Обращаюсь к историкам-врагам – у меня их хватает и на Руси, и за ее границами, – прошу помощи. Враги врагами, но и среди врагов встречаются хорошие люди. Но результатов нет. Тогда не прошу, а просто интересуюсь: вы-то, враги, сами видели «Статистический сборник No 1»? Нет, отвечают враги, не видели.

А «Красная звезда» – свое: тру-ля-ля, великая победа наших историков, наконец-то наш народ хоть что-то узнает о той войне, которая столько десятилетий была секретной! Читайте «Статистический сборник No 1»!

Звоню в «Красную звезду». Там у меня сплошные враги. Но только по должности. А внутри они добрые. Я к ним: ребятушки, вот вы трубите про «Статистический сборник No 1», а нет бы его достать. Я, быть может, и перековался бы. Вам же зачтется. А то как мне свою подрывную точку зрения менять, если о той войне никто ничего не знает? Они: так, мол, и сяк. А я им: вы-то его сами видели? Это опрокидывающий вопрос. Не хочу никого в краску вгонять, потому ответ на мой вопрос не сообщаю. Но справедливости ради признаю: после того вопроса «Красная звезда» прекратила воспевать «Статистический сборник No 1». А я использовал последний шанс. Телевидение. Московское. Всемогущее. Не скажу, какой канал. Источники не раскрываю. Но, пользуясь случаем, людей, совершивших сей подвиг, благодарю перед лицом читателей. Буйволов телевидения взял на вызов: докажите могущество свое! Они доказали.

«Статистический сборник No 1» я получил. А теперь – самое интересное. Только пристегнитесь к сиденью. Для безопасности. Докладываю: самое главное в любой книге – выходные данные. В нашем случае – 25 экземпляров. Повторяю: опубликовано ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ. Один – у меня. На остальную Вселенную – двадцать четыре.

В 1956 году в секретном докладе Хрущев объявил, что у нас в начале войны было по одной винтовке на троих. Правда, конкретную цифру он забыл назвать. Если бы сказал, сколько в Красной Армии было людей и сколько винтовок, то мы бы сами разделили. Но Никита Сергеевич все больше на эмоции давил, статистикой не баловал. Доклад секретный, но его почему-то через три года опубликовали.

И опять же, обратим внимание на выходные данные: Государственное издательство поли-

тической литературы. Москва. В-71. Б. Калужская, 15. Подписано в печать 23 ноября 1959 года. Цена 65 коп. Тираж 1 млн. экз.

Правда, интересно: СЕКРЕТНЫЙ доклад напечатан МИЛЛИОННЫМ тиражом? И вот мы все гордостью светимся: как же, нам любимая партия доверила великие тайны о том, что мы ужасно глупы и к войне не готовы, о том, что Сталин руководил войной по глобусу и что не хватало даже винтовок.

В том «секретном» докладе никаких подтверждающих цифр не содержится. Но оттого, что он объявлен секретным, мы ему верим. И только через 40 лет после того доклада, в 1996 году, наконец было сказано, сколько же именно винтовок у нас было в 1941 году. Наконец названы цифры. Только назвали их в НЕСЕКРЕТНОМ статистическом сборнике, который ДОСТАТЬ НЕВОЗМОЖНО. (А любителям истории совет: не ищите «Статистический сборник» там, где плохо лежало. Там больше не лежит.) Несекретный статистический сборник тиснули тиражом в СОРОК ТЫСЯЧ РАЗ меньшим, чем секретный доклад. 25 экземпляров разослали по высоким кабинетам Москвы, где они все равно никому не нужны (и где один экземпляр кто-то умыкнул). Но 25 – это так мало, что по одной копии не досталось даже самым важным библиотекам, академиям и институтам. И ни одной копии не поступило в штабы военных округов.

И вот после этого мы трубим, что отныне война становится несекретной.

Спрашиваю: почему так? Ответ: сам понимать должен, денег нет. С этим стоит согласиться. Но вот на целый флот сверкающих лимузинов для министра обороны России Пал Мерседесыча наскребли по сусекам. На дикий монумент царю-дьяволу тоже наскребли. На памятник Жукову, который понятия не имел, что у него находится в подчинении, денежка нашлась. На хрущевское вранье про сталинский глобус и нашу глупость как-то из бюджета выкроили. А на статистический сборник, в котором названы цифры нашей готовности к войне, денег не нашлось.

Но знаете ли вы, товарищи официальные историки, сколько стоит содержание хотя бы одного сторожевого пса, который стережет так и не открытые тайны войны? Сократите одну собачью должность, и вам хватит на миллионный тираж. И еще: хорошая книга сама себя окупает. Вам просто надо написать толковую книгу, а народ у нас любознательный, наш читатель благодарный соберет последнее, что по дырявым карманам осталось, но вам расходы возместит.

Это я по личному опыту знаю.

В официальной, несекретной, версии войны мы – идиоты и кретины. Официальная коммунистическая версия, начиная с Хрущева и Некрича, продолжая через мемуары Жукова и завершая последними изысканиями Анфилова, Горькова, Безыменского, Штейнберга, Финкельштейна и иже с ними, как бы написана гитлеровцами, Геббельсом или даже самим Розенбергом. По этой версии Сталин – дурак и трус, армия обезглавлена, самолеты – гробы, танки устаревшие, винтовка одна на троих. Наша официальная версия войны – это как бы трактат о превосходстве германской расы над всеми другими расами. Немцы в нашей официальной истории – мудрые коварные профессионалы, к войне они готовы, и все у них есть. И самолеты у них новейшие, и танки современные, и ведут их в бой великие стратеги. Ну и превосходство у них «в 5-6 и более раз».

Хрущевы, Жуковы и толпы их прихлебателей приучили нас лить грязь себе за пазуху, приучили преклонять колени перед тевтонским умственным, физическим и культурным превосходством. Но не пора ли нам обратить соколиный взгляд на Адольфа Гитлера и его славное воинство? Не пора ли пристально взглянуться в гитлеровскую готовность к войне, в это подавляющее превосходство «в 5-6 и более раз»?

ГЛАВА 4 КРАСНОАРМЕЕЦ ШИКЛЬГРУБЕР.

*Франция является нашим самым страшным врагом.
Адольф Гитлер. «Майн кампф». Часть 2, глава XIII*

причин германского нападения, т.е. следовало задать вопрос: ЗАЧЕМ ГИТЛЕР НАПАЛ?

И найти ответ.

Но нас приучили ответов не искать, да и вообще глупых вопросов не задавать. Нас приучили жить не задумываясь. Нам объяснили коротко и просто: Гитлеру в 1941 году земля на Востоке потребовалась, жизненное пространство. Вот он и ринулся то самое пространство завоевывать. И много-много лет нам рассказывали историю о том, что Гитлер еще в 1924 году в книге «Майн кампф» написал: «Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше прежнее развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на Юг и на Запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на Востоке».

Этим строчкам выпала счастливая жизнь. Их цитировали миллионы раз. Тысячи и тысячи политиков, дипломатов, генералов, историков, журналистов неустанно твердили эти слова. Еще в двадцатые годы эту цитату повторяли в своих сочинениях и публичных выступлениях наши вожди: товарищи Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев. В тридцатые годы, особенно после прихода нацистов к власти, гитлеровское откровение зазвучало с новой силой. Откроем «Правду», «Огонек», «Техника – молодежи», «Красную звезду» тех лет и найдем все те же слова о землях на Востоке. И если не в каждом номере, то весьма часто. Эта гитлеровская цитата была повторена не только всей нашей тысячеголосой прессой – она звучала с высокой трибуны XVII съезда партии (Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. с. 127-128). Любой лектор, который говорил о грядущей войне, начинал именно этим гитлеровским заявлением. Так было принято. А уж после войны вошли эти слова в тысячи учебников, трактатов, диссертаций.

После XX съезда КПСС каждый, цитируя Гитлера, обвинял Сталина в близорукости: ведь фюрер сам открыто объявил свои намерения! Сталин должен был просто прочитать «Майн кампф» и действовать соответственно!

А меня с давних пор удивляло знание нашим народом гитлеровской книги. Вернее – одной цитаты из нее. Выходило, что все в Советском Союзе читали «Майн кампф». Наслушавшись лекторов, пропагандистов и агитаторов, которые почему-то повторяли только одну цитату, я придумал маленькую шалость. Хорошего лектора после интересной убедительной лекции всегда окружает группа особо любознательных слушателей. Вот и я всегда был среди них. Все вопросы задают. И я тоже. Только я в первый ряд не лез, а задавал свой вопрос из-за чужого широкого плеча. Вопрос у меня был совсем простой: «А я „Майн кампф“ не читал. Подскажите, где достать?»

- 2 -

Этот вопрос подбрасывал любого лектора на метр в воздух. От этого вопроса властители дум взвизгивали, хрипели, матерились, забыв приличия, бледнели, краснели, судорожно сворачивали удочки и быстро исчезали. Их реакцию на мой вопрос можно описать двумя словами: ужимки и прыжки.

Подпрыгивали и отпрыгивали они потому, что никто из них, включая и некоторых наших всемирно знаменитых историков, «Майн кампф» в руках не держал. А у меня в те годы возникло новое непонимание: если эта книга против нас, против нашего народа, против нашей страны, так дайте же мне ее! Прочитав эту гадость, ни один нормальный человек гитлеровцем стать не может, наоборот – он станет более злым антигитлеровцем... Так почему же нигде не найти эту книгу, одну цитату из которой у нас все знают, все повторяют?

Потому предлагаю:

– или объявим «Майн кампф» мерзостью, которую не следует вспоминать, тем более – цитировать;

– или, если интенсивно цитируем, если ссылаемся, давайте разрешим всем желающим прочитать весь текст.

А то у честных граждан подозрение возникает: если все остальное содержание скрывают, значит, полный текст данную цитату не подтверждает, а может, и противоречит ей.

- 3 -

А повторение тех слов Гитлера продолжается. «Литературная газета» 5 августа 1994 года прямо на первой странице поместила письмо возмущенного читателя К. Неделина из Петербурга: «Не понимаю, как можно всерьез обсуждать мнение, что Германия нанесла лишь предупредительный удар. Ведь еще в 1924 году в своей программной работе „Майн кампф“ Гитлер писал: главной целью будущей Германии будет завоевание жизненного пространства на Востоке. И это отнюдь не секретный документ. Так о чем же спорить?»

Не секретный документ? А вы, дорогой товарищ Неделин, читали «Майн кампф»? И у вас на полке стоит эта книга? А в советские времена она тоже на полке стояла? В какой тумбочке, если не секрет, вы ее взяли? Или, может быть, в библиотеке нашли? А в какой библиотеке? И если вы читали сей несекретный документ, то можете ли ответить, из какой главы взята цитата? Из какой части? Вы знаете, о чем эта книга?

Так вот, если книга не секретна, если она у вас есть, то прошу открыть часть первую, главу четвертую, которая называется «Мюнхен».

И прочитайте еще раз.

- 4 -

Непонятно вот что: с момента первого появления «Майн кампф» и до самой войны в течение 15 лет в Советском Союзе цитату Гитлера кричали из каждого репродуктора, с каждой крыши и с каждого фонаря, с каждой трибуны, высокой и низкой, на каждом колхозном собрании ею стращали народ, она вошла в программы Коминтерна и в школьные учебники... И вот после всего этого германское нападение оказалось для Сталина внезапным.

Что за чертовщина: весь советский народ знал, что Гитлеру нужны земли на Востоке, а товарищ Сталин этого не знал? Весь народ понимал замысел Гитлера, а товарищ Сталин не врубился? Может быть, до сталинских ушей та цитата не дошла или он просто ее не понял?

Опять же вопрос: а откуда широкие народные массы эту цитату почерпнули? Не из первоисточника же! До широких народных масс сие гитлеровское откровение донесли наши великие писатели, талантливые актеры, мудрые газетные обозреватели, пропагандисты и агитаторы больших и малых рангов. Одним словом: Агитпроп – Управление агитации и пропаганды ЦК. Может быть, сталинский Агитпроп указаниями товарища Сталина не руководствовался? Может быть, гнул свою линию, на товарища Сталина внимания не обращая? А может быть, вожди, которые рангом пониже, народ об опасности предупреждали... вопреки товарищу Сталину? И вообще: читал ли сам Сталин «Майн кампф»?

- 5 -

Он читал.

Скажу больше: Сталин был самым первым иностранным читателем этой книги. Он был самым большим ее знатоком и ценителем. Первый перевод «Майн кампф» был сделан не на какой-нибудь, а именно на русский язык. По личному приказу Сталина. Как у нас водится, перевод делали без согласия автора. Но гонорар заплатили... правда, не сразу.

Не мог Сталин платить гонорар сразу: в момент выхода «Майн кампф» он был не единственным лидером – вождем в Кремле была целая свора. И вовсе не каждому был понятен смысл гитлеровского творения. А товарищ Сталин все сразу схватил, взвесил и оценил. И вот, передувшив соратников, Сталин воздал должное создателю «Майн кампф». Сталин выплатил гонорар автору любимейшей книги.

Количество изданных в то время на русском языке экземпляров мне неизвестно. На сохранившемся экземпляре тираж не указан. Однако ясно: минимальный. И вот за штучные экземпляры, а возможно, и за один-единственный экземпляр товарищ Сталин щедро заплатил Гитлеру.

Сколько дал? Горсть бриллиантов? Миллион долларов? В то время это было больше, чем сейчас. Килограммовый слиток золота? А может быть, целую тонну? Десять? Сто тонн золота? Да нет же! Разве товарищ Сталин был мелочным? Разве скупость – в его характере? Вовсе нет! Щедрым был товарищ Сталин. Он подарил Гитлеру весь золотой запас Германии вместе с ней самой, с ее городами, дорогами, заводами и портами, музеями и барахолками, вместе с берлинским зверинцем с его лебедями и медведями. Сталин подарил Гитлеру Германию вместе со всем

ее народом: рабочими, крестьянами, трудовой интеллигенцией, вместе с бургомистрами и полицейскими, конвоирами и арестантами, трубочистами, врачами и скрипачами. Сталин подарил Гитлеру власть над Германией. «Без Сталина не было бы Гитлера, не было бы и гестапо» – так в октябре 1936 года Лев Троцкий оценил сталинскую помощь Гитлеру. Не больше и не меньше: без Сталина не было бы Гитлера. Без сталинской помощи Гитлер не пришел бы к власти в Германии.

Но и такого гонорара щедрому Сталину показалось мало, и 23 августа 1939 года Сталин подарил Гитлеру Польшу, а с ней и всю Европу.

А ведь если бы Сталин не оценил «Майн кампф», то политическая карьера Адольфа Гитлера завершилась бы в 1933 году сокрушительным поражением на выборах. А может быть, бесноватый Адольф сломал бы свою лебяжью шею и того раньше.

- 6 -

Теперь постараемся уяснить обстановку в середине 20-х годов. Гитлеровская книга впервые вышла в свет. И вот в Кремле сидит товарищ Сталин, а в Мюнхене, в пивной «Хофбройхауз», – Адольф Шикльгрубер, он же – Гитлер.

Товарищ Сталин – один из вождей Советского Союза, как бы первый среди равных. Но это только кажется. Уже некоторыми подмечено, что товарищ Сталин сосредоточил в своих руках необъятную власть, власть над огромной страной.

А кто такой Шикльгрубер? Архитектор-неудачник. Солдат-фронтовик. Провинциальный революционер. Его заслуги перед революцией пока невелики. Во времена Баварской советской республики Шикльгрубер был всего лишь ефрейтором в местной Красной армии. После разгрома советской республики Гитлер был арестован, но вскоре выпущен, так как его личный вклад в дело торжества мировой коммунистической революции не сочли значительным. Затем красноармеец Шикльгрубер вступил в небольшую пролетарскую партию, которая руководствовалась лозунгом своего идейного отца Готфрида Федерера, призывавшего к мировой революции под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Эту программу Адольф Шикльгрубер принял за фундамент движения, которое сам вскоре возглавил. Партия Гитлера ставила перед собой откровенно коммунистические цели: запрет частной собственности на землю, запрет на продажу земли, конфискация прибылей военных предприятий, рабочий контроль над администрацией заводов и фабрик, национализация крупных предприятий... И вот 8 ноября 1923 года – социалистическая революция в Германии. Революция была организована Коминтерном и приурочена к годовщине захвата власти большевиками в России. Революция откровенно и почти открыто руководилась посланцами Москвы, например одним из лидеров советской военной разведки товарищем Уншлихтом. И хотя революция провалилась, Национал-социалистическая рабочая партия Гитлера показала себя как сплоченный, хотя и небольшой боевой отряд германского рабочего класса. Шикльгрубер лично вел своих боевых товарищей под пули полиции. Некоторые из его сподвижников погибли, сам же Гитлер был ранен и попал в тюрьму.

И вот тут-то он и впал в ересь. Вот тут наметилось отклонение от основных идей марксизма-ленинизма. Гитлер решил отказаться от захвата власти насильственным путем. Его путь к власти – через законные демократические выборы. В тюрьме Гитлер написал книгу, и в ней – те самые слова о землях на Востоке. Ленин и Троцкий считали, что ради всеобщего счастья нужно принести в жертву народ своей собственной страны, а Гитлер считал, что надо поступить как раз наоборот: ради счастья своего народа принести в жертву другие народы, например, завоевать для Германии земли на Востоке с соответствующими последствиями для коренного населения.

- 7 -

Прикинем, что должен делать Вождь мировой революции товарищ Сталин, узнав, что в среде германских социалистов наметился уклон, что бывший красноармеец вышел из подчинения Москвы и гнет свою линию? Казалось бы: истребить такого революционера, да и только. Любой уклон в среде социалистов Сталин давил беспощадно. Но почему он не предпринял ничего для подавления гитлеровского уклона в германском рабочем движении? Гитлеризм можно

было удавить в зародыше. Долго ли: послать в Мюнхен идейного борца с ледорубом... Никто и внимания не обратил бы: один социалист другому череп проломил. Дело привычное. Для всех нас бандиты и есть бандиты. Но бандиты бывают разные, они грызутся между собой и нередко друг друга убивают. Так и среди социалистов. Это для всех нас социалисты – одна масть. А они между собой по каким-то совершенно неприметным нюансам друг друга различают: этот – марксист, этот – гитлеровец, а этот – ленинец. И ломают друг другу черепа. Сколько они сами своих поубивали да искалечили! Сколько один Сталин уклонистов извел! Но почему Гитлера не тронул? А ведь можно было Гитлеру свернуть шею и весь гитлеровский кабак спалить вместе со всеми его обитателями.

Но Сталин поступил иначе.

- 8 -

А еще мог бы Сталин на Гитлера просто внимания не обращать, и тогда, без сталинской помощи, гитлеризм распустился бы пустоцветиком. Не дав кровавых плодов. Но Сталин выбрал третий путь: открытую и всестороннюю помощь Гитлеру. Сталин прорубил Гитлеру дорогу к власти.

В свое время я без особого труда набрал тугую папку доказательств простой мысли Троцкого о том, что без Сталина не было бы Гитлера. И были это не совершенно секретные досье, а всем доступные, на поверхности лежащие факты. Было их так много, и вопили они так пронзительно, что писать книгу не составляло труда: рассортировать вырезки, разбросать по темам, темы пронумеровать, назвав главами, кое-где свое мнение отразить. В «Ледоколе» я обещал читателям такую книгу написать. Оказалось, что этого делать не надо. Такая книга уже есть. Написал ее германский историк Томас Вайнгартнер: «Сталин и возвышение Гитлера. Политика Советского Союза и Коммунистического Интернационала по отношению к Германии». Пока я собирался, Т. Вайнгартнер использовал тот самый метод: не мудрствуя лукаво, не дожидаясь, когда откроют секретные кремлевские архивы, не надеясь на какие-то сенсационные откровения, взял всем известные резолюции конгрессов Коминтерна, протоколы Исполкома этого «штаба Мировой революции», статьи из «Правды» и «Роте фане», напомнил читателям те самые факты, которые коммунистам так хотелось бы забыть. И получилась книга простая и понятная. И возразить коммунистам нечего. Всех желающих отправляю к этой замечательной книге и настоятельно ее рекомендую.

К тому, что уже говорил в свое время Троцкий, что в наши дни опубликовал Вайнгартнер, мне нечего добавить, и повторять известные факты не буду. Без меня доказано, что гитлеровские грезы о землях на Востоке так и остались бы фантазиями мюнхенского мечтателя, если бы не исполинская сталинская помощь.

- 9 -

Каждый, кто знает «Майн кампф» в объеме одной цитаты, упрекает Сталина в близорукости: ведь Гитлер сам написал, что ему нужны земли на Востоке!

Однако Сталин в отличие от Хрущева, Некрича и тысяч других обвинителей читал «Майн кампф» полностью. До самой последней страницы. До корочки.

И вычитал товарищ Сталин, что главную задачу будущей Германии Гитлер видел не в землях на Востоке, об этом в книге одна фраза, а в том, чтобы освободить Германию от оков Версальского договора. Гитлер делил врагов Германии на внутренних и внешних. Враги внутренние – евреи. Враги внешние – французы и те же самые евреи.

А сталинская тактика заключалась в том, чтобы все делать чужими руками, чтобы одних своих врагов уничтожать руками других. «Сталин всегда находил обезьян, которые таскали ему каштаны из самого жаркого огня», – это сказал Роберт Конквест. «Как никто умел он сшибать лбами своих конкурентов, всегда оставаясь в стороне и – над ними», – заметил А. Антонов-Овсеенко. К этому надо добавить, что Сталин был самым верным продолжателем дела Ленина, который учил «руками наших врагов создавать коммунистическое общество» (Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. с. 20).

Только уяснив, в чем заключался сталинский метод борьбы, мы можем понять, чем же

Сталину так понравился мюнхенский мечтатель и его творение «Майн кампф».

Прочитав многое из того, что произносил и писал Сталин, я нашел гневные обвинения против антисемитов, которые, как известно, являются злейшими врагами рабочего класса. В своем ближайшем окружении Сталин держал «группу дрессированных евреев» в составе Мехлиса, Кагановича, Лозовского, Ярославского и других, демонстрируя полное отсутствие националистических и расовых предрассудков. И в то же время... Сталин привел к власти в Германии самого главного антисемита всех времен и народов, который, дорвавшись, осуществлял в Европе «окончательное решение». Сталин же оставался в стороне. И только после войны, когда Гитлер не оправдал его надежд, осуществив «окончательное решение» лишь частично, Сталин был вынужден снять маску и лично заняться этим вопросом.

Вот тут и проступает связь между содержанием «Майн кампф» и всесторонней сталинской поддержкой Гитлеру.

А заявления о землях на Востоке Сталина не особенно пугали. «Майн кампф» – против Франции: «Мы должны до конца понять следующее: самым смертельным врагом германского народа является и будет являться Франция» (Часть 2, глава XIII). И там же: «Злобой дня является для нас не борьба за мировую гегемонию... Франция систематически рвет на части наш народ и планомерно душит нашу независимость... У нас исходят словами и протестами сразу против пяти или даже целого десятка государств и забывают при этом, что нам прежде всего надо сконцентрировать все свои физические и духовные силы, чтобы нанести удар в сердце нашему злейшему противнику... Франция неизбежно будет стремиться к тому, чтобы Германия представляла собой слабое и раздробленное государство... Единственным нашим противником в данное время является Франция – та держава, которая лишает нас даже права на существование».

И далее Гитлер распространялся в том же духе на много страниц и глав.

- 10 -

Земли на Востоке – не ближайшая задача, а перспектива на грядущие века. Этого мнения придерживался не только Гитлер, но все его ближайшее окружение: «Земли надо завоевывать не в Африке, а в Европе, прежде всего на Востоке. Это естественный путь германской внешней политики на столетия вперед» (Rosenberg A. Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik. Munchen, 1927. s. 20).

А разгром Франции для Гитлера – ближайшая задача. Перед тем как захватывать земли на Востоке, Гитлеру следовало обезопасить себя от смертельного врага. Вот вторая причина сталинской любви к «Майн кампф» и ее автору. Сталин знал, что Франция для Гитлера не просто главный враг, но враг смертельный. Сталин понимал, что если Гитлер попытается освободить Германию от французского экономического рабства, от Версальского договора, то немедленно в дело ввяжется Британия, так как не одна Франция Версальский договор Германии навязала, а в союзе с Британией. А если Германия ввяжется в войну против Британии и Франции, то в орбиту войны будут втянуты и другие страны... что Сталину и требовалось.

И не позволяли нам «Майн кампф» читать как раз потому, что из этой книги вовсе не следовало, что Германия пойдет на Восток. В «Майн кампф» есть указание о землях на Востоке, но нет указания на то, когда Германия эти земли должна захватывать. Гитлер писал о землях в 1924 году, но из этого вовсе не следует, что немцам надо немедленно идти на Восток. И про 1941 год там ничего не сказано. Гитлер всего лишь «указывал пальцем» направление. А мыслил он столетиями, иногда – тысячелетиями. Именно так и писал: «Тут нужны столетия. В вопросах колонизации вообще решают не быстрота и натиск, а настойчивость и долгий период» (Часть 1, глава III). И собирался Гитлер строить не какой-либо рейх, а тысячелетний. И даже в той знаменитой, повторенной миллионы раз цитате речь идет о столетиях: «Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше прежнее развитие 600 лет назад».

Но чтобы к этому пункту вернуться, немцам следовало, как учил Гитлер в знаменитой цитате, «приостановить вечное германское стремление на Юг и на Запад Европы...» Вот этого-то Гитлеру и не удалось. Не удалось потому, что в «Майн кампф» заложено непреодолимое противоречие:

- с одной стороны, для того, чтобы идти на Восток, надо остановить движение на Запад;
- с другой стороны, для того, чтобы идти на Восток, надо обеспечить безопасность Герма-

нии от смертельного врага, каким являлась Франция, т.е. надо сначала идти на Запад.

Не надо обладать способностями Сталина – тут любому человеку со средними способностями ясно: Гитлер запутался еще в 1924 году. Он сам себе построил мышеловку. Открыто объявив о своем намерении идти на Восток, он сделал врагами всех, кто восточнее. Любое движение немцев «встреч солнцу» могло идти только через территорию Польши. Поэтому Польша автоматически становилась врагом Гитлера. И не только Польша. Земли на Востоке – понятие туманное. Это заявление могло относиться к кому угодно. Если сосед бахвалится, что намерен вас ограбить, будете ли вы его любить? Одна фраза в книге превращала Гитлера в пугало для всех его восточных соседей. И это никак не свидетельствует в пользу выдающихся умственных способностей бывшего красноармейца. И если во время войны народы некоторых стран поначалу принимали гитлеровцев как освободителей, то это не заслуга Гитлера. Тут срабатывали другие причины.

Нежелательно раскрывать свои политические цели, если они откровенно грабительские. Вовсе не желательно своих соседей объявлять врагами. Но Гитлер не только растрезвонил о стремлении идти на Восток, он и Францию объявил смертельным врагом. Добавив к этому списку еще и евреев, Гитлер взваливал на свой горб ту самую лишнюю соломинку, которая ломает хребет даже верблюду.

Сталин оценил «Майн кампф». Из этой книги явно следовало: появился тот, кто будет воевать против всего мира. Тот, кого будут все ненавидеть. Тот, против кого восстанут все народы. Тот, кому весь мир вынужден будет объявить войну. Вся ненависть мира будет сосредоточена на Гитлере и его последователях. Если Гитлер развяжет войну, то в первую очередь это будет война против кого угодно, но не против Советского Союза. Если Гитлер развяжет войну, то логика борьбы потребует рассредоточения и распыления сил Германии по всему Европейскому континенту и вне его пределов. И каждый, кто выступит против Гитлера, будет считаться освободителем и благодетелем. Это именно то, что требовалось Сталину. Сталин знал: если Гитлер ввяжется в войну против Франции и Британии, то вопрос о землях на Востоке отпадет сам собой.

Так и случилось.

ГЛАВА 5 ПРО СОБАК В БЕЗВОЗДУШНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.

Многие события в истории можно правильно понять только тогда, когда известны характеры лиц, принимавших в них участие.

Генерал-лейтенант Гюнтер Блюментритт. Роковые решения. с. 65

- 1 -

Не буду распространяться о роли личности в истории. Скажу только, что монголы с Чингисханом – одно, а без него – другое. Одно дело – французы с Робеспьером, другое – с Бонапартом. Используя имя владыки и название страны, мы в двух словах описываем целую эпоху: рейгановская Америка, николаевская Россия, кайзеровская Германия.

Спорить не будем: без Гитлера Германия была бы совсем другим государством, как и Советский Союз – без Сталина. Потому, коль скоро речь зашла о том, кто лучше был готов к войне, есть смысл обратить наш взгляд на Сталина и Гитлера, ибо от этих двух людей так много зависело.

Прежде всего оценим умение слушать, ибо умеющий слушать всегда сильнее не умеющего и всегда его побеждает. Это даже не умение, а талант. Одна только способность – дар, если хотите, – выслушать собеседника выводит человека в разряд выдающихся личностей, так как среди двуногих обитателей планеты Земля это умение встречается крайне редко.

Свидетельствует Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов: «Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом... Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать своего отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раз-

давалась короткая реплика, порой поворачивающая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло» (Во имя победы. М.: Воениздат, 1988. с. 91).

Таких описаний я могу привести еще два десятка: именно так рассказывали о Сталине Черчилль, посланец Рузвельта Гопкинс, гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп, так описывают Сталина маршалы, генералы и министры.

Великий Макиавелли рекомендовал государям говорить как можно меньше. Сталин эту рекомендацию выполнял. Он внимательно слушал и молчал как сфинкс в песках. А уж если говорил, то слов на ветер не бросал. «Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, четко, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их» (Устинов. с. 92). А о Гитлере рассказывают как раз противоположное. Гитлер не умел и не хотел никого слушать. Гитлер говорил сам. Сталин пришел к власти как молчаливый конспиратор, Гитлер – как горластый оратор. Но болтливость противопоказана диктатору. Получив власть, Гитлер должен был подавить свое стремление произносить речи. Он должен был превратиться в молчаливого фюрера, который внимательно прислушивается к тому, что говорят вокруг. Но этого не случилось.

«Гитлер неистощим в речах. Говорение – стихия его существования» (Otto Dietrich. 12 Jahre mit Hitler. Munchen, 1955. s. 159-160).

Министр вооружений и боеприпасов А. Шпеер добавляет: «Он говорил без умолку, словно преступник, желающий выговориться и готовый, не страшась опасных для себя последствий, выдать даже прокурору свои самые сокровенные тайны» (Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. с. 418).

Генерал-полковник Курт Цейтцлер: «Как только я прибыл в ставку, Гитлер по своему обыкновению обратился ко мне с многочасовым монологом. Невозможно было перебить его речь» (Роковые решения. М.: Воениздат, 1958. с. 155).

«Зимой 1943 года Рундштедт попытался доложить Гитлеру о действительном положении, сложившемся тогда на Западе, но только потерял время. Беседа в Оберзальцберге, продолжавшаяся 3 часа, на две трети состояла из речи Гитлера, высказывавшего свои взгляды на положение на Восточном фронте, и на одну треть из чаепития, когда официальные разговоры запрещались. Легко представить, что Рундштедт едва усидел в кресле от поднимавшегося в нем бешенства» (Там же. с. 220).

Спустя несколько месяцев фельдмаршалы Роммель и Рундштедт настояли на встрече с Гитлером. «К фельдмаршалам отнеслись с заметным „холодком“ и несколько часов заставили их ждать. Наконец, приняв их, Гитлер прочитал им длинейший монолог относительно результатов, ожидаемых от нового «чудодейственного оружия» (Там же. с. 236).

Болтливость Гитлера не знала границ и пределов. Каждую ночь он собирал окружающих: стенографисток, министров, машинисток, генералов, секретарш, гауляйтеров, водителей и адъютантов, рассаживал их вокруг стола якобы на ужин и начинал говорить. Он говорил и говорил. До трех часов ночи, до четырех. Он говорил обо всем: об истории и экономике, о климате и религии, о том, как сделать свою овчарку Блонди вегетарианкой, о том, что предками германцев были греки (в другой раз – викинги), о том, что думает женщина, чего ей хочется и чего ей не хватает, о производстве стали и бумаги, о качествах одеколона и еще – о себе, о себе, о себе. «Гитлер зачастую производил впечатление крайне неуравновешенного человека. Гости под утро уже чуть не засыпали, и только чувство вежливости и долга заставляло их приходить на эти чаепития. После долгих, утомительных заседаний монотонный голос Гитлера действовал на нас усыпляюще. У нас буквально слипались веки» (Шпеер. с. 408).

Эти насильственные проповеди были тяжелой мукой для гитлеровского окружения. Машинистки, секретарши и стенографистки устанавливали между собой очередь, кому в какую ночь идти слушать гитлеровские речи. Отбывание этой повинности считалось чем-то вроде тяжелого ночного дежурства. Среди этих женщин иногда прямо в присутствии Гитлера возникали перебранки типа: «Я тут третью ночь тут высидиваю, а кто-то там вне очереди отсыпается».

Интересно посмотреть на Сталина и Гитлера в момент, когда они принимают гостей.

Свидетельствует министр иностранных дел гитлеровской Германии И. фон Риббентроп: «Затем заговорил Сталин. Кратко, точно, без лишних слов. То, что он говорил, было ясно и не-

двусмысленно... Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, – человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде» (Между Лондоном и Москвой. М.: Мысль, 1996. с. 141-143). Далее – о широте души, щедрости, радушии и гостеприимстве Сталина. Вернувшись в Берлин, очарованный Риббентроп рассказывал, что чувствовал себя в Кремле «как среди старых партийных товарищей».

А вот как гостей принимает Гитлер. Будучи вегетарианцем, всех, кто в рядах вегетарианцев не состоял, он считал трупоедами, так их и называл за своим столом и всячески старался испортить им аппетит. Впрочем, те, кто не ел мяса, но ел рыбу, были тоже Гитлеру омерзительны, и он этого не скрывал. «Когда приносили вареных раков, он принимался рассказывать о том, как в одной из деревень умерла старуха и родственники сбросили ее труп в ручей, чтобы таким образом наловить побольше раков. Если же он видел жареных угрей, то как бы между прочим замечал, что лучше всего эти рыбы клюют на дохлую кошку» (Шпеер. с. 412).

Приятного аппетита, дорогие гости!

О личной жизни Сталина мы знаем мало. Но одна деталь делает его непохожим на Гитлера, Ежова и Ленина. У Сталина было два сына и дочь. Это свидетельство того, что в половом отношении он был нормальным человеком. А Гитлер, Ленин и Ежов – педерасты. Берлинский психиатр доктор Артур Кронфельд имел возможность наблюдать Гитлера с предельно близкой дистанции: «Как многие резко выраженные психопатические личности, Гитлер ненормален в половом отношении. Можно считать установленным, что чувство любви к женщине ему недоступно. В прошлом он был в половой связи с Гейнесом и Эрнстом. Оба были убиты по приказу рейхсканцлера 30 июня 1934 года».

В окружении Гитлера (как и в окружении Ленина) – больше половины педерастов. Он таких себе и подбирал. А причина уничтожения главы СА Э. Рема и его любовного окружения не в том, что они были педерастами, а в том, что они из этого не делали секрета. Гитлер их уничтожил для того, чтобы все думали, что сам он не из того же круга.

- 3 -

Приступ гнева – лучший момент изучения личности. Во гнев характер раскрывается полностью. Ярость – это взрыв. Взрыв сопровождается пламенем, которое высвечивает самые темные закоулки души. Главное при изучении личности – установить частоту, глубину и продолжительность приступов гнева.

Гитлера не зря звали бесноватым. И не зря специалисты считали его ярко выраженным психопатом – уж слишком часто он впадал в ярость. Приступы гнева у него перерастали в истерические припадки.

Слово Шпееру: «От всего услышанного Гитлер разнервничался, настроение его явно испортилось. И хотя он еще не сказал ни слова, это было заметно по тому, как изменилось выражение его лица, как он судорожно сжимает и разжимает кулаки, грызет ногти. Чувствовалось, что в нем нарастает внутреннее напряжение... Гитлер больше не владел собой. Его лицо покрылось красными пятнами, он уставился невидящими глазами куда-то в пустоту и заорал во все горло: „Проведение каких-либо оперативных мероприятий является исключительно моей прерогативой! Вас это никак не касается! Ваше дело – производство вооружения, вот и занимайтесь им!“... Фюрер окончательно утратил самообладание, речь его была сбивчива, он буквально захлебывался в потоке слов» (Шпеер. с. 543).

«Я вдруг услышал нечленораздельный, почти звериный вопль» (Там же. с. 250).

«Даже для совершенно не сведущего в военном деле человека было ясно, что наше наступление выдохлось. И тут вдруг в ставку поступило сообщение о том, что подразделение германских горных стрелков взобралось на окруженную ледниками самую высокую гору Кавказа Эльбрус – его высота составляет 5600 метров – и водрузило на ней имперский военный флаг. В

сущности, это была чистой воды авантюра, которая никак не могла отразиться на ходе военных действий. Мы все полагали, что вообще не стоит предавать безумной выходке альпинистов-фанатиков большое значение. Реакция Гитлера была совершенно иной. Мне нередко приходилось видеть, как Гитлер гневается, но никогда не думал, что он способен настолько потерять самообладание. Несколько часов он кричал и бился в истерике, словно этот эпизод поставил под угрозу весь стратегический план Восточной кампании. Даже через неделю он никак не мог успокоиться и проклинал „этих сумасшедших альпинистов, которых следовало бы отдать под трибунал“. Он говорил, что этих идиотов обуяло честолюбие и они полезли на эту дурацкую вершину, хотя он недвусмысленно приказал бросить все силы на Сухуми» (Там же. с. 331).

«Ярость обрушивалась в виде урагана слов. В такие моменты он отметал любые возражения простым усилением голоса. Подобные сцены могли быть вызваны как большими, так и совсем ничтожными событиями. Однажды в Оберзальцберге я наблюдал, как его собака Блонди отказалась повиноваться приказу. Кровь бросилась в лицо Гитлера, и, несмотря на огромную толпу присутствующих, он начал бешено орать на одного из своих помощников, оказавшегося рядом с ним. Без всякого объяснения, не обращая внимания на удивление толпы, он обрушил на него поток гневных слов» (О. Дитрих. с. 213).

Хорошо известно замечание Геринга: «Адольф – вегетарианец, но мы не знали, что кроме салата вегетарианцы пожирают ковры». Дело было в 1933 году, Гитлер поругался с Отто Штрассером и изливал свою ярость поросычьим визгом, воплями и оскорблял всех окружающих. Гитлер бегал по комнатам, ломал мебель, бил зеркала и стекла, швырял в окружающих тяжелые предметы, катался по полу и грыз ковер.

Вот что писал генерал Гудериан об эпизоде, когда в ходе войны прибыл к Гитлеру на доклад: «Гитлер, с покрасневшим от гнева лицом, с поднятыми кулаками, стоял передо мной, трясясь от ярости всем телом и совершенно утратив самообладание. После каждой вспышки гнева он начинал бегать взад и вперед, останавливался передо мной, почти вплотную лицом к лицу, и бросал мне очередной упрек. При этом он так кричал, что глаза его вылезали из орбит, вены на висках синели и вздувались» (Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1998. с. 572)

- 4 -

Та же ситуация, но не в Берлине, а в Москве. Случилось вот что. В мае 1942 года войска Крымского фронта готовились к наступлению. По приказу командующего фронтом генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова массы танков, артиллерии и пехоты были собраны на предельно узких участках фронта – по 800 метров на дивизию, т.е. меньше километра на 10-12 тысяч человек с артиллерией, танками, полевыми складами, средствами усиления, госпиталями и прочим. Немцы нанесли упреждающий удар, он был сокрушительным и для советских войск катастрофическим. Советских войск было собрано так много, и стояли они так густо, что промахнуться было невозможно. Каждый немецкий снаряд, куда бы он ни упал, нес смерть и разрушение. Так как готовилось советское наступление, командные пункты фронта, армий, корпусов, дивизий, бригад и полков, многочисленные узлы связи были максимально приближены к переднему краю, потому они попали под удар, и советские войска остались без управления. Запасы боеприпасов, топлива, запчастей были выдвинуты вперед, все это оказалось под огнем и не могло быть использовано советскими войсками. В связи с тем, что советские войска готовились к наступлению, минные поля и проволочные заграждения были сняты и противник шел вперед беспрепятственно. Одним словом, повторился 1941 год, но только в меньшем масштабе.

Сталин приказал отстранить от должности командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Козлова и вызвал его в Москву.

Итак, Москва, Кремль, сталинский кабинет. В кабинете на приеме у Сталина генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. Он идет на повышение: был командующим 16-й армией, будет командующим Брянским фронтом.

«Когда Рокоссовский уже собирался попрощаться, вошел Поскребышев и сказал, что прибыл и ждет приема Козлов. Сталин сначала было простился с Рокоссовским, а потом вдруг задержал его и сказал: – Подождите немного, тут у меня будет один разговор, может быть, интересный для вас. Побудьте.

И обращаясь к Поскребышеву, сказал, чтобы вызвали Козлова.

Козлов вошел. И хотя это было очень скоро после керченской катастрофы, все это было очень свежо в памяти, Сталин встретил его совершенно спокойно, ничем не показал ни гнева, ни неприязни. Поздоровался за руку» (свидетельство Адмирала флота Советского Союза И. С. Исакова. «Знамя». 1988. No 3. с. 72).

Далее у Сталина – спокойный разговор с Козловым, без криков и воплей, без выпученных глаз и посиневших вен. Сталин указал Козлову на ошибки и назначил – с понижением – командующим 24-й армией. Вот и все. Через несколько месяцев Козлов поднимется до заместителя командующего фронтом, и даже – до представителя Ставки ВГК на Ленинградском фронте.

Так Сталин выражал свой гнев.

А вот как выглядел настоящий взрыв вулканической сталинской ярости в ситуации, когда ему публично нанесли персональное оскорбление.

Предыстория такова: начиная с 1939 года готовится внезапный всеокрушающий удар по Германии. План прост: обеспечить себе господство в воздухе неожиданным ударом по вражеской авиации на земле, задавить германскую авиацию на спящих аэродромах. Для таких действий не нужен высший пилотаж, а нужно иметь много самолетов и внезапно сбросить побольше бомб на стоянки вражеских истребителей и бомбардировщиков, на склады топлива и боеприпасов, на узлы связи и командные пункты. Предполагалось, что при таком раскладе воздушные бои будут попросту исключены. И прозвучал знаменитый лозунг генерал-лейтенанта авиации Павла Рычагова: «Не будем фигурировать!» – т.е. не будем учить молодых летчиков умению вести воздушный бой и высшему пилотажу, который для воздушного боя необходим. Будем готовить летчиков десятками тысяч по небывалой трехмесячной программе – «взлет-посадка». Разница с японскими смертниками – их надо было учить только взлетать и следовать по курсу, а посадку на учебных полетах совершал опытный инструктор. Кроме того, у них добровольцы, а у нас летные училища по приказу Рычагова комплектовали принудительными наборами.

Подготовить летчика за три месяца нельзя. Тем более – насильно. Естественно, соколики гробились в изрядных количествах. Ссылки на то, что самолеты были плохими, – чепуха. Посадите сто тысяч силой загнанных в казармы юнцов любой национальности на самые лучшие самолеты и готовьте их три месяца, посмотрим, что получится. Тут дело не в самолетах. Рычагову следовало пенять не на плохие самолеты, а на свою дурь. Следовало сократить число будущих летчиков (в одном только 1941 году планировалось выпустить 150 000 пилотов) и за счет сокращения числа новых летчиков следовало увеличить сроки обучения хотя бы до шести месяцев. Но Рычагов упорно стоял на своем: моя линия правильная, а бьются они оттого, что самолеты плохие.

И вот совещание в Кремле о причинах высокой аварийности в авиации. Свидетель тот же – Адмирал флота Советского Союза И. С. Исаков. «Давались то те, то другие объяснения аварийности, пока не дошла очередь до командовавшего тогда Военно-воздушными силами Рычагова. Он был, кажется, генерал-лейтенантом, вообще был молод, а уж выглядел совершенным мальчишкой по внешности. И вот когда до него дошла очередь, он вдруг говорит:

– Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах.

Это было совершенно неожиданно, он покраснел, сорвался, наступила абсолютная гробовая тишина. Стоял только Рычагов, еще не отошедший после своего выкрика, багровый и взволнованный, и в нескольких шагах от него стоял Сталин. Вообще-то он ходил, но, когда Рычагов сказал это, Сталин остановился.

Скажу свое мнение. Говорить это в такой форме на Военном совете не следовало. Сталин много усилий отдавал авиации, много ею занимался и разбирался в связанных с ней вопросах довольно основательно, во всяком случае, куда более основательно, чем большинство людей, возглавлявших в то время Наркомат обороны. Он гораздо лучше знал авиацию. Несомненно, эта реплика Рычагова в такой форме прозвучала для него личным оскорблением, и это все понимали.

Сталин остановился и молчал. Все ждали, что будет.

Он постоял, потом пошел мимо стола, в том же направлении, в каком и шел. Дошел до конца, повернулся, прошел всю комнату назад в полной тишине, снова повернулся и, вынув трубку изо рта, сказал медленно и тихо, не повышая голоса:

– Вы не должны были так сказать!

И пошел опять. Опять дошел до конца, повернулся снова, прошел всю комнату, опять по-

вернулся и остановился почти на том же самом месте, что и в первый раз, снова сказал тем же низким спокойным голосом:

– Вы не должны были так сказать. – И, сделав крошечную паузу, добавил:

– Заседание закрывается.

И первым вышел из комнаты.

Все стали собирать свои папки, портфели, ушли, ожидая, что будет дальше.

Ни завтра, ни послезавтра, ни через два дня, ни через три ничего не было. А через неделю Рычагов был арестован и исчез навсегда.

Вот так это происходило. Вот так выглядела вспышка гнева у Сталина.

Когда я сказал, что видел Сталина во гневе только несколько раз, надо учесть, что он умел прятать свои чувства, и умел это очень хорошо. Для этого у него были давно выработанные навыки. Он ходил, отворачивался, смотрел в пол, курил трубку, возился с ней... Все это были средства для того, чтобы сдерживать себя, не проявить своих чувств, не выдать их» («Знамя». 1988. No 3. с. 73).

Казалось бы, горячий кавказский человек, ему бы бить зеркала, ковры грызть и метать в своих генералов чугунные головы Маркса и Ленина. Но нет – сдерживался.

Адмирал Исаков ошибся в одном: Рычагов действительно пропал, но не потому, что был через неделю арестован. 8 апреля 1941 года Сталин снял Рычагова с должности и направил учиться в Академию Генерального штаба. Это горячему Рычагову должно было помочь. Арестован же Рычагов был 24 июня совсем по другому делу. Расстрелян без суда 28 октября 1941 года.

- 5 -

Важно знать, что люди говорят о себе. Для оценки личности это бесценный материал.

Сталин мог бы придумать себе любое звание и любую должность. Но его главная должность – секретарь.

Официально именовалась – Генеральный секретарь, но Сталин обходился одним сереньким словом, ставя себя на уровень других секретарей партии. А письма дочери подписывал и того лучше: секретаришка.

А вот Гитлер – о себе.

Гудериану: «Поверьте мне! Я являюсь самым крупным инженером-строителем укреплений всех времен» (Воспоминания солдата. с. 448).

А вот в теплом кругу адъютантов, машинисток, стенографисток 27 февраля 1942 года, сразу после разгрома германских войск под Москвой: «Я себя превосходно чувствую в обществе великих исторических героев, к которым сам принадлежу. На том Олимпе, на который я восхожу, восседают блистательные умы всех времен».

Вообще-то Олимп – обиталище богов. Вот куда бесноватого заносило.

10 марта 1942 года: «Моя мать была простой женщиной, но она подарила немецкому народу великого сына».

Ни дать ни взять – мадонна с младенцем.

И тут же «великий сын немецкого народа» о своих увлечениях: «Я никогда не читаю романов и почти никогда не читаю в газетах литературных разделов».

Великий сын германского народа – не читатель. Он – писатель.

11 марта 1942 года: «Убежден, что если бы я курил, то никогда бы не смог вынести все эти тяжкие заботы, которые уже долгое время гнетут меня. Может быть, это и спасло немецкий народ».

Вот разорвал бы Адольф папиросу «Герцеговина Флор», набил табаком трубку, закурил бы, и – все, не вынес бы тяжких забот, и германскому народу – конец. А так – спасение.

Обратим внимание на близость дат гитлеровских высказываний. Отрезок времени – меньше двух недель, за это время три официально зарегистрированных одним только Генри Ликером признания Гитлера в собственном величии.

Любой желающий может собрать куда более возвышенные и частые заявления Гитлера о своих выдающихся способностях. В мире множество людей, которые считают себя великими. Но рассказывать окружающим о своем величии – признак тяжелой умственной ущербности.

Сталина тоже называли гением. Но он не делал этого сам и не позволял никому, когда

находился в узком кругу. Гений – для широких народных масс, но не в служебном кабинете.

А в окружении Гитлера тема о величии была постоянной в разговорах. Пикер фиксирует события в ночь с 19 на 20 апреля 1942 года: «Офицер Генерального штаба, представлявший в ставке фюрера военно-исторический отдел ОКВ, полковник Шерф, дарит всем книгу „Гений как он есть“ – сборник цитат о сущности гения, явный намек на Гитлера».

И снова не знаешь, чему удивляться. Зачем в ставке фюрера иметь представителя от военно-исторического отдела Главного командования Вермахта? Неужели ставке Верховного главнокомандующего во время жесточайшей из войн есть время заниматься написанием книг о гениях?

10 мая 1942 года: «За обедом шеф в ответ на реплику о том, что все же очень редко встречаются люди, призванные совершить когда-нибудь в своей жизни великие дела, заявил: из таких людей лишь в Моцарте еще в раннем детстве распознали великий талант. Но все равно их жизненный путь предначертан судьбой, и она когда-нибудь призовет их показать свою силу. Каким зажатым он чувствовал себя в Вене, хотя уже обладал в достаточной степени обширными знаниями в самых различных областях». Это стандартная завязка: дежурный лизоблюд за гитлеровским столом невзначай бросает реплику о том, что гении так редко встречаются... Это выстрел в десятку. Прямо в яблочко. И бесноватый заводится: первая фраза о Моцарте, в котором в детстве гения распознали, а вторая – о себе любимом, в котором не распознали. И в юности в Вене ему было так тяжело: он уже знаниями перегружен в самых невероятных областях, а в нем никак гения рассмотреть не могут. До чего же трудно ему было в ту пору!

Далее – весь вечер монолог о том, что тупому школьному учителю гения и не понять, и не увидеть. «Гения может распознать только гений...»

- 6 -

Но и сам факт, что сотни подобных высказываний Гитлера сохранены для истории, говорит о многом. Весь его бред постоянно фиксировался секретарями и стенографистками. Ни одно его высказывание не должно было пропасть для потомков, потому его речь записывали не менее двух стенографисток одновременно. Такой порядок мог установить только тот, кто не сомневается ни на мгновение в своем исполинском превосходстве над окружающими. Так же поступал и вождь Мировой революции Григорий Зиновьев, окружив себя смазливymi мордашками, которые записывали его бесценные указания. Так вел себя и Гитлер.

Но одних только личных стенографисток Гитлеру оказалось мало. «Стремясь доказать будущим поколениям, что всегда отдавал верные приказы, Гитлер еще поздней осенью 1942 года распорядился вызвать в ставку присяжных стенографов рейхстага, которые теперь присутствовали на всех оперативных совещаниях и записывали каждое слово.

Если Гитлеру казалось, что найден выход из затруднительного положения, он иногда произносил такие слова: «Вот видите! Я всегда оказываюсь прав. А эти идиоты из Генштаба никак не хотят мне поверить». И даже если отступление превращалось в беспорядочное бегство, он все равно ликующим голосом заявлял: «А разве я три дня назад не приказывал начать отступление? Мой приказ опять не выполнен. Вообще мои приказы сплошь и рядом не выполняются, а вы всегда находите отговорки и играете русским на руку. Вы лжете, когда утверждаете, что русские помешали осуществить ту или иную операцию». Гитлер никак не желал признать, что его поражение в первую очередь объясняется неспособностью Германии воевать сразу на нескольких фронтах и что в этом безвыходном положении мы оказались исключительно по его вине.

Неожиданно окунувшиеся в атмосферу сумасшедшего дома стенографы, возможно, еще несколько месяцев назад идеализировали Гитлера и верили утверждениям Геббельса о том, что фюрер наделен гениальным умом. Теперь же им пришлось спуститься с небес на землю. До сих пор у меня перед глазами стоит следующая картина: стенографы с бледными, понурыми лицами ведут протокол заседаний или в свободное время нервно расхаживают взад-вперед по территории ставки. Я воспринимал их как посланцев народа, обреченных стать непосредственными свидетелями настоящей трагедии» (Шпеер. с. 418-419).

- 7 -

Помимо личных стенографисток и присяжных стенографов Рейхстага гениальные речи Гитлера постоянно фиксировались «полномочными военными историками фюрера» (минимум один из которых работал на сталинскую разведку).

Заместитель Гитлера по партии Мартин Борман «записывал все высказывания Гитлера, которые представлялись ему важными» (Шпеер. с. 149). Кроме того, речи Гитлера записывались его прихлебателем Генри Пикером. И того, что записано всего за полтора года одним только Пикером, хватит, чтобы смешить многие грядущие поколения. В ночь с 25 на 26 января 1942 года «великий сын германского народа» рассказывал обалдевшим обожателям вот что: «Возможно, когда-то, за 10 000 лет до нашей эры, произошло столкновение с Луной. Не исключено, что Земля вынудила тогда Луну вращаться на ее теперешней орбите. Возможно, наша Земля забрала ее атмосферу и это полностью изменило условия жизни на Земле. Я допускаю, что здесь тогда обитали существа, которые могли жить на любой высоте и глубине, ибо атмосферное давление отсутствовало. Допускаю также, что Земля разверзлась и хлынувшая в кратеры вода вызвала страшные извержения и потоки дождей. Спастились могли только двое людей, так как они укрылись высоко в горах в пещере».

Не знаю, что вас больше удивляет в этом откровении. Мне понравилась хронологическая точность: 10 000 лет до нашей эры. Откуда уверенность, что именно 10 000 лет? Почему не 20? А еще мне понравились существа, которые жили на любой глубине и высоте, ибо атмосферы не было. Бедные существа жили в безвоздушном пространстве и не дышали. Спастились (по Гитлеру) могли только двое людей. Вопрос: почему не предположить, что трое? Или четверо? Бедные люди до столкновения с Луной или вообще легких не имели, или же имели, но не пользовались ими, так как воздуха не было. А после столкновения вздохнули с облегчением и с той поры дышат.

В этом же монологе Гитлер далее сообщает: «Собака – древнейшее домашнее животное. Вот уже 30 000 лет она живет рядом с человеком». Из этого следует, что до столкновения с Луной, которое, как мы теперь знаем, случилось за 10 000 лет до новой эры, собаки, как и люди, жили в безвоздушном пространстве. И если не было атмосферы, то температура (хотел написать – воздуха) безвоздушного пространства была даже ниже, чем под Сталинградом в декабре 1942 года. Знать, замерзли бедные песики за долгие тысячелетия.

«Застольные разговоры Гитлера», записанные Генри Пикером, переполнены еще и не такими пенками. Мудрость из «великого сына» выпирала. 10 мая 1942 года он рассказывал о том, что главой ГПУ Советского Союза в данный момент является Георгий Димитров. В то время никакого ГПУ уже не существовало, к тому же болгарский коммунист Димитров его никогда не возглавлял. А Гитлер, перескакивая с темы на тему, рекомендует выращивать крапиву вместо хлопка. Он выдвигает идею строить железнодорожные линии с шириной колеи не полтора метра, а четыре. Не надо быть инженером-путейцем, чтобы оценить глубину глупости такого начинания. Надо просто прикинуть длину и толщину шпал, толщину и вес рельсов, ширину и грузоподъемность мостов, высоту тоннелей. Одно дело – строить такую магистраль в степи (но зачем она там нужна?), а другое – в густонаселенной Европе с ее многочисленными городами, реками, горами, подъемами, спусками, дамбами и насыпями. Стоит всего лишь прикинуть изгиб такой дороги и рассчитать радиус, и глупость высветится сама собой. Эксперты сразу сказали Гитлеру, что если нечто подобное и будет построено, то все равно никогда себя не окупит. Но Гитлер с верблужьим упорством требовал разработки подробных проектов, сам чертил планы трехэтажных пассажирских вагонов с великолепными интерьерами, застекленными обзорными площадками, с фонтанами и оранжереями... Как на «Титанике».

Хочешь быть фантастом, будь им. Но ты же глава государства, которое ведет войну не на жизнь, а на смерть. Если нечем заняться, рисуй вагончики, коридоры, купе и лесенки, только людей от дела не отрывай.

Так если бы только вагончики... Он еще и архитектурой бредил. Он жил в мире игрушечных домиков. Он был поглощен все новыми и новыми проектами. Коридоры и залы его канцелярии, резиденций, командных пунктов и убежищ были заставлены макетами зданий. Когда над бомбоубежищами Берлина уже грохотали советские танки, он вносил новые изменения в проект центральной берлинской магистрали, на которой собирался принимать парад победы...

Его голова была генератором гениальных идей. В ночь на 10 марта 1942 года Гитлер озарил окружающих открытием: «Без мужчин женщины бы пропали». Мысль правильная. Тут не

возразишь. И сколько ни мудрствуй, сам до такого не додумаешься.

Гитлеровская мудрость производила на его ближайшее окружение магическое действие. Восхищенный Генри Пикер не только записывает величайшие откровения Гитлера, но и высказывает свое к ним отношение. Вот запись 28 марта 1942 года: «Мысли фюрера, высказываемые им в застольных монологах, часто настолько выдающиеся и облечены в такую словесную форму, что их не колеблясь можно отдавать в печать. Все время видишь, как глубоко осмысливает он со своей точки зрения все встающие перед ним проблемы и как хорошо продуман вывод, к которому он приходит. Загадка его колдовской силы объясняется в основном тем, что он, постоянно занимаясь политическими и военными вопросами, успел всесторонне их обдумать, прежде чем к ним подошел его слушатель.

На наших доморощенных гитлеровцев выдающиеся мысли про собак в безвоздушном пространстве производят не менее потрясающее воздействие. Валерий Скурлатов (Российское возрождение. 1991. Январь. с. 2) объявил, что Сталин «уступал Гитлеру умом и характером». Согласимся: Сталин не грыз ковров и тем доказал слабость характера, а своим скудным умишком он не дошел, да и не мог дойти, до великой мысли о том, что без мужчин женщины пропали бы.

О величии Гитлера, о его уме и характере четко и точно сказал Гудериан; «Но пусть врачи займутся этим делом. Германскому народу следует только знать, что человек, стоявший во главе его, человек, которому народ так доверял, как ни один народ не доверял никогда ни одному вождю, был больным человеком» (Воспоминания солдата. с. 614).

ГЛАВА 6 ПУНКТ ПЕРВЫЙ: ФЮРЕР ВСЕГДА ПРАВ.

Как правило, гауляйтеры работали отдельно от правительственных президентов, обер-президентов провинций и премьер-министров земель. Стало быть, государство фюрера, к которому стремились и которое пропагандировалось Гитлером и его партийной программой, фактически не существовало.

Более того, как раз в области государственного управления господствовала становившаяся все более опасной анархия, которая все большие и большие увеличивалась назначением многочисленных рейхскомиссаров, генеральных уполномоченных, особых уполномоченных и т.д.

Генерал-полковник Г. Гудериан. Воспоминания солдата. с. 624

- 1 -

Гитлер не только говорил, но и писал о своей гениальной непогрешимости. Он лично сформулировал заповеди членов НСДАП, среди которых была и такая: ФЮРЕР ВСЕГДА ПРАВ.

У нас такие заявления – в разряде пошлого казарменного юмора. И если члены нацистской партии, читая это, не кувыркались от смеха, если подчинялись тому, кто всегда прав, значит, уровень их был такой же, как и у «великого сына германского народа». А может быть, и ниже.

Посмотрим же, как Гитлер и Сталин принимают решения и как эти решения выполняются. За сталинским умением толково вести совещания, деловые встречи и переговоры стоял простой секрет: он к ним готовился. Перед любой встречей с министрами, генералами, конструкторами вооружения, главарями тайной полиции, секретарями обкомов и крайкомов, партизанскими вожаками, дипломатами, представителями иностранных государств, разведчиками, директорами предприятий Сталин собирал необходимые сведения и их изучал.

«У него был свой метод овладения конкретным материалом. Перед началом подготовки той или иной операции, перед вызовом командующих фронтами он заранее встречался с небольшими офицерами Генерального штаба – майорами, подполковниками, наблюдавшими за соответствующими оперативными направлениями. Он вызывал их одного за другим на доклад, работал с ними по полтора-два часа, уточнял с каждым обстановку, разбирался в ней и ко времени своей встречи с командующими фронтами, ко времени постановки им новых задач оказывался настолько хорошо подготовленным, что порой удивлял их своей осведомленностью... Пожалуй, пользуясь таким методом, он порой любил подчеркнуть перед ними свое знание обстановки. Но все же главное состояло в том, что его осведомленность была не показной, а действительной, и

его предварительная работа с небольшими офицерами Генерального штаба для уточнения обстановки перед принятием решений была работой в высшей степени разумной» (Маршал Советского Союза Жуков. ВИЖ. 1987. № 10).

О том, как Сталин знал обстановку и как требовал этого знания от подчиненных, рассказывал генерал армии С. П. Иванов. В 1942 году он был полковником, начальником оперативного управления штаба Юго-Западного фронта. Готовится Сталинградская стратегическая наступательная операция. Командующий фронтом болен. Тогда ехать надо начальнику штаба фронта, но назначен новый начальник штаба, и он еще не прибыл. Во все планы посвящены только три человека. Третий – начальник оперативного управления штаба фронта полковник С. П. Иванов. Вот его Сталин и вызвал к себе. Самолетом – в Москву, с аэродрома – прямо в сталинский кабинет. На обсуждение обстановки – 30 минут. Эти минуты были использованы с предельной интенсивностью. Сталин выступал в роли противника, загонял бедного полковника в безвыходные ситуации и требовал немедленных, правильных и точных решений. В моменты особого предельного напряжения организм человека автоматически включает системы защиты. У разных людей в разных ситуациях это проявляется по-своему. В данном случае организм полковника отвечал мощным подъемом температуры тела и необычно интенсивным выделением пота. Гимнастерка на нем вымокла так, словно ее полоскали в реке.

Полковник отбилсь. Немедленно из сталинского кабинета – на Центральный аэродром, и – в район Сталинграда. В самолете на Иванова навалилась неизбежная после такого напряжения сонливость. А командиру корабля на борт радиограмма: разбудите пассажира и поздравьте с присвоением воинского звания – генерал-майор. И – соответствующая подпись.

- 2 -

Процесс принятия сталинских решений слагался из двух элементов:

- во-первых, он предварительно изучал вопрос;
- во-вторых, на совещаниях давал высказаться всем, внимательно слушал, отбирал ценное и важное и поворачивал обсуждение в нужное, единственно правильное русло.

У Гитлера – наоборот. Прежде всего он отказывался изучать обстановку. Он ее игнорировал.

«Он со свойственной ему манерой божьего художника презирал трудовую дисциплину и не мог, а то и не желал принудить себя к планомерной работе... Собственно день у него начинался с продолжительного обеда» (Шпеер. с. 140).

«Гитлер демонстрировал поразительное незнание истинного положения вещей» (Там же. с. 409).

«Неверная оценка Гитлером ситуации приняла уже совершенно абсурдный характер» (Там же. с. 555).

«Гитлер с большим недоверием относился к всевозможным математическим расчетам... Фюрер с презрением отозвался о вышедшем из-под пера начальника главного управления военной экономики Георга Томаса меморандуме, ибо генерал необычайно высоко оценил советский военный потенциал. Томасу, как и ОКВ, немедленно было запрещено заниматься этой темой» (Там же. с. 414).

Гитлер не только не знает и не желает знать реальную обстановку, он не только как страус австралийский прячет голову в песок от грозной опасности, но еще и запрещает подчиненным вникать в обстановку и ее изучать.

Чтобы решать, нужно знать. Как же принимать решения, не зная обстановки? Для нас это невозможно, но в гитлеровской Германии было все возможно. Гитлер принимал решения не на основе изучения и оценки ситуации, а просто так, не тратя времени на размышления. «Ни у кого из присутствующих на оперативных совещаниях не вызывала возмущения манера Гитлера принимать решения по наитию. Он не брал в расчет ни анализа военного положения, ни потребностей войск в боевой технике, обмундировании и продовольствии и никогда не поручал группам экспертов со всех сторон рассмотреть наши наступательные планы, а также возможные контрмеры противника» (Там же. с. 415).

- 3 -

Разница: Сталин принимает решения в узком кругу, Гитлер – в толпе. «Я увидел целое собрание офицеров и генералов, желавших присутствовать при моем дебюте. Я был неприятно удивлен, увидев такое множество людей, ибо я надеялся, что смогу доложить свои соображения в самом узком кругу. Но я совершил ошибку, сообщив тезисы моего доклада адъютантуре Гитлера. И вот прибыли все заинтересованные лица: весь состав Главного штаба вооруженных сил, начальник Генерального штаба сухопутных войск с некоторыми начальниками отделов, генерал-инспекторы пехоты и артиллерии и, наконец, шеф-адъютант Гитлера Шмундт. Все находили в моих планах какие-нибудь недостатки...» (Гудериан. с. 406).

«Поскольку шеф проводил оперативные совещания в расширенном составе, за обедом и ужином присутствовало столько гостей, что мне приходилось принимать пищу в соседнем помещении – зале No 2», – жалуется Генри Пикер.

«В этих совещаниях, проводившихся в рабочем бомбоубежище в саду имперской канцелярии, всегда принимало участие большое число людей, многим из которых фактически нечего там было делать... В небольшом помещении присутствующие с трудом могли найти себе место. Стеснившись, они стояли вокруг стола с оперативной картой, за которым сидел только Гитлер и несколько поодаль стенографистки.

Постоянное хождение и ведшиеся в задних рядах вполголоса разговоры часто мешали работе, но Гитлер обычно не возражал против этого. Заслушав доклады, он сообщал свои решения относительно следующего дня. При этом он лишь иногда прислушивался к предложениям генералов. Как правило, еще до начала оперативного совещания у него было сложившееся мнение» (ВИЖ. 1964. No 4. с. 92).

Вот другие описания, почти полностью совпадающие с предыдущим: «Все решения были уже predetermined заранее. Гитлер всегда соглашался вносить в свои планы только незначительные изменения» (Шпеер. с. 415).

«Из-за присутствия большого количества людей в сравнительно маленьком помещении всегда был спертый воздух, из-за которого я – как и многие другие участники совещания – очень быстро уставал... Своим собеседникам Гитлер обычно не давал даже слова сказать и удачно избегал обсуждения спорных вопросов» (Шпеер. с. 336-337). Гитлер не переставая говорит, а вокруг него все тоже говорят. Тут не та обстановка, в которой бедных полковников донимает жар и прошибает пот. Тут расслабление с дремотой и треп на свободные темы. И хотя эти разговоры вполголоса, они – свидетельство того, что гитлеровскую болтовню никто не слушает. Если учитель во время урока слышит шепот в классе, он должен принимать какие-то меры. Если ученики говорят о своем, пусть даже шепотом, значит, урок не усваивается. Самый легкий шепот в классе мешает учителю, кроме того, он оскорбляет, показывая, что учитель не сумел заинтересовать своих учеников. Но Гитлеру разговоры вокруг не мешали и не оскорбляли его. «Гитлеру это мешало лишь в тех случаях, когда они излишне волновались и слишком громко переговаривались между собой. Стоило ему с недовольным видом поднять голову, как все сразу же замолкали» (Там же).

Классический военный совет любого уровня проводится по схеме, которая обкатана веками и тысячелетиями. Во-первых, на военный совет приглашают только тех, кто действительно необходим. Во-вторых, старшие по чину не спешат высказывать своего мнения, иначе младшие начнут поддакивать. На военном совете первым говорит самый младший по званию и положению. Затем тот, кто чуть старше. Самый главный, выслушав всех, говорит последним. А у Гитлера все наоборот. Гитлер еще до совещания сам принимает все решения. Коль так, зачем каждый день собирать совещание? Если решения уже приняты, отдавай приказы и распоряжения и не отрывай подчиненных от работы. Но Гитлер собирает людей каждый день. В огромном числе. Включая тех, кому тут вообще делать нечего. Списки приглашенных на гитлеровские оперативные совещания удивляют: тут и министр пропаганды или его уполномоченные, и адъютанты каких-то генералов, и военные историки, которые когда-нибудь расскажут потомкам о том, какие гениальные решения принимались, тут стенографистки личные и стенографисты из Рейхстага, тут просто прихлебатель Генри Пикер, тут личный представитель Гимmlера, офицеры связи от различных штабов и генералы, генералы, генералы... Неудивительно, что гитлеровские планы весьма скоро доходили до Сталина.

Глупость этих совещаний очевидна: зачем их собирать, если тут никто не совещается? Ес-

ли Гитлеру мнение присутствующих не интересно? Если решения УЖЕ Гитлером приняты? Зачем уже принятые решения сообщать такому количеству людей? Зачем раскрывать свои карты перед столь разношерстным сборищем?

Естественно, что решения Гитлера были самоубийственными. Не обладая даром слушать, Гитлер не мог знать обстановки, не мог ее понимать, поэтому просто не мог принимать адекватных решений. Работа руководителя любого уровня заключается прежде всего в том, чтобы обстановку знать. Вот летит огромный самолет над океаном. Перед командиром корабля невероятное количество лампочек, датчиков, циферблатов со стрелочками: в четвертом двигателе поползло вверх давление масла, а в первом повышенный расход топлива, в третьем ненормальная температура, в хвосте вибрация... Зная все это, командир корабля принимает решения. Для Гитлера его генералы, министры, фельдмаршалы, гауляйтеры и рейхсляйтеры – это индикаторы обстановки. Их не слушать равносильно тому, что не смотреть на приборную доску. Вообразим: командир корабля крутит штурвал, нажимает на рычаги и кнопки, не зная направления, высоты и скорости полета, силы и направления ветра, состояния воздушного корабля, его крыльев, двигателей, систем управления.

Степень незнания Гитлером обстановки ошеломляет. В ноябре 1941 года германское наступление под Москвой окончательно остановилось. Это означало, что надежды на блицкриг больше нет. Это означало затяжную войну, на которую у Германии не было ресурсов. Остановка германских войск – это поражение Германии. Но тут не просто остановка: 5 декабря 1941 года началось неожиданное для германских генералов сверхмощное наступление Красной Армии. И вот через неделю, 12 декабря, Гитлер заявляет: «Война идет к концу. Последняя великая задача нашей эпохи заключается в том, чтобы решить проблему церкви. Только тогда германская нация может быть совершенно спокойна за свое будущее».

Германские солдаты замерзают в снегах, германская армия дрогнула и начала беспорядочный отход, она терпит под Москвой поражение, равного которому в ее истории еще не бывало. А Гитлер об этом не знает. Огромный самолет над бескрайним океаном попал в эпицентр урагана, из которого ему уже не выбраться, уже горят двигатели и отваливаются крылья. А командир корабля не понимает, куда его занесло, он объявляет экипажу и пассажирам, что полет благополучно подходит к концу, и строит радужные планы на следующий после приземления день.

Нас так приучили агитаторы: немцев победил мороз, во всем виновата зима. Нет, товарищи, виноват кретин в «Волчьем логове», который ничего не делал для спасения своей армии и своей страны, которому в декабре 1941 года мерещилось, что проблемы войны уже разрешены и она идет к победоносному завершению. Ему казалось, что для светлого будущего Германии осталось решить только проблему церкви. Других проблем «великий сын германского народа» в тот момент перед собой не усмотрел.

- 4 -

А вот совещания у Сталина. Никаких протоколов и стенограмм, приглашаются только те, чье присутствие на данном совещании жизненно необходимо. Сталин своего мнения не высказывает, ждет и требует, чтобы высказались все приглашенные. Сталин говорит меньше всех. Докладывает тот, кто потом будет отвечать (в прямом смысле – головой) за выполнение принятых решений. «Иногда Сталин прерывал доклад неожиданным вопросом, обращенным к кому-либо из присутствующих: „А что вы думаете по этому поводу?“ или „А как вы относитесь к такому предложению?“ Причем характерный акцент делался именно на слове „вы“. Сталин смотрел на того, кого спрашивал, пристально и требовательно, никогда не торопил с ответом. Вместе с тем все знали, что чересчур медлить нельзя. Отвечать же нужно не только по существу, но и однозначно. Сталин уловок и дипломатических хитростей не терпел. Да и за самим вопросом всегда стояло нечто большее, чем просто ожидание того или иного ответа» (Устинов. с. 91).

- 5 -

Принятое решение должно быть выполнено. За этим Сталин следил весьма внимательно. Для этого он имел свою собственную внутреннюю разведку. Шефом этой разведки Сталин был лично сам, а работала она против ближайшего сталинского окружения и против руководителей

на местах: секретарей республиканских компартий, обкомов, крайкомов, командующих округами, флотами, фронтами и армиями, против прокуроров республик, краев и областей, особенно – против главарей тайной полиции всех рангов. О невыполнении своих приказов Сталин узнавал немедленно. «Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И. В. Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное» (Устинов. с. 92). За невыполнение сталинских приказов виновным шили шпионаж в пользу кого угодно и беспощадно истребляли.

Вот пример того, как сталинские решения выполнялись. 19 ноября 1942 года. Сталинградская стратегическая наступательная операция. После сокрушительной артиллерийской подготовки пехота с танками поддержки взломала первую линию обороны и продвинулась на 4-5 километров. По теории немедленно в момент взлома обороны в «чистый» прорыв надо вводить мощные танковые соединения, которым надлежит вырваться на оперативный простор. Но тут – суровая действительность. Помимо огня противника, минных полей и проволочных заграждений наступающей пехоте мешает снег. Пехота в нем утопает. Оборона противника прорвана частично. Проще говоря: лед проломан достаточно глубоко, но до воды пока не добрались, и неясно, сколько его еще надо долбить. В данном случае «чистый» прорыв обеспечить не удалось – слишком медленно продвигается в снегу первый наступающий эшелон.

В этой обстановке командующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин принимает решение вводить в сражение эшелон развития успеха – 1-й, 4-й и 26-й танковые корпуса... хотя успеха еще нет. Решение командующего фронтом означает, что танковые корпуса вводятся в сражение ДО того, как для такого хода созданы условия. Решение означает, что танковые корпуса будут делать работу, для которой они не предназначены. Решение означает, что танковые корпуса понесут тяжелые потери еще до того, как начнут выполнять свою собственную задачу.

Генерал-лейтенант Ватутин отдает приказ, но три командира танковых корпусов, не сговариваясь, его не выполняют. Нет, конечно, они его сейчас начнут выполнять, но пока что-то не ладится... Если не хочешь делать, то причину найти всегда можно. Командиры корпусов по своему правы. В ходе предыдущих операций, начиная с 22 июня 1941 года, вот уже больше года этот маневр завершался гибелью танковых и механизированных корпусов даже в ситуации, когда был обеспечен «чистый» прорыв. Идти в «чистый» прорыв – это смертельный номер. Представить его можно вот как: нарядимся в тулуп и валенки, возьмем с собой автомат, патроны, гранаты, сухой паек и нырнем в прорубь. Проплывем подо льдом метров триста и в другой проруби вынырнем. Этот маневр танковые командиры ненавидят и просто по-человечески его боятся: в этой войне он пока никому не приносил ничего, кроме позора и смерти. Помимо этого в данном случае корпуса вводятся в сражение в особо неблагоприятной ситуации для выполнения чуждой им задачи: прорубь для них не расчищена. Ее предстоит сначала пробить головой, а уж после этого выполнять основную программу. Потому танковые командиры медлят и выискивают предлоги для того, чтобы еще хоть немного оттянуть момент ввода танков в сражение: пусть, мол, пехота с танками непосредственной поддержки еще немного вперед продвинется.

Но и командующий фронтом прав. Он понимает, что промедление смерти подобно. В самом прямом смысле. Он знает, что гонит танковые корпуса почти на верную гибель, но если промедлить, то противник, зная теперь, где находится участок прорыва, подбросит сюда танки, самоходки, артиллерию, включая противотанковую, саперов с минами, штрафников, поставит на прямую наводку гаубицы, бросит на борьбу с танками зенитную артиллерию – и прорыв будет ликвидирован. И сорвется вся операция.

Командующий фронтом генерал-лейтенант Ватутин Николай Федорович был человеком деликатным, но при случае мог командиру корпуса, такому же генерал-майору или генерал-лейтенанту, врезать палкой между ушей. А мог Ватутин и пристрелить... о чем командирам корпусов было давно и точно известно. В это время Сталин в Кремле следит за обстановкой: пошли в прорыв? Ватутин докладывает: корпуса с места не сдвинуть... если не расстрелять командиров.

И вот в самый драматический момент, когда вся Сталинградская стратегическая наступательная операция могла захлебнуться, Сталин не грозит, не упрекает, не повелевает идти вперед и не приказывает расстрелять дрогнувших командиров. Он даже не обращается к командирам корпусов. Он тихо говорит как бы сам себе: «Пусть им будет стыдно». И кладет трубку.

Сталинское пожелание передали командирам корпусов, и тут же взрели сотни танковых двигателей, и три танковых корпуса сквозь боевые порядки первых эшелонов, обгоняя пехоту, пошли вперед, завершили прорыв обороны, вырвались на оперативный простор, захватили мост через Дон и через три дня встретились далеко во вражеском тылу с войсками Сталинградского фронта, замкнув кольцо окружения.

Интересно, что Сталин никогда потом не упрекнул ни одного из командиров. Наоборот, именно командиры танковых корпусов, как только кольцо окружения сомкнулось, первыми получили повышение в званиях и награды. Танковые корпуса, а также соединения и части в их составе были преобразованы в гвардейские, они получили ордена на знамена и почетные наименования Донских и Сталинградских.

Ни мордобой, ни реальная угроза расстрела не сдвинули танковые корпуса с места. Но хватило одной сталинской фразы, которая даже не была приказом...

- 6 -

А вот исполнение приказов Гитлера.

Германские частные фирмы весьма быстро нашли способ прикармливать местную власть. Крупная фирма вводила рейхсляйтера или гауляйтера в совет директоров и вполне легально отстегивала ему длинные тысячи за здорово живешь. Рейхсляйтерам, гауляйтерам и другим партийным вождям германского рабочего класса такая практика ужасно нравилась.

В ситуации, когда вставал вопрос, чьи интересы дороже: государственные или частные, рейхсляйтеры, гауляйтеры и прочие партийные товарищи почему-то дружно брали сторону частных фирм.

Гитлер узнал об этом и категорически запретил подобную практику. Вся партийная бюрократия, начиная от рейхсляйтеров, гитлеровское запрещение дружно игнорировала. А заместитель Гитлера по партии Мартин Борман, который над всеми ляйтерами был вождем, проявил со своими подчиненными полную солидарность. «Местная администрация в лице гауляйтеров знала, что Борман никогда не даст ее в обиду, и своими действиями всемерно ослабляла верховную власть» (Шпеер. с. 426). Нет, Борман не отменил гитлеровский запрет. Как можно? Ведь фюрер всегда прав! Борман просто к гитлеровскому запрету ввел уточнение: вот закончится победоносная война, тогда все мы дружно гитлеровский приказ и выполним. А пока идет война, пока страдания и лишения, бедному гауляйтеру на одну получку никак не выжить. Мол, в партийных же интересах гауляйтерам на стороне прикормиться. Так и порешили. Все осталось, как было: и фюрер всегда прав, и гауляйтеры сыты.

А контроль за выполнением своих приказов Гитлер осуществлял не сам, а возложил... на Бормана и партийную иерархию. Это примерно то же самое, что ситуация в Москве в 1992 году, когда на борьбу с чеченской мафией было решено бросить... чеченцев: они-то сами себя лучше знают, вот пусть сами с собой и борются. Во главе борцов с мафией был поставлен кандидат юридических наук генерал-майор милиции Аслаханов Асланбек Ахмедович. «Красная звезда» (2 марта 1993 г.) вежливо интересуется ходом борьбы: «Кстати, о Москве. Асланбек Ахмедович, вы родом из Грозного, вы хорошо знаете своих земляков. Как вы считаете, действительно ли чеченская мафия играет столь заметную роль в преступной среде столицы?»

На это Асланбек Ахмедович изрекает:

«Считаю, что человек, который утверждает, что существует чеченская или, скажем, русская мафия, просто негодяй. Не негодяй, так дилетант или провокатор, стремящийся обострить межнациональные отношения».

А «Красная звезда» не унимается, интересуется рецептами борьбы с организованной преступностью. Асланбек Ахмедович секретов из своего мастерства не делает, он выдает магическую формулу, которая неизбежно приведет к полному искоренению бандитизма. Сделать следует вот что: «В борьбе с преступностью надо теснее сплотить ряды!»

За сплочение рядов, за мужественную борьбу против негодяев, дилетантов и провокаторов,

которые утверждали, что существует чеченская мафия, и тем обостряли межнациональные отношения, Асланбека Ахмедовича двинули на пост председателя Комитета Верховного Совета РФ по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью.

У Гитлера все обстояло примерно так же: лайтеры всех мастей и рангов и их покровитель Борман были сами себе ревизорами, сами с собою борцами.

Но вот совершенно случайно Гитлер узнает, что его ценнейшие указания и строжайшие запреты открыто и нагло игнорируются. Если бы на месте Гитлера оказался товарищ Сталин, то тут же Борман был бы сражен пулей подлого убийцы в коридоре Рейхстага, а затем лайтеров стреляли бы целыми табунами за то, что они, гады, Бормана не уберегли.

Так действовал бы Сталин. И вопрос тут не о коррупции и не о государственных интересах, а о подчинении вожаку. Это принципиальный вопрос. Любая слабость в этом вопросе ведет вожака к гибели: ему перестанут подчиняться.

А вот реакция Гитлера. Он вызывает Бормана и ставит вопрос ребром: выполняются мои приказы или нет?

«Борман заявил в ответ, что выполнение этого приказа отложено до конца войны... Фюрер, который никак не хотел поверить в то, что это его распоряжение до сих пор не выполнено, заявил: ни один государственный служащий не имеет права...» и т.д. (Застольные разговоры. Запись 27 июня 1942 г.).

Гитлер никак не хотел поверить, что его приказы не выполняются. А потом поверил.

На том и успокоился.

И вот всем недобитым гитлеровцам, которые утверждают, что Гитлер превосходил Сталина умом и характером, заявляю: посмотрите хотя бы на один этот случай. Где вы увидели у Гитлера ум, в каком месте? И где характер?

- 7 -

Между тем власть ускользала. Гитлер уже в 1942 году был номинальным фюрером. Борман подгрел всю власть под себя.

«Воспользовавшись инертностью Гитлера, Борман сам определял, кто из правительственных чиновников может получить аудиенцию у фюрера – вернее, кого из них не следует допускать к нему. Почти никто из министров, рейхс- и гауляйтеров не имел прямого доступа к Гитлеру; всем им приходилось просить Бормана изложить ему их проблемы. Борман действовал очень быстро, и уже через несколько дней высокопоставленный руководитель получал письменный ответ...»

Монотонно и подчеркнуто деловито Борман в нескольких предложениях излагал суть присланных ему меморандумов, а затем предлагал свой вариант решения. В большинстве случаев Гитлер кивал головой и говорил: «Согласен». Одного этого слова оказывалось достаточно для того, чтобы побудить Бормана приступить к составлению пространных директив, хотя зачастую Гитлер лишь для проформы выражал свое согласие. Таким образом, в течение часа иногда принималось десять и более важных решений: фактически именно Борман проводил внутреннюю политику рейха. Через несколько месяцев он добился подписи Гитлера под, казалось бы, ничего не значащим документом и стал «секретарем фюрера». Если до этого момента он был формально уполномочен заниматься только внутрипартийными делами, то новая должность уже официально позволяла ему вмешиваться в любую сферу деятельности» (Шпеер. с. 349-350).

Беда гитлеровской Германии (и наша удача) состояла в том, что серый кардинал Борман правил Германией не в ее интересах, а в своих собственных. «От Бормана снова поступает громадное количество новых предписаний и распоряжений. Он сделал из партийной канцелярии бумажную. Ежедневно он рассылает целую гору писем и документов, которые нынешний воюющий гауляйтер фактически даже не может прочесть. Частично это совершенно бесполезные бумаги, которые невозможно использовать в борьбе. И в партии у нас нет четко разбирающегося во всем и тесно связанного с народом руководства» (И. Геббельс. Запись в дневнике 4 апреля 1945 г.).

«Геббельс заявил, что Гитлер фактически отстранился от проведения внутренней политики. Ею занимается Борман, умело создавая у Гитлера иллюзию, что тот по-прежнему держит все бразды правления в своих руках. Борманом движет только честолюбие, он доктринер и препят-

ствуется осуществлению мало-мальски разумных планов» (Шпеер. с. 356).

Борман действительно препятствовал принятию мало-мальски разумных планов. У этого обстоятельства есть несколько объяснений. Среди них и такое: после войны шеф западногерманской разведки генерал Гелен считал и открыто заявлял, что Мартин Борман работал на Сталина. У Гелена были основания выражать свое мнение в крайне категорической форме. К этому следует добавить, что в биографии Мартина Бормана было некое пятнышко, которое он старался не выпячивать. В 1919 году он воевал в Прибалтике против Красной Армии. И попал в плен, в спецлагерь в районе Осташкова. В то время лагерь-монастырь находился в подчинении Региструпра. Это учреждение, сменив несколько вывесок, в настоящее время известно под названием ГРУ. В начале 20-х годов главной задачей Региструпра и его начальника товарища Уншлихта была подготовка коммунистической революции в Германии. В Осташкове Региструпр держал пленных иностранцев. Там будущий заместитель Гитлера по партии мотал срок в 1920 и 1921 годах. Тот, кто с оружием в руках выступал против Красной Армии, подлежал уничтожению. Тем более – иностранец. Но молодого Бормана пожалели. Почему-то. А потом и вовсе отпустили. С миром. Иди в свою Германию, мы тебя прощаем...

Причина проявленного гуманизма мне неизвестна. Любые предположения в данном случае неуместны. Но я уверен в том, что человека с таким пятнышком в Советском Союзе к секретам государственной важности не подпустили бы. А уж если бы подпустили, то держали бы под контролем.

Бормана в Германии не контролировал никто. Наоборот, он сам контролировал Гитлера.

Вот такое у Гитлера было окружение, так он принимал решения и так они выполнялись.

Мы можем еще долго говорить о Сталине и Гитлере. Но всегда сравнение со Сталиным не в пользу Гитлера. Самым же главным остается сравнение результатов их деятельности. Посмотрим, как они завершили войну, и ответим сами себе на вопрос о том, у кого было больше ума и характера.

- 8 -

И еще интересно вот что: как они оценивали друг друга.

Свидетельство Риббентропа:

«Гитлер говорил – в присущей ему манере – о Сталине с большим восхищением.

Он сказал: на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941-1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, негибкая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин – это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной Армии – грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, – историческая личность совершенно огромного масштаба» (Между Лондоном и Москвой. с. 198).

Существует много других свидетельств гитлеровского восхищения Сталиным. Эти оценки Сталина звучат еще более звонко на фоне презрения к Черчиллю и Рузвельту.

Снова обратимся к «Застольным разговорам». Вот некоторые оценки Гитлером своих противников, зафиксированные на коротком отрезке времени.

23 марта 1942 года: «Рузвельт – душевнобольной».

27 марта 1942 года: «Слабовольная скотина Черчилль, которая полдня пьянствует».

17 мая 1942 года: «Американские политики в окружении Рузвельта сплошь дураки набитые».

29 мая 1942 года: «Сталина Гитлер считает гением и открыто восхищается им».

21 июля 1942 года: «Гениальный Сталин».

22 июля 1942 года: «К Сталину, безусловно, тоже нужно относиться с должным уважением. В своем роде он просто гениальный тип».

27 июля 1942 года: «Если Черчилль шакал, то Сталин тигр».

Гитлер напал на глупого и трусливого (как он сначала полагал) Сталина. По гитлеровским расчетам, сталинская империя должна была рухнуть как карточный домик. Гитлер именно так и выразился. И вдруг Гитлер сообразил, что не на того нарвался. Понимание сталинской силы пришло к Гитлеру слишком поздно.

Если Гитлер перед нападением не рассмотрел в своем противнике ум, волю и силу, значит, грош цена гитлеровской гениальности.

Как же относился Сталин к Гитлеру, как его характеризовал? Нам об этом практически ничего не известно. Молчаливый Сталин унес свою оценку Гитлера в могилу. Не поделившись. Сразу после подписания пакта Риббентропом и Молотовым Сталин предложил тост за Гитлера. Из этого некоторые делают вывод, о сталинской наивности и доверчивости, забывая при этом, что стоило очарованному Риббентропу ступить за порог, как Сталин (чего с ним никогда не бывало) пустился в пляс с криками: «Обманул! Обманул Гитлера!» Так что пил Сталин за здоровье Гитлера вовсе не от чистого сердца.

Скорее всего Сталин относился к Гитлеру так, как он относился к народному комиссару внутренних дел СССР генеральному комиссару государственной безопасности Ежову Николаю Ивановичу. Пока Ежов громил сталинских врагов, Сталин пил за его здоровье, подносил Ежову подарки, награждал орденами, выдумывал для него звания и должности. Но вот Ежов свою функцию выполнил, и Сталин раздавил его ногтем, как кровавого клопа, явно ничего, кроме омерзения, не испытывая при этом.

Гитлер в Европе делал для Сталина ту же работу, что и Ежов внутри страны, – уничтожал врагов и расчищал дорогу для сталинского триумфа. По выполнении этой задачи Гитлера ждала участь Ежова (Ягоды, Бухарина, Зиновьева, Каменева, Кирова, Тухачевского, Троцкого и других) и соответствующее отношение.

Во всяком случае, Сталин Гитлера гением не считал.

Во главе Германии стоял человек, который обладал выдающейся, непревзойденной болтливостью. Он не умел хранить государственные и военные тайны. Он не умел слушать других. Он не знал и не понимал складывающейся обстановки, не умел и не хотел ее оценивать. Он принимал решения, которые не соответствовали сложившейся ситуации. Он не контролировал выполнения своих распоряжений и не имел никакого механизма контроля.

Этого достаточно, чтобы категорически заявить:

ГЕРМАНИЯ БЫЛА НЕ ГОТОВА К ВОЙНЕ.

С таким фюрером она победить не могла.

ГЛАВА 7 ПРО БЕТОННЫЕ ПАРОВОЗЫ.

После каждой фразы Гитлера все присутствующие молча кивали головой в знак согласия с ним.

Генерал-полковник Г. Гудериан. Воспоминания солдата. с. 271

- 1 -

Если человека каждый день называть свиньей, то известно, что из этого получится. Достаточно интересно, что если его каждый день называть величайшим гением, то результат будет такой же.

Лидер, которому никто не смеет возразить, которого все называют непогрешимым, которому все поддакивают, обречен. Как только Робеспьер отрезал голову Дантону, последнему соратнику, который имел мужество открыто спорить и не соглашаться, рухнула вся дьявольская система, и самого визжащего гражданина Робеспьера, заломив ему руки за спину, поволокли вверх по тринадцати ступеням к ногам матушки-гильотины под свист и рев ликующей толпы.

Роль второго человека в любой иерархии ничуть не меньшая, чем роль первого. И если первый человек – тянущий локомотив и пламенный мотор общества, то второй – тормозная система. Первый – сила ведущая, второй – сдерживающая. Политика, особенно во время войны, это смертельная гонка по темным, узким, кривым ущельям над бездонной пропастью: ревут, надрываясь, моторы и визжат тормоза. В этой ситуации тормоза не менее важны, чем мотор.

Любой тиран должен проявить достаточно ума, чтобы терпеть рядом с собой человека, способного возразить, способного осадить его порыв, ибо порыв может оказаться губительным. Наличие второго возражающего человека – свидетельство мудрости первого.

Чтобы оценить первого, мы должны знать, кого он держит рядом. Вторым у Сталина был Вячеслав Молотов. У Гитлера – рейхсмаршал Герман Геринг.

Вот о Молотове: «Человек сильный, принципиальный, далекий от каких-либо личных соображений, крайне упрямый, крайне жестокий... Сталин не раз в моем присутствии упрекал Молотова... Причем Молотов отнюдь не всегда молчал в ответ... Участвуя много раз в обсуждении ряда вопросов у Сталина в присутствии его ближайшего окружения, я имел возможность наблюдать споры и препирательства, видеть упорство, проявляемое в некоторых вопросах, в особенности Молотовым; порой дело доходило до того, что Сталин повышал голос и даже выходил из себя, а Молотов, улыбаясь, вставал из-за стола и оставался при своей точке зрения» (Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. ВИЖ. 1987. No 9. с. 49).

А поведение второго человека гитлеровской Германии – это, по оценке Гудериана, «откровенное бесстыдство, с которым Геринг соглашался едва ли не с каждым словом Гитлера». Министр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер в своих «Воспоминаниях» открыл простую механику, которая позволяла Герингу оставаться на втором месте. «Приехав в ставку, Геринг имел обыкновение на несколько минут уединяться в отведенном для него павильоне. Его представитель генерал Боденшатц тут же покидал комнату для оперативных совещаний и, как мы предполагали, извещал своего шефа по телефону о всех возникших спорных проблемах. Затем Геринг появлялся в комнате и, не дожидаясь приглашения, горячо отстаивал именно ту точку зрения, которую Гитлер непременно хотел навязать своим генералам. И тогда Гитлер, окинув торжествующим взглядом участников совещания, говорил: „Вот видите, рейхсмаршал полностью разделяет мое мнение“ (Шпеер. с. 340).

- 2 -

Геринг – лизоблюд (приличия не позволяют выразаться точнее). Все, кто писал о нем, сходятся в этом мнении: «всегда готовый к услугам Геринг» (Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн. Утерянные победы. с. 358).

Описание подхалимской тактики Геринга – это не порицание ему лично, это – приговор Гитлеру и всей системе его власти. Если вторым человеком Гитлер держал лижущего Геринга, если не видел откровенного холуйства и холопства, значит, Гитлер был глуп, значит, не мог и мечтать о победе над Сталиным.

А Шпеер продолжает рассказ о втором человеке Третьего рейха: «Я до сих пор помню, как меня тогда поразили его покрытые красным лаком ногти и напудренное лицо. К тому времени я уже привык, что на его халате из зеленой парчи всегда красуется огромная рубиновая брошь. Геринг спокойно выслушал наше предложение и мой рассказ и лишь иногда вынимал из кармана неоправленные драгоценные камни и с удовольствием перебирал их холеными пальцами» (с. 358).

«Мильх уже давно призывал меня обратить внимание на зрочки рейхсмаршала. Во время Нюрнбергского процесса мой адвокат доктор Флекснер подтвердил, что Геринг еще с 1933 года стал морфинистом» (С. 366). Это заявление Шпеера подтверждено множеством других источников, в том числе – официальной экспертизой Нюрнбергской тюрьмы: Геринг – наркоман с многолетним стажем.

Геринг занимал множество должностей, в том числе он фактически возглавлял всю германскую экономику. Вот образец его руководящей деятельности: «Совещание запомнилось лишь довольно странным поведением Геринга. Необычайно возбужденный, с заметно сузившимися зрачками, он прочитал не скрывающим своего удивления промышленникам лекцию о производстве металла. Он явно хвастался перед ними своим знанием устройства доменных печей и процесса плавки. Выступление Геринга отличалось также обилием общих слов и громких призывов: нужно увеличить выпуск продукции и как можно больше внедрять в производство новых разработок; промышленность слишком привержена традициям, она должна осваивать новые методы, уметь прыгнуть выше головы... и так далее. К концу двухчасовой речи поток слов стал постепенно иссякать, Геринг уже с трудом шевелил языком, а на его лице появилось отсутству-

ющее выражение. Внезапно он положил голову на стол и спокойно заснул. Мы не стали будить решившего немного вздремнуть, как обычно, одетого в роскошный мундир рейхсмаршала Геринга, дабы не ставить его в неловкое положение, и продолжали обсуждать свои проблемы до тех пор, пока он не проснулся и не объявил сразу же об окончании совещания» (Шпеер. с. 366-367).

«Когда Геринг узнал, что мы собираемся увеличить производство паровозов, он пригласил меня в „Каринхалл“ и с полной серьезностью предложил изготавливать их из бетона, так как мы, дескать, не располагаем достаточными запасами стали. По его словам, бетонные паровозы будут, правда, быстрее изнашиваться, поэтому требуется лишь изготавливать их как можно больше. Разумеется, Геринг не знал, как конкретно наладить их производство, но зато на протяжении нескольких месяцев с маниакальным упорством цеплялся за эту безумную идею, ради которой он вынудил меня бессмысленно потратить два часа на поездку к нему на автомобиле и еще два часа на ожидание в приемной» (Там же. с. 313). К слову сказать, среди множества должностей, которые занимал Геринг, была и такая – председатель Имперского совета по научным исследованиям. Ярый сторонник идеи строительства бетонных паровозов возглавлял, направлял и координировал усилия германской науки. Известно, куда он ее направил.

- 3 -

«Геринг действовал безо всякого стеснения, чтобы именно во время войны преумножить свою художественную коллекцию. В залах „Каринхалла“ в три, а то и в четыре ряда висели теперь драгоценные полотна. Когда на стенах больше не осталось места, он пустил в дело потолок большого вестибюля, чтобы и там разместить серию картин. Даже на балдахине своей роскошной постели он велел прикрепить портрет обнаженной женщины в натуральную величину, изображающей Европу... Сам Гитлер неоднократно возмущался поведением „второго человека“ при сборе ценных произведений искусства, не рискуя, однако, призвать Геринга к ответу» (Шпеер. с. 255).

К слову сказать, и у Сталина был свой «ценитель искусств» – маршал Жуков, который ограбил музеи и банки «освобожденной» Европы и украсил свои дворцы не хуже Геринга. Жуков, как и Геринг, был большим любителем драгоценных камней, он собирал их с любовью и знанием... И все же Жуков – это не второй человек в государстве. Он только в военной стратегии второй. И Жуков не красил губы красной помадой и глаза не подводил. Жуков не настаивал на строительстве бетонных паровозов. Наконец, Сталин решил, что Жуков мародер и баракольщик, и готовил против него дело. Подельники Жукова, воры рангом поменьше, были арестованы и дали показания, достаточные для того, чтобы Жуков понес заслуженную кару. Вора Жукова спасла смерть Сталина.

А Гитлер, зная о проделках «второго человека», ничего не делал. Дошло до того, что немецкие школьники уже в 1942 году стали возмущаться поведением Геринга и выражали свое возмущение в письменном виде, в школьных сочинениях. Гитлеру это стало известно, и он изрек: «Характерно, что при выражении недовольства, которое дети приводят в своих сочинениях, то и дело фигурирует рейхсмаршал Геринг» (Застольные разговоры. Запись 25 марта 1942 г.).

Что делать первому человеку, если даже школьники возмущены поведением второго, если над ним смеются дети? Вспомним еще раз бессмертную фразу Макиавелли: об уме правителя прежде всего судят по тому, каких людей он к себе приближает. Если Гитлер приблизил к себе дурака, подхалима и вора, то тем самым он выставил напоказ всей Германии, Европе и миру свою собственную дурь, и она видна даже подросткам. Как же на это реагировал Гитлер?

Никак.

- 4 -

А в какой тумбочке Геринг брал деньги?

Прежде всего он занимал множество должностей: председатель Рейхстага, имперский министр авиации, глава правительства Пруссии, главнокомандующий Военно-воздушными силами, имперский уполномоченный по осуществлению четырехлетнего плана и пр. и пр. Одним словом, стахановец-многостаночник. Уже с этих должностей можно было хорошо кормиться. Когда

только он успевал всю работу делать?

Помимо этого, он владелец концерна «Рейхсверке Герман Геринг». У него множество заводов по всей оккупированной Европе, а рабсила – дармовая, из концлагерей.

Еще источник доходов – прямой грабёж музеев и банков на захваченных территориях. Но не стеснялся Геринг работать и по мелочам, например, как сообщает Шпеер (С. 441), люди Геринга торговали на черном рынке дамскими чулками. Понятно, не в розницу: из оккупированных стран эшелонами гнали в Германию продовольствие, вина, парфюмерию, одежду, белье, ковры и другое. Реализация – через черный рынок. Доходы – главарям. Больше всех – Герингу.

А еще – «подарки». «Мы не обманули ожиданий Геринга и приехали к нему с дорогими подарками – коробками голландских сигар, вывезенными с Балкан слитками золота, ценными картинами и скульптурами» (Шпеер. с. 440). Вот он – настоящий социализм. Гитлер призывает: «Нужно ликвидировать капиталистическое общество» (24 марта 1942 года). Геббельс называет себя национал-большевиком и требует: «Следует мыслить по-революционному и прежде всего действовать по-революционному. Пришел час, когда нужно сбросить последнюю буржуазную скорлупу» (28 марта 1945 г.).

Наши коммунистические идеологи настаивают на том, что у нас был настоящий социализм, а у Гитлера – не совсем настоящий, с изъятиями. Потому переводчики-коммунисты преднамеренно искажают перевод: называют гитлеровское государство не социалистическим, а социалистским. Но хотел бы я знать, чем наш социализм лучше гитлеровского? Гитлер пришел к власти законным путем, он победил на открытых всеобщих выборах. А Ленина никто не выбирал, он захватил власть путем кровавого переворота, устроенного на немецкие деньги. Чем же наш социализм лучше гитлеровского? Тем, что мы людей больше истребили? Тем, что страну больше загадили? Тем, что наши социалистические вожди больше наворовали? Тем, что наш рабочий жил в скотстве и мерзости? Каждый, кто плачет о нашем утерянном социализме, должен еще раз прочитать «Россию в концлагере» Ивана Солоневича. Особо рекомендую главу «Девочка со льдом»: «И вот на костях этого маленького скелетика – миллионов таких скелетиков – будет строиться социалистический рай...» Так вот: социализм он и есть социализм – ленинский, гитлеровский – не велика разница. И давайте не будем уточнять, какой сорт дерьма выше качеством. У них было варварство одного рода, у нас – несколько другого. Но и то и другое было настоящим социализмом. И никакого другого социализма не ждите. Нам говорят, что социализм Ежова, Бухарина, Гимmlера, Хрущева, Эйхмана, Чаушеску, Мао, Кастро и всяких прочих Пол Потов – это искажение великой идеи. Это говорят сами социалисты. И их заявления можно перевести одной фразой: дайте нам еще разок попробовать.

Сейчас мы говорим о вождях германского социализма, но будем иметь в виду, что они мало чем отличались от наших и всех прочих. Разница между гитлеровским и нашим социализмом только в том, что при Сталине периодически шел отстрел слишком увлекающихся вождей, потому наш социализм продержался дольше. Как только сталинская стрельба прекратилась, наш социализм треснул и надломился. Два десятка лет нас спасали неисчерпаемые (как казалось) запасы нефти. Но потом не спасла и нефть.

А немецких вождей Гитлер не стрелял с таким постоянством, потому социализм там разлагался быстрее. Немецкие вожди быстро и глубоко поняли сладость красивой жизни и бросились в накопительство и стяжательство. Они владели поместьями, заводами, дарили друг другу слитки золота. Впрочем, я не прав. Подарки подносились не друг другу, не взаимно, а снизу доверху. Шпеер сообщает: «Каждый год я получал извещение о том, что из полагавшихся мне как члену прусского государственного совета 6000 рейхсмарок весьма значительная часть израсходована на подарок рейхсмаршалу. Моего согласия никто не спрашивал» (с. 441).

Для ясности: 6000 рейхсмарок – это шесть легковых машин. Сам поднеси Герингу подарки в виде слитков, картин и скульптур, да еще из полочки выдерут «значительную часть». Но не с одного Шпеера рвали деньги на «подарки». Все члены прусского правительства находились в том же положении. И не только они. Геринг занимал множество должностей, и миллионы его подчиненных регулярно выражали ему свою любовь. У меня собрана замечательная коллекция писем германских солдат и офицеров. Среди свидетельств беседа с потомком Бисмарка – германским асом, – записанная на видеопленку на ступенях Рейхстага. Он сбил 43 самолета, в основном советских, и сам был сбит в небе Сталинграда. Среди рассказанных им удивительных подробностей и эта. Да, летчики-фронтовики в добровольно-принудительном порядке отстеги-

вали свои кровные денежки на подарки своему горячо любимому главнокомандующему. Это и к солдатам Военно-воздушных сил относилось. А их в разные годы было от полутора до двух миллионов.

Суммы собирались значительные. Но речь не о суммах, а об откровенном свинстве любимого главнокомандующего.

- 5 -

Мы видели, как Гитлер принимает гостей. А вот как гостей принимает Геринг. «На меня произвело крайне тягостное впечатление то обстоятельство, что в завершении обеда нам с Брекером подали обычный коньяк, тогда как Герингу лакей с довольно торжественным видом налил что-то из старой, покрытой пылью бутылки. „Это держат только для меня“, – без всякого стеснения пояснил он своим гостям, после чего долго распространялся на тему, из какого французского замка была изъята эта редкостная находка... С хозяйской гордостью он велел распахнуть все шкафы, дабы мы могли бросить взгляд на собрание французских духов и мыла, которых хватило бы на несколько лет. И наконец, под занавес он продемонстрировал нам свое собрание бриллиантов и других драгоценных камней» (Шпеер. с. 256).

Представим: мы пришли в гости, нам – просто хлеб, а хозяину – с икрой осетровой. Жует он, прихваливает, а нам объясняет, что слишком уж продукт дорогой, чтобы его гостям скармливать...

То же самое о Геринге, если не хлеще, мы можем прочесть и у Геббельса. А вот генерал-полковник Гудериан назначен генерал-инспектором танковых войск Вермахта. Взаимодействие танков и авиации – это то, на чем было построено завоевание Европы. Но настали другие времена. Надо обороняться, надо отбиваться, а взаимодействие танков и авиации все так же остается ключом к успеху. Однако это взаимодействие во второй фазе войны не получается. И тогда генерал-инспектор танковых войск Гудериан пытается встретиться с главой всей германской авиации рейхсмаршалом Герингом. Пытается раз, пытается два и три. «Мой визит к главнокомандующему Военно-воздушными силами так и не состоялся из-за напряженной внеслужебной деятельности этого господина» (Воспоминания солдата. с. 420).

В ходе войны советская пропаганда наносила мощные удары по высокопоставленным гитлеровцам персонально. Например, Гудериан после разгрома под Москвой в советских газетах стал известен под новой фамилией – Удериан. Доставалось и Герингу. Однако самый злой пропагандист не додумался до карманов, набитых бриллиантами, и бетонных паровозов.

- 6 -

Лучше всех о себе Геринг рассказал сам. В 1939 году в Германии вышла роскошная книга, которая так и называлась – «Геринг». Можно не знать немецкого языка, можно книгу не читать. Ее достаточно полистать, картинки посмотреть: неопишуемой красоты горы, в горах – сказочный замок, в замке – Геринг. В замке – панорамные окна. В замке – неслыханная роскошь. И все – напоказ. Смотри, Германия, любуйся, как живет твой социалистический вождь.

Используя свое положение, Геринг рекламировал себя, явно перегнув палку, прыгнув выше головы. Геринг вместо Деда Мороза (или Снегурочки) улыбался с рождественских открыток. С газетных страниц Геринг смотрел в туманную даль. Вот Геринг – среди рабочих. Геринг – среди крестьян. Геринг – на аэродроме. Геринг – на стадионе. Геринг – на пивном празднике. Одним словом, Геринг – с нами! И в журналах – он. И на плакатах. А еще – хроника. И в кадрах – оживший, одуревший павлин. Придворные художники и мастера выдумывали и шили специально для него все новые и новые формы одежды: Геринг

– в белом мундире с малиновыми отворотами, а вот – в белом мундире с синими отворотами, или – в пепельном мундире и голубых штанах с белыми лампасами, а то – в зеленом мундире с красными отворотами или в красном – с зелеными. Вот Геринг в сиреневой парадной шинели с лисьим воротником. А вот тоже в парадной шинели, только в другой – воротник брововый. Больше всего окружающих удивляли его сапоги: высотой до того места, где ноги сходятся, и всех цветов, до оранжевого, желтого и ярко-красного. И со шпорами. Как кот в сапогах.

Прикинем общий вид: огромный мужик с животом, который колышется, не помещаясь в

штанах; складки жира на лице, шее и животе; поверх седеющей щетины – толстый слой грима; на шее – лиса-чернобурка; на груди – женские брошки; на жирных, коротких, волосатых пальцах – бриллианты, рубины, сапфиры; на ногах – алые сапоги выше колена, как на пошлой берлинской бляди. И ко всему – потрясающая глупость, неопишное самодовольство, спесь и угодничество до лакейства.

Все описания Геринга совпадают. Вот еще одно из многих. «Грубый человек с совершенно бесформенным телосложением... Он одевался всегда вычурно. В „Каринхалле“ и на охоте он подражал древним германцам, на службе он появлялся в форме, не предусмотренной никакими уставами: в красных юфтевых ботфортах с позолоченными шпорами – обуви, совершенно немыслимой для летчика. На доклад к Гитлеру он приходил в брюках навыпуск и в черных лакированных башмаках. От него всегда пахло парфюмерией. Лицо его было накрашено, пальцы рук унизаны массивными перстнями с крупными драгоценными камнями, которые он любил всем показывать... Во время войны действия Геринга были исключительно пагубными... Геринг, каким я знал его после 1943 года, был очень плохо осведомлен или даже совсем не осведомлен о действиях Военно-воздушных сил. Вмешиваясь в действия сухопутных сил, он действовал безрассудно, проявляя чувство неприязни к армии...»

Только в августе 1944 года Гитлер заметил недостатки своего главнокомандующего Военно-воздушными силами. В присутствии Йодля и моем он обрушился на Геринга с руганью: «Геринг! Военно-воздушные силы никуда не годятся. Они недостойны того, чтобы их называли самостоятельным видом вооруженных сил, в этом виноваты вы. Вы лентяй!» Слушая эти слова, тучный рейхсмаршал пустил слезу. Он ничего не мог возразить» (Гудериан. Воспоминания солдата. с. 615-616).

- 7 -

Главными среди множества должностей Геринга оставались авиационные – министр авиации и главнокомандующий Военно-воздушными силами. Сухопутные войска Гитлер подчинил лично себе, приняв наряду с должностью Верховного главнокомандующего еще и должность главнокомандующего сухопутными войсками. Флоту и авиации Гитлер дал почти неограниченную самостоятельность. Так что Геринг был хозяином и в авиационной промышленности, и в Военно-воздушных силах. С авиационными должностями, как и со всеми другими, Геринг не справлялся никак. В окружении Геринга катилась волна самоубийств. Старые заслуженные авиационные генералы, стреляя в свои головы, тем самым снимали с себя ответственность за то, что творилось в Военно-воздушных силах. А Геринг, приняв очередную дозу морфина, блаженно улыбался. «Он вел себя как человек, проявивший свою полную несостоятельность и теперь стремившийся обмануть себя и других. Своим нежеланием считаться с реальным положением дел и прислушиваться к разумным аргументам он в 1941 году уже довел до самоубийства знаменитого летчика-истребителя и первого генераллюфтфлюгцойгмайстера Эрнста Удета. 19 августа 1943 года в своем кабинете застрелился один из ближайших сотрудников Геринга начальник Генерального штаба Военно-воздушных сил генерал-полковник Ешоннек. По словам Мильха, в найденной на его столе предсмертной записке он написал, чтобы рейхсмаршал не присутствовал на его похоронах» (Шпеер. с. 398).

Гитлер от случая к случаю ругает Геринга в присутствии посторонних лиц, обзывает лентяем. Геринг плачет. Интересно, а что он делает поплавав? «Гитлер обрушил на рейхсмаршала град упреков, обвиняя его в неумении командовать Военно-воздушными силами, и он, раздосадованный, предпочел отправиться в длительный отпуск» (Шпеер. с. 358).

Как в застоявшемся анекдоте: Геринг переутомился от безделья, и врачи прописали ему длительный отпуск.

Чем дальше шла война, чем безнадежнее становилось положение Германии, тем глубже затягивал Геринга наркотический омут. «Мне в любом случае не удалось бы расшевелить Геринга. Он окончательно впал в привычное для него, схожее с летаргическим сном состояние и пробудился только в Нюрнберге» (Шпеер. с. 367).

Элементарное знание психологии или просто звериное чутье должны были подсказать Гитлеру простую мысль: если Геринг и подобные ему так усердно демонстрируют верность, значит, в трудную минуту они предадут первыми. Но ни звериного чутья, ни элементарных знаний

психологии Гитлер не проявил. И в трудную минуту Геринг предал Гитлера. И не он один. Геббельс пишет об обстановке всеобщего предательства накануне разгрома. В последний день своей жизни Гитлер исключил из партии Геринга и Гиммлера, снял их со всех официальных постов, лишил званий и наград... а сам застрелился.

Гитлер раскусил Геринга только в день самоубийства. А до этого считал своим самым близким человеком. До последнего дня.

Ситуацию можно изобразить так: через ночь, грозу и ураган командир корабля Гитлер ведет самолет неизвестно куда; он не интересуется показаниями приборов. А второй пилот, задача которого подстраховывать первого, вколол себе в толстую задницу увеселительного зелья, отключился от этой раздражающей реальности и пребывает в состоянии тихой задумчивой радости.

А вывод все тот же: они не были готовы к войне, они не могли победить. Под водительством сторонника бетонных паровозов и его бесноватого покровителя крах Германии был полностью обеспечен и надежно гарантирован.

ГЛАВА 8 ПРО ПОЧТАЛЬОНОВ С МИНИСТЕРСКИМИ ОКЛАДАМИ.

Выбор подходящих сотрудников является самой важной задачей всякого организатора. Глупый организатор подбирает и соответствующих себе сотрудников.

Иван Солоневич. Народная монархия. с. 463

Гитлер вообще подбирал себе приближенных по их отрицательным качествам. Так как он не терпел возражений, его выбор, как правило, падал на тех, кто готов был слепо следовать за ним.

Прошли годы, теперь Гитлера окружали люди, которые не только полностью одобряли его высказывания, но и без всяких сомнений претворяли их в жизнь.

А. Шпеер. Воспоминания с. 277.

- 1 -

Геринг – это второй человек в политике, государственных делах, в области экономики и науки, авиации и авиационной промышленности. А в области стратегии вторым человеком у Гитлера был генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, у Сталина – Жуков. О Жукове сказано достаточно и даже более того. А вот – о Кейтеле: его кличка в среде германских генералов – Лакейтель. Носил он ее не зря: для Гитлера Кейтель был чем-то вроде холопа, его глаза постоянно и четко выражали вопрос: «Чего изволите?»

Официальная должность Кейтеля в переводе на русский язык – начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил. «Кейтель ни по своим личным, ни по военным качествам не соответствовал этой трудной и ответственной должности» (Генерал-майор Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. М., 1956. т. 1. с. 141).

«Кейтель был удобен для Гитлера: он пытался по глазам Гитлера читать его мысли и выполнять их, прежде чем последний выскажет их» (Гудериан. Воспоминания солдата. с. 418). «Раболепное поведение Кейтеля и Геринга» (Шпеер. с. 403).

17 июня 1945 года пленный генерал-фельдмаршал Кейтель был допрошен советскими офицерами. Во время допроса он сообщил следующее: «Если о всякой политике судят по ее результатам, то можно сказать, что военная политика Гитлера оказалась неправильной, однако я не считаю себя ответственным за катастрофу Германии, ибо я ни в коей мере не принимал решений, ни военного, ни политического характера, я соглашался с ним, но я солдат, и мое дело выполнять, что мне приказывают... Он вообще не терпел возражений».

Как называть человека, который не желает и не способен нести ответственность за свои действия? Правильно – безответственный. Гитлер в воинском звании выше ефрейтора не поднимался, и во Второй мировой войне воинских званий не имел. Это обстоятельство делало Кейтеля самым высокопоставленным генерал-фельдмаршалом Германии. И вот Германия разгромлена, а

самый высокопоставленный генерал-фельдмаршал, который был главой «мозга армии» заявляет, что он за позор разгрома ответственности не несет. Вот вам картина: государственный руль крутил Гитлер, мы уже знаем, как он это делал. А вокруг него – сплошная безответственность. А вокруг него – суконное солдафонство. А вокруг него – безмозглые генералы и фельдмаршалы, которые не способны мыслить и действовать на благо своей страны. Они годятся только на то, чтобы гениальные приказы Гитлера, не размышляя, передавать нижестоящим на исполнение.

Рулевой на «Титанике» имел приказ держать курс. И он держал. Но, увидев айсберг, нарушил приказ и пытался отвернуть. Возникла ситуация, в которой исполнитель обязан действовать вопреки приказу. Рулевому не хватило времени. Если бы он увидел айсберг раньше... А генерал-фельдмаршал В. Кейтель давно знал, что курс Гитлера гибельный, но с этого курса свернуть не пытался: куда приказали гнать, туда и гоню, хоть на айсберг, хоть на дно. И никакой ответственности не несу – у меня приказ курс держать...

Когда Кейтель и Риббентроп на Нюрнбергском процессе изворачивались и вину валили на Гитлера, подсудимый Шпеер не выдержал и обозвал их почтальонами с министерскими окладами: получали как министры, а занимались тем, что гитлеровские указания разносили по адресам.

В этой книге я обильно цитирую Шпеера по пяти причинам:

- из всех писавших мемуары гитлеровцев он самый высокопоставленный;
- он единственный, кому Гитлер доверил свои мечты и их воплощение в жизнь, потому Шпеер знал Гитлера лучше всех;
- среди серости и тупости высшего руководства Третьего рейха он – отклонение от нормы, на посту министра вооружений и боеприпасов проявил исключительные способности;
- он не изворачивался на суде, принял на себя ответственность персональную и коллективную, пощады не просил;
- он описал самую яркую картину того, что творилось в гитлеровском окружении.

Шпеер – исключение. Но исключение не опровергает правило, наоборот – подтверждает его. А правило вот какое: думающих людей, способных нести ответственность за свои деяния, в высшем руководстве гитлеровского государства было ничтожно мало. В основном – бездумные исполнители. Главная слабость гитлеровской армии и государства заключалась в отсутствии профессионализма в высшем командном звене. Совершенно непонятно, зачем эти люди носили золотые генеральские погоны и маршальские жезлы, если многие из них были не в состоянии выполнять даже обязанности стрелочника. В той России, которую мы потеряли, каждый стрелочник при поступлении на работу получал безвозвратно в личное пользование часы «Павел Буре». Система железных дорог России работала с точностью швейцарского часового механизма. По прибытию и отправлению поездов вся Россия сверяла часы. На должность стрелочников принимали людей с крепкими нервами и высокими интеллектуальными способностями. Стрелочника учили мыслить. Его учили беспрекословно выполнять приказы и соблюдать расписание движения поездов. Но первая заповедь стрелочника гласила: если выполнение расписания грозит крушением – нарушай расписание. По расписанию положено пустить поезд на первый путь, но ты-то видишь, что по первому пути почему-то идет встречный поезд. Так думай же головой, а не выполняй слепо приказ!

Вот бы кто генерал-фельдмаршала Кейтеля устроил на курсы стрелочников и объяснил: если выполнение приказа Гитлера ведет Германию к крушению, то он, Кейтель, как старший стрелочник, обязан взять ответственность на себя и крушение предотвратить.

У нас рядовые солдаты несли полную ответственность за результаты боя отделения, взвода, роты, батальона... Да что там батальон! Все, начиная с рядовых солдат, несли ответственность за результаты войны. Потому и ложились на амбразуры. А в Германии только Гитлер нес ответственность. Для остальных, с ближайшего генерал-фельдмаршала начиная, результаты войны – чужая забота. Им бы приказ выполнить, а там хоть потоп: наша хата с краю, а Германия пусть огнем горит. Так многие из них дружным ансамблем и пишут в мемуарах: только Гитлер за все и отвечал, а мы тут при чем? Мы – генералы, наше дело холопское: выполняй, что скажут.

Если самый высокопоставленный генерал-фельдмаршал Германии – совершенно безответственный тип, то что говорить о солдатах и рядовых членах партии? «Рядового члена партии всем воспитанием подводили к мысли, будто большая политика чересчур сложна, чтобы ему о ней судить. В результате у человека возникало ощущение, что за него отвечают другие, и ему никогда не приходилось отвечать самому за себя» (Шпеер. с. 66).

Никто в гитлеровской Германии за себя не отвечал – за всех думал фюрер. А работал он так: «Когда, спрашивал я себя, когда он вообще работает? От всего дня оставалась самая малость; поднимался он поздно, проводил затем одну-две запланированные деловые встречи, но уже начиная со следующего непосредственно за встречами обеда он, можно сказать, впустую тратил время вплоть до наступления вечера... В глазах народа фюрер был человеком, который неустанно трудился день и ночь... Насколько я мог наблюдать, он по неделям занимался пустяками... Расточительность, с какой Гитлер относился к своему времени... Единожды приняв решение, он возвращался к привычной праздности» (Шпеер. с. 195).

Государство Гитлера – пирамида. Каждый считает, что за него думают вышестоящие. А венчает пирамиду ленивый болтун, у которого много времени на безделье, но нет времени думать и работать.

На фоне всего рассказанного Шпеером поразительно звучат его слова: «Для нас слова, что фюрер обо всем думает и всем управляет, не были пустой пропагандистской формулировкой» (с. 67). Шпеер лучше всех видит и знает, что Гитлер не работает, страной, армией и войной не управляет и в то же время вместе с толпой верит в то, что фюрер обо всем думает и всем управляет...

Марксисты и гитлеровцы рассказывают нам про немецкое превосходство, немецкий порядок и дисциплину. Тут возразить нечего. Но можно добавить: железная дисциплина на гранитном фундаменте безответственности.

- 2 -

Генерал-фельдмаршал Кейтель и многие гитлеровские высшие военные, полицейские и другие чины по степени развития никак в стрелочники не годились. Уровень подготовки гитлеровских фельдмаршалов был настолько низким, что в Советской Армии они не смогли бы выполнять обязанности сержантов. Кстати, нечто подобное высказал генерал-фельдмаршал Паулюс на Нюрнбергском процессе.

Прошу не считать его заявление преувеличением. В свое время мне выпало служить в 66-й гвардейской учебной мотострелковой дивизии. Она имела два состава: постоянный и переменный. Переменный состав – это бесконечные железнодорожные эшелоны новобранцев, которых нам предстояло в шесть месяцев превратить в лидеров самого низшего звена: командиров танков, орудий, отделений, расчетов. Готовых сержантов дивизия выпускала в войска и, получив новые эшелоны, вновь и вновь ковала командные кадры. Дивизия готовила командиров самого разного профиля. Но всем, в какой бы род войск их ни готовили, с предельной жестокостью вбивали в голову: командир – это тот, кто приказ вышестоящего превращает в свой собственный приказ. Это тот, кто действует только от своего имени, не ссылаясь на вышестоящих. Не говори подчиненным: мне так приказали! Говори: я так приказал!

Если командир отделения получил приказ от взводного и просто передает его своим подчиненным, значит, тем самым он ставит себя на один с ними уровень: мы люди подневольные, мне приказали, а я вам передаю... Это легкий путь. Совсем не командирский путь. Стремление будущих сержантов уклониться от ответственности при передаче приказов надлежало вышибить. И мы вышибали. Работа командиров учебных взводов, рот, батальонов, полков и самого командира учебной дивизии заключалась в том, чтобы будущего сержанта сделать злым, чтобы он брал на себя всю полноту власти и линию вышестоящих гнул бы как свою собственную: это я, падлы, приказал! Я так хочу! Вас, колбасники ожиревшие, до блевотины загоняю, но МОЙ приказ выполните!

Сами мы, офицеры учебной дивизии, прошли такую же школу, только более долгую, крутую и жестокую. И каждый из нас действовал так же: не командир дивизии приказал и даже не министр обороны, это я вам, желудки, приказываю! Это я повелеваю! Я над вами министр, пусть и в лейтенантских погонах! И нет тут никакой власти, кроме моей! И нет в этом мире другой справедливости, кроме моего рассуждения! Нет для вас, вампиры африканские, в стране прокуроров, кроме меня! Делать, как я приказал, это моя воля!

Генерал-фельдмаршал В. Кейтель по своим волевым и командирским качествам не соответствовал требованиям, которые в Советской Армии предъявляли будущим сержантам. Если генерал-фельдмаршал считает, что его работа заключается в том, чтобы приказ вышестоящего

передать нижестоящим и при этом не принимать на себя ответственности, значит, такой генерал-фельдмаршал не мог быть назначен командиром советского стрелкового отделения из восьми солдат. Эта должность генерал-фельдмаршалу Кейтелю не по плечу. Не по Сеньке шапка. Это только в Германии, которая в двадцатом веке проиграла все войны и в прошлые века не блистала победами, его могли считать военным человеком. Ему по недоразумению повесили на плечи погоны и вручили маршальский жезл.

- 3 -

Представьте себя командиром любого ранга, хоть взводным, хоть Верховным главнокомандующим. У вас в подчинении – заместитель, который ваши приказы передает нижестоящим, но от своего имени не командует и ни за что отвечать не желает.

Вопрос первый: а зачем он такой нужен?

Вопрос второй: как мог Гитлер терпеть рядом подчиненного, который ни за что не несет ответственности?

Мало того, что генерал-фельдмаршал В. Кейтель ответственности не брал, так он еще и свою прямую ответственность на Гитлера перекладывал. Как мы уже установили, в любой иерархии второй номер – сила сдерживающая. Командир воздушного корабля может рвануть штурвал, а второй пилот резкие рывки смягчает. Номер первый может в пылу, в горячке отдать не самый лучший приказ, он может просто забыть, что приказывал вчера, и сегодня сказать нечто противоположное. Задача номера второго – следить за тем, чтобы действия первого укладывались в какую-то единую систему.

Гитлер не имел военного образования, и никакого вообще, он среднюю школу не окончил. Гитлер – ефрейтор из Первой мировой войны. Его опыт – отрицательный, он ему только мешал. «Генерал-полковник Фромм в свойственной ему лаконичной манере утверждал, что предпочел бы иметь на посту Верховного главнокомандующего сугубо штатского человека, чем бывшего ефрейтора, который к тому же никогда не воевал на Восточном фронте и не способен понять специфический характер тамошнего театра военных действий» (Шпеер. с. 334). Военный опыт Гитлера был неизмеримо ниже опыта Сталина. Первая мировая война была позиционной. Сталин на ней не был. А Гражданская война в России была не позиционной, а маневренной, как и Вторая мировая. Сталин бывал на многих фронтах Гражданской войны, он занимал ответственные должности в высшем руководстве фронтов, он знал, как надо проводить операции и как не надо. Сразу после Гражданской войны Сталин занял должность Генерального секретаря и двадцать лет каждый день занимался строительством армии, ее развитием и вооружением, подбором и воспитанием командного состава, созданием военной промышленности и новых образцов оружия. Ничего этого в багаже Гитлера не было. Поэтому роль генерал-фельдмаршала В. Кейтеля была особенно ответственной. Кейтель знал, что Германию ведет дилетант, который войной не интересуется. Когда читаешь «Застольные разговоры Гитлера», создается впечатление, что никакой войны вообще нет. Гитлер без умолку болтает о чем угодно, только не о войне. Он ее как бы не замечает. Он произносит «длинные и необычайно нудные монологи на отвлеченные темы» (Шпеер. с. 401). Зная Гитлера, Кейтель должен был своими решениями и приказами активно подправлять его, как незаметно, но властно матерый ротный старшина подправляет действия зеленого лейтенанта. Кейтель, как опытный генерал-фельдмаршал, должен был чувствовать свою персональную ответственность за судьбу страны и сдерживать дилетанта в порывах.

Одно из двух: или активно действуй и отвечай за свои деяния, или освободи место. Но Кейтель не принимал ответственности, не поправлял бесчисленные и глупейшие ошибки Гитлера и не подпускал никого к своему месту, которое занимал на протяжении всей войны с первого до последнего дня. И был он не одинок. Стратегами, которые молча кивали головами в знак согласия, были забиты все гитлеровские коридоры власти, все залы для оперативных совещаний, в которых принимались судьбоносные решения.

Мало того, что Гитлер дилетант, он к тому же не помнил, что приказывал вчера, и сегодня мог приказать нечто совсем иное. В этой ситуации роль генерал-фельдмаршала В. Кейтеля была особенно важной. Не бросаясь на амбразуру, он должен был смягчать одни распоряжения Гитлера и усиливать звучание других. Но и этого он не делал. Что бы ни приказывал Гитлер, Кейтель исправно эти распоряжения оформлял приказом и отправлял на исполнение войскам. Страхуя

себя, любое указание Гитлера, любое пожелание и невзначай высказанное мнение Кейтель тут же превращал в приказ. «В конце совещания Кейтель, как правило, представлял на подпись несколько документов. Обычно речь шла о тех вызывающих насмешку или страх распоряжениях, которые должны были избавить его от последующих упреков Гитлера. Я сразу же заявил, что Кейтель в недопустимой форме злоупотребляет этим своим правом, ибо таким образом в корне отличающиеся друг от друга представления и намерения обретают силу приказа и создают совершенно невообразимую сумятицу и хаос» (Шпеер. с. 336).

Тут поведение Гитлера, его дурь и наивность вновь вгоняют меня в глубокое удивление. Гитлер слово брякнет, а Кейтель ему тут же бумажку сует: распишись в своих словах. И Гитлер расписывается. Неужто Гитлеру не ясно, что Кейтель свою задницу гитлеровской задницей прикрывает? (У любителей изящной словесности прошу прощения. В данном случае более точного образа в русском языке мне отыскать не удалось.) Если второй (в вопросах ведения войны) после Гитлера человек считает, что он ни за что ответственности не несет, ни за что не отвечает, а просто передает приказы вышестоящего нижестоящим, то как он мог призвать к ответственности командующих армиями и группами армий? По логике, те и вообще – пешки. Какой с них спрос?

Впрочем, хитрость Кейтеля не спасла. Его манера управлять, не отвечая за последствия, неизбежно привела Германию к катастрофе, а самого Кейтеля – в кутузку. И от ответственности он не увернулся. В Нюрнберге ответственность ему повесили на шею, а самого повесили за шею.

- 4 -

И когда генерал-фельдмаршал Кейтель заявляет, что Гитлер не терпел возражений, тут невольно крик души рвется: а Сталин терпел?!

Гитлер за возражения не стрелял. Сталин же стрелял своих генералов целыми косяками. Но все равно находились люди, способные думать головой, иметь собственное мнение и отстаивать его даже перед Сталиным. Все равно находились те, кто рисковал жизнью, чтобы спасти страну. Со Сталиным спорили и добивались своего Маршалы Советского Союза Рокоссовский, Василевский, Говоров, Жуков. Они и маршалами-то стали потому, что имели собственное мнение. Достоверно установлено, что со Сталиным спорили, причем успешно, генералы армии Антонов, Апанасенко, Ватутин, Черняховский, Хрулев, адмирал флота Кузнецов, министр Ванников.

Вот образец поведения. Он описан многократно с разных точек зрения, в том числе Маршалом Советского Союза М. В. Захаровым («Новая и новейшая история». 1970. № 5). Ситуация: в 1938 году советские войска под руководством маршала Блюхера продемонстрировали позорный результат в боях с японской армией на озере Хасан. 31 августа 1938 года (это самый пик очищения армии) в Свердловском зале Кремля собран Главный военный совет. Участь маршала Блюхера уже предрешена, а на его место поднялся заместитель – комкор Г. М. Штерн. Он и делает доклад. Зал набит командирами самого высокого ранга. Сталин, как принято, прохаживается по сцене позади президиума, слушает и молча покуривает трубку.

Штерн не щадит никого – ни своего бывшего начальника маршала Блюхера, ни подчиненных. В частности, Штерн бросает ужасные обвинения в адрес командующего 1-й отдельной краснознаменной армией комдива Кузьмы Подласа.

Услышав это имя, Сталин остановился, докладчик умолк, зал замер. Сталин помолчал и обратился в зал к командующему Киевским военным округом командарму второго ранга С. К. Тимошенко: «Вы просили Подласа к себе первым заместителем?» Вопрос, как принято, с ударением на слове «вы».

Не в бровь, а в глаз. Все предшественники Тимошенко на посту командующего Киевским военным округом кончили плохо:

В. В. Шарапов – расстрелян.

А. И. Егоров – поднялся выше, но арестован и ждет расстрела.

М. В. Фрунзе – поднялся выше, но зарезан на операционном столе.

Н. Э. Якир – расстрелян.

И. Ф. Федько – арестован полтора месяца назад и ждет расстрела.

Хоть бы один просвет в этом списке. Хоть бы про одного можно было сказать: сидит. Просто сидит. Ан нет. Просто никто не сидит: расстрел или его ожидание. Командарм второго ранга Тимошенко на своем посту не пробыл еще и полутора месяцев, судьбу своих предшественников

знает. И вот сталинский вопрос: это ты просил врага народа в заместители?

Тимошенко встал, улыбнулся и ответил как отрубил: «А я, товарищ Сталин, и сейчас прошу назначить товарища Подласа моим первым заместителем».

Своим ответом Тимошенко оглушил не только зал, но и самого Сталина.

В результате Подласа, конечно, посадили, но не расстреляли. Вскоре он вышел и был назначен заместителем командующего Киевским военным округом. Во время войны он командовал 40-й армией. Войска под командованием Подласа в тяжелых оборонительных боях до последней возможности удерживали Коростеньский и Киевский укрепленные районы и сделали все для срыва блицкрига. В 1942 году командующий 57-й армией генерал-лейтенант Подлас Кузьма Петрович погиб в бою в сражении за Харьков, выполнив свой долг до конца.

Судьба Штерна, который требовал крови и скальпов, печальна. Генерал-полковник Г. М. Штерн был арестован 7 июня 1941 года и расстрелян без суда 28 октября того же года. Вместе с Рычаговым.

С. К. Тимошенко, который своей смелостью спас Подласа (а возможно – и себя), уже через несколько месяцев получил звание командарма первого ранга, еще через год – звание Героя Советского Союза (за Финляндию), должность наркома обороны и звание Маршала Советского Союза.

Странный на первый взгляд поступок: Сталин ставит народным комиссаром обороны не того, кто кричит о его величии, а того, кто готов с ним не согласиться.

В отличие от многих наших маршалов Семен Константинович Тимошенко не сломался и позже. После XX съезда КПСС маршалов заставили писать мемуары о «неготовности» Красной Армии к войне. Сдались все.

А Тимошенко устоял. В отличие от Жукова Тимошенко не стал клеветать на свою армию и свой народ.

- 5 -

Однажды я слышал в адрес Сталина такой упрек: он ничем не занимался, кроме одного – сидел днями и ночами в своем кабинете и все думал, кого куда переместить.

Дело обстояло не совсем так, но мощная доля правды в этом заявлении есть. Сталин действительно придавал кадровому вопросу первостепенное значение, действительно много думал над тем, кого на какой пост поставить и кого куда переместить. Но критика эта – выше всякой похвалы. Главное, а может быть, и единственное, чем Сталин должен был заниматься, – это подбор и расстановка кадров. Если на высших государственных постах стоят знающие и делающие свое дело люди, если на них в трудный час можно положиться, значит, вождю больше и беспокоиться не о чем.

Сталин знал своих подчиненных, знал, кто и на что способен, кому и что можно поручить. Сталин нашел, воспитал и расставил на многочисленные должности правильных людей. Но в кадровой политике Сталина мы ничего не поймем, не уяснив значения ключевого слова. И это слово – «выдвиженец».

Именно он, выдвиженец, творил чудеса. Именно сталинские выдвиженцы совершали рывки из провалов и поражений к ослепительным победам. А делалось все просто. Сталин брал любого, поднимал на высокий пост и ставил перед ним невыполнимую задачу. Совершенно новый человек на небывало высоком посту – это и был выдвиженец. Его прошлое, анкетные данные, отзывы, характеристики, аттестации, доносы роли не играли. Человек проверялся в деле. Если через день-два, через неделю невыполнимая задача так и оставалась невыполненной, командира снимали, снижали в должности, в звании, сажали, расстреливали. На его место – нового. А задача оставалась прежней, т.е. невыполнимой.

Очень быстро находился тот, кто умеет выполнять невыполнимые задачи... Пример. 13-я армия Западного фронта вступила в войну в июне 1941 года. Командовал армией генерал-лейтенант П. М. Филатов. В июле его сменил генерал-лейтенант Ф. Н. Ремизов. В том же месяце его сменил генерал-майор К. Д. Голубев, в августе на его место встал генерал-майор А. М. Городнянский. Тот держался долго – четыре месяца. А потом, в январе 1942 года, 13-ю армию принял генерал-майор Н. П. Пухов. Вот он. Найден. Это тот, кто умеет делать чудеса. И дальше 13-ю армию сквозь войну, через сражения под Воронежем и Курском, через Днепр и леса Белорус-

сии, через Польшу к Берлину и Праге, ведет ее бессменный командующий. Только орденов прибывает да звезд на погонах: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник Пухов.

Вот еще выдвигенец. Только неудачливый. Генерал-лейтенант авиации Павел Рычагов. Он – летчик-истребитель, воевал в Испании, Герой Советского Союза из первой двадчатки, удостоен этого звания за два с половиной года до учреждения медали «Золотая звезда». После Испании – постоянно в боях. Воевал в Китае, участвовал (успешно) в боях на озере Хасан, на реке Халхин-Гол и в войне против Финляндии. В 1936 году – старший лейтенант. В 1940 году – генерал-лейтенант авиации. Генерал-лейтенант авиации – 29 лет. В 1940 году Рычагов последовательно занимает должности: заместитель начальника Главного управления ВВС РККА, первый заместитель, затем – начальник Главного управления ВВС РККА. С февраля 1941 года – заместитель наркома обороны СССР. Взлет почти вертикальный. Но до первой ошибки. После нее – столь же стремительное падение. В землю.

И так – везде. Смотришь на дивизию: командиры меняются, как кадры в старинном фильме, так что и лиц не различишь, и вдруг – стоп. Нашли подходящего, и он ведет дивизию через невозможное к победе. А если оступился...

Система варварская. Но эффективная.

И в промышленности – те же приемы, те же вполне людоедские нравы. Вячеслав Александрович Малышев. В 1930 году в возрасте 28 лет – машинист паровоза. Годы молодые упущены. Какую карьеру может сделать машинист паровоза, которому уже под тридцать? Но машинист кому-то приглянулся, и его посылают на учебу в МВТУ. В 1934 году Малышев – молодой начинающий инженер. В 1939-м – народный комиссар тяжелой промышленности СССР. В 1940 году – заместитель председателя СНК, т.е. заместитель Молотова, с 1941 года – заместитель Сталина по промышленности. Кроме того, с 1941 года Малышев – народный комиссар танковой промышленности.

Он выдвигенец, и ему требуются такие же. В октябре 1941 года Малышев ставит задачу: удвоить производство танков. Для этого нет ни новых материалов, ни людей, ни станков. Но фронт требует УДВОИТЬ. Если директор завода удвоит – выживет, не удвоит – его сменят. А за брак – расстрел. Путь к власти был открыт всем. Каждый мог попробовать. Отведав соленого куса генеральского, директорского или министерского хлеба, они вылетали в трубу, а на их место приходили другие, и те вылетали, пока не находился тот, кто мог УТРОИТЬ производство танков, не получая на то ни дополнительных рабочих рук, ни дополнительного для них питания.

Примеров я собирался привести много: Шахурин, Устинов, Кузнецов (один, другой и третий), Завенягин, Ванников, Паршин... А потом спохватился: так они же все сталинские выдвигенцы. Всех маршалов, генералов, адмиралов, всех членов Политбюро и ЦК, всех членов правительства и их заместителей, секретарей союзных компартий, краев и областей, всех центровых чекистов (тут выбор особый), всех директоров крупных предприятий и строек Сталин выбирал и назначал лично и лично следил за успехами и провалами каждого. Расстрелянные генералы, чекисты, наркомы, местные правители – это тупиковые направления развития, это срезанные ветви, которые, по сталинскому разумению, не могли принести плодов. А выжившие – это плоды сталинской селекции, в самом прямом значении этого слова.

Ничего равного и подобного сталинской системе отбора и расстановке кадров у Гитлера не было. Людей из ближайшего окружения Гитлера называли китайскими болванчиками, за их молчаливое кивание головами в знак согласия (Шпеер. с. 527).

- 6 -

Мы бросили беглый взгляд на фюрера и его ближайшее окружение, включая человека номер два – Германа Геринга. Теперь посмотрим, что делается этажом ниже. На предпоследней ступени иерархии стоят главнокомандующие трех видов вооруженных сил, министр иностранных дел, главный идеолог, главный пропагандист, рейхсфюрер СС, он же – министр внутренних дел. Прямо скажем, на этом этаже тоже собраны не самые блистательные умы Германии. Двое из этой великолепной семерки нам уже знакомы: главнокомандующий сухопутными войсками Адольф Гитлер и главнокомандующий ВВС Герман Геринг.

«Трехлетнее пребывание Гитлера на посту главнокомандующего сухопутными войсками имело самые отрицательные последствия: армия, ранее славившаяся своей безупречной органи-

зованностью, теперь напрочь ее утратила» (Шпеер. с. 553).

«Геринг, как главнокомандующий нашей втянутой в тяжелые бои авиацией, даже 23 июня 1941 года, через день после нападения на Советский Союз, проявил достаточно беззаботности, чтобы при полном параде вместе со мной осматривать выстроенные в натуральную величину макеты своего рейхсмаршальского управления в Трептове» (Шпеер. с. 262).

Флот воевал сам по себе. Во главе флота – гроссадмирал Дениц. «Я представляю здесь военно-морской флот. Все остальное меня не касается. Фюрер как-нибудь найдет выход из создавшегося положения» (Шпеер. с. 567). Сказана эта фраза в феврале 1945 года. Красная Армия уже вышла на Одер и в ряде мест его форсировала, захватив плацдармы на западном берегу. До Берлина 60 километров. Жители Берлина уже слышат грохот сталинской артиллерии. Гитлеровцам нужно что-то срочно предпринимать. Вот в этой обстановке гроссадмирал Дениц и заявляет, что домик его на самом краю, он всего лишь главнокомандующий военно-морским флотом, а все остальное (т.е. судьба войны и самой Германии) его никак не касается. Пусть фюрер думает, у него голова большая.

Об умственных способностях гроссадмирала говорит его вера в мудрость Гитлера: нам, главнокомандующим, не о чем беспокоиться, фюрер что-нибудь сообразит. Конев и Жуков уже ведут перегруппировку танковых армий на одерские плацдармы для последнего рывка, а гроссадмирал Дениц еще не прозрел, он еще продолжает верить в способность Гитлера мыслить, принимать решения, руководить войной и выиграть ее.

В войсках СС руководитель того же пошиба – рейхсфюрер СС Гиммлер. О его полководческих талантах пленный генерал-фельдмаршал В. Кейтель на допросе 18 июня 1945 года отзывался так: «Гиммлер не имел ни малейшего представления о том, как следует командовать войсками». А генерал-полковник А. Йодль на допросе в тот же день добавил: «Он вел себя как типичный ефрейтор». Шпеер в своих мемуарах подтверждает: «Нескольких недель пребывания на фронте оказалось достаточно для того, чтобы полностью подорвать авторитет Гиммлера» (С. 569).

Рейхсфюрер СС и до того особым авторитетом не пользовался. «Гиммлер проявлял в присутствии Гитлера отсутствие собственного достоинства и гражданского мужества... Его оценку наших противников можно назвать просто детской» (Гудериан. с. 618).

«Изрекаемые им суждения отнюдь не свидетельствовали о его глубоком уме» (Шпеер. с. 569).

Гитлер сам считал Гиммлера дураком. «Рейхсфюрер СС порой высказывал совершенно фантастические идеи, и Гитлер неоднократно заявлял, что не в состоянии уследить за безудержным полетом его мысли и что многие из них вызывают у него смех» (Шпеер. с. 497). Коль так, снимите его! Заменяйте другим. Государство Гитлера (как и Сталина) террористическое. Но в Германии во главе машины террора стоит рейхсфюрер СС Гиммлер, который, мягко говоря, умственными способностями не блещет. Сталин таких тоже назначал. Но только с определенной целью – чтобы они выполнили для Сталина какую-то особо кровавую и грязную работу. После выполнения – истреблял. А Гитлер их держал до последнего дня. На этом же этаже власти – идеолог национал-социалистической рабочей партии Альфред Розенберг. «Розенберг сотнями тысяч распродавал свой семисотстраничный „Миф XX века“. Официально книга считалась учебником партийной идеологии, но в беседах за чайным столом Гитлер без обиняков говорил, что это малопонятный бред, написанный самоуверенным прибалтом, который крайне путано мыслит» (Шпеер. с. 150).

Сам Гитлер считает официальный учебник партийной идеологии бредом, а главного идеолога – путаником. Нам остается в данном вопросе полностью согласиться с Гитлером.

Тут же – министр пропаганды Геббельс. О нем принято говорить как о человеке умном. О нем и его ведомстве впереди разговор подробный. Сейчас обратим внимание только на его официальный титул – министр пропаганды. Глупее этого придумать ничего нельзя. Что бы он ни изрек, мы-то знаем, что это пропаганда. Любая продукция его ведомства – пропаганда. Так официально и называется. Как же далеко ему было до кремлевских товарищей! Сравним: «Правда!» «Комсомольская правда!» «Правда Украины!» «Черкасская правда!» «Урюпинская правда!» Правда, правда, одна только правда, и ничего, кроме правды! У Геббельса голая пропаганда, а у нас голая правда. А горькая правда лучше, чем красивая пропаганда. Не так ли?

Самая главная задача дьявола – доказать заблудшим, что дьявола нет. Только так можно

заполучить их души. Вор, чтобы украсть, прикидывается честным. Обманщик, чтобы ему верили, должен прикидываться борцом за правду. В самом слове «пропаганда» таится собственное отрицание. Пропаганда – это сведения, распространение которых кому-то выгодно, потому пропаганда не может являться объективной правдой. Пропаганда, чтобы быть успешной, должна рядиться в какие-то чужие одежды. Самая главная задача пропаганды – доказать, что она пропагандой не является: вот, граждане, создалась в стране и в мире такая ситуация, у нас есть достижения и есть трудности, правительство сообщает населению страны горькую или радостную правду, просит у населения поддержки и совета... и никакой тут пропаганды.

Дж. Оруэлл в своем романе «1984» реалистически описал будущее образцовое социалистическое общество. Одно из главных учреждений этого общества он назвал Министерством правды. Красиво! За образец Оруэлл явно брал нашу родную советскую «Правду», а вовсе не открытое и бездарное название министерства Геббельса.

Если бы Геббельс был умным человеком, то мерзкое слово «пропаганда» он должен был изъять, растоптать и сокрушить. Свое заведение он должен был бы назвать министерством объективной информации или чем-то в этом роде. Обманщик, который сам себя называет обманщиком, есть глупый обманщик. И еще одна ему характеристика: «Производила жуткое впечатление эта смесь властности и послушания... Геббельс проявил свою безоговорочную зависимость от Гитлера» (Шпеер. с. 60). Этим сказано все: Гитлеру не возражал.

В этой же теплой компании – министр иностранных дел Риббентроп. Мнение Геббельса о нем записано в дневнике 20 сентября 1940 года: «Риббентроп повсюду садится между двух стульев. Если он и во внешней политике оперирует столь же гениально, как во внутренней, то я смотрю на это мрачно».

Мнение Гитлера о ведомстве Риббентропа: «Какие только гнусные типы не собрались под крышей нашего министерства иностранных дел!» (Застольные разговоры. Запись 14 мая 1942 г.).

«Из 50 наших дипломатов только 5-6 свежих голов, а остальные – это уровень почтальонов. Например, Шуленбург и военный атташе в Москве Кестринг, которые были введены в заблуждение русскими и так и не поняли, зачем те сосредоточивали свои войска на нашей восточной границе» (Там же. Запись 1 апреля 1942 г.).

Что ж, какой хозяин, такие и работники. Каков Риббентроп, таковы у него и дипломаты. Вернее: каков Гитлер, таковы у него и риббентропы.

- 7 -

Существует старый, веками отшлифованный способ определения жизнеспособности любой организационной структуры и дарований ее руководителя. Надо на эту структуру посмотреть в момент, когда руководитель отсутствует. Если его отсутствие сказывается отрицательно на деятельности организации, значит, руководитель слаб, значит, не сумел подобрать и расставить нужных людей, значит, организация нежизнеспособна. Умер Александр Македонский – и тут же рухнула его империя, как гнилой барак, из-под стены которого убрали подпирающее бревно.

Бонапарт говорил, что в его отсутствие творятся одни только глупости. Сказав это, он сам себя высек. Эти слова – не порицание приближенным, которые творят глупости, это приговор глупому Бонапарту, который собрал вокруг себя дураков. Это приговор его мертворожденной империи, которая рухнула, не дожидаясь кончины своего создателя.

И в отсутствие Петра Первого творились одни только глупости. Правда, и в присутствии – тоже. Умер Петр – и на российском престоле оказалась обозная солдатская проститутка, причем не родная отечественная, а заморская.

В отличие от Македонского, Петра и Бонапарта Сталин мог месяцами находиться на своих дачах в Подмосковье, на Кавказе, в Крыму. Он знал, что в его отсутствие глупости не творятся. Во время войны Сталин мог отлучаться даже за рубеж – в Тегеран. Он был спокоен за тех, кто оставался в Москве «на хозяйстве».

А вокруг Гитлера были собраны почтальоны с министерскими окладами, которые сами ни за что не хотели отвечать, которых судьба страны не волновала, которым Гитлер не мог ничего доверить. «Гитлер предпочитал назначать на руководящие посты дилетантов» (Шпеер. с. 277). В свою очередь, дилетанты и лизоблюды воспевали Гитлера. «Вину за то, что Гитлер со временем вообразил себя сверхчеловеком, несет и его ближайшее окружение. Еще генерал-фельдмаршал

Бломберг – первый и последний военный министр в правительстве Гитлера – неоднократно публично заявлял, что „фюрер обладает выдающимся полководческим талантом“. Даже гораздо более скромный и наделенный гораздо большим самообладанием человек, непрерывно выслушивая в свой адрес одни только хвалебные слова, через какое-то время был бы уже не в состоянии реально оценивать свои возможности» (Шпеер. с. 338). «Когда военный министр фон Бломберг предложил Гитлеру взять на себя руководство всеми вооруженными силами, он нанес последний удар армии» (Манштейн. с. 85).

Рассадив вокруг себя подхалимов и холуев, фюрер жаловался окружающим: «Я даже на одни сутки не могу никому другому передать руководство военными операциями» (Шпеер. с. 401).

Вот это и есть оценка и приговор всем гитлеровским министрам, фельдмаршалам и генералам.

И всему Третьему рейху.

ГЛАВА 9 ПРО ЗАПРЕДЕЛЬНУЮ АККУРАТНОСТЬ.

Регламентирование на старых землях рейха скоро дойдет до того, что устав общества любителей майских жуков также будет разработан в Берлине с приложением к нему подробнейших инструкций об организации делопроизводства, управления имуществом, финансовой отчетности и т.д.

Адольф Гитлер. 22 июля 1942 г.

- 1 -

Коммунистическая пропаганда не жалела бумаги и краски для описания нашей глупости, головотяпства и разгильдяйства.

А немец в нашем понятии – умный, точный, грамотный, дисциплинированный. И это действительно так. С этим не поспоришь. Только он иногда слишком уж умный, чересчур точный, запредельно грамотный и через меру дисциплинированный.

Франц фон Папен во время Первой мировой войны был военным атташе Германии в Вашингтоне. Как водится, он к тому же был и резидентом, т.е. главой разведывательного аппарата... Для того чтобы агентурная сеть была устойчивой, в одной стране обычно вербуются несколько агентурных групп и отдельно действующих агентов, которые не знают о существовании друг друга и имеют собственные, независимые от других каналы агентурной связи. При провале одной группы или агента остальные продолжают работать.

А у фон Папена все нити сходились в единый центр. Лично к нему. Так больше порядка. Деньги агентам он платил не наличными, как принято в разведке, а чеками. Американцам, завербованным немецкой разведкой, такая форма оплаты не нравилась. Дело в том, что чек попадает в банк, а с любых полученных сумм приходится платить подоходный налог. Получил завербованный американец от немецкой разведки тридцать честно заработанных сребреников, нет бы пропить их, так поди ж ты – налог заплати. Выходило, что часть денег, которые кайзер Вильгельм выделял своей разведке на подрыв Америки, шла через налоги прямо в американскую казну для усиления Америки.

Ситуация не самая умная, зато – порядок и все сделано в соответствии с параграфами и пунктами.

В любой момент налоговое ведомство могло задать любому секретному агенту неудобный вопрос о происхождении этих денег. И соврать было невозможно. В банке все зафиксировано: когда, сколько, с какого счета на какой... Определив источник поступления денег, при желании можно было бы разобраться, кому сей щедрый источник еще платит деньги... Но контрразведки в те славные времена в Америке не было, а налоговое ведомство интереса не проявило. При минимальном усилии вся немецкая агентурная сеть легко просчитывалась по прохождению чеков на банковских счетах. Вся немецкая агентурная сеть в Америке висела на волоске. Зато был порядок. А сам фон Папен хранил корешки выписанных чеков. Для отчетности.

3 февраля 1917 года Соединенные Штаты Америки разорвали дипломатические отношения с Германией. Германское посольство в Вашингтоне потеряло дипломатический иммунитет. Над всеми секретами посольства нависла угроза захвата. В этой ситуации принято сжигать бумаги. Но военный атташе фон Папен прикинул: а как потом отчитываться? Поэтому решил сжечь только то, что не важно. А важное – в портфель, и отбыл в Германию на пароходе под нейтральным флагом. С американскими властями у фон Папена проблем не возникло: плывешь в свою Германию – скатертью дорога. Но Германия уже два с половиной года воевала с Британией. Германские подводные лодки уже более двух лет топили британские корабли. И это британцам ужасно не нравилось. Путешествие германских дипломатов через океан заинтересовало кое-кого в Лондоне. И случилось так, что пароход с германскими дипломатами (зачем-то) зашел в британский порт. И тут бы фон Папену смекнуть: все-таки идем в самую пасть к британскому льву... А не пора ли, пока не поздно, спуститься в кочегарку да швырнуть портфельчик в пароводную топку? Чтоб от греха подальше? Просчитал фон Папен варианты и решил: сжечь-то можно, а как отчитываться потом?

Гудит пароход, швартуется. А британская разведка (ей пальчик в рот не клади) ждет. Ей уже доложили про одного дипломата, который даже в сортире не расстаётся с толстым черным кожаным портфелем. Дальше – только техника. Набор средств – беспредельный, начиная с прозаического отнимания: послать человек пять подвыпивших грузчиков, которые про дипломатическую неприкосновенность слыхом не слыхивали, ищи их потом. Тем более что дипломатические отношения между Британией и Германией после начала войны были разорваны. А можно послать и не грузчиков, а подставить к приунывшему за время плавания военному дипломату девушку-чародейку Марью-искусницу. Или выпустить из узилища портового вора Джона Свиное Рыло. А потом срок ему скостить в знак благодарности. Или – чего проще – напустить свору безграмотных жандармов и таможенников, а потом извиниться за их незнание тонкостей международной дипломатической практики.

Одним словом, портфельчик у него умыкнули. И рухнула годами и десятилетиями создаваемая и отлаживаемая германская агентурная сеть в Америке. Корешки от чеков не только давали сведения о том, кому, когда и сколько платила германская разведка, но и были прямыми документальными свидетельствами измены весьма широкого и уважаемого круга американских граждан. Когда арестованным агентам предъявляли столь серьезные и веские улики, то им было просто нечего возразить. Потеря одного портфеля обошлась Германии слишком дорого. Самый драматический момент: Америка вступает в войну против Германии, и именно в это время потеряна вся германская агентура в Америке. Мало того, эти события были умело использованы американской и особенно британской пропагандой. Лукавые борзописцы не отпугивали, а призывали честных граждан Америки, Британии и Франции вступать в ряды германских шпионов, расхваливали немецкую пунктуальность и аккуратность, рассказывали, как щедро немцы платят за измену и как четко у них поставлен учет секретной агентуры... со ссылками на конкретные примеры. Эти издевательские призывы действовали лучше угроз. Для германской разведки наступили тяжелые времена. Количество и качество новых вербовок резко снизилось. А ранее завербованная агентура резко сбавила активность.

Провал фон Папена – самый грандиозный в истории всех разведок мира. И самый глупейший. Сколько было выявлено германских шпионов, мне неизвестно. Гитлер (Застольные разговоры. Запись 7 июня 1942 г.) говорит о 5000 агентов. Не берусь судить, так ли это. Бесспорно одно: такого не случалось нигде, никогда и ни с кем.

Но главное не в этом. Во всех уважающих себя разведках в ситуациях, куда менее драматичных, виновному дают пистолет с одним патроном. Такова традиция. Этого требует этика разведки. А в Германии никто не считал фон Папена виновным. В его голову не пришла спасительная мысль о том, что неплохо бы застрелиться. И не нашлось никого, кто бы ему такую идею подсказал. Считалось, что он не совершил ничего плохого. Он действовал в соответствии с пунктами, статьями и параграфами, им двигало благородное стремление отчитаться по всей форме. Потому его блистательная карьера не пострадала. Наоборот, его усердие было оценено высшим баллом. Он продолжал головокружительный взлет и достиг заоблачных вершин. Уже через 15 лет, 2 июня 1932 года, пройдя галопом по лестницам, ведущим вверх, он стал канцлером Германии, предшественником Адольфа Гитлера.

Аккуратность, включая запредельную, в Германии ценится очень высоко. Не беда, что фон

Папен загубил агентурную сеть в Америке и тем способствовал крушению одной из величайших мировых империй. Не беда, что после потери того портфеля агентурную сеть в Америке для новой войны развернуть будет либо нечеловечески трудно, либо вообще невозможно. Главное – отчитаться хотел. Это похвальное стремление важнее, чем благополучие империи и ее разведки.

- 2 -

Еще картинка из того же времени.

Для понимания даю небольшое пояснение. Плен во времена Первой мировой войны отличался от того, который мы себе представляем по более поздним образцам. Один мой знакомый, по национальности немец, рассказал, что его дед во время Первой мировой войны был в русском плену. Я лицо рукой прикрыв, думал – за обиды деда он мне сейчас вмажет. Но нет. О России у него лучшие воспоминания. Дед вернулся в Германию без обид. Был он офицером, поэтому в плену ему полагался русский солдат-денщик: сапоги чистить, за водкой бегать. Русские пленные в Германии и Австро-Венгрии тоже содержались в человеческих условиях. Пленные солдаты и офицеры имели право получать и отправлять письма, посылки и денежные переводы. Мой дед, Резун Василий Андреевич, был рядовым, во время Брусиловского прорыва был ранен и попал в австрийский плен. В нашей семье хранится его фотография, которую он прислал по почте из вражеского узилища. Дата: октябрь 1917 года. Снимок сделан у профессионального фотографа по моде тех времен: во весь рост, рядом с тумбочкой на фоне писаного пейзажа с греческими колоннами, луной и лебедями. Рядовые солдаты регулярно получали увольнение в город. В качестве гарантии возвращения использовалась порука трех оставшихся в лагере: убежишь – их посадят на пять суток в карцер. А офицеры свободно выходили из лагеря под честное слово. И в Германии, и в Австрии порядки были примерно одинаковыми. Офицер имел право бежать из плена, но в этом случае он не должен был давать честного слова, что не убежит. Это продолжалось до тех пор, пока некий пленный поручик лейб-гвардии Семеновского полка Михаил Тухачевский, нарушив слово, не убежал в нейтральную Швейцарию. После случившегося слову русского офицера никто больше не верил, и по всей Германии пленным русским офицерам было запрещено выходить из мест содержания.

В этом маневре с честным словом – секрет взлета Тухачевского. Красная Армия только создавалась. Все вакансии открыты. Кто первым предложит услуги, тому – должности... Поручик Тухачевский, никогда ротой не командовавший, был среди первых. Он прибыл в Москву в самый подходящий момент и быстро стал командующим 1-й армией. Не оттого, что такой опытный, а оттого, что первым сообразил, куда ветер дует. Это как приватизация: первому – миллиарды. Только за эту прыть иногда головой платить приходится.

Но это – к слову. Это – вроде вступления, чтобы вникнуть в атмосферу. Теперь сам рассказ. Свидетель – знаменитый русский актер Василий Осипович Топорков. Историю записал и передал мне протоиерей Михаил Ардов. Итак, во время Первой мировой войны Василий Топорков служил в Русской армии и попал в немецкий плен. Сидит. А в лагерь русских пленных забредают поставщики всяческих товаров и услуг. И вот однажды пришел каталог знаменитой фирмы «Гагенбек», которая до войны, в ходе нее и после поставляла самых разных животных, в том числе и знаменитому дрессировщику Дурову. Русские офицеры обрадовались, и некоторые заказали себе зверюшек: кто белую мышь для дрессировки, чтобы на задних лапках стояла, кто говорящего бразильского попугая, дабы обучить его ненормативной лексике. А некий пленный штабс-капитан, маясь бездельем, решил заказать удава. Обратился с письменным рапортом к начальнику лагеря: хочу удава!

Начальник лагеря ответил категорическим (тоже письменным) отказом: удавов содержать не ведено! Но приписал, что русский офицер имеет право обратиться к военному коменданту города и опротестовать решение. Что ж, штабс-капитан обратился. И комендант города ответил тоже письменным отказом. Но приписал, что русский офицер в данной ситуации имеет право обратиться к командующему корпусным округом. Благо, в то время господа офицеры языками владели, штабс-капитан написал рапорт и... снова получил отказ. Правда, с припиской, что он имеет право... Долго ли, коротко ли, но добрался штабс-капитан до военного министра: что за порядки в немецких лагерях! Уже и удава иметь запрещается!

И тогда военный министр ответил также отказом: да, запрещается! И добавил: с этим во-

просом пленный русский офицер имеет право обратиться к кайзеру. Что оставалось делать? Бедный штабс-капитан обратился. И получил окончательный ответ: штабс-капитану Иванову, пока он находится в немецком лагере военнопленных, содержать удава запрещаю. И подпись: Вильгельм.

Вот это порядок!

В немецких инструкциях было четко расписано, кому и что разрешается иметь в плену. Пленный генерал мог содержать лошадей и собак, а старший офицер – только собак, их число – в соответствии со званием. А про удава в инструкциях ничего не говорилось, потому никто не мог взять на себя окончательного решения...

Только неужто кайзеру великой империи накануне ее гибели нечем заняться, кроме как писать ответы на заведомо издевательские запросы?

Но эти примеры из Первой мировой войны – только присказка. Эта книга – о Второй мировой войне.

С приходом Гитлера к власти порядка в Германии стало больше... Это их и сгубило.

- 3 -

В 1940 году немцы захватили в Бресте (не в нашем, а во французском) чудовищную пушку, один только ствол которой весил более ста тонн. Пушка стреляла на огромную дальность уникальными, для нее одной созданными снарядами весом по полторы тонны каждый. Это был экспериментальный образец для линейных кораблей следующего поколения. Трофейное орудие представляло собой большую ценность, ибо стоимость его разработки и создания была колоссальной. Была срочно собрана комиссия из немецких ученых-артиллеристов. Задача: определить характеристики орудия и выдать рекомендации по использованию этого чуда техники в интересах вооруженных сил Германии.

И комиссия приступила к работе. В следующем, 1941 году Германия начала войну против Советского Союза. Сразу же выяснилось полное превосходство советских артиллерийских орудий над германскими. 120-мм миномет конструкции Шавырина оказался столь мощным, легким, дешевым и простым в производстве и обслуживании, что немцы наладили его производство в Германии по захваченным в Запорожье чертежам. Кстати, этот миномет образца 1938 года оказался столь удачным, что армия России и ряда других государств вступает с ним в новое тысячелетие.

Советская 76-мм пушка была оценена немцами как шедевр конструкторской мысли, и все трофейные 76-мм пушки немедленно принимались на вооружение германской армии. Вот пример: генерал-фельдмаршал Роммель в Африке для борьбы с танками был вынужден использовать советские 76-мм полевые пушки, так как стандартные немецкие 50-мм противотанковые пушки практически не могли пробить броню танков «Шерман» и «Грант» (Л. Гарт. Вторая мировая война. с. 285).

В классическом труде «Тактика в русской кампании» (с. 134-135) Э. Миддельдорф сообщает: «Во Второй мировой войне русская артиллерия имела на вооружении очень хорошую материальную часть. Как по качеству орудийной стали, так и по своим конструктивным характеристикам она отвечала требованиям того времени. Огромное количество орудий, производимых в России, позволяло Красной Армии формировать большое количество артиллерийских частей самого различного назначения.

Основными типами орудий русской дивизионной артиллерии являлись 76-мм пушка и 122-мм полевая гаубица... 76-мм пушка с высокой начальной скоростью снаряда и подвижностью, отвечавшими условиям восточноевропейской местности, более всего подходила для выполнения задач непосредственной поддержки пехоты и ведения борьбы с танками. Для выполнения таких задач эти пушки иногда сосредоточивались в большом количестве на одном участке. В других случаях 76-мм дивизионные орудия использовались для ведения огня прямой наводкой и всегда достигали хороших результатов. В обороне они использовались главным образом в «противотанковых заслонах», делая противотанковую оборону настолько прочной, что она могла быть сломлена лишь методическим артиллерийским огнем по отдельным целям...

122-мм полевая гаубица была современным орудием и применялась для решения самых разнообразных задач. Русская артиллерия, используя это орудие, добивалась мощного огневого

воздействия на немецкие войска. Характерными особенностями 122-мм гаубицы являлись: лафет с раздвижными станинами, большой угол горизонтального обстрела и высокая подвижность при механической тяге. Хорошие баллистические свойства обеспечивали достаточную маневренность огнем и дальность стрельбы до 12 км при снаряде, примерно в полтора раза более мощном, чем у 105-мм немецкой полевой гаубицы. Достаточно сильный звуковой эффект разрыва снаряда обеспечивал возможность пристрелки 122-мм гаубиц со средствами звуковой разведки. Благодаря этому 122-мм гаубицы успешно использовались также и для борьбы с артиллерией противника».

Все трофейные образцы этой и других советских гаубиц немедленно принимались на вооружение германской армии. 122-мм гаубица образца 1938 года все еще воюет и также вступает в новое тысячелетие во многих армиях мира, в том числе и в Российской.

Ничего равного советской 152-мм пушке-гаубице МЛ-20 и 203-мм гаубице Б-4 в Германии и в мире не было. Наконец, Советский Союз имел реактивные снаряды и установки залпового огня – БМ-8 и БМ-13. Это – легендарные «Катюши».

А Германия вступила на территорию Советского Союза со 105-мм и 155-мм гаубицами, созданными во время Первой мировой войны, и с трофейной артиллерией, собранной со всей Европы. Это тоже были орудия Первой мировой войны и более раннего периода. Разнобой калибров и типов снарядов был поистине фантастическим. Трофейные орудия, состоявшие на вооружении Вермахта, имели возраст до 50 лет и больше. Отрыв в количестве и качестве полевой артиллерии был огромным. Немецким конструкторам до конца войны не удалось создать ничего подобного тому, что создали в СССР до войны.

Немцы были способны творить чудеса. В Первой мировой войне не было зенитной артиллерии, ее приходилось создавать заново. И они создали великолепные образцы. А гаубичная артиллерия была в Первой мировой войне. Поэтому можно было обойтись поверхностной модернизацией. И они решили: авось сойдет. Сходило до тех пор, пока воевали против столь же устаревшей артиллерии Британии и Франции. Но вот встретили советскую артиллерию и осознали свое отставание. Конечно, догнать Советский Союз в области артиллерии Германия не могла. Это было невозможно. Требовалось хотя бы немного сократить разрыв. Но этого не делалось.

Чем же занимались германские конструкторы? Всем, чем угодно. Кроме главного.

Некоторые из них так и продолжали испытывать уникальную французскую пушку. А время шло. Наступил 1942 год. Год Сталинграда. За ним 1943-й – год Курской дуги. А они все испытывают. И вот 1944 год. После того как исход войны был окончательно решен, в Нормандии высаживаются американские и британские войска. И вот в этот момент комиссия немецких ученых-артиллеристов выдает наконец результат своего труда – пять томов самых разнообразных характеристик: если стрелять из французской пушки под таким-то углом возвышения, при такой-то температуре воздуха, при такой-то силе ветра на таких-то высотах и таком-то его направлении, то будет такой-то результат. А если стрелять под другим углом возвышения при другой температуре... Количество комбинаций углов возвышения, температур воздуха на разных высотах, силы и направления ветра неисчислимо. К этому надо добавить, что стреляли с различными зарядами. Одно дело, стрелять с зарядом первым, другое – с третьим. Опять же число комбинаций разрастается. И множество самых различных комбинаций было самым аккуратным образом измерено, учтено и проанализировано. Кроме того, ствол постепенно изнашивается. Если стрелять из нового ствола при такой-то температуре и с таким-то возвышением, то будут одни результаты, а если произведено несколько десятков выстрелов, то при тех же условиях изношенный ствол будет давать другие результаты. Ну а после ста выстрелов – совсем другие. И ученые работали, работали и работали. И фиксировали, фиксировали, фиксировали. На этих испытаниях были задействованы специалисты весьма высокого класса из множества смежных с артиллерией областей. Это стоило огромных средств, большого времени и труда. Главное – эксперты высшего класса были практически нейтрализованы. Бегают, скачут, только результатов нет. Как белки в колесе.

Понимали ли они, что их опыт, знания и талант могут быть использованы с большей пользой для Германии в момент, когда страна ведет войну против всего мира? Думаю, что понимали. Но был отдан приказ, и они его выполняли...

И вот многолетняя работа завершена. Графики, таблицы, схемы, многочисленные вычис-

ления, обобщения, доказательства объединены в стройную систему. Комиссия выдала всесторонне обоснованные выводы и рекомендации...

Особое значение имел последний вывод последнего тома. Звучал он так: за время испытаний все уникальные боеприпасы израсходованы, а ствол полностью изношен и больше для стрельбы не пригоден.

Юмор в том, что они не понимали юмора.

- 4 -

Это отнюдь не единичный случай. Это система. Вот ария из той же оперы: «Когда в 1944-м мы всерьез занялись полиграфической промышленностью с целью перевести ее производственные мощности на выпуск военной продукции, то неожиданно выяснили, что на одной из лейпцигских типографий по-прежнему исправно выполняли карты Персии и печатали немецко-персидские разговорники. ОКВ просто забыл отменить свой заказ» (Шпеер. с. 331).

В 1941 году в шапкозакидательском угаре решили, что Советский Союз уже разгромлен, а на очереди – Индия, Иран, Афганистан и т.д. И, не завершив победоносный разгром Советского Союза, ринулись вострить лыжи на Иран и отдали соответствующие приказы... И вот идет война один год, и второй, и третий, а дисциплинированные немецкие печатники выполняют ответственную задачу – забивают – заваливают склады картами и разговорниками, которые никому никогда не потребуются. И ходит директор, и его заместители, и инженеры, и просто работяги, гордостью светятся глаза – мы выполняем особо важный военный заказ. Всем ясно, что после Сталинграда Гитлеру до Персии не ближе, чем до Луны, – одинаково недостижимо, но приказ есть приказ, и они его старательно выполняют.

Подобных примеров я собрал целую корзинку: в 1944 году, например, германская промышленность продолжала выпускать пробковые шлемы для колониальных войск, хотя все знали, что из Африки германские войска выбиты. А Индии им не видать, как затылка без зеркала.

Но мы сейчас не о картах и шлемах, мы – об артиллерии.

- 5 -

Помимо испытаний французской чудо-пушки, германские конструкторы и ученые-артиллеристы создавали свое чудо по имени «Дора» – орудие калибром 813 мм. Длина ствола – 32 метра. Вес снаряда – 6800 кг. Минимальная дальность стрельбы – 25 километров, максимальная – 40. Полная длина орудия – 50 метров. Высота с опущенным стволом – 11 метров, при максимальном возвышении ствола – 35. Общий вес – 1448 тонн. Живучесть ствола – 300 выстрелов. Командир орудия – полковник. Расчет – 4139 солдат, офицеров и вольнонаемных. Кроме всего прочего, расчет орудия включал батальон охраны, транспортный батальон, комендатуру, полевой хлебозавод, маскировочную роту, отделение полевой почты и два походных публичных дома по 20 работниц.

Кстати, о работницах. Полистаем служебный дневник генерал-полковника Гальдера, и среди множества вопросов, которыми озабочен начальник Генерального штаба сухопутных войск, нет-нет да и мелькнет... Вот запись 23 июля 1940 года: «Вопрос о публичных домах»... Секрет успеха любого руководителя заключается в том, чтобы свалить работу на заместителей, а самому только контролировать их действия. Руководитель должен решать главное, кардинальные вопросы, доверяя решение менее важных вопросов своим подчиненным. Можно было бы поручить решение вопросов о публичных домах заместителю начальника Генерального штаба. Но нет. Эти вопросы обсуждаются на самом высоком уровне. Представляю: сидит начальник Генерального штаба в окружении стратегов, вопрос решает... А ведь проблема была решена. И не только в сухопутных войсках. Для того чтобы воевать было приятно, руководители германского флота устраивали свои собственные заведения и устанавливали свои флотские нормы, правила и порядки, писали свои инструкции клиентам и работницам. Руководство Люфтваффе сочиняло свои директивы и приказы на этот счет. Войска СС имели свою собственную систему полевого (и пологового) обеспечения, включая свои собственные публичные дома, для личного состава которых тоже писались статьи и параграфы. Публичные дома разделялись не только по принадлежности к армии, авиации, флоту и к войскам СС, но кроме того, делились на стационарные и полевые по-

движные. В сухопутных войсках, например, были учреждены малые, средние и большие заведения, соответственно с числом работниц 5, 10 и 20 и с разделением на солдатские, фельдфебельские и офицерские. Были установлены, научно обоснованы и проверены практикой нормы выработки – 600 клиентов в месяц для работницы солдатского заведения. Благо, за клиентами не надо гоняться, они стоят в очереди. Была установлена стандартная пропорция числа работниц на определенную численность войск. Например, в сухопутных войсках: одна работница на 100 солдат, одна – на 75 фельдфебелей, и одна – на 50 офицеров. А флот, авиация и войска СС имели свой, отличный от других, но строго научный взгляд на организацию этого дела. Тут вводились другие категории заведений: например, в авиации – отдельно для летного состава, отдельно для наземного. И тут были четко определены права и обязанности персонала и клиентов.

Вот она, точность. Аккуратность во всем. Главное – все при деле. Перевернем страницу служебного дневника генерала Гальдера, и среди множества вопросов, которыми был озабочен начальник Генерального штаба на следующий день, 25 июля 1940 года, найдем и такие: «Текущие дела, в том числе вопрос о публичных домах и о заболеваниях лошадей». Листаем дальше. 7 августа: «Подготовка операции на Востоке... Вопрос о публичных домах».

Начальник Генерального штаба в своем служебном дневнике всего лишь упоминает о том, что такие вопросы обсуждались, но не вдается в подробности и не сообщает о принятых решениях. Но решения сохранились. Любопытствующий исследователь их может найти в архивах города Фрейбурга. Всем исследователям настоятельно рекомендую этот удивительный город на склоне гор и его потрясающие военные архивы. Уверен: прославит свое имя в веках тот, кто указания и директивы гитлеровского Генерального штаба по вопросам полового обеспечения войск когда-то обработает и опубликует.

Это была действительно самая дисциплинированная армия в мире. В ней статьями и параграфами было регламентировано все. Причем инструкции организаторам бардачного дела и работницам древнейшей профессии исходили прямо от начальника Генерального штаба. Тут надо честно признать наше отставание. У нас такого бардака не было. И не будем думать, что половым обеспечением войск занимались только на уровне Генерального штаба. Поднимемся выше. «Прежде всего следует следить за тем, чтобы не было случаев совокупления между немцами и поляками». Эту мысль высказал сам «великий сын германского народа» Адольф Гитлер 5 апреля 1942 года (см. Застольные разговоры). Неужто великому стратегу в разгар величайшей войны сразу после разгрома под Москвой заняться больше нечем? Неужто других проблем не возникло, кроме предотвращения совокуплений немцев и поляков? И уж если эта проблема тебя так беспокоит, то отнеси ее в разряд второстепенных. Так нет же, Гитлер этому уделяет главное внимание: «прежде всего следует следить»...

Но мы сейчас не о том. Мы все еще – об артиллерии, о пушке, которая весила 1448 тонн и называлась «Дора». Орудие назвали именем жены главного конструктора. (Знать, тяжкий был у той бабы характер.) Перед тем как создавать это чудо, следовало подумать: а как его двигать? Решение нашли вот какое: по двум параллельным железнодорожным путям. Беда в том, что они везде не параллельные. Они то расходятся, то сходятся. Между путями могут быть и водокачка, и платформа, и целый вокзал. Пути могут уйти в два разных тоннеля или на два разных моста. Да если бы и в один тоннель входили, то все равно такая махина ни в какой тоннель не войдет. Потому пушку делали разборной. Для ствола и других тяжеловесных деталей конструировали особые железнодорожные транспортеры. А на огневой позиции строили два усиленных параллельных железнодорожных пути и на них собирали орудие.

А еще следовало подумать вот над чем: снаряд весом почти семь тонн нужно вытолкнуть из тридцатидвухметрового ствола почти вертикально вверх с начальной скоростью 700 метров в секунду, и он, поднявшись в стратосферу, описав гигантскую дугу, улетит за 40 километров. Прикинем титаническую мощь, которая для этого потребуется. Попытаемся представить (хотя это и невозможно) те динамические нагрузки, которые на него воздействуют, трение снаряда о ствол, давление и температуру в канале ствола. Что надо сделать для того, чтобы снаряд не разрушился в момент выстрела? Правильно. Надо стенки снаряда сделать толстыми. Очень и очень толстыми. Подумали ли об этом конструкторы? Да. Они все точно рассчитали и сделали стенки снаряда толстыми. Но вытащили хвост, голова увязла. Оттого, что стенки снаряда очень и очень толстые, в снаряд весом почти семь тонн удалось поместить разрывной заряд весом всего лишь 272 килограмма. 4% от общего веса. Результат: при стрельбе снаряд пробивал грунт и уходил в

землю, образуя ствол диаметром один метр и глубиной 12 метров. На дне в результате взрыва образовывалась каплеобразная полость диаметром три метра. И это все. Мощи (вернее – немощи) заряда не хватало для того, чтобы обеспечить выброс грунта. Потому вреда от этих снарядов было не много. Это вроде как бросать снаряды в бездонное болото: они погружаются в трясину, чвак, – и все. Ни осколков, ни земляных глыб, ни ударной волны. И даже звук разрыва какой-то неприличный получается. Представим, что в нас бросили гранату, а она попала в колодец, и там где-то глубоко что-то грохнуло, но нам вреда не причинило. Мы-то – на поверхности.

Вред был бы огромный, если бы снаряд «Доры» попал в железобетонное перекрытие какого-то очень важного объекта. Но в том-то и дело, что держать такую пушку вблизи линии фронта нельзя. Она чрезвычайно уязвима. Эта пушка – открытое, ничем не защищенное, гигантское сооружение, своим видом и количеством персонала она сравнима с нефтеперегонным заводом. И минимальная дальность стрельбы – 25 километров. В любом случае – стрельба за горизонт. А стрельба за горизонт – это (в те времена) стрельба не по конкретным целям, а по площадям. Попасть в какую-то конкретную цель можно при большом везении, вроде как выиграть лотерею.

На создание этого орудия были потрачены совершенно невероятные ресурсы, на несколько лет были заняты лучшие производственные мощности, от первоочередных дел отвлечены лучшие артиллерийские конструкторы, инженеры, технологи и тысячи рабочих самой высокой квалификации. Каждая технологическая операция – уникальна. Попробуйте отлить тридцатидвухметровый ствол. Попробуйте его просверлить и нарезать. Для каждой операции – уникальный инструмент, который после проведения данной операции больше никому не нужен. Что вы предлагаете делать с алмазным инструментом для сверления в сверхпрочной стали дырки диаметром почти метр?

Генерал-полковник Ф. Гальдер в служебном дневнике (в Советском Союзе опубликован под названием «Военный дневник») записал 7 декабря 1941 года: «"Дора" (орудие большой мощности) калибра 800 мм. Вес снаряда – 7 тонн. Настоящее произведение искусства, однако бесполезное».

- 6 -

Уроки впрок не шли. Опыт показал, что самоходное орудие «Элефант» (он же – «Фердинанд») весом в 65 тонн на мягком грунте развернуться не может. При развороте одна гусеница идет, а вторую притормаживаем. При таком весе машины и узких гусеницах та гусеница, которую притормаживаем, зарывается в землю, и весь «Фердинанд» садится брюхом в пашню, в грязь или в песок. Потому «Элефанты» в Восточной Европе, да и в Западной, из-за своего огромного веса практически не применялись. После катастрофического дебюта на Курской дуге их пришлось перебросить в Италию на каменистый грунт. Тем временем по личному приказу Гитлера германские конструкторы работали над танком Е-100 весом в 140 тонн, а доктор Порше, опять же по личному приказу Гитлера, создавал свой «Маус», т.е. «Мышь» – танк весом в 188 тонн. Проблем было множество. Прежде всего, где взять столь мощные двигатели? На Е-100 поставили «Майбах 234» – 800 л.с. По тем временам – огромная сила. Но вес-то у танка невероятный. Потому на тонну веса приходилось всего лишь по пять с кусочком лошадиных сил. На «Мышь» поставили двигатель МВ-509 мощностью 1050 л.с., и опять получилась удельная мощь 5,5 л.с. на 1 тонну веса. Это то, что они делали под конец войны и завершить не успели. Для сравнения: у нашего «устаревшего» БТ-2, принятого на вооружение еще до прихода Гитлера к власти, удельная мощность была в 6,5 (ШЕСТЬ С ПОЛОВИНОЙ) раз выше. Двигатель – сердце танка. У гитлеровской «Мыши» было слабенькое сердечко в сравнении с ее непомерным весом. И лучше говорить не про удельную мощь, а про удельную немощь. Но главное в другом: эти танки можно было строить малыми сериями, а то и вообще единичными экземплярами.

И еще: европейские мосты того времени редко имели грузоподъемность свыше 40 тонн. Вес в 140, а тем более 188 тонн, не выдерживал ни один мост. Вопрос: зачем вам танк, который, выйдя из ворот завода, может пройти только до первой речки, но не дальше?

Генерал-лейтенант Эрих Шнейдер так характеризовал гитлеровский супертанк «Маус»: «В военном отношении он не представлял собой никакой ценности. Конструкция его была разработана Порше и Круппом. Но на испытаниях оказалось, что он не мог пройти ни по одному мосту,

служил удобной мишенью и имел недостаточно толстую броню, чтобы без риска подставлять лоб любому противотанковому орудью. На создание экспериментальной модели и на подготовку серийного производства этого танка ушло много ценнейших материалов и труда, которые могли быть использованы для решения других, более срочных задач» (Итоги Второй мировой войны. с. 306).

В этом отрывке поражает фраза: «на испытаниях оказалось, что он не мог пройти ни по одному мосту...» Неужто создателям 188-тонной махины это было неясно до испытаний?

Думаю, что все им было ясно. Это были люди высочайшей технической квалификации. Это были люди куда более умные, чем я и, быть может, вы. Но у нас с вами преимущество. Мы – разгильдяи. И у нас хватило бы глупости усомниться в целесообразности такой затеи. А они люди дисциплинированные. У них – приказ. Они приказ выполняли, понимая, что его выполнение вредит разработке других, куда более важных и насущных проектов, и это ведет Германию к разгрому.

Заставь дурака конструировать танки или вербовать агентуру...

ГЛАВА 10 А В ЭТО ВРЕМЯ...

*Система высшего командования немецкими вооруженными силами вообще была странной.
Генерал-лейтенант Б. Циммерман. Роковые решения. с. 237*

- 1 -

Гитлеровская армия и государство отличались от других армий и государств запредельной точностью и аккуратностью.

А в это время в германской армии и государстве процветали хаос и разгильдяйство, которых свет не видал с момента сотворения.

Начнем с самого верха. «Гитлер часто необдуманно подписывал указы, противоречащие ранее изданным, создавая тем самым невообразимую сумятицу» (Шпеер. с. 348).

«Он постоянно стремился к тому, чтобы ввести себя и окружающих в заблуждение относительно истинного положения вещей... Он не отдавал себе никакого отчета в том, что говорил и какие решения принимал» (Гудериан. с. 613).

«Глубоко чуждая его натуре дисциплина отнюдь не способствовала принятию им разумных и взвешенных решений» (Шпеер. с. 401).

Итак, во главе Германии стоял путаник. Уже одного этого было достаточно для полной анархии. Но кроме этого, Гитлер занимал множество должностей: партийных, государственных и военных: он – лидер партии, рейхсканцлер, президент Германии, военный министр, Верховный главнокомандующий Вермахта, главнокомандующий сухопутными войсками. Так было и у Сталина, правда, должностей у него было поменьше. Но разница не в количестве должностей. Коренная разница в другом. В каком бы качестве Сталин ни представал – Генеральный секретарь ЦК, Председатель Совнаркома, Верховный главнокомандующий, – механизм власти оставался единым. Он скромно именовался «Секретариат т. Сталина». В любом случае все доклады, доносы, рапорты, донесения, все звонки, все письма на имя Сталина, от посланий Черчилля, Гитлера или Рузвельта до записок странных людей, сходились именно в этот центр, в конечном итоге – к одному человеку. Был это товарищ Поскребышев, который докладывал Сталину и получал от него указания.

А у Гитлера каждой должности соответствовала отдельная канцелярия. Всего личность Гитлера представляли пять разных структур. Каждая из них считала себя главной и основной и от имени фюрера отдавала приказы и распоряжения, не интересуясь тем, что пишут ребята за стеной. Нет, даже не так. Оттого, что каждая из этих структур считала себя главной, она старалась действовать вопреки трем остальным: ах вы такую линию гнете, чихать мы на вас хотели и поступим как раз наоборот.

Но хаос этим не кончался, а только начинался.

Непосредственное окружение Гитлера – адъютанты (и их жены), секретарши, врачи, пило-

ты, водители, фотограф, охранники – имели на него влияние, и каждый занимался государственными делами, и каждый тянул в свою сторону. Мечту Ленина о кухарках, управляющих государством, немецкие социалисты не сумели осуществить до конца, но в этом направлении они весьма далеко продвинулись. Старший адъютант Гитлера Шмундт, к примеру, одновременно занимал должность начальника главного управления кадров сухопутных войск. Казалось бы, пусть адъютант занимается своим делом – носит портфель, точит карандаши, а начальник главного управления кадров пусть руководит своим многосложным и чрезвычайно ответственным хозяйством. Но нет. Адъютант получает и сдает оперативные карты, носит их за Гитлером в черном портфеле, выполняет мелкие поручения, а между делом назначает и смещает генералов с их постов, присваивает воинские звания, распределяет кадры в войсках, ведет учет выслуги лет, наград и потерь в многомиллионной армии. А еще – ведет свою собственную политику.

«Гитлер часами просиживал со своими адъютантами и секретаршами, обсуждая до рассвета свои планы» (Гудериан. с. 612). С секретаршами можно обсуждать множество проблем. И все же они – не стратеги. Стратегические проблемы надо обсуждать в другом кругу.

«Постоянный заместитель Гимmlера бригадефюрер СС Фегелейн, который, женившись на сестре Евы Браун, стал свояком Гитлера, начал бестактно использовать свою близость к фюреру. Личный врач Гитлера Морель, занимавшийся сомнительными гешефтами, и, к сожалению, генерал Бургдорф, ставший после смерти Шмундта начальником управления личного состава сухопутных войск, также не отличались благородством своих поступков. Эти люди образовали клику интриганов и окружили Гитлера кольцом, которое мешало фюреру узнать всю правду о событиях. Они предавались безудержному пьянству...» (Гудериан. с. 625). Министр вооружений и боеприпасов Шпеер сообщает, что в окружении Гитлера его поддерживали адъютанты и лечащий врач Гитлера Карл Брандт (с. 379). Министру вооружений, для того чтобы пробить какие-то свои вопросы, нужна поддержка влиятельных лиц, и он ее находит у врача... Но что может знать врач о производстве подкалиберных снарядов, о разработке систем управления баллистических ракет, о силовой передаче и подвеске «Королевского тигра»?

В борьбу за влияние на Гитлера включился также генерал-полковник А. Йодль. «Для осуществления своего замысла он выбрал полковника авиации Кристиана. Этот сравнительно молодой человек на оперативных совещаниях имел лишь право совещательного голоса, но зато обладал одним неоспоримым достоинством: его жена была непременной участницей устраиваемых Гитлером ночных чаепитий» (Шпеер. с. 415).

Ловко задумано: жена полковника ночами пьет чай с Верховным главнокомандующим и выгибает стратегическую линию Третьего рейха в нужную сторону... Сей замысел, конечно, провалился. А все потому, что Гитлер упивался своей болтовней, и никого, включая и жену полковника, не слушал. Фраза «обсуждал планы с секретаршами» вовсе не означает, что Гитлер слушал советы секретарш: он просто выбалтывал им свои планы.

Идею влиять на Гитлера через чужую жену осуществить не удалось, но интересен подход. Генерал-полковник Йодль – начальник штаба оперативного руководства Вермахта, т.е. главный создатель гитлеровских стратегических планов. Если он не может убедить Гитлера в своей правоте, то следовало действовать честно и прямо: мой фюрер, моих советов вы все равно не слушаете, потому отправьте меня на фронт, а себе подберите другого советника, которому вы будете доверять, к советам которого будете прислушиваться. Ан нет, Йодль на фронт не просится и своего места, как и Кейтель, никому не уступает. Ближайший военный советник Гитлера пытается убеждать своего фюрера не блеском доводов и неотразимой логикой, а окольным путем через чужую жену... Ай да стратегия! А ведь для того чтобы эта баба (фрау – если хотите) могла влиять на принятие важных решений, ее следовало посвятить в самые сокровенные стратегические планы Вермахта. Чтобы влиять, она должна быть в курсе самых последних веяний в самом высшем стратегическом руководстве, она должна многое понимать, вникать в нюансы. Если бы план удался, то ее, несомненно, посвятили бы в стратегические замыслы, детали и подробности.

Вот вам уровень разгильдяйства, который нам и не снился в пьяном бреду. Бывало, что гитлеровские планы (например, план операции «Цитадель») попадали на сталинский стол быстрее, чем в штабы германских армий, которым этот план предстояло осуществлять. За такие достижения надо благодарить не только могущественную сталинскую разведку, но и Гитлера, который рассказывал свои планы кому угодно. Благодарить надо и всех окружающих Гитлера

генералов и фельдмаршалов, которые были готовы доверять высшие военные тайны женам молодых полковников.

В связи с этим еще одно замечание: когда гитлеровские планы ложились на сталинский стол, он не всегда им верил. И мы должны понять сталинское сомнение. Легко ли было поверить, что в окружении Гитлера царит преступная халатность и вопиющая безответственность?

Впрочем, в Берлине случались ситуации и более веселые. Доходило до того, что никакой злопыхатель придумать бы не смог. Пристегните ремни, держитесь за стены, я расскажу нечто более интересное, чем история про запрет на содержание удава...

Итак, личный гитлеровский фотограф Генрих Гофман подробно докладывает фюреру... о ходе ядерных исследований. А откуда фотографу знать положение дел в области создания ядерного оружия? (Держитесь крепче!) Оказывается, личный фотограф Гитлера «был дружен с министром почт Онезорге. Тот проявлял большой интерес к проблемам расщепления атомного ядра и – подобно СС – также имел под своим началом научно-исследовательскую лабораторию» (Шпеер. с. 315).

Гитлеру следовало сообразить: способен ли министр почт создать ядерный заряд или не способен. Если способен, то следовало его освободить от контроля над сортировщиками писем и приказать заниматься только созданием ядерного оружия. А если не способен, тогда следовало вклеить ему выговор с предупреждением, чтобы народные деньги зря не тратил и почтальонов от дел не отрывал. А ядерные исследования сосредоточить не на главном почтамте Берлина, а в подходящем для такого дела месте и поставить на это людей более сведущих, чем главный почтмейстер.

Если бы стало известно, что у Сталина каждый, кому не лень, начиная с министра почт, создает свое собственное ядерное оружие, что министр докладывает фотографу, который, в свою очередь, подробно излагает суть возникающих проблем Верховному главнокомандующему, то над нами смеялось бы все прогрессивное человечество. Этот анекдот переписывали бы из одной диссертации в другую. Но вот загадка: мемуары Шпеера переведены на все языки, примеры вроде этого – почти на каждой странице, один смешнее другого, и... никто не смеется. И все повторяют, что Гитлер был к войне готов, что он был умен и страшен, а Сталин глуп и труслив, что все у немцев было отработано и отлажено, что у них порядок, а у нас – сплошная дурь и глупость...

- 2 -

Руководители органов высшей военной власти Германии, начиная с начальников Генеральных штабов, лично подписывают инструкции о соблюдении образцового порядка в бардаках, а в это время... в органах высшей военной, политической и административной власти свирепствует небывалый, невиданный нигде в мире бардак. Я не ошибся, когда о Генеральном штабе написал во множественном числе: у Гитлера их было три. Вооруженные силы Германии были разделены на три вида вооруженных сил, каждый из которых имел свое главное командование: сухопутных войск (ОКХ), авиации (ОКЛ) и флота (ОКМ). Каждый из трех главнокомандующих имел свой собственный Генеральный штаб и сам планировал войну. А еще было независимое от всех командование войск СС со своим собственным штабом. Каждый видел ситуацию со своей колокольни, каждый отдавал свои приказы. И не надо иметь буйной фантазии, чтобы представить последствия. Вот результат, один из многих тысяч. Рассказывает бывший командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Г. Гот (Танковые операции. с. 69). Дата – 22 июня 1941 года. Внезапный всепоглощающий удар германских войск. 19-я танковая дивизия 57-го танкового корпуса 3-й танковой группы пересекла советскую границу и стремительно уходит вперед. Вслед за 19-й танковой дивизией идут колонны 8-го авиационного корпуса – две тысячи автомашин, в том числе – тяжелые грузовики с телеграфными столбами. Через несколько часов движения танковым подразделениям требуется привал: дозаправка, проверка двигателей, радиаторов, масляных фильтров и т.д. Танковая дивизия остановилась на обочинах лесных дорог. Этим воспользовались транспортные подразделения авиации – они обогнали танковые колонны и рванули вперед на противоположный берег Немана. (У них-то свои планы!) Вскоре они попали на плохой участок дороги и застряли. Дороги – сплошной песок. Обойти нельзя – кругом лес. Сидят в песке по самые оси машины с телеграфными столбами, а все, кто

позади, включая танковую дивизию, загорают на солнышке. И весь блицкриг застопорило. Прямо 22 июня.

Говорят, песок виноват. Тут не возразишь. Но, черт побери, действие происходит на территории, которая совсем недавно была единым государством – независимой Польшей. Условия по обе стороны границы одинаковые. Что по ту сторону границы, что по эту – тот же лес, та же дорога и тот же песок. Неужто трудно провести до начала войны маневры и посмотреть, что будет, если тыловые подразделения авиации попрут вперед танковых дивизий? Неужто трудно это сообразить без маневров? Неужто непонятно, что колонны тыловых подразделений не могут, не должны, не имеют права лезть вперед танковых частей? И нужно ли объяснять, что вооруженные силы не могут иметь сразу ТРИ Генеральных штаба? Разве трудно понять, что если войну одновременно планируют ТРИ разных Генеральных штаба, то последствия такого планирования неизбежно приведут к хаосу, путанице и поражению?

Наличие трех Генеральных штабов, да еще и командования СС, вело к тому, что Германия была вынуждена вести одновременно четыре разные войны.

- 3 -

Три разных Генеральных штаба и командование СС не координировали свои действия. Каждый для себя разворачивал собственные системы управления и связи. Образно говоря, каждый для себя тащил телеграфные столбы.

«Мы подробно обсудили негативные последствия поспешных и плохо продуманных оперативных приказов и пришли к выводу, что штаб Верховного главнокомандования в значительной степени утратил контроль над ситуацией. Генерал Фельгибель рассказал, что наличие у каждого из родов войск собственной системы связи требует использования невероятного количества обслуживающих их солдат и огромных дополнительных расходов. Он пытался доказать Гитлеру, что, даже если отбросить заботу об экономии, все равно гораздо разумнее было бы проложить, скажем, от Афин или Лапландии не две линии связи, соединяющие дислоцированные там соединения сухопутных войск и Военно-воздушных сил с их высшими командными инстанциями, а одну, но гораздо более мощную и способную выдержать любую перегрузку. Гитлер категорически отверг его предложение» (Шпеер. с. 506).

Но дело даже не в том, что у каждого вида вооруженных сил были собственные системы и органы управления, связи, снабжения, обеспечения, начиная от собственного Генерального штаба и кончая своими внутриведомственными походно-полевыми бардаками. Комедия состояла в том, что «каждый вид вооруженных сил действовал самостоятельно» (Генерал-лейтенант Б. Циммерман. Роковые решения. с. 254).

Каждый, кто изучал историю Вермахта, неизбежно в основу своих изысканий должен был положить капитальный трехтомный труд, который написал генерал-майор Б. Мюллер-Гиллебранд. Это основа основ. Это классика. И начинает он свой труд с уничтожительной критики структуры высшего военного руководства, которая попросту не позволяла эффективно руководить страной и ее вооруженными силами. «Жесткое руководство в связи с наличием множества независимых друг от друга властей (начальники корпусных округов, начальники военно-воздушных округов, председатели правительств земель, гауляйтеры, областные представители генерального уполномоченного фюрера, начальники органов СС и т.д.) было очень затруднено» (Т. 1. с. 30).

«Неразбериха в высших органах государственной власти» (Там же. с. 31).

«Коренные ошибки в сотрудничестве высшего политического и военного руководства привели к катастрофическим последствиям. Они были вызваны совершенно недопустимой организацией высших органов руководства Германии и крайне нечетким разграничением ответственности внутри их. Эти тяжелые ошибки не могли быть компенсированы ни еще большими усилиями в строительстве вооруженных сил, ни способностями командного состава, ни боевыми качествами войск» (Там же. с. 162).

- 4 -

У Сталина система управления была простой, понятной, эффективной. Организационная

единица – фронт. Против Германии в начале войны действовало пять советских фронтов, в конце войны – десять. Во главе каждого фронта – командующий и штаб. В составе фронта – несколько общевойсковых и танковых армий и своя собственная авиация: несколько авиационных дивизий и корпусов или целая воздушная армия. Командующий фронтом и его штаб планируют и направляют боевые действия как общевойсковых и танковых армий, так и своей авиации. Каждый советский фронт – это единый механизм, состоящий из объединений сухопутных войск и авиации. Поэтому и авиация, и сухопутные войска действуют по единому замыслу и плану. Фронт имеет единую систему управления и боевого обеспечения. Война – это перманентный кризис. Все время чего-то не хватает: солдат, офицеров, средств связи, боеприпасов, топлива, транспорта и т.д. Всего в избытке бывает только в день победы. А до того дня надо постоянно покрывать нехватку за чей-то счет. Советская система позволяла это делать, ибо все под контролем одного командующего и его штаба. Если танкисты, пехота, артиллерия стоят в глухой обороне, а авиация ведет напряженные воздушные бои, значит, командующий фронтом все свои средства направляет на обеспечение действий авиации: на нее будут работать системы связи, транспорт и все остальное.

А если стрелковые и танковые корпуса пошли вперед, а погода не позволяет авиации работать, как было в первый день Сталинградской стратегической наступательной операции, значит, все средства фронта – танкистам, пехоте и артиллерии.

Ничего подобного в гитлеровской армии не было. Если в данный момент в каком-то месте у летчиков горючего в избытке, а танкистам его не хватает (или, наоборот, у танкистов избыток, у летчиков недостаток), то не существовало никакого механизма, который позволял бы об этом знать, а тем более эти излишки получить: сухопутные войска воюют под одним командованием, авиация – под другим.

И все же главное в другом.

В Красной Армии взаимодействие разных видов вооруженных сил осуществлялось ПРИКАЗОМ. Пример. 15-16 июля 1944 года войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону противника в районе Тернополя. Образовалась брешь в немецкой обороне, так называемый Колтовский коридор – шириной 4-6 километров и длиной 18 километров. Это «чистый» прорыв, но слишком узкий и длинный. Коридор насквозь простреливается германской артиллерией с двух сторон. Расширить коридор не удастся. Командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. с. Конев принимает решение ввести в прорыв 3-ю гвардейскую танковую армию. Номер смертельный – танковая армия на одном маршруте под перекрестным артиллерийским огнем с двух сторон. Для обеспечения ввода танковой армии в прорыв командующий фронтом дополнительно бросает в сражение два танковых корпуса, крупные силы артиллерии и поднимает в небо 2-ю воздушную армию. Воздушной армии приказ: обеспечить полное господство в воздухе в районе прорыва и подавить фланговые группировки противника. 16 июля в небе над Колтовским коридором одновременно работали шесть советских авиационных корпусов и три отдельных авиационных дивизий. Главный принцип стратегии – концентрация. Концентрация мощи против слабости. Вот она – концентрация.

3-я гвардейская танковая армия прошла через коридор и вырвалась на оперативный простор, и тогда Маршал Советского Союза Конев принимает решение вводить через Колтовский коридор еще одну танковую армию, 4-ю. Две танковые армии, одна за другой, по одному маршруту... Такого история войн не знала. Риск чрезвычайный. Но и результат соответствующий. Этот маневр стал возможен только потому, что командование было сосредоточено в одних руках. Один человек все решает. И несет полную ответственность за свои решения.

Речь, однако, не о нем. Речь о германской армии.

Организационная единица сухопутных войск – группа армий, авиации – воздушный флот. Воздушные флоты взаимодействовали с группами армий, поддерживали их. Повторяю: взаимодействовали и поддерживали. Группы армий подчинялись Гитлеру, а воздушные флоты – Герингу. Воздушный флот поддерживал группу армий, но не входил в ее состав. Командующий группой армий не имел никакой власти над воздушным флотом, который действовал в данном районе. Он не мог ПРИКАЗАТЬ. Он только мог ДОГОВОРИТЬСЯ.

Тот же пример. Прорыв двух советских танковых армий через Колтовский коридор. Коневу противостояла германская группа армий «Северная Украина». Ее поддерживал 4-й воздушный флот. Задача Конева – вывести две танковые армии на оперативный простор. Он ПРИКАЗЫВА-

ЕГ командующему 2-й воздушной армией прорыв обеспечить. Тот отвечает «Есть!» и действует.

Коневу противостоит генерал-полковник И. Гарпе, командующий группой армий «Северная Украина». Его задача прямо противоположна: не позволить советским танковым армиям вырваться из Колтовского коридора. Он должен их остановить. Единственная возможность: поднять в воздух 4-й воздушный флот. Но власти над воздушным флотом у него нет. Он может ПРОСИТЬ, УГОВАРИВАТЬ, может ДОГОВОРИТЬСЯ. Но не может ПРИКАЗАТЬ.

Командующий 4-м воздушным флотом имеет полное право командующего группой армий попросту послать. Отношения между командующим группой армий и командующим воздушным флотом – это отношения посторонних людей на улице. На просьбу о помощи можно ответить, а можно и не ответить.

Если командующий воздушным флотом не захочет выполнить ПРОСЬБУ командующего группой армий «Северная Украина» (что и случилось), тогда действует следующая цепь: генерал-полковник И. Гарпе должен звонить Гитлеру и объяснять ситуацию. Гитлер должен приказывать Герингу. Тогда Геринг своей властью отдает приказ 4-му воздушному флоту действовать. Пока командующий группой армий «Северная Украина» из Львова звонил Гитлеру в «Волчье логово» (а он приказал себя не тревожить), пока Гитлер связался с Герингом (а тот был не в себе), пока приказ Геринга возвращался во Львов к командующему 4-м воздушным флотом... Львов был окружен и взят.

Теперь события развиваются в обратном порядке. Самолеты 4-го воздушного флота поднялись в воздух и улетели. Но воздушный флот имеет огромные запасы и столь же огромные наземные тыловые подразделения. Они беззащитны. Их надо спасать. Командующий 4-м воздушным флотом обращается к командующему группой армий «Северная Украина»: спасай, соседка! А тот ему вежливо: дозвонись до Геринга, пусть он разбудит Гитлера, Гитлер мне прикажет, и я тебе непременно помогу!

Так как в Красной Армии воздушные армии были составной частью фронтов, командующий фронтом при отступлении был обязан спасать тыловые части авиации – это ЕГО авиация. Собственная. Он ею командовал и он за нее отвечал. А в германской армии командующие группами армий воздушными флотами не командовали и за них не отвечали: спасайтесь, ребята, сами.

В германской армии сухопутные, авиационные и флотские командиры, а также командиры войск СС должны были между собой СГОВАРИВАТЬСЯ. Как на базаре. Это не военный подход. И такая армия победить не могла.

- 5 -

В Красной Армии над всеми фронтами и флотами – Ставка Верховного Главнокомандующего (СВГК). Это сам Сталин и группа выдающихся (это действительно так) полководцев, с которыми Сталин держит совет и которых может поспать туда, где в данный момент решается судьба войны. Ничего равного этому органу у Гитлера не было. Рядом с ним не было талантливых полководцев, если не считать адъютантов и секретарш. Теоретически только они могли подсказать Гитлеру гениальное решение, и только они могли его поправить. На практике этого не делал никто.

Рабочим органом сталинской Ставки являлся Генеральный штаб, который собирал и анализировал все сведения, готовил решения для Ставки ВГК и после их утверждения контролировал исполнение.

Небольшой нюанс – в Красной Армии существовал командующий ВВС, который имел свой штаб. Однако его положение и круг ответственности были четко определены. Командующий ВВС, его управление и штаб занимались подготовкой кадров, формированием и укомплектованием авиационных соединений. Обобщением боевого опыта и еще множеством самых разнообразных задач и вопросов, кроме одного – они не занимались планированием боевых действий. Все боевое планирование шло по прямой и четкой линии: Ставка ВГК и Генеральный штаб передают приказы командующим фронтам и их штабам.

А у Гитлера – три главнокомандующих видами вооруженных сил и три разных Генеральных штаба. «Было явной ошибкой ставить во главе каждого вида вооруженных сил командующего. Деление вооруженных сил на составные части (сухопутные войска, военно-морские и во-

енно-воздушные силы) является целесообразным лишь с точки зрения организации боевой подготовки, оснащения их вооружением и техническими средствами и т.д. И не вызывается необходимостью их раздельного оперативного использования» (Б. Мюллер-Гиллебранд. т. 1. с. 129). И вот результат: в Норвегии находятся соединения германской авиации, флота и сухопутных войск. Всем им, работающим вместе и выполняющим в принципе единую боевую задачу, поступают из Берлина разные указания из трех разных Генеральных штабов. А войскам СС, находящимся там же, поступают приказы из того же Берлина, но только совсем из другого штаба.

То же самое – в Африке. И в Греции. И в Италии. И в Советском Союзе, и во Франции. Далее – везде.

Как же организовать взаимодействие трех независимых Генеральных штабов и командования войск СС? Гитлер придумал: поставить над ними еще два штаба, но так, чтобы они тоже друг другу не подчинялись, а были бы независимыми. И великую идею претворили в жизнь. Так родились штаб Верховного Главнокомандования Вермахта, во главе которого стоял генерал-фельдмаршал В. Кейтель, и штаб оперативного руководства Вермахта, во главе которого стоял генерал-полковник А. Йодль. «Именно Йодль как начальник штаба оперативного руководства Вермахта должен был координировать военные действия на всех фронтах. Но Гитлер демонстративно взял эту задачу на себя, однако так толком и не занимался ее выполнением. В сущности, Йодль не обладал четко определенными полномочиями. Желая вообще получить хоть какое-то поле деятельности, его штаб взял на себя руководство операциями на отдельных фронтах. В результате Гитлер оказался как бы между двумя конкурирующими генеральными штабами... Чем хуже становилось положение, тем ожесточеннее эти штабы спорили между собой» (Шпеер. с. 336).

Система управления вооруженными силами Германии, а также наукой, экономикой, внешней и внутренней политикой, захваченными территориями и так далее была воистину удивительной. Именно это слово используют германские генералы и фельдмаршалы. «Прямо-таки удивительная организация управления войсками на южном крыле Восточного фронта германской армии. Группа армий „А“ вообще не имела своего собственного командующего. Ею командовал „по совместительству“ Гитлер» (Манштейн. с. 353).

Между некоторыми штабами систему подчинения установить было вообще невозможно, потому что они подчинялись одному человеку.

Вот ситуация в 1942 году.

Штаб группы армий «А» выполняет приказы своего командующего, которым является Адольф Гитлер.

Выше находится Генеральный штаб сухопутных войск. Он выполняет приказы главнокомандующего сухопутными войсками, которым является Адольф Гитлер.

Еще выше – штаб оперативного руководства Вермахта. Он выполняет приказы Верховного главнокомандующего, которым является Адольф Гитлер.

А над ними – штаб Верховного главнокомандования Вермахта, который тоже выполняет приказы Верховного главнокомандующего, которым является Адольф Гитлер.

Все эти штабы получали указания непосредственно от Гитлера, и это обстоятельство делало их примерно одинаковыми по значению. Начальник каждого из этих штабов получает приказы от Гитлера, поэтому просто не может и не должен подчиняться какому-то Кейтелю или Йодлю. Когда Адольф Гитлер находится в роли главнокомандующего сухопутными войсками, то он отдает приказы, не считаясь с мнением Верховного главнокомандующего, того же самого Адольфа Гитлера. А когда опускается на ступень ниже, превращаясь в командующего группой армий «А», то перед ним открывается вид с более низкой колокольни, и он отдает другие приказы, теперь уже игнорируя самого себя и как Верховного главнокомандующего, и как главнокомандующего сухопутными войсками. Нижестоящие штабы, получая указания непосредственно от Гитлера, игнорировали указания более высоких штабов и были совершенно правы.

В течение дня, а то и часа Гитлер, не выходя из своего бункера, превращался то в командующего группой армий «А», то в Верховного главнокомандующего, то в главнокомандующего сухопутными войсками. Каждый раз он смотрел на ситуацию как бы с другой колокольни: то с высокой, то с низкой, то со средней. Беда (для Германии) была в том, что разным штабам Гитлер давал разные указания в зависимости от высоты колокольни, на которой находился в данный момент. И между штабами возникала грызня, которую Гитлер остановить не мог, потому что

был вынужден спорить с самим собой, ибо разные штабы выполняли не чьи-либо, а его собственные указания. «Гитлер проявил полнейшую беспомощность, ибо никак не мог выбрать один из двух вариантов. Он поддерживал то одну, то другую сторону и издавал противоречащие друг другу приказы» (Шпеер. с. 531).

Гудериан эту организацию называет «нагромождением штабов». Любые его попытки сделать систему высшего военного руководства простой, понятной и работоспособной проваливались. Навести хоть какой-то порядок в этом сумасшедшем доме пытались и Манштейн, и Браухич, и другие. Но порядка не получалось, а хаос усиливался. «Плохая организация наших верховных военных органов и еще более плохой подбор людей на руководящие посты... существование различных инстанций – Верховного командования вооруженных сил, штаба оперативного руководства вооруженными силами, главного командования сухопутных войск, главного командования военно-воздушных сил, главного командования военно-морских сил, командования войск СС, министерства вооружения и боеприпасов – создает путаницу в руководстве вооруженными силами» (Гудериан. с. 405).

Однако Гитлеру было мало всего этого безобразия, и он вмешивался в управление войсками и на более низком уровне. В Сталинграде воюет 6-я германская армия. Она подчинена группе армий «Б». «В результате вмешательства Гитлера штаб группы армий оказался в значительной мере отстраненным от руководства действиями 6-й армии» (Манштейн. с. 354).

Полная анархия и неразбериха в органах высшего военного руководства вела к неизбежному поражению. «Отсутствие четкой субординации приводит к полнейшей безответственности» (Шпеер. с. 529). Поэтому в войска поступали удивительные приказы. Манштейн идет на Ленинград, а ему передают множество самых разных приказов, которые противоречат один другому и отменяют ранее поступившие распоряжения. «Даже я, как командир корпуса, не мог ничего понять в этих вечных переменах... Не было ясно, какую оперативную цель мы преследуем, в чем заключается смысл всех этих боев» (Манштейн. с. 211).

А Гудериан идет на Москву. 10 октября 1941 года в штаб 2-й танковой группы, которой он командует, приходят приказы: овладеть Курском; очистить котел в районе Трубачевска; завершить окружение котла, образовавшегося северо-восточнее Брянска; нанести удар по Туле. Все выполнить одновременно и немедленно. Начальник штаба танковой группы запросил вышестоящий штаб о степени срочности выполнения этих указаний: что важнее – удар на Курск, на Тулу, на Брянск или котел в районе Трубачевска? Ответа на запрос не поступило: в вышестоящих штабах сидели генералы, не задумывавшиеся над приказами, которые сами отдавали войскам.

Но ведь и это не все. Помимо штабов и правительства, существовал еще и Имперский совет по обороне, созданный 30 августа 1939 года. Председатель – Геринг. Это еще одна его должность. И еще одна бюрократическая опухоль на теле государства. Еще один источник ценнейших указаний и полюс хаоса и неразберихи. Появление этого органа привело к тому, что «Верховное командование вооруженных сил в значительной мере утратило свое влияние на высший орган руководства страны» (Мюллер-Гиллебранд. Т. 2. с. 31).

- 6 -

Сухопутные войска, авиация и флот вели войну на свой лад. Каждый считал себя важнее других и подгрел что мог. Геринг набрал в авиацию столько людей, что им попросту было нечего делать. Самолетов мало, а бездельников много. Организацию военно-воздушных сил многие гитлеровцы, начиная с Геббельса, называли ублюдочной и рахитической. Но Геринг упорно не желал отдавать этих офицеров и солдат сухопутным войскам, где людей катастрофически не хватало. Гитлер по своему слабоволию и малодушию приказать Герингу не смел. Война требовала крови, мяса и жизней, а сотни тысяч отобранных откормленных геринговских лентяев расслаблялись на тыловых аэродромах. Но вот пропели жареные петухи, и людей все равно надо посылать в бой. А Геринг упирается. Что может сделать Гитлер? Не может же он приказать. Было подсчитано, что в ВВС бездельников – миллион двести тысяч. Армия требовала передать их в свои ряды. Геринг упрямылся. Он сумел снизить число передаваемых в сухопутные войска до миллиона, затем – до семисот тысяч. Когда с этим согласились, он решил торговаться дальше и снизил это число до полумиллиона, затем до трехсот, наконец, – до двухсот тысяч. В ВВС больше миллиона тунеядцев, но попадет на фронт только один из шести. Но и тут Геринг продолжал

упорствовать. И своего добился. Гитлер пошел на уступки. Получился компромисс под названием авиаполевые дивизии.

Напрашивалось простое, понятное, логичное решение: двести тысяч солдат и офицеров передать в состав сухопутных войск и распределить по боевым дивизиям. В этом случае никогда не воевавшие люди попадут в крепко сколоченные коллективы фронтовиков под командование опытных командиров. Если пехотное отделение пополнить двумя-тремя ранее не воевавшими солдатами из авиации, то они быстро освоятся в новой обстановке и вскоре станут настоящими бойцами...

Но такой вариант Геринга не устраивал. В этом случае двести тысяч солдат выходили из-под его командования. А Геринг их отпускать не хотел: отдай их сухопутным войскам, а как же с них деньги на подарки Герингу собирать? Вот и возникли из ничего двадцать авиаполевых дивизий. Что это такое? Это Геринг решил самостоятельно вести войну на сухопутных театрах. Созданные дивизии – пехота, но они укомплектованы личным составом авиации. В каждой из этих дивизий все от командира и начальника штаба дивизии до самого последнего рядового не имели никакого опыта войны, и научиться им было не у кого: в каждой дивизии все десять тысяч человек такие же неопытные люди, которые не знают, чем отличается основная огневая позиция от запасной. «В январе 1943 года, когда под Сталинградом была потеряна 6-я армия, на южный участок Восточного фронта были направлены три такие злосчастные дивизии, из которых две после их прибытия по железной дороге в пункт выгрузки оказались не в состоянии ни сосредоточиться, ни вступить в бой, потому что их командование не было обучено выполнению этих тактических задач. Дивизии исчезли...» (Мюллер-Гиллебранд. Т. 3. с. 101).

Но это – присказка. Главное заключалось в том, что авиаполевые дивизии вели боевые действия вместе с обычными дивизиями сухопутных войск, однако оставались в подчинении ВВС. И до этого ВВС вели свою войну, флот – другую, сухопутные войска – третью. Такое положение дел могло кончиться только катастрофой. Ситуация усложнилась. Теперь на сухопутных фронтах воевали дивизии сухопутных войск, которые подчинялись своему Генеральному штабу, имели свои линии связи и системы снабжения и комплектования, а между ними воевали дивизии Геринга, которые выполняли совсем другие приказы и инструкции, имели свои линии подчинения и боевого обеспечения.

Жареные петухи пели свою песнь, и Герингу приходилось отдавать новые десятки и сотни тысяч людей, которым в ВВС было решительно нечего делать. Количество пехотных дивизий Геринга возросло до 32. Некоторые из этих дивизий шли на фронт под названием парашютных, но они таковыми не являлись. Это просто наземный персонал аэродромов. Для управления таким количеством дивизий пришлось создавать корпуса. И их создали. Пример: парашютно-танковый корпус «Герман Геринг». Он состоял из парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг» и парашютно-моторизованной дивизии. Догадайтесь, как она называлась? Правильно: тоже «Герман Геринг» (Мюллер-Гиллебранд. т. 3. с. 402).

Парашютно-танковый корпус – это бред. Танковые части легко сочетаются с подразделениями боевых вертолетов и десантно-штурмовыми частями, которые вертолетами перебрасываются. Но в то время не было ни боевых, ни транспортных вертолетов. А объединять танковую мощь и парашютно-десантную легкость в единую организационную структуру просто нет смысла. Это помесь гуся с носорогом.

А во флоте тоже людей избыток. К 1944 году флот был практически уничтожен, и тысячам матросов делать нечего. Их отправляют на фронт, объединив в морские пехотные дивизии. У нас было нечто подобное. Флот, особенно Тихоокеанский, фактически бездействовал, потому в критический момент по приказу Сталина моряков снимали с кораблей, формировали морские стрелковые бригады и бросали в бой. Разница в том, что это были все-таки бригады, а не дивизии. Во-вторых, командный состав этих бригад еще при формировании разбавляли сухопутными офицерами, в основном – фронтовиками из госпиталей. Но главное, что советские морские стрелковые бригады сразу, полностью и навсегда передавались в состав сухопутных войск. А у Гитлера морские пехотные дивизии, как и авиаполевые, формировались полностью однородным, совершенно неопытным составом. И что самое главное, морские пехотные дивизии воевали на сухопутных фронтах, но оставались в подчинении флота.

Описать всю глупость гитлеровской структуры управления мне не дано. Это бесконечная, бездонная и неисчерпаемая тема. Еще только один пример. Помимо всего прочего, существовали

войска СС. Они имели свое собственное командование, свою структуру, свою форму одежды, свою систему комплектования, управления, снабжения, свою систему воинских званий и собственные знаки различия, свой собственный штаб войск СС. Это была особая организация, которая вооруженным силам не подчинялась. «Рейхсфюрер СС постоянно стремился к показательному обособлению войск СС от вооруженных сил» (Мюллер-Гиллебранд. Т. 3. с. 217).

Силы СС были разнообразными и огромными. Перечень дивизий и корпусов СС впечатляет: 8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер», дивизия личной охраны СС «Адольф Гитлер», 21-я горнострелковая дивизия СС «Скандербег», 9-й горнострелковый корпус СС, 16-я моторизованная дивизия СС «Рейхсфюрер СС», дивизия СС «Мертвая голова», 36-я гренадерская дивизия СС. Общее количество дивизий СС – 43. В их числе – танковые, гренадерские, егерские, кавалерийские, горнострелковые, пехотные, полицейские и другие. Общее количество корпусов СС – 18, включая четыре танковых корпуса СС и два горно-егерских корпуса СС. Гиммлер имел в своем подчинении даже 6-ю танковую армию СС.

Кроме войск СС, под дисциплинарным контролем рейхсфюрера СС, т.е. под юрисдикцией СС, находились 50 дивизий фольксштурма (Мюллер-Гиллебранд. т. 3. с. 262). Всего в прямом подчинении Гиммлера было 93 дивизии. Для сравнения: в разгар «холодной войны» в Центральной Европе все страны НАТО имели 22 дивизии.

50 дивизий фольксштурма – это убудочные формирования. Но дивизии СС, корпуса СС и 6-я танковая армия СС – это элита. Солдаты этих дивизий вышли ростом и лицом, смотрелись красиво в черной форме с серебряными кантами и нашивками. Но существовали и проблемы... Будущий генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн вступил на советскую территорию командиром корпуса, в составе которого находилась лучшая дивизия СС «Мертвая голова». Манштейн характеризует ее положительно и продолжает: «Но все эти качества не могли возместить отсутствия военной подготовки командного состава. Дивизия имела колоссальные потери, так как она и ее командиры должны были учиться в бою тому, чему полки сухопутной армии давно научились. Эти потери, а также и недостаточный опыт приводили, в свою очередь, к тому, что она упускала благоприятные возможности и неизбежно должна была вести новые бои, ибо нет ничего труднее, как научиться пользоваться моментом, когда ослабление силы сопротивления противника дает наступающему наилучший шанс на решающий успех. В ходе боев я все время должен был оказывать помощь дивизии, но не мог предотвратить ее сильно возростающих потерь. После десяти дней боев три полка дивизии пришлось свести в два.

Как бы храбро ни сражались дивизии войск СС, каких бы прекрасных успехов они ни достигли, все же не подлежит никакому сомнению, что создание этих особых военных формирований было непростительной ошибкой. Отличное пополнение, которое могло бы в армии занять должности унтер-офицеров, в войсках СС так быстро выбывало из строя, что с этим никак нельзя было мириться. Пролитая ими кровь ни в коей мере не окупалась достигнутыми успехами. Понятно, что нельзя в этом упрекать войска. Вину за эти ненужные потери несут те, кто формировал эти особые соединения из политических соображений вопреки возражениям всех авторитетных инстанций сухопутной армии... Несомненно, большая часть состава войск СС приветствовала бы выход их из подчинения Гиммлера и включение в состав сухопутной армии» (Манштейн. с. 197).

- 7 -

Любые сравнения с советской практикой не в пользу Германии. У нас войска НКВД, у них – войска СС. Тут много общего. Это карательные войска. Их задача: массовое истребление людей, охрана концлагерей, конвоирование пленных, охрана правительства и важнейших объектов государственного управления, охрана тылов действующей армии. А разница состояла в том, что во время войны войска НКВД стояли позади частей Красной Армии, не позволяя отходить без приказа или подбадривая наступающие части пулеметными очередями в затылок. В боях части НКВД практически участия не принимали. Есть несколько исключений, когда фронт Красной Армии был прорван и частям НКВД, которые стояли в тылах, приходилось вынужденно вступать в бой. Однако при первой возможности этих тыловых героев отводили с фронта на выполнение свойственных им задач: на борьбу с врагами внутренними.

А войска СС активно воевали на фронте. Это были самые лучшие войска Германии. Но

именно это и создавало проблемы. Вот рядом воюют три немецкие танковые дивизии: одна – из сухопутных войск, другая – из ВВС, а третья – из СС. Три дивизии получают приказы и инструкции не из единого центра, а из трех разных. У нас танковые войска – единый род войск. Сидел в Москве товарищ Федоренко со своими ребятами, изучал опыт боевого применения танковых войск, обобщал его, собирал сведения об их запросах и потребностях, разрабатывал рекомендации и инструкции, совершенствовал структуру и систему боевой подготовки. А в Германии были не единые танковые войска, а три враждебных друг другу танковых племени. И отношения между ними – как между гвардейцами кардинала и мушкетерами короля. Каждое из этих племен изучало только свой опыт, готовило кадры для себя и снабжало себя... И было на войне четыре разные пехоты: пехота сухопутных войск Гитлера, авиаполевая пехота Геринга, пехота СС Гимmlера да еще и пехота из моряков, подчиненная Деницу. И четыре разные артиллерии. И две разные кавалерии. И т.д. и т.п.

Ситуация сложная. Во-первых, вооруженные силы искусственно разделены на три составляющих, что мешает их использованию. Во-вторых, сухопутные войска, в свою очередь, разделены на четыре составляющих. Летописец организационного развития германских вооруженных сил генерал-майор Б. Мюллер-Гиллебранд неоднократно в своем исследовании такое положение вещей характеризует одним словом: распад.

Для управления всем этим создавались и плодились штабы невероятных размеров в огромных количествах. Только два штаба – один под управлением Кейтеля, другой – Гудериана – это 54 тысячи генералов и старших офицеров, не считая охраны и obsługi. Штабы множились и раздувались раковыми опухолями. «Едва только была восстановлена нормальная связь, как на нас обрушился бумажный поток» (Манштейн. с. 206). И чем больше приказов, инструкций и распоряжений писали штабы, тем быстрее распространялась анархия. Помимо штабов, инструкции писали партийные канцелярии, гауляйтеры, министры, уполномоченные и еще многие и многие. Эффект был обратным: «На приказы и директивы из Берлина все чаще и чаще не обращали внимания» (Шпеер. с. 558).

Летом 1944 года Шпеер писал Гитлеру: «Американцы и русские добились таких поразительных результатов именно благодаря предельно упрощенным формам организации своей хозяйственной жизни, в то время как мы сильно отстаем от них из-за чрезмерно сложной системы государственного регулирования экономики. Эта война является одновременно борьбой двух систем. Если мы у себя ввели систему чрезмерной заорганизованности, то наш противник отдал предпочтение искусству импровизации. И если мы не найдем ей замены, то потомству придется только констатировать: мы проиграли войну, ибо наша изжившая себя, скованная традициями и потерявшая гибкость система потерпела полный крах».

Под конец войны даже Геббельс признал превосходство советской системы управления над немецкими пирамидами распоряжений, приказов и инструкций. «Для оккупации Румынии нам потребовалось в свое время 240 тысяч человек, в то время как Советы, как достоверно сообщают, довольствуются четырьмя дивизиями НКВД. Этого вполне достаточно. Мы, немцы, всегда совершаем на оккупированных территориях ошибку, стремясь все делать сами. С одной стороны, мы потратили на это слишком много сил, а с другой – лишь настроили против себя население оккупированных районов» (Последние записи. 15 марта 1945 г.).

ГЛАВА 11 БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ?

Война с Россией – бессмысленная затея, которая, на мой взгляд, не может иметь счастливого конца. Но если, по политическим причинам, война неизбежна, мы должны согласиться, что ее нельзя выиграть в течение одной лишь летней кампании. Вы только посмотрите на эти огромные пространства. Мы не можем разгромить противника и оккупировать всю западную часть России от Балтийского до Черного моря за какие-нибудь несколько месяцев.

Генерал-фельдмаршал К. фон Рундштедт. Май 1941 г. Роковые решения. с. 76

Нас всех так учили: танков у Сталина было мало, и они были в своем большинстве легкими, устаревшими, к тому же – изношенными. Нам рисовали общую картину неготовности, а в детали вдаваться не рекомендовали.

А мы владимся.

И начнем с самого легкого советского танка. Назывался он Т-37А. Принят на вооружение Красной Армии 11 августа 1933 года.

Весил 3,2 тонны. Экипаж – 2 человека. Бронирование – противопульное. Вооружение – один пулемет ДТ. Мощность двигателя – 40 л.с. Максимальная скорость – 36-40 км/ч на грунте и 6 км/ч на плаву.

За пределами нашего Отечества над этими характеристиками дружно смеются. И у нас – тоже. Не ищите похвал этим танкам в маршальских творениях. И упоминаний об их количестве не ищите. Зачем старье считать? За все годы существования Советского Союза ни одного хорошего слова (которое и кошке приятно) об этих танках сказано не было и количество этих танков не было названо. Полистайте шедевры спасителя Отечества великого военного гения товарища Жукова: в книге посчитаны только Т-34 и КВ, все остальные советские танки вынесены в разряд «легких и устаревших» и в статистику не включены.

Веселые ребята, которые писали «мемуары Жукова», использовали избитый пропагандистский ход. У них в одной связке хорошее и плохое: легкие и устаревшие. Этим приемом можно изгадить все, что прикажут. Можно, например, сказать: космонавты и педерасты. Мы не сказали ничего плохого про космонавтов. Но осадок остался.

Так и творцы «жуковских мемуаров» говорят на одном дыхании про легкие и устаревшие, а у любого неискушенного читателя формируется негативное отношение к легким танкам: легкий – это плохо. Легкий – это нечто родственное устаревшим. Легкий – это отсталость.

Т-37А был легким. Но легкий – это не значит плохой. Не значит отсталый. Т-37А – первый в мире плавающий танк, принятый на вооружение войск. Советский Союз создал, испытал, принял на вооружение и развернул серийное производство плавающих танков, когда во всем остальном мире никто этим не занимался. Даже если бы Т-37А был действительно плохим, то все равно внедрение такого танка в войска означало технический прорыв эпохальной важности, ибо в других странах в это время не было ничего подобного и близкого. Высмеивать наш Т-37А – это примерно то же самое, что называть первый в мире советский искусственный спутник Земли легким и несовершенным... в ситуации, когда ни у кого в мире не было вообще никаких спутников. Да, Т-37А – легкий. Но малый вес плавающему танку не помеха. Посмотрим, что будет, если мы поплывем через Днепр где-нибудь в районе Черкасс или Кременчуга на тяжелом танке. На немецком «Тигре», к примеру. Так ведь редкий «Тигр» доплывет до середины Днепра.

Плавуемость тяжелых и средних танков равна плавуемости топора. И легких – тоже, если они не создавались специально как плавающие танки.

Так что давайте, товарищи маршалы и академики, не будем придирааться к плавающему танку за малый вес. Считать малый вес недостатком плавающего танка – то же самое, что упрекать балерину в отсутствии необъятной груди, могучих бедер и мощной задницы.

- 2 -

Но у Т-37 противопульное бронирование! И пулеметное вооружение!

Да. Как ни прискорбно, за все надо платить. И за способность плавать тоже. Одно из двух: или мы трехпудовыми гириями мощь качаем на берегу, или в речке плаваем... оставив гири на песочке. А совместить противоснарядное бронирование танка с возможностью плавать до сих пор никому не удалось, как и плавание спортсмена с трехпудовыми гириями в руках.

К слову сказать, немецкий Т-I поступил на вооружение годом позже – в 1934 году, вес имел почти такой же – 3,5 тонны, экипаж такой же – 2 человека, такую же противопульную броню и пулеметное вооружение.

Только плавать не умел.

И когда супостаты (и соотечественники) скалят зубы над моим Т-37А, я предлагаю характеристики нашего самого старого, самого легкого плавающего танка сравнить с характеристиками самого лучшего, самого мощного немецкого плавающего танка. И тут смех стихает. Выясняется, что в Германии плавающих танков нет и никогда не было. До войны не было и в ходе

войны не появилось. Великая Германия вступает в XXI век без плавающих танков. И неизвестно, когда начнет их создавать. А у нас плавающие танки были еще в начале 30-х годов XX века. Мы Германию в этом вопросе почти на столетие обошли.

И во Франции плавающих танков не было. И в Британии (прости, Британия, не гневайся на правду) плавающих танков ни перед войной, ни в ходе не создали. А день рождения танковых войск Америки 10 июля 1940 года. Когда Вермахт сокрушал танками Польшу, Бельгию, Голландию, Францию и войска Британии на Европейском континенте, когда Красная Армия громила танками 6-ю японскую армию на Халхин-Голе и «освобождала» Финляндию, Эстонию, Литву, Латвию, Бессарабию и Буковину, в Америке вообще танковых войск не было. И только после разгрома Франции и британских войск на континенте американские генералы сообразили, что пора пересаживаться с коней, пора думать о создании танковых войск. Через год, в июне 1941 года, в США было менее 400 танков (British and American Tanks of World War II. New York: ARCO, 1969. p. 11). Это были маломощные старомодные клепаные уроды огромной высоты с очень легкой броней и многоярусным расположением совершенно устаревшего вооружения. Самое мощное танковое орудие американских танков в 1941 году – 37-мм пушка. Но она стояла только на некоторых танках. В своем большинстве американские танки имели только пулеметы. Никаких плавающих танков в Америке в то время не было. Под закат войны, в 1944 году, в США появились огромного размера плавающие бронетранспортеры, некоторые из них имели башни легких танков. Это были надежные машины, они имели отменную плавучесть. Но все же – это не танки, и танками их никто не называл. Итак, разница: в Америке появилось нечто похожее на плавающий танк под конец войны, а у нас – плавающие танки были приняты на вооружение войск задолго до ее начала.

И вот американцы смеются над нами: в 1933 году у вас, русские дурачки, плавающие танки были очень плохими.

Над нашими плавающими танками немцы смеются, французы и британцы зубы скалят: у вас плавающий танк в 1933 году был плохо вооружен и слабо бронирован. И весь мир со стульев сползает, над нами, сиволапыми, хохочет.

А мы сами – громче всех: мы были к войне не готовы! у нас танки были легкими и устаревшими! Устаревшими? В сравнении с кем?

- 3 -

Что же представлял собой «легкий, устаревший» Т-37А?

Вот кое-что о нем, а заодно – и о наркоме обороны Ворошилове. В августе 1935 года по приказу Ворошилова семь Т-37А стартовали в Ленинграде, прошли на гусеницах несколько десятков километров, дальше – вплавь по реке Луге, сквозь непролазные водоросли, затем – река Шелонь и озеро Ильмень. А на озере шторм. Путь через Ильмень – 55 километров. Это расстояние танки преодолели вплавь через крутые волны за 8 часов 15 минут. Далее – река Волхов, Новоладожский канал, свирепая, коварная Нева. Все семь танков финишировали у Петропавловской крепости. За 11 дней они прошли 700 километров, в том числе 600 – вплавь. Без единой аварии и даже поломки.

Я знаю, что такое рекорды. Не каждый Т-37А был способен на такое, и не каждый водитель. И все же это рекорд, который никому с 1935 года по сей день превзойти не удалось. И приблизиться к нашему рекорду тоже никому не удалось. Да и как немцам к таким рекордам приближаться, если плавающие танки они могли видеть только у противника?

А теперь давайте себя называть дураками, посыпать головы пеплом и кричать, что мы были к войне не готовы. Давайте обзывать Т-37А легким и устаревшим. Давайте вопить на весь свет, что нарком Ворошилов – кавалерист и дурак, а Гудерианы и Манштейны, которые никогда не имели в подчинении плавающих танков, не понимали их значения и даже не удосужились нарисовать плавающий танк на бумаге, – ужасно умные, прогрессивные и передовые.

До 1941 года ситуация во всем остальном мире в области создания плавающих танков не изменилась. В 1941 году Красная Армия так и оставалась единственной армией, имевшей плавающие танки. Во всех странах Европы и Америки в тот момент не было ничего даже в проектах. До стадии проектов и экспериментов в 1941 году дошла только Япония.

Т-37А выпускался с 1933 по 1936 год. Танк, если нет войны, служит десять, пятнадцать,

двадцать лет. Теоретически Т-37А, которые вышли с заводов в 1933 году, подлежали замене в 1943-1948 годах. А то и позже. А последние, выпущенные в 1936 году, подлежали замене в 1951-1955 годах. Как же они могли устареть в 1941 году? И как это получилось, что мы свои уникальные танки, которые прослужили к 1941 году всего по 5-8 лет, вычеркнули из истории?

- 4 -

А зачем они нужны? И какая от плавающих танков польза?

Если мы защищаем свою землю, если мы ведем святую оборонительную войну, то плавающие танки нам не очень нужны. Обойдемся и без них. Для того чтобы противника остановить, желательно иметь танки с тяжелой броней и мощными пушками. Чем тяжелее и мощнее, тем лучше.

Если в оборонительной войне остановить противника не можем, приходится отходить. Отходим по своим мостам. При угрозе захвата поднимаем мосты в ясное небо. От танков с очень легкой броней и пулеметным вооружением в оборонительной войне пользы мало. А их способность плавать вообще остается невостребованной: некуда в оборонительной войне плавать.

А вот если мы ведем святую войну за мировое господство, за то, чтобы все население планеты загнать в концлагеря, казармы и трудовые армии, как учил дедушка Маркс, тогда ситуация меняется.

Для того чтобы прорвать фронт противника, нам все так же нужны тяжелые танки: больше брони и пушка посильнее. Если возникло встречное сражение, если две танковые лавины схлестнулись – опять нужны танки мощные.

Но вот фронт прорван, танковые лавины противника сокрушены и отброшены, и наша задача – воспользоваться моментом, совершить рывок в тыл противника на максимально возможную глубину, чтобы рассечь его оборону, чтобы выйти на коммуникации, на линии снабжения, на аорты, чтобы их перерезать, чтобы отсечь супостата от баз снабжения, чтобы вырваться к его столице, к промышленным районам, к источникам и хранилищам нефти, к портам. Для такого броска тяжелый танк подходит мало. Своим весом он ломает дороги и мосты, мешая всем, кто идет следом. Тяжелый танк пожирает много горючего. Попробуйте снабжать несколько тысяч танков и артиллерийских тягачей и несколько десятков тысяч автомобилей, которые рванули на сотни километров в глубь вражеской территории. Кроме всего, тяжелый танк тихоходен и малоподвижен. Он замедляет движение ваших колонн. К тому же он быстро изнашивается и захлебывается, как тяжеловес на марафоне. Для рывка в глубину хороши средние и легкие танки. У них меньше брони, у них слабее вооружение, зато у них выше скорость, маневренность и проходимость, больше запас хода, они экономнее.

А вот наша броневая лавина перед водной преградой. А тут все тяжелые и средние танки и те легкие, которые плавать не обучены, теряют все свои наступательные возможности. И цена им – ноль. Нужен мост. Но противник мосты охраняет и при угрозе захвата – взрывает. Мосты надо отбивать. Лучше не с нашей стороны, а со стороны противника – откуда меньше ждут. И в этой ситуации цена легким плавающим танкам круто взвинчивается. Если два, три, пять, десять таких танков ночью переплыли реку в стороне от моста и внезапным рывком с тыла захватили его, то это может решить судьбу целой операции, а то и всей войны. Теперь по захваченному мосту гоните на вражеский берег все свои тяжелые и средние танки, самоходки, артиллерию, пехоту, штабы, госпитали, тысячи тонн боеприпасов, топлива и запасных частей. По захваченным мостам подбрасывайте резервы, переправляйте в тыл раненых, пленных, трофеи, поврежденную технику в ремонт.

Если же мосты захватить не удалось, тогда плавающие танки становятся поистине бесценными. Если нет захваченных мостов, тогда надо наводить свои понтонные мосты и переправы. А для этого нужны плацдармы на том берегу. И в бой идет пехота. На бревнах и досках, на надутых пузырьем гимнастёрках она плывет к тому берегу. А по ней гвоздят минометы, ее поливают пулеметным огнем, расстреливают из винтовок и автоматов. И тут бы среди плывущих беззащитных людей иметь десяток-другой пусть и легких, но все же танков. Их броня нечувствительна к пулям и осколкам, а их пулеметы так важны, когда никто из плывущих людей не имеет возможности стрелять.

Вот выбрались на тот берег. Теперь главное – зацепиться, минут за двадцать врыться в

землю, тогда никакие контратаки не страшны. Тогда не так губителен минометный и артиллерийский обстрел, тогда не так досаждают вражеские пулеметчики и снайперы. У нашей мокрой, израненной, истерзанной пехоты нет с собой ни тяжелого оружия, ни боеприпасов в достатке. (Не пробовали в октябре плавать через Вислу с полной выкладкой, с автоматом, четырьмя снаряженными магазинами и двумя гранатами?) Так вот, в эти самые первые, самые страшные минуты на вражеском берегу нашей пехоте присутствие, помощь и поддержка одного даже очень легкого танка с одним лишь пулеметом куда дороже и важнее, чем десяток сверхмощных КВ, которые остались на том, на нашем, берегу.

А отсутствие легких плавающих танков при форсировании и на вражеском берегу оборачивается большой кровью пехоты и в воде, и на захваченном пятачке. Если эту первую волну десанта противник сбросит в воду, не позволив закрепиться, тогда не будет здесь плацдарма, не наведут тут переправу и оставшиеся на том берегу сверхмощные танки не смогут развивать наступление – они бесполезны.

Потом, когда всю несокрушимую мощь по наведенным и захваченным переправам перебросят на вражеский берег, легкий плавающий танк снова станет сереньким гадким утенком на фоне грозной брони и могучих орудий.

Впрочем, без работы легкие танки не останутся. Для того чтобы прорывать оборону на самом выгодном участке, чтобы развивать успех по самому перспективному направлению, нужно знать, где находится противник, где он слаб, где силен. А для этого, помимо всех других видов разведки, надо противника постоянно прошупывать силовой разведкой. Постоянно в его тылах надо иметь наши разведывательные группы. Нужно, чтобы танки этих разведывательных групп были максимально экономными. Нужно, чтобы поменьше рева, грохота и лязга. И для такой работы лучше иметь танки маленькие и легкие. Хорошо на них иметь мощное оружие, но можно обойтись и без него: по тылам противника не часто встретишь сильное сопротивление. А если встретишь, то можно обойти стороной, не ввязываясь в бой. Среди всех характеристик разведывательного танка умение плавать «едва ли не самое главное. Противник охраняет мосты в своих тылах и разведчиков на них не пустит. Потому разведывательные танки должны иметь способность самим переправляться через водные преграды. Иначе – грош им цена. Они остановятся перед первой речкой, и дальше их не пустят. А их работа – быть далеко впереди главных сил. Причем незаметно. И при возможности не только самостоятельно форсировать водные преграды, но и обеспечивать переправу главных сил.

Вот для такой освободительной войны на чужой территории, для такой работы создал товарищ Сталин тяжелые танки прорыва, средние танки развития успеха и легкие плавающие для силовой разведки и форсирования водных преград. И давайте над легкими впредь не будем смеяться. Танк – это инструмент. Вроде молотка. Мы же не говорим, что тяжелый молоток – это хороший инструмент, а легкий – плохой. Булыжник дробить – подавай кувалду. Гвозди вбивать – молоток. А в ювелирном деле – маленький, почти игрушечный молоточек. В мастерской Фаберже кувалда широкого применения не находила.

Разведка, в том числе силовая, – дело ювелирное. Но без этой деликатной работы – тяжелый танк слеп, как циклоп с выбитым глазом. В наступательной захватнической войне достаточно ситуаций, когда легкие плавающие танки нужнее и дороже тяжелых и средних. В такой войне достаточно обстоятельств, когда без легких плавающих танков тяжелые и средние бесполезны.

- 5 -

Количество советских плавающих танков замалчивалось полвека. Потом стало понемногу проясняться-просвечиваться...

Сколько же их было?

Ответ: легких плавающих танков Т-37А было построено 2627 (А. В. Карпенко. Обзорение отечественной бронетанковой техники. 1905-1995 гг. с. 194). В локальных конфликтах Т-37А применялись мало, братьям по классу не поставлялись. Так что к 1941 году практически все они были в строю.

В 1936 году был начат выпуск более совершенного плавающего танка Т-38. Серийный выпуск – до 1939 года. Всего построено 1375 танков этого типа (Там же. с. 200). Кремлевские историки и этот танк называют устаревшим. А мы зададим тот же вопрос: как мог устареть танк, ко-

торый не имел аналогов в мире и которому возраст от двух до пяти лет?

19 декабря 1939 года – самый яркий, самый ослепительный день в истории мирового танкостроения. В этот день на вооружение Красной Армии был принят сразу полный спектр нового бронетанкового вооружения – три новейших танка: легкий плавающий Т-40, средний Т-34 и тяжелый танк прорыва КВ.

КВ оставался сильнейшим танком мира в первой половине Второй мировой войны, вплоть до Сталинградского перелома. Ни в одной стране мира не было не только его аналогов, но даже и такой весовой категории. КВ имел неслыханный конструктивный резерв, который позволил, пройдя несколько этапов совершенствования от КВ-1 до КВ-13, превратить его в ИС-1, а потом и в ИС-2

– самый мощный танк Второй мировой войны.

Т-34 – лучший танк всех времен и народов.

Но не уступал им и Т-40. В своем классе он тоже был лучшим в мире и тоже не имел аналогов.

Интересно, что кремлевские историки помнят про Т-34 и КВ, но забывают о Т-40. Между тем Т-40 имел новую, невиданную до сих пор форму корпуса, весил 5,5 тонны и был вооружен двумя пулеметами: крупнокалиберным ДШК и обыкновенным ДТ. Существовал вариант этого танка Т-40С, который вместо пулемета ДШК был вооружен 20-мм автоматической пушкой.

Официально считалось, что до 22 июня 1941 года было выпущено 222 танка Т-40 («Красная звезда». 22 июня 1996 г.). Теперь, имея в руках «Статистический сборник № 1», мы можем эти цифры уточнить. 222 Т-40 – это то, что было в войсках на 31 мая. Но заводы работали и отгружали новую продукцию. До 21 июня в войска было направлено еще 27 танков Т-40. Чудесный справочник (С. 234) позволяет даже узнать, когда и куда эти танки отправляли: 31 мая отгружено 10 Т-40 на станцию Новоград-Волынский, 12 июня

– 17 Т-40 на станцию Броды.

Кроме того, заводом № 37 до 21 июня выпущены, военной приемкой приняты, но пока в войска не отправлены еще 28 танков Т-40. Возразят: так они же не отправлены! Правильно. Тем лучше для них – воевать они будут, но под первый удар не попадут.

Всего на 21 июня 1941 года танков Т-40 было построено 277.

Кстати сказать, эта же страница справочника позволяет уточнить и количество Т-34 и КВ. Нас приучили к цифрам: 508 КВ и 967 Т-34. Многие, даже знающие и честные, историки говорят и пишут, что на 21 июня 1941 года в Красной Армии было «всего только» 508 КВ и 967 Т-34. Это не так. Столько танков Т-34 и КВ было в пяти западных приграничных округах. Но туда же тайно прибывали и разгружались войска Второго стратегического эшелона. В их составе тоже были танки Т-34 и КВ. Всего в Красной Армии было 1225 Т-34 и 636 КВ.

Но и это не все. Столько их было в войсках на 31 мая. А до 21 июня заводы отгрузили еще 41 КВ и 138 Т-34. Кроме того, были выпущены, приняты, но не отгружены 34 КВ и 37 Т-34.

Таким образом, 21 июня 1941 года Советский Союз имел 711 КВ, 1400 Т-34 и 277 Т-40.

- 6 -

Ах, велика ли разница: 222 Т-40 или 277?

Велика. У Гитлера на 22 июня 1941 года на Восточном фронте танков в категории до 6 тонн было 180 (И. Шмелев. История танка. с. 77). Ни один из них не был плавающим, и ни один из них не мог бороться с советскими легкими танками.

А у Сталина в этой весовой категории 4279 танков. И все плавающие. В их числе 277 Т-40, которые были не только плавающими, но и способными своими крупнокалиберными пулеметами ДШК (тем более – 20-мм пушками) пробивать броню немецких танков Т-1.

Кроме того, производство немецкого Т-1 было прекращено в 1938 году, а Т-40 – в производстве.

Иностранные эксперты, те, кто хоть немного понимает в танках, говорят о Т-40 с придыханием, величают великолепным. Подавляющее большинство Т-40 имело возраст менее одного года. Некоторые вышли из заводских ворот 21 июня, а некоторые были еще на заводском дворе.

Когда же они успели устареть?

Когда они успели износиться?

Но Министерство обороны России имеет на этот счет особое мнение. «Красная звезда» 4 ноября 1994 года: «Мы вступили в войну со старенькими легкими машинами Т-37, Т-38, Т-40...» Они, оказывается, даже не старые, а старенькие – так называет «Красная звезда» наши танки, снисходительно, с изрядной долей презрения. А вы, ученые товарищи из «Красной звезды», лучше бы сравнили «старенькие» плавающие Т-37, Т-38 и Т-40 с немецкими плавающими танками. С несуществующими. У Гитлера на Восточном фронте 22 июня 1941 года танков всех типов – 3350, все – устаревшие, в их числе – ни одного плавающего. А у нас одних только плавающих... Сравните, дорогие товарищи, и, быть может, после такого сравнения ваш взгляд на войну прояснится. И с французскими «достижениями» сравните. С несуществующими. И с британскими. Сравните со смелыми американскими замыслами. Япония В ХОДЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ построила 3648 танков, из них – 178 в какой-то мере плавающих. Дело в том, что за каждым японским «плавающим» танком шли две грузовые машины, которые везли закрытые понтоны с внутренним заполнением. Перед форсированием водной преграды понтоны крепили к танку и он плыл на другую сторону, а грузовые машины оставались на этой стороне. Выбравшись на другой берег, танк сбрасывал понтоны и превращался в обыкновенный. Следующую речку он переплыть уже не мог, ибо некому было везти за ним понтоны.

Так что в ходе войны никому так и не удалось сделать то, что в Советском Союзе было сделано до ее начала. Советский Союз ДО ВОЙНЫ одних только плавающих танков построил больше, чем Япония всяких в ходе войны.

Статья в «Красной звезде» о наших «стареньких» плавающих танках не подписана, а представлена как официальная информация Министерства обороны. На мой взгляд, в данном случае журналисты «Красной звезды» не виноваты: им приказали заниматься «патриотическим воспитанием» – они занимаются, кричат во всю глотку: па-три-отизм, па-три-отизм... И под эти вопли ворота нашей истории дегтем мажут. У них работа такая. Им за это платят невероятные суммы. Но не пора ли разобраться, кто им такие приказы отдает и кто эту музыку заказывает?

И не пора ли разобраться, кто и зачем публикует «мемуары маршала Жукова»? У «маршала победы» удивительная позиция. У немцев не умеющие плавать танки Т-1 выпускались с 1933 по 1938 год, они прошли все предвоенные парады и показуху, все дороги от Варшавы и Парижа до Белграда и Афин. Они были изношены до предела и за пределом, а советские Т-40 шли прямо из сборочных цехов.

Так вот, те 180 немецких легких, устаревших, допотопных, совершенно изношенных танков Жуков и его хвалители и последователи объявили новейшими и в статистику включили, а наши плавающие оказались недостойными даже того, чтобы их посчитать.

И кричат красные пропагандисты: враг был сильнее!

- 7 -

Преодолев штормовой Ильмень, даже самые старые наши плавающие танки доказали возможность форсировать Ла-Манш. Но все же эти танки предназначались для использования на реках и озерах. А для форсирования Босфора и Ла-Манша у Сталина был задел на будущее – плавающий танк ПТ-1 и его варианты. Он весил 14 тонн, имел двигатель мощностью 500 л.с. Скорость на плаву – 6 км/час, на грунте – 62 км/час, а сбросив гусеницы – 90 км/час (А. Карпенко).

Обзор отечественной бронетанковой техники. с. 189). Это был гибрид танка автострадного и плавающего, танка разведывательного и танка молниеносной войны. Он был вооружен 45-мм пушкой и четырьмя пулеметами. Экипаж – 4 человека. ПТ-1 имел большой объем корпуса и отменную плавучесть. Этот танк был разработан, опробован, но в серию не пошел: пока плавание через проливы не намечалось и не требовалось. Потребуется – пустим в серию. Это типично сталинский подход. Именно так еще до войны в Советском Союзе была разработана лучшая в мире 57-мм противотанковая пушка, но крупными сериями не выпускалась – в первом периоде войны Германия имела только устаревшие танки с очень слабой броней – и для такой пушки на поле боя просто не было достойных противников. Как только разведка доложила Сталину о появлении в Германии танков «Тигр» и «Пантера», 57-мм пушку немедленно пустили на конвейер.

А ПТ-1 так никогда в серию и не пустили – плыть через проливы не потребовалось.

Через реки и озера в оборонительной войне тоже плавать не надо. Потому уже на второй

неделе войны был отдан приказ великолепный плавающий Т-40 выпускать без поплавков, гребного винта и коробки отбора мощности на винт, без водоходных рулей. Плавающий танк превратили в обыкновенный. Несколько недель, пока конструкторы вносили изменения, Т-40 выпускался в своем первоначальном виде. Всего выпущено 668 Т-40, включая 181 с 20-мм пушкой. Уже в сентябре 1941 года на смену плавающему Т-40 пошел разработанный на его основе Т-60: неспособный плавать, зато более мощно вооруженный и бронированный.

Печальна судьба и других советских плавающих танков: в оборонительной войне они применения не находили. Куда им плыть? Да и по грунту бегать не получалось: по приказу наркома обороны Маршала Советского Союза Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии Жукова десятки тысяч тонн запасных частей для танков, сотни тысяч тонн боеприпасов и топлива вывезли к самым границам. В первые же часы войны все это попало под огонь или в руки противника. Советские танки остались без топлива, боеприпасов и запасных частей. 4000 легких плавающих танков требовали большого количества топлива, а толку в оборонительной войне от них было мало. Потому командиры легко с ними расставались: приказывали слить остатки топлива и передать его тяжелым и средним танкам. А легкие – взрывать, жечь, ломать, топить или просто бросать.

Лучший в мире танк без топлива хуже, чем худший с топливом. В том, что все советские танки, включая и легкие плавающие, остались без боеприпасов, запасных частей и топлива, виноваты Тимошенко и Жуков. После войны Семен Константинович Тимошенко, зная, что виноват, замолк и никогда не вступал в полемику о начальном периоде войны. А Жуков Георгий Константинович ринулся в бой: я все предвидел! Я предупреждал! Но что я мог сделать, если страна у нас отсталая, если танков у немцев в пять-шесть и более раз больше? Что мог я сделать, если у нас танки легкие и устаревшие?

Лучшие и единственные в мире советские плавающие танки в 1941 году оказались ненужными и никакой роли в войне не сыграли. Но почему никто не задает вопрос: а зачем тогда их разрабатывали и строили? Для чего их готовили? Зачем Сталину 4000 плавающих танков, которые в оборонительной войне не нужны? Куда же это товарищ Сталин плыть собирался?

- 8 -

Мы увлеклись. Книга эта не о том, как Сталин готовился к войне. Эта книга о том, как Гитлер к ней не готовился.

А ведь это анекдот: гитлеровцы решили покорить Советский Союз. Для этого надо форсировать реки. Их в Советском Союзе 150 000 (сто пятьдесят тысяч). Их суммарная длина 3 000 000 (три миллиона) километров. Протяженность рек, пригодных для судоходства и сплава, т.е. достаточно широких, – 500 000 (пятьсот тысяч) километров. И вот сидят в Берлине мудрейшие стратеги, блицкриг планируют. Для силовой разведки у них 180 танков. Помимо силовой разведки, этим танкам надо заниматься разведкой местности, в том числе и рек. По 833 реки на каждый разведывательный танк. Каждому танку поставим задачу: вот вам, ребятки, экипажу из двух человек, разведать и захватить мосты через Волгу и еще через 832 реки.

При такой «готовности», если бы советского противодействия вовсе не было и если бы германские танки были плавающими, то и тогда блицкриг растягивался на много десятков лет.

А меня аргументом бьют: так они же не собирались дальше Волги идти – до Волги дойдем, и после этого сопротивление прекратится. Здорово, конечно. А если не прекратится, тогда как?

Но допустим, они только до Волги дойти решили. Тогда перед ними 41 000 рек. По 227 рек на каждый танк, который плавать не умеет. И еще озера. Густота речной сети в Европейской части СССР – 0,25-0,35 км на квадратный километр, т.е. 250-350 тысяч километров рек на каждом миллионе квадратных километров территории. Вот бы стратегам прикинуть, сколько миллионов квадратных километров они намерены оттяпать и сколько рек на этих миллионах. И как их форсировать, не имея НИ ОДНОГО ПЛАВАЮЩЕГО ТАНКА?

Безумству храбрых поем мы песню.

Германская армия была отсталой, к войне катастрофически не готовой. Решение Гитлера напасть на Советский Союз без подготовки выдает храбрость профана. Решение форсировать десятки тысяч рек без плавающих танков – это не смелость, а самоубийственное безумие.

ГЛАВА 12

КАК НАЗЫВАЛИСЬ НЕМЕЦКИЕ ПЛАВАЮЩИЕ ТАНКИ?

А история у нас между тем какая-то ущербная получается. В очередной раз извлечены на свет, очищены от пыли и паутины обидные, низкие для народа нашего концепции и догматы. Будто топали мы всегда по обочине цивилизации в онучах ветхих и лаптях раскисших, водку пили, квасом запивали, ну а с устатку на печи дымной полеживали. И никаких откровений, «мысли плодovitой» миру не явили.

«Красная звезда». 24 января 1998 г.

- 1 -

Но как же совершенно неготовая воевать германская армия ухитрилась дойти до Москвы?

Этот вопрос надо задавать не мне. Этот вопрос надо было задавать Жукову Георгию Константиновичу, который накануне войны приказал разминировать мосты. Этот вопрос надо задавать тем, кто Жукова восхваляет. Пусть они ответят, зачем Жуков открыл гитлеровцам путь на Ленинград, Одессу, Запорожье, Киев, Севастополь, Ростов и Москву.

На такие вопросы наша официальная историография не только не искала ответа, она их и не ставила. Попробуйте найти среди тысяч томов мемуаров и научных изысканий такой, в котором бы ясно и четко было сказано, что Германия была к войне не готова, что у нас была АДД – авиация дальнего действия, а в Германии ее не было, что у нас были штурмовики, а в Германии их не было, что у нас были плавающие танки, а у немцев их не было. Может быть, кому-то удастся. Мне не удалось. А вот нечто другое мы найдем в изобилии. Раскроем «Российскую газету». Дата – 10 июля 1993 года. Статья «Версия или развесистая клюква». Рубрика – «Мнение историка». Выступает академик В. Анфилов, опровергает «Ледокол». Послушаем мнение историка: «У нас имелось несколько плавающих танков, и то лишь в виде образцов, в то время как у немцев было их значительно больше».

Вот такое у историка мнение. Казалось бы, при чем тут мнение? Идет спор о серьезных вещах. Есть факты, есть цифры, и их надо публиковать. Зачем говорить, что у нас плавающих танков было несколько, если можно назвать конкретную цифру? И эта цифра – 4179.

Зачем говорить, что у немцев их было значительно больше, если опять же цифру назвать можно? И эта цифра – 0.

- 2 -

Для каждого из нас академик – это прежде всего человек знающий. Если кто-то удостоен звания академика за достижения в области математики, значит, он – в нашем понимании – свободно считает до ста, складывает, вычитает, знает таблицу умножения, и если не в полном объеме, то значительную ее часть. Если человек удостоен звания академика за достижения в области биологии, то в нашем понимании это тот, кто может отличить кошку от собаки. Причем – с первого взгляда. А то – и не глядя, просто по издаваемым звукам.

Но вот перед нами окончивший три военные академии доктор военных и доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, автор многочисленных научных трудов Виктор Александрович Анфилов. Основная и единственная тема его изысканий: начальный период войны. На страницах «Красной звезды» (26 августа 1999 г.) выступает главный редактор «Военно-исторического журнала», расхваливает Анфилова: «Столь глубоко, как Виктор Александрович, никто до сей поры не исследовал начальный период Великой Отечественной войны».

Война была танковой. Потому резонно предположить, что ее постижение наш великий Виктор Александрович начал с изучения танков. Тут нет проблем: 22 июня 1941 года у немцев было четыре типа танков. Запомнить легко: Pz-I, Pz-II, Pz-III, Pz-IV. Оттого, что в наших пишущих машинках не было вражеских букв, мы были вынуждены называть эти танки по-нашему: T-I, T-II, T-III, T-IV. Так проще. Так прижилось. Характеристики этих танков – в любом учебнике, в любом справочнике, в любом музее. Товарищ академик, Виктор Александрович, за пятьдесят

лет упорных трудов по изучению немецких танков вы удосужились посетить хоть один раз какой-нибудь музей? Вы представляете, как выглядели немецкие танки? Вы знаете, что у плавающего танка должен быть задран нос, у него должны быть винты или водометные движители? У какого немецкого танка вы такое видели? Какой из этих четырех плавающий?

И были еще у немцев чешские трофейные танки, которые академик Анфилов по простоте душевной путал с немецкими Т-IV и в своих трудах называл 38-тонными. Товарищ научный профессор, как по-вашему: 38-тонный танк доплывет до середины Днепра?

Вопрос главным редакторам «Российской газеты», «Красной звезды», «Военно-исторического журнала»: товарищи дорогие, вы в музее когда-нибудь бывали? Вы книжки про войну читали? Зачем же неуча восхваляете?

- 3 -

Наши ведущие эксперты по начальному периоду войны, с академиком Анфиловым во главе, десятилетиями рассказывали страшилки про то, что у Гитлера в 1941 году были тяжелые танки. Пример: Д. М. Проэктор («Война в Европе». М.: Воениздат, 1963. с. 404). О тяжелых немецких танках 1941 года рассказывали и Анфилов, и Гареев, и Волкогонов, и Некрич, и многие другие. Но тяжелых танков в 1941 году не было ни у Гитлера и ни у кого в мире. Они были только у Сталина.

Эти же академики во главе с Анфиловым рассказывали о немецких плавающих танках, которые тоже существовали только в их воображении. Тяжелые немецкие танки в 1941 году – это выдумка нашей академической элиты. А вот плавающие немецкие танки они не выдумали. Они об этом читали в «Военном дневнике» начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера. Но фокус в том, что Гальдер ничего не писал про немецкие плавающие танки. На титульной странице «Военного дневника» значится: «Перевод с немецкого под редакцией и с предисловием генерал-лейтенанта П. А. Жилина». Павел Андреевич Жилин – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, лауреат Сталинской премии, заместитель академика-секретаря Отделения истории АН СССР, вице-президент Международного комитета истории Второй мировой войны и пр. и пр. Происходил товарищ Жилин, как и все наши официальные историки, из рядов марксистско-ленинских идеологов, был проректором Академии общественных наук при ЦК КПСС и преподавал в Военно-политической академии имени Ленина. Вот оттуда его и двинули на должность начальника Института военной истории. А задачу поставили стандартную: пой хвалу Гитлеру, оплевывая свою страну и армию.

Под руководством членкора Жилина дневник Гальдера переводили с определенными перекосами. А вице-президент Международного комитета истории Второй мировой войны генерал-лейтенант П. А. Жилин торговал совестью, как семечками, и подписывал всякую чушь, которой в оригинале нет.

Дневник издали.

И понеслось. Из диссертации в диссертацию наши академики пишут о немецких плавающих танках, ссылаясь на Гальдера. И уже в правительственной газете доказывают, что у Гитлера их было значительно больше, чем у Сталина.

А между тем это были обыкновенные Т-III, и плавали они не лучше паровоза. 25 лет дневники генерал-полковника Гальдера лежат на полках военных академий. И молчат академии. Раз написано, что плавающие у немцев были, значит, так пусть и будет. А кремлевско-лубянские академики не молчат, они на весь мир горланят: вот, читайте, сам Гальдер написал: были у них плавающие танки!

Но Гальдер ничего не напутал и про плавающие танки не писал. Просто у нас переводчики такие. И академики.

- 4 -

Ну ладно. Пусть наши светила научные ничего о немецких танках не знают. Простительно. Но о наших же они должны знать! Так нет же. Они и о советских понятия не имеют. Брякнул академик Анфилов, что у нас плавающие были только экспериментальные и в единичных образ-

цах, и никто не протестует...

А знания эти вовсе не требуют академического образования. Кинохроника тридцатых годов переполнена через край нашими плавающими танками, которые несутся вперед, которые плывут через реки и озера, которые стройными рядами прут по Красной площади, которые летят в небесах в могучих лапах туполевских бомбардировщиков. А если немецкую хронику смотреть, то опять же – приграничные поля за горизонт, забытые сторевшими советскими танками. В их числе – плавающие. Есть хроника и снимки: Гитлер у разбитого Т-38. Причем на снимках четко виден гребной винт.

Нашим официальным историкам изучение истории войны надо было начинать с постижения организационной структуры Красной Армии: в каждой стрелковой дивизии – свой отдельный разведывательный батальон. А в его составе, помимо прочего, танковая рота – 16 плавающих танков. Всего в Красной Армии 198 стрелковых дивизий. А еще – танковые, моторизованные и мотострелковые дивизии. Они тоже имели свою разведку и свои плавающие танки. Каждый воздушно-десантный корпус имел свой собственный танковый батальон – 50 плавающих танков. И это что – экспериментальные образцы? 4000 образцов?

Академик Анфилов, знаете ли вы, что в каждой советской стрелковой дивизии был разведывательный батальон? Знаете ли вы структуру советской дивизии и ее вооружение? Знаете ли состав и вооружение наших десантных корпусов? Интересовались ли?

А ведь и генеральские мемуары – о том же. Пример: генерал-майор А. А. Свиридов. Его книга – «Батальоны вступают в бой». Был генерал тогда капитаном. Командовал 144-м отдельным разведывательным батальоном. Готовился воевать в Румынии. Пограничники проволоку сняли и отошли, а войсковые разведчики, в том числе и из батальона Свиридова, границу приняли. В разведывательном батальоне у Свиридова, помимо прочего, как и положено, 16 плавающих танков.

Читали ли наши официальные знатоки начального периода войны генеральские мемуары? Изучали ли структуру Красной Армии? Бывали ли в архивах и музеях?

В своих книгах я пишу, что люди мы не самые глупые. В ответ – ураган негодования: это тебя Джеймс Бонд такому научил. Стоит мне сказать, что мы не глупее немцев, как на защиту Гитлера и его битого воинства поднимаются возмущенные толпы марксистов-ленинцев. Сколько было гневных статей! Сколько воплей, сколько шума! И кто же самые рьяные защитники Гитлера? Это наша родная «Красная звезда», Генеральный штаб, Академия военных наук, «Российская газета», журнал «Родина». Все они Анфилова любят, все публикуют его мерзости о гитлеровском превосходстве. А наши «эксперты» с Анфиловым во главе стараются – выдумывают то, до чего пропаганда Геббельса не додумалась. Никогда Геббельс не похвалялся тем, что в Германии были плавающие танки. Ибо их не было. Это член-корреспондент Жилин с действительным членом Анфиловым за Геббельса придумали. Вот бы кто из моих критиков академика Анфилова в фабрикацию фальшивок упрекнул.

- 5 -

На ваш вопрос, академик Анфилов, – версия или клюква – отвечаю: ваша версия – клюква. Всю жизнь вы только развесистую клюкву и выращивали, распространяя по миру бред гитлеровской пропаганды, добавляя к нему свой личный вклад. И за то имели вы широкий доступ к номенклатурному корыту. За ваши заслуги в восхвалении гитлеровской мудрости и готовности главный идеолог страны товарищ Суслов и начальник Главного политического управления товарищ Епишев засыпали вас орденами, титулами и различными материальными благами. За вашу клевету на наш народ и его армию Епишев возводил вам помещичьи усадьбы. За ваше восхваление германской технической мощи (вами выдуманной) по протекции маршала Гречко и других товарищей вас бросили в МГИМО – воспитывать грядущих дипломатов в духе преклонения перед нацистскими гениями. Ваших питомцев, академик, я встречал. Выхучка чувствуется.

Работа дипломатии – защищать интересы и честь своей страны. И они защищают так, как вы, академик, их учили. Плавающие танки – это только один пример, который высвечивает глубины ваших познаний. На этом уровне вы их учили. И ни один из ваших учеников не осмелился публично уличить вас в шарлатанстве. И вот теперь они в высоких дипломатических рангах: вице-консулы и консулы, посланники, послы, заместители министра, и уже есть один министр ино-

странных дел. И они рассказывают миру то, что вы рассказывали им. И мир смеется над нами. Если мы сами над собой смеемся, если сами валяемся в грязи и грязью себя мажем, то, уж поверьте, находится достаточно охотников, чтобы нам в этом деле помочь.

И не понять: почему клюква Анфилова никого не волнует? И министр обороны России притих, и Генеральный штаб молчит, и Главное бронетанковое управление помалкивает, и коллеги-академики головами машут в знак согласия, и тысячи экспертов тишину соблюдают. И НЕ ПРОТЕСТУЕТ НИКТО.

А ведь вышибить из седла всех наших официальных знатоков можно одним вопросом. Не могло быть танка без названия. Утверждал Анфилов, что могущественный Гитлер имел в 1941 году тяжелые танки. Вопрос: какие? Как они назывались? И сник академик. И все его коллеги и ученики примолкли. Куда только девалась академическая спесь?

Утверждает тот же академик, что были у Гитлера 38-тонные танки. Вопрос тот же: как назывались? Не могло быть танка без названия! И опять скис академик.

Утверждал он в правительственной газете, что были у Гитлера плавающие танки. Повторим вопрос: как назывались?

Стоило главному редактору «Российской газеты» бдительность проявить, стоило задать академику такой вопрос, и не появилось бы на страницах правительственного издания грязной статейки о гитлеровском техническом превосходстве.

И снова тревожит душу заявление генерал-лейтенанта Павленко о том, что в середине 60-х годов Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и советские военные историки войной не интересовались, ничего о ней не знали, не представляли даже приблизительно, сколько и каких танков было в Красной Армии 21 июня 1941 года. Это ценное признание. Жаль, что и в начале нового тысячелетия наши генералы и академики все так же ничего не знают. Ни о гитлеровских танках. Ни о сталинских.

Они все так же вместо цифр используют такую удобную им терминологию: «несколько», «определенное количество», «какая-то часть». А тон задает главный знаток – академик Анфилов. Если это уровень нашего самого главного эксперта по начальному периоду войны, то каков уровень эксперта номер два? Если уж величайший из великих ничего не знает ни о советских, ни о германских танках, если не представляет структуру и вооружение советской стрелковой дивизии, то что в этом случае могли знать о войне какие-нибудь Карпов, Стаднюк, Маковский или Шолохов?

За 50 лет упорных трудов наши эксперты по начальному периоду войны не удосужились не только до архива пойти, но даже и до обыкновенной библиотеки, где в изобилии понятных школьникам книг о советских и германских танках.

- 6 -

Историю делают кровью, а пишут чернилами. Не важно, что было на войне и чем она завершилась. Важно другое: что о ней потом напишут историки. Вот наш подход: положить миллионы мужиков в уральскую и сибирскую землю ради танковой брони, возвести заводы на костях, истратив на то накопленный веками золотой запас страны, посадить инженеров за решетки и заставить их творить выше возможного, загнать сотни тысяч голодных людей в холодные цеха, создать действительно лучшие в мире танки, испытать их, освоить, обогнать весь мир (хотя бы в этом вопросе) на десять, двадцать, пятьдесят лет, пойти до Кенигсберга и Берлина... а потом бездонные пропасти народного горя и озера крови оболгать, обляпать чернильными пятнами Анфилова, Городецкого, Финкельштейна – мы ни на что не способны! Мы отсталые! Мы импотенты! Гитлер был умнее! Мы не смогли создать хорошего оружия! Только мудрейшим гитлеровцам это было под силу. Мы глупые, трусливые, ленивые неучи!

Чтобы прикрыть звериные клыки марксизма-ленинизма, Анфилов и ему подобные изображают наш народ неспособным даже на то, на что он действительно способен: создавать оружие, которое удивляет мир.

Нет, товарищ Анфилов. Это не мы, это вы трусливый неуч. Это вы научный импотент. И такие же у вас покровители, соратники и ученики. Те, кто вас восхваляет в «Красной звезде», «Родине», «Военно-историческом журнале», «Российской газете», – такие же, как вы, ленивые разумом люди, они не освоили нашу историю даже в объеме популярной технической литерату-

ры для юношества.

Но встречаются на Западе и умные люди. Они смотрят на творения Анфилова, на его питомцев, на интернациональную группу любителей Гитлера с отвращением и презрением: народы Советского Союза переломали хребет гитлеровской гадине, и вот теперь какой-то проходимец и его ученики гадят на этот подвиг. И народ не находит в себе сил, чтобы заткнуть зловонную клоаку.

Мне говорят: все вроде бы у тебя в «Ледоколе» правильно, только вот документ подтверждающий найти не удалось. Меня такая постановка вопроса смущает: кто же искать будет? Может быть, академик Анфилов? За 50 лет упорного изучения начального периода войны он не удосужился побывать не то что в архиве, но даже и в музее, в центре Москвы, где наши плавающие танки Т-37А и Т-38 стоят на открытых, доступных детям площадках.

ГЛАВА 13 О ТОМ, КАК ОНИ ИЗУЧАЛИ ГЕОГРАФИЮ.

Большевики сильнее нас только в одном: в области шпионажа.
Адольф Гитлер. 17 мая 1942 г.

- 1 -

Гитлер не имел аттестата об окончании средней школы. Гитлеровские генералы и фельдмаршалы имели аттестаты и дипломы, но по уровню умственного развития были никак не выше бесноватого ефрейтора. Откроем директиву № 21 на проведение операции «Барбаросса», которую Гитлер подписал 18 декабря 1940 года: «Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга – Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации».

Маленькая загвоздка состояла вот в чем: с 22 июня и до осенних дождей, до наступления распутицы, выйти на линию Волги невозможно. Причина: немецкие танки имели малый ресурс, потому на пути к Москве неизбежно требовалась остановка всех германских войск на две-три недели для капитального ремонта танков с заменой двигателей, коробок передач, фрикционов и др. В случае захвата Москвы требовалась еще одна такая остановка для капитального ремонта танков и восстановления боеспособности войск.

Так что и в сентябре до Волги не добраться. В октябре – дождь и грязь. А после дождя и грязи известно что бывает. Если бы и удалось в сентябре выйти на линию Волги, то бомбить Урал с этого рубежа было бы невозможно: на правом берегу Волги аэродромов практически нет. Их сначала надо построить. Это не так просто сделать как в октябре в голой раскисшей степи, так и в ноябре в голой промерзшей степи.

Если бы аэродромы и построили, то бомбить промышленность Урала с них было бы невозможно. Немецкие бомбардировщики До-17, Ю-88 и Хе-111 создавались совсем для другой работы. Их задача – уничтожение малоразмерных, в основном подвижных целей в районе боевых действий и в ближнем тылу противника. Эти бомбардировщики созданы для полетов на короткие расстояния с небольшим запасом бомб, для действий с небольших и средних высот. Чтобы долететь до Урала и вернуться, бомбардировщики, которые были у Гитлера в 1941 году, должны были брать много топлива, но вовсе не брать бомбы. Или они должны были брать бомбы, лететь в один конец, бомбить, но обратно не возвращаться.

Если бы гитлеровские бомбардировщики имели достаточный радиус действия, то все равно бомбить Урал не получилось бы. У Гитлера проблема с бензином. Уже в августе 1941 года бензина было так мало, что проведение крупных операций пришлось приостановить.

Если бы бензин и был в достатке, то в октябре, ноябре и далее его было бы невозможно доставить на приволжские аэродромы, которые еще только предстояло построить. Доставка 100 тонн бензина по бездорожью на расстояние 1000 километров требует расхода 810 тонн горюче-смазочных материалов. Бензовозы тоже ведь заправлять нужно. И тащить трактором через степь.

Если бы бензин и подали на несуществующие аэродромы, то надо было подать и бомбы. А

сотней тысяч тонн в таком деле никак не обойдешься. Кстати, и одного миллиона тонн бомб для такого дела недостаточно. Но и доставка даже одной сотни тысяч тонн бомб на несуществующие волжские аэродромы потребовала бы расхода титанического количества топлива для грузовых машин. Грузовых машин, кстати, не хватало даже для того, чтобы обеспечить ими танковые дивизии.

Если бы машины и были, не было резины для производства шин.

Если бы миллионы тонн топлива, бомб, запасных частей, масел и еще великое множество всякой всячины подали (на верблюдах, волах и ишаках), то и тогда бомбардировка Урала была бы невозможна. Бомбовая нагрузка германских бомбардировщиков была слишком малой. А булавочные уколы Уралу не страшны.

- 2 -

В момент подписания директивы No 21 в декабре 1940 года было совершенно ясно, что легкие одномоторные и двухмоторные бомбардировщики имеют слишком малый радиус и ничтожную бомбовую нагрузку, поэтому для уничтожения промышленных объектов не годятся. В это самое время германские бомбардировщики летали с великолепных аэродромов Северной Франции через пролив и бомбили промышленные и военные объекты Лондона, Бристоля, Ковентри, Плимута, Саутгемптона. Подача топлива и боеприпасов из Германии на аэродромы Северной Франции проблемы не представляла. Цели – рядом, только пролив перелететь. Потому можно брать меньше бензина и больше бомб. Плотность населения в Британии высокая. Даже очень. Промышленными объектами страна перенасыщена. Бей – не промахнешься. Куда бы бомба ни упала, она везде принесет разрушение и смерть.

И все равно, даже в этой самой благоприятной ситуации за девять месяцев интенсивных бомбардировок (с 12 августа 1940 года по 12 мая 1941-го) ВСЯ германская авиация не смогла «выбомбить из войны» британскую промышленность. И вот в разгар этой затянувшейся воздушной операции, которая изначально не сулила ничего хорошего, Гитлер планирует бросить ЧАСТЬ этой авиации на разгром далекого недостижимого Урала. Он планирует это, зная, что там, у Волги, у него нет аэродромов, что подвоз даже одного миллиона тонн необходимых запасов на несуществующие аэродромы полностью исключен. Он надеется «выбомбить из войны» далекий Урал, где промышленные объекты разбросаны на огромных пространствах и занимают большие площади.

Если бы и удалось за три месяца дойти до Волги, если бы и удалось построить на волжских берегах аэродромы и подать на них необходимое количество всего необходимого для бомбардировки Урала, то все равно эта воздушная операция выпирала из планов блицкрига. Эту операцию все равно никак не удавалось впихнуть в рамки молниеносной войны. В любом случае воздушная война против Урала должна была совершаться после сентября 1941 года.

Гитлер планирует разгром уральской промышленности на осень и зиму, явно не понимая, что такое уральские осень и зима. И если всей германской авиации не удалось за девять месяцев разгромить промышленность близкой Британии, то за сколько месяцев Гитлер планировал разгромить недостижимый Урал?

Для разгрома промышленных районов, расположенных в глубоком тылу, нужны дальние бомбардировщики с радиусом действия в несколько тысяч километров и с бомбовой нагрузкой пять тонн и больше. Дальний бомбардировщик к тому же должен быть высотным. Иначе он будет уязвим для огня зенитной артиллерии и действий истребителей противника. И таких бомбардировщиков надо иметь никак не меньше тысячи.

А у Гитлера их не было вовсе.

Если бы у Гитлера и были дальние бомбардировщики, то использовать их все равно было бы невозможно. Четырехмоторный бомбардировщик, который несет пять тонн бомб на многокилометровой высоте на несколько тысяч километров, удивительно прожорлив. Ему надо много топлива. А где его взять, если не хватает даже истребителям и легким бомбардировщикам?

Но во всей этой истории есть и более удивительный аспект.

- 3 -

Что это за постановка вопроса: Урал «в случае необходимости можно будет парализовать»? Гитлер исходит из того, что промышленность Урала вообще-то парализовывать не нужно, что Урал угрозы не представляет, что Урал сам собой прекратит производство оружия. Ну а если вопреки ожиданиям он будет что-то там производить, тогда «можно будет» его и парализовать... Откуда этот оптимизм?

И откуда взято, что Урал – «последний промышленный район» Советского Союза? Какой неуч вписал эти слова в гитлеровскую директиву?

В ходе первых пятилеток Сталин развернул поистине гигантское строительство промышленных объектов за Уралом: в Сибири, Казахстане, на Алтае, Дальнем Востоке. Чего стоил один только Кузнецкий бассейн: Кемерово, Сталинск, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Темиртау... Никто этих гигантов индустрии не прятал. Их воспевали. Помните у Маяковского: «Я знаю – город будет!»

А кроме Кузбасса: Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск, Комсомольск... И опять же – никто секрета не делал. Про Комсомольск пели песни, ему посвящали оды: «чудный город в безлюдной тайге поднялся!» Про Комсомольск писали статьи и книги, про него снимали киножурналы и полнометражные фильмы. Комсомольск попал в германский школьный учебник географии, а гитлеровские разведчики и стратеги ничего о нем не слышали, они ничего не знали ни про Иркутск, ни про Красноярск, ни про Сталинск, ни про Барнаул. И вот, ничего не зная о нашей стране и ее экономике, германские стратеги планируют разгром «последнего промышленного района на Урале» налетами мощных соединений дальних стратегических бомбардировщиков... которых у них не было.

Всю директиву № 21 на проведение операции «Барбаросса» легко объяснить так: собралась группа совершенно неграмотных людей, которые никогда в армии не служили, о войне и армии никакого представления не имели, они напивались до полного безумия и в пьяном бреду писали совершенную чепуху. Это было бы ясное и понятное всем объяснение, но вот проблема: Гитлер был мужиком не пьющим. И фельдмаршалы в его окружении в хроническом алкоголизме не замечены. Потому никаких других объяснений появления такой директивы у меня нет. Человек самой невероятной глупости, если он не поражен шизофренией, такой документ составить и подписать не мог.

- 4 -

Шерлок Холмс вовсе не зря обращал внимание на какие-то незаметные ворсинки, царапинки, пятнышки: маленькие ключики открывают большие сейфы.

Заявление о том, что Урал – последний промышленный район Советского Союза, изобличает Гитлера, его фельдмаршалов и генералов, его разведывательные службы в полном невежестве.

Разведка – глаза и уши армии и государства. Чтобы оценить германскую разведку, обратимся к мелочи, пустячку, пылинке, капельке, в которой отразился целый ошеломляющий воображение мир германских спецслужб...

Сын Сталина старший лейтенант Яков Джугашвили был захвачен в плен. 18 июля 1941 года его допрашивают. Тем, кто не знал, сообщают: допрос пленных – один из самых важных источников разведывательной информации. Этим делом во все времена занимались не какие-нибудь, а разведывательные органы. Сын Сталина – не простой старший лейтенант. Потому его допрашивали не простые разведчики. И вот вопрос сыну Сталина: «Известно ли вам, что вторая жена вашего отца тоже еврейка?»

Яков Джугашвили отрицает: Сталин – вдовец, нет у него никакой жены, ни еврейки, ни русской, ни грузинки. Тогда – ехидный вопрос на засыпку: «А разве Кагановичи не евреи?»

Старший лейтенант Джугашвили возразил, но не убедил. Стороны остались при своих мнениях. Старший лейтенант спорить не стал: вам из погреба виднее.

О Сталине болтали всякое. В том числе и то, что он еврей: если Советским Союзом, как рассказывают, правят евреи, кто же на вершине должен быть? Фамилию Джугашвили переводили как «сын еврея». А чтобы никаких сомнений не оставалось, придумали Сталину еще и двух жен-евреек. Кто там главный еврей в Кремле? Каганович? Ясно. Значит, жену Сталина зовут Роза Каганович. Мифической Розе приписали уйму омерзительных деяний, и она ожила в сознании

болтунов.

Сплетник опасен тем, что заражает вымыслами не только окружающих, но и прежде всего – себя самого. Тот, кто повторяет сплетни, сам начинает в них верить.

Вот это – уровень гитлеровской разведки. Германская разведка жила в мире сплетен, которые было легко проверить и опровергнуть. Но никто ничего не проверял и не опровергал.

Гитлеровцы верили в то, во что хотели верить, верили в то, что болтали длинные языки... Яркие подробности делают сплетню живучей. Но сплетни делают разведку мертвой. Давно установлена неразрывная связь между государством, разведкой и сплетнями. Нерушимое правило: как только разведка начинает верить сплетням, государство гибнет. Это правило без исключений.

Случай с «Розой Каганович» – пустячок, мелочь. Но за мелочами кроются весьма печальные (для Германии) обстоятельства. Закон разведки прочен и тверд, как закон советского уголовного лагеря: не знаешь – не болтай, за каждое слово отвечаешь головой и всем прочим. В разведке проверка добытых сведений важнее, чем их добывание. Повторю: разведчик имеет право оперировать только теми сведениями, происхождение которых точно установлено. Если разведчик, даже самого низкого ранга, повторяет сплетни, значит, данная разведывательная организация смертельно больна.

- 5 -

Кстати, об этом допросе. Советские солдаты и офицеры готовились к победоносному походу на Берлин, Париж и Мадрид. К этому их подготовили. Но их не готовили к отражению германского вторжения, к упорной обороне. «Устав внутренней службы» и другие уставы не регламентировали действия советских военнослужащих при угрозе пленения и в плену. Считалось, что вероятность попасть в плен была близкой к нулю. Это действительно так, если мы наступаем. В 1945 году Красная Армия нанесла внезапный удар чудовищной силы по японским войскам в Китае. Так замыслилось и в 1941 году, только против Германии. Но война получилась не такой, как замыслили. Результат: в момент пленения в полевых сумках советских командиров находили весьма интересные карты, любопытные приказы и удивительные письменные распоряжения. У многих тысяч солдат за голенищами были те самые русско-немецкие и русско-румынские разговорники, а в карманах – личные письма, которым бы лучше в руки врага не попадать.

Не был исключением и Яков Джугашвили. Он находился некоторое время в плену, но его поначалу не опознали. В эти драгоценные минуты, часы и дни ему следовало «самому себя обыскать» и уничтожить все ненужное. Он этого не сделал. Якова выдали его подчиненные. Всех советских людей воспитывали в духе стукачества и предательства. Для всех Павлик Морозов был примером. Стукачество – становой хребет социализма. Без стукачества социализм невозможен ни в одной стране и ни в каком виде. Социализм стоит на страхе, страх – на стукачах. В 1991 году русскому народу следовало ликвидировать стукачество как класс. Это не было сделано. Потому Россия буксует.

Стукачи – тайная армия социалистического государства. Главная его сила. Но в оборонительной войне полчища советских стукачей вдруг оказались по ту сторону фронта, в плену. Они продолжали свою кипучую деятельность. Только теперь уже не на Сталина, а на Гитлера. Весь столь долго и тщательно создаваемый потенциал советского стукачества против Советского Союза и обернулся.

Сына Сталина выдали его же подчиненные. Он был опознан, обыскан и допрошен. В его карманах нашли письмо от некоего младшего лейтенанта запаса по имени Виктор: «Я на сборах, хотел бы попасть осенью домой, но этому может помешать намечаемая прогулка в Берлин». На письме дата – 11 июня 1941 года. Об этом письме было доложено лично Гитлеру, и он о нем вспоминает 18 мая 1942 года (См. Застольные разговоры). А тогда, в июле 1941 года, немецкие разведчики, которые вели допрос, предъявили Якову Джугашвили письмо и попросили объяснить фразу о «намечаемой прогулке в Берлин». Протокол допроса фиксирует реакцию сына Сталина. Он читает найденное у него письмо и тихо бормочет: «Черт возьми!»

В свете этого письма, особенно даты на нем – 11 июня 1941 года, становится более ясным содержание Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 года. Вся страна, вся армия, все, начиная с

младших лейтенантов запаса, открыто болтали о предстоящей прогулке в Берлин. Поэтому Сталин, прикрываясь вывеской ТАСС, рыкнул на всю страну и на весь мир: «СССР, как это вытекает из его миролюбивой политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются ложными и провокационными...».

Но мы отвлеклись. Мы сейчас о другом: о германской разведке, которая жила мифами и сплетнями. Это была больная организация. Смертельно больная.

- 6 -

Вот еще пеночка.

Великий германский разведчик Вальтер Шелленберг, который бахвалился, что он якобы обманул самого Сталина и сталинской рукой «обезглавил» Красную Армию, сообщает изумительные сведения в своих «Мемуарах»: «Канарис утверждал, что у него есть безупречные данные, согласно которым Москва, являющаяся крупным индустриальным центром, связана с Уралом, богатым сырьевыми ресурсами, всего лишь одной одноколейной железной дорогой» (Минск: Родиола-плюс, 1998. с. 204).

Вот и все. И больше о германской разведке ничего не надо рассказывать. Главный немецкий шпион в одном предложении выразил все. Железные дороги России были в основном построены при Александре Третьем и Николае Втором. В строительстве этих дорог принимали участие иностранные инженеры. Прежде всего – немцы. В 1941 году многие из них были живы, занимали большие посты, жили в Берлине. Потому немецкой разведке не надо было проводить секретных операций, не надо вербовать агентов, не надо тайников и явок – найдите старого инженера, который строил Александровский мост через Волгу, и расспросите.

После падения монархии русская техническая интеллигенция многомиллионным потоком ушла в изгнание. Столицей русского зарубежья был отнюдь не Париж, а Берлин. Потому немецкой разведке следовало найти старикашку в железнодорожной фуражке с черным бархатным околышем и серебряными молоточками, он бы с гордостью рассказал про железные дороги России.

Весной 1941 года вся континентальная Европа была в руках Гитлера. Бежавшие от коммунистов старые русские технические интеллигенты жили в Париже, Варне, Праге, Софии, Белграде... Найдите их. Поговорите с ними. Материал никакой не секретный. Никто заператься не станет. Любой расскажет о железных дорогах...

При двух последних русских царях на должности министра путей сообщения немцы побывали трижды. А должность инспектора Министерства путей сообщения России занимал фаворит Николая Второго полковник А. А. фон Вендрих. Потому у разведки кайзера не было никаких проблем с добыванием сведений о железных дорогах России, Да никто эти сведения и не прятал. Так вот, великие разведчики Гитлера даже не разгребли завалы информации, которые остались в Берлине от их предшественников – разведчиков кайзера.

Перед войной был построен Турксиб – магистраль из Средней Азии в Сибирь. Но секрета из этого опять же не делали – наоборот, вокруг строительства – щебет и соловьиные трели пропаганды. Строительство Турксиба даже описано у Ильфа и Петрова. Помните разговорник для общения строителей с местным населением? Шайтан – черт. Арба – телега. Шайтан-арба – Туркестанско-Сибирская железнодорожная магистраль.

Все индустриальные гиганты первых пятилеток возводились при участии иностранных, в том числе и немецких, инженеров. Они по несколько лет работали на Магнитке, на Челябинском тракторном, на Уралмаше, в Нижнем Тагиле и др. Они не только изъездили всю страну до Комсомольска включительно, но и участвовали в работах по повышению пропускной способности магистралей, которые вели к новым гигантам индустрии. Они знали, какие дороги куда ведут и какова их пропускная способность. Мало того, прямо из гитлеровской Германии крупнейшие германские фирмы поставляли очень тяжелое оборудование на возводимые советские военные заводы, и для того чтобы огромные машины доставлять, немецким инженерам требовалась техническая документация, отражающая грузоподъемность мостов, ширину и высоту тоннелей и многое другое. Все эти документы осели где-то в Берлине. Их следовало найти, господа гитлеровские разведчики.

Кроме всего прочего, волжские города Казань, Саратов, Вольск – это тайные учебные центры подготовки немецких офицеров, которых в нарушение международных договоров Сталин готовил для сокрушения Европы. Достаточно было Шелленбергу или Канарису поговорить с немецкими офицерами, которых Сталин подготовил для Гитлера за Волгой, которые теперь вернулись в Германию и служат в рядах германских вооруженных сил. Эти немецкие офицеры видели мосты через Волгу в районах Ярославля, Горького, Казани, Сызрани и Саратова, они знали, что через мосты железнодорожные магистрали тянутся куда-то на восток. Куда им тянуться, кроме Урала? Неужто германским разведчикам не пришло в голову опросить своих собственных немецких офицеров и узнать: одна магистраль от Москвы на Урал идет или больше? Одна колея или две?

Плюс ко всему перед войной немецкие дипломаты, бизнесмены, разведчики и просто бездельники ездили в Китай, Японию, Корею, Маньчжурию и Монголию через советскую территорию. А японские дипломаты ездили из Германии через Советский Союз в Японию и во время войны, вплоть до весны 1945 года. Великим лидерам разведки Канарису и Шелленбергу следовало только расспросить своих подчиненных о том, что они видели в пути.

- 7 -

В Британском музее – библиотека. Найти в ней можно все, что угодно. Я искал школьные учебники истории. В каждой стране детям в школах историю преподают совершенно уникальным образом. Те же события в двух соседних странах описываются прямо противоположным образом. Но все учебники написаны единым научным методом и под единым лозунгом: «Наша мама лучше всех!».

Я рылся в учебниках истории и вдруг меня поразила мысль: если учебники истории так различны в разных странах, то учебники географии должны быть похожими. Я, конечно, ошибся. Учебники географии в разных странах пишутся под тем же лозунгом. География подчинена идеологии ничуть не меньше истории. Итак, листаю учебники географии: британские, русские, французские. И вот – немецкие: 1893, 1909 и 1938 годов. Что-то внутри сжалось и напряглось. Географические карты, еще карты. Вот Европа до Урала. И на карте – красные ниточки железных дорог. От Москвы на Ярославль и далее на Вологду, Вятку и Пермь. От Москвы – на Казань и Самару. От Москвы – на Саратов и Царицын. А от волжских городов – на Нижний Тагил, Екатеринбург, Челябинск, Оренбург, на Уфу и Златоуст. Чем ближе к нашему времени учебник, тем сеть железных дорог гуще. Новых коммунистических названий немцы не признавали, так и продолжали писать – Оренбург, Самара... Но вот на школьной карте появляются новые города – Магнитогорск, Караганда, Акмолинск, и к ним потянулись новые красные ниточки. В немецком школьном учебнике 1938 года показаны самые новые железные дороги от Казани на Первоуральск, от Уральска на Орск и далее на Челябинск...

Если великие разведчики Канарис и Шелленберг не додумались опросить старых русских и немецких инженеров, которые строили железные дороги в России, если не сообразили опросить немецких офицеров, которые совсем недавно учились в Поволжье, то нужно было взять НЕМЕЦКИЙ школьный учебник географии выпуска 1938 года и посмотреть.

Случилось то, что лежит за пределами нормального человеческого воображения. Знания, доступные составителям немецких школьных учебников, а за ними – учителям и школьникам, оказались недоступными германской разведке.

Во главе германского стратегического планирования и германской разведки стояли умственно неполноценные люди, которые никогда нигде не учились. И пусть Вальтер Шелленберг себя не выгораживает: он-то, мол, знал, что дорог на Урал идет несколько, это, мол, глупый Канарис возражал. Если лидеры германской разведки спорили о таких пустяках, то гроша истертого за всю гитлеровскую разведку давать нельзя. И за всю Германию тоже. Если в стране ТАКАЯ разведка, значит, страна ничего не стоит, она ни на что не способна.

ГЛАВА 14 ЧТО ОНИ ЗНАЛИ О КРАСНОЙ АРМИИ?

Если бы я знал, что у русских действительно имеется такое количество танков... я бы, пожалуй,

не начинал эту войну. Адольф Гитлер. 4 августа 1941 года.

Г. Гудериан. Воспоминания солдата. с. 256

- 1 -

Весной 1941 года германская разведка провела коварную операцию. В Германию была приглашена группа весьма высокопоставленных советских танковых экспертов. Гитлер лично дал обещание показать все германские достижения в области бронетанковой техники, ничего не тая. Обещание он выполнил: лучшие немецкие танки были показаны.

Незадолго до советской делегации на германских танковых заводах побывала американская делегация. Американцы были шокированы германскими достижениями. Но вот появляется делегация советская. Наши инженеры безучастно скользнули глазами по боевым машинам и потребовали допотопную технику убрать, а вместо нее показать то, что обещали, – современные танки. Немцы уверяли, что показывают лучшее, что у них есть. Советские инженеры отказывались этому верить. Но немцы не хитрили. Они действительно показали самое лучшее. Наши эксперты, конечно, знали, что Германия катастрофически не готова к войне, что Германия отстает и в количестве, и в качестве вооружения, причем весьма сильно, но поверить в такую отсталость они не могли.

Этот показ танков описали многие немецкие мемуаристы, ибо у этой истории была другая сторона. Весь этот показ был коварной западней. Операция проводилась по инициативе германской разведки. Замысел: покажем русским лучшее, что есть, и посмотрим, как будут реагировать. Немцы раскрыли все карты, а в этот момент за советскими конструкторами и руководителями танковой промышленности наблюдали профессиональные разведчики. Они ждали такой же реакции, как и у американцев, но реакция была противоположной. На этой основе один из самых проникательных гитлеровских разведчиков Вальтер Шелленберг сделал правильный вывод: у русских есть нечто гораздо лучшее, чем у немцев.

- 2 -

Эта история – образец германской хитрости и коварства. Согласимся, ловко придумано. Но...

У этой истории есть и еще одна сторона, на которую не обращают внимания.

Никакой хитрости, никакого коварства германской разведкой в данном случае проявлено не было. Была проявлена дурь бездонной глубины.

В 1933 году, когда в Германии вообще никаких танков не было, Советский Союз начал массовое производство плавающих танков. Это ни для кого не секрет. Об этом знает весь мир сейчас и знал тогда. Плавающие танки показывали на всех учениях и маневрах, плавающие танки ходили на парадах стройными рядами, огромными массами, снимки были во всех газетах и журналах, в хронике. А в Германии и в 1941 году не было плавающего танка даже в замыслах. И во всем XX веке Германии создать плавающий танк не удалось. Без коварной разведывательной операции всему миру известно, что в Советском Союзе есть плавающие танки, а в Германии их нет. Так в чем же заключалось коварство? В чем смысл операции? Зачем эту операцию проводили? Неужели без нее не было ясно, что Германия не готова к войне? И чем германская разведка хотела удивить советских танковых экспертов? На какую реакцию рассчитывал великий разведчик Вальтер Шелленберг? Чем собирался сразить воображение русских недочеловеков? Наверное, думал: объявлю, что в Германии плавающего танка нет, и пусть они лопнут от зависти.

В 1932 году на вооружение Красной Армии был принят танк БТ-2. Удельная мощность – 36,4 л.с. на тонну веса (Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР. Статистический сборник № 1. с. 235). До таких высот ни один зарубежный танк того времени неотягивал, и в 2000 году тоже неотягивает. Через девять лет, в апреле 1941 года, в Германии пошел в серию танк Т-III. Во всей германской армии он имел самую высокую удельную мощность – 13,9 л.с. на тонну веса.

Характеристики БТ-2 никто не скрывал. Эти характеристики были известны всем, прежде всего германским генералам, например Гудериану, которого в свое время приглашали даже на

наши танковые заводы, на учения и испытания танков. Вернувшись из Советского Союза, потрясенный Гудериан написал книгу, в которой расписал и советские танки во всех деталях и подробностях, и мощь Харьковского завода, на котором они выпускались. Гудериан знал, что танки выпускаются и на Кировском заводе в Ленинграде. Предполагал, что на Сталинградском тракторном без проблем может быть налажено танковое производство и еще на ряде заводов, которые, по его предположению, возводились где-то на Урале и за Уралом. Книга Гудериана стала бестселлером, ее перевели на несколько языков.

Так вот, не нужно было доблестной германской разведке даже агентов вербовать. Надо было просто пригласить Гудериана на шнапс и расспросить о том, что он видел в СССР. Если германским разведчикам лень Гудериана приглашать и денег на шнапс жалко, тогда можно было взять в любой школьной библиотеке книгу Гудериана и полистать ее. Эта книга была издана на понятном германской разведке НЕМЕЦКОМ языке. И следовало сравнить: самая высокая удельная мощность германского танка в 1941 году недотягивает до 14 л.с. на тонну веса, а в Советском Союзе девять лет назад был танк, который имел удельную мощность в два с половиной раза больше. После этого незачем было Гитлеру и его великим разведчикам позориться и приглашать советскую делегацию на демонстрацию немецкой технической отсталости. Зачем советских конструкторов тревожить, если Германии нечего показать? Если гордиться нечем? А уж если и приглашать, то не надо ожидать от советских инженеров-танкистов восторга и священного трепета.

Выбирайте один из двух выводов. Или Шелленберг с Канарисом и все их разведывательные структуры не могли сравнить 13,9 и 36,4 и определить, какая величина больше. Или они вообще ничего не знали о Красной Армии, даже в объеме того, что Советский Союз не скрывал, что было открыто опубликовано, в том числе и в Германии.

- 3 -

В 1933 году на вооружение Красной Армии был принят средний танк Т-28. Ничего равного ему за рубежами нашего Отечества не было. В 1937 году был создан вариант этого танка Т-28ПХ (подводный ход). Испытания показали, что в случае необходимости все серийные Т-28 можно переоборудовать для форсирования по дну водных преград глубиной до 4,5 метра. По два раза в год танки Т-28 показывали на парадах, и не только в Москве, но еще и в Ленинграде, Минске и Харькове. Их любили демонстрировать мощными группами по несколько десятков, чтобы ими запрудить сразу всю площадь. Т-28 принимал участие в многочисленных маневрах, в том числе и в присутствии зарубежных военных экспертов. Любой военный человек даже по виду мог бы определить его примерные характеристики.

Ни один германский танк не мог сравниться с Т-28 ни по вооружению, ни по бронированию, ни по мощи двигателей. И во всем мире не было ничего подобного нашему Т-28. Но вот в конце 1937 года немцы начали выпуск танка Т-IVА. Это был самый мощный германский танк.

Он имел броню 15 мм (Encyclopedia of German Tanks of World War Two. London: AAR, 1978. p. 89). На Т-28 – броня лучшего качества и вдвое толще – 30 мм.

Этот самый мощный немецкий танк имел двигатель 250 л.с. Т-28 – вдвое больше – 500.

Немецкий танк имел два пулемета. Т-28 – пять.

Но пушка на этом немецком танке была примерно равна нашей. На Т-28 стояла 76-мм пушка КТ-28. Длина ствола – 16,5 калибров. Начальная скорость снаряда – 381 м/с. У немцев на Т-IV калибр чуть меньше – 75 мм, потому снаряд чуть легче. Но длина ствола чуть больше, потому и скорость снаряда чуть выше – 385 м/с. Дульная энергия обеих пушек одинаковая.

Наши конструкторы не могли мириться с тем, что хотя бы по одному параметру немцы нас догнали. В ответ наши конструкторы совершают рывок: с 1938 года Т-28 стали выпускаться с новой пушкой Л-10. Длина ствола – 26 калибров. Начальная скорость снаряда – 555 м/с. Немцы до 1941 года рывка не совершили. Нашей пушке Л-10 в 1941 году не было равных ни в Германии и нигде в мире. «По вооружению Т-28 абсолютно превосходил все немецкие танки. Пушка Л-10 (как, впрочем, и КТ-28) могла эффективно поражать „панцеры“ Вермахта на дистанциях для их орудий запределных» (М. Барятинский, М. Павлов. Средний танк Т-28. М.: Аскольд, 1993). На следующих моделях своего самого мощного танка Т-IV немцы поставили двигатель HL-120TR – 300 л.с. Но до наших 500 л.с. они все равно не дотянули. Немцы усилили броню до 30 мм. Наш

ответ – Т-28Э, максимальная толщина брони 80 мм.

Т-28 имел достаточный конструктивный задел, чтобы на нем поставить 85-мм пушку Ф-39 с длиной ствола 52 калибра. Танк успешно прошел испытания с такой пушкой. Просто в это время советское танкостроение совершило еще один почти невероятный рывок вперед. Были созданы танки Т-34 и КВ, потому дальнейшая модернизация Т-28 была признана нецелесообразной.

И вот вопрос: зачем немецкой разведке весной 1941 года приглашать в Германию советских танковых экспертов и показывать им свои допотопные танки? Допустим, что про Т-34, КВ, КВ-2, Т-40, Т-50 они ничего не знали. Но должна же была немецкая разведка понимать, что лучший германский танк 1941 года никак недотягивал по своим характеристикам даже до самых первых Т-28, поступивших на вооружение в 1933 году. Зачем весь этот огород городить? Ведь и так ясно, что Германия безнадежно отстала.

Вся затея с показом немецких «достижений» – свидетельство того, что германская разведка о советских танках не имела представления. Даже смутного. А война-то готовилась танковая.

- 4 -

По советским стандартам, Т-28 – устаревший: последние выпущены с заводов в 1940 году. Если танк вышел из заводских ворот годом раньше, наши историки-коммунисты его уже танком не считают и в статистику не включают. Но Т-28 устаревший только по нашим меркам, только в сравнении с нашими новейшими танками.

Если бы летом 1941 года какой-нибудь иностранный танк имел 76-мм пушку с начальной скоростью снаряда 555 м/с и пять пулеметов, то был бы национальной гордостью и попал бы в Книгу рекордов. Но такого не имел никто.

Если бы какой-нибудь иностранный танк имел лобовую броню в 80 мм, то тоже попал бы в Книгу рекордов. Но и такого танка ни у кого не было. Нюанс: в то время в Британии поступил на вооружение танк «Матильда». Броня – 78 мм. Но вооружение предельно слабое: пушка – 40 мм и один пулемет. Двигателей два

– по 95 л.с. Потому свой вес этот танк – гордость британского танкостроения

– мог нести только на ровной местности и на спусках. Каждую колонну танков «Матильда» сопровождала группа тяжелых грузовиков. Их задача – брать «Матильды» на буксир и втягивать на подъемы. Атаковать противника «Матильда» могла только на ровной местности или катиться на врагов с горочки. Каждому, кто интересуется этой темой, настоятельно рекомендую потрясающую книгу Д. Флетчера «Великий танковый скандал». Из этой книги вы почерпнете еще и не такие подробности о «готовности» Британии и ее союзников к войне.

Если бы у кого-то в мире в 1941 году был танковый двигатель в 500 л.с., то это считалось бы выдающимся мировым достижением.

«Устаревший» советский Т-28 – это сочетание трех рекордных для остального мира характеристик, каждая из которых даже в отдельности была бы предметом гордости в любой стране.

После войны красная пропаганда исключила все танки Т-28 (и многие другие) из статистики и вынесла их в разряд устаревших и изношенных. Однако захваченные финнами в 1939-1941 годах «устаревшие» Т-28 были приняты на вооружение Финляндией, служили до самого конца войны и успешно применялись против Красной Армии. Один «изношенный» Т-28 был переоборудован в эвакуационную машину и использовался до 1951 года. А ведь в Финляндии не было запасных частей для этих танков. Но Т-28 был так сработан, что даже без запасных частей служил несколько лет на войне в ужасном климате на ужасной местности против сверхмощного противника – советских КВ и Т-34. Еще и после войны шесть лет отслужил. Это к вопросу о наших «устаревших» танках.

Кстати. Однажды я сказал, что на Т-28 стояла мощная пушка, в ответ же получил целый вал гневных писем: пушка КТ-28 имела длину ствола всего только 16,5 калибров! Меня высмеивали российские газеты, меня клеймил Интернет. А я не перестаю удивляться: о том, что изначально на Т-28 стояла короткоствольная пушка КТ-28, помнят сотни моих критиков. А о том, что танк был модернизирован и с 1937 года выпускался с пушкой Л-10, ни один из моих разоблачителей почему-то не вспомнил. Всех злобствующих критиков сбил с толку Музей Вооруженных Сил России. Но, дорогие товарищи, вы же должны понимать, что музей-то этот – коммунистиче-

ское идеологическое учреждение. Главное для этого музея, как и для наших мемуаристов, и наших официальных историков, – гнуть линию преступного XX съезда КПСС, линию Хрущева – Жукова, выставлять нас хилыми и немощными: враг был сильнее. Потому коммунисты сохранили и выставили Т-28 самого первого образца с подчеркнута коротким стволом – любуйтесь на нашу отсталость. Но если любопытствующий побывает в Финляндии, в Парола, то увидит настоящий Т-28 с броней 80 мм и пушкой Л-10.

Все это я рассказываю вот к чему. В Зимней войне 1939-1940 годов армия Финляндии захватила несколько советских танков Т-28, включая самые последние образцы – Т-28Э. Финляндия – союзник Германии. Мудрейшим главарям немецкой разведки следовало послать в Финляндию одного ефрейтора, чтобы он на советский танк посмотрел. А если лень ефрейтора посылать, напишите письмо в Финляндию и получите телеграфный ответ: пушка – 76, начальная скорость – 555, пять пулеметов, двигатель – 500, броня – 80. Вот и все. Сравните со своими позорными «достижениями», и не надо будет советских товарищей звать в Германию, попусту от дела отрывать. Сравните характеристики «устаревшего» советского Т-28 с лучшими своими «рекордами» и, может быть, в Россию не ползете – сами зря время терять не будете.

- 5 -

В том же 1933 году одновременно со средним Т-28 на вооружение Красной Армии был принят тяжелый танк Т-35. Это был единственный в мире пятибашенный танк, принятый на вооружение войск. Он имел три пушки и 6-7 пулеметов. Секрета из этого никто не делал. По два раза в год эти танки с грохотом прокатывались через Красную площадь на парадах. Они были «гвоздем программы». Для пушечного блеска гиганты Т-35 выплывали на Красную площадь в сопровождении малых плавающих танков Т-37А и Т-38. Контраст был разительным: огромные броневые чудовища с эскортом малых зубастых хищников. Т-35 появлялись на учениях, военные атташе всех стран их видели, эксперты примерно представляли их характеристики.

В 1941 году ни один немецкий танк, и вообще ни один танк в мире, недотягивал до нашего среднего танка Т-28. Тем более ни один не мог даже примерно сравниться с нашим тяжелым Т-35.

Еще раз оценим мудрость Шелленберга и германской разведки. Если немецкие разведчики не читали «Правду» и «Красную звезду», а просто просматривали бы картинки в этих газетах, то они должны были знать: в Красной Армии есть тяжелые танки. И уже давно, с 1933 года. А в Германии весной 1941 года тяжелого танка не было даже в эскизных проектах. Немецкой разведке нечего было показать. Не было тяжелого танка даже на рисунке. И вот проницательный Шелленберг решает пригласить советскую делегацию и показать ей пустую площадку для тяжелого танка, а в это время психологи будут тайно подсматривать. Если русские унтерменши восхитятся пустым местом, значит, из их поведения будем делать одни выводы. А если не восхитятся – тогда будем делать другие выводы...

- 6 -

В 1941 году германские конструкторы не сумели приблизиться даже отдаленно к тем показателям, которые были достигнуты в Советском Союзе в первой половине тридцатых годов. Если бы немецкие разведчики предположили, что начиная с 1932-1933 годов в Советском Союзе не сделано ничего, то и тогда советскую делегацию незачем приглашать.

Но Советский Союз не стоял на месте. В декабре 1939 года в Финляндии Красная Армия в боевой обстановке испытывала новейшие тяжелые танки СМК, Т-100, КВ. Чуть позже – и КВ-2. Финская войсковая разведка имела снимки всех этих танков. Были определены их примерные характеристики. Было установлено, что они имеют мощные пушки, широкие гусеницы и непробиваемую броню. Ни одна противотанковая пушка их не брала. Финской разведке повезло: на участке обороны, где активных боевых действий не было, экспериментальный СМК нарвался на мощный фугас. Взрыв повредил гусеницу и вывернул каток. Тяжелый танк осел в воронку, и никакие попытки советских ремонтников его оттуда вытащить до окончания боевых действий не имели успеха. СМК так всю зиму и простоял на нейтральной полосе. Финские разведывательные группы неоднократно в нем побывали. Благо, ночи зимой темные и длинные. Танк был внима-

тельно (насколько это возможно) изучен. С него были сняты оптические приборы и крышка люка. Все это дало весьма полное представление об этом танке и о состоянии советского танкостроения в целом.

И опять же: Финляндия – союзник Германии. Следовало послать в Финляндию младшего лейтенанта, чтобы поинтересовался новинками советской техники. И ему бы рассказали, что появились в малом количестве четыре разных типа советских танков, весьма тяжелых, непробиваемых, с хорошими ходовыми качествами и огромной огневой мощью. Если такие чудовища уже воевали в конце 1939 года, то германской разведке следовало сделать выводы. А они не могли быть утешительными: вся немецкая противотанковая артиллерия была против них бессильна. Но никто в Германии Красной Армией не интересовался и выводов не делал.

Тем временем в декабре 1939 года Т-40, Т-34, КВ были приняты на вооружение Красной Армии и начали поступать в войска. Чуть позже был принят и КВ-2. К лету 1941 года новейших танков Т-40, Т-34, КВ и КВ-2 было более двух тысяч, советская промышленность уже перешла на режим военного времени и могла выпускать эти танки в невероятных для остального мира количествах. Куда же смотрела германская разведка?

1 мая 1941 года танки Т-34 и КВ были показаны всему миру на параде (Военные парады на Красной площади. М.: Воениздат, 1980. С. 108; Ордена Ленина Московский военный округ. М.: Воениздат, 1985. с. 179). Советское руководство уже не делало никакого секрета. Не надо немцам агентуры, микропленок, тайников и явок. 1 мая 1941 года германскому военному атташе следовало только протереть глаза и увидеть то, что сотрясает Красную площадь...

Смотреть и видеть – разные вещи. Германская разведка не увидела эти танки даже и на параде. В начале июня 1941 года в Германии были изданы книжки для солдат с силуэтами и характеристиками советской боевой техники. О Т-34 и КВ в них ни слова, ни намек. Вот это – их уровень. Они не увидели даже того, что уже секретом не являлось, то, что им показали...

И вот 24 июня 1941 года Гальдеру поступают сообщения о том, что встречены новейшие советские танки. Реакция Гальдера: «Появился русский тяжелый танк нового типа, который, видимо, имеет орудие 80-мм калибра (согласно донесению штаба группы армий „Север“ – даже 150-мм, что, впрочем, маловероятно)».

Германские войска уже встретили на поле брани КВ (калибр орудия 76 мм) и КВ-2 (калибр 152 мм) и докладывают, Гальдер верит первой новости, но не верит второй.

Это показатель того, что до 24 июня 1941 года германское высшее стратегическое руководство и военная разведка о советском танке КВ-2 не имели вообще никаких сведений.

Даже туманных.

А этот танк уже полтора года состоял на вооружении советских войск. До этого он проходил испытания, в том числе и в боевой обстановке. Его принимала государственная комиссия. Еще раньше этот танк проектировали, организовывали серийное производство, строили... Но о нем в Германии никто ничего не знал, пока он своими широкими гусеницами не начал давить немецкую пехоту и противотанковые пушки. Чем же занималась вездесущая германская разведка?

И о количестве советских танков германская разведка не имела ни малейшего представления. 4 августа 1941 года Гитлер заявил Гудериану: «Ах, если бы я знал, что у них столько танков!». Это заявление слышал не один Гудериан. В мае 1945 года пленный германский подполковник Георг Зольдан поделился с офицерами особого отдела «Смерш» 1-й гвардейской танковой армии своими впечатлениями о войне: «Во время быстрого продвижения центральной армейской группировки фельдмаршала фон Бока, когда последняя вторглась глубоко в Россию, Гитлер посетил ее штаб и, выступая перед штабными офицерами, произнес слова, которые всех заставили задуматься: „Если бы я знал, что Россия так сильно вооружена, мне было бы куда труднее решиться на этот поход“. Иначе говоря, он признался, что его надежды оказались иллюзорными... Россия развернула свой потенциал с такой энергией, которая заслуживает восхищения. И все же немецкая военная печать, черпая информацию из хорошо осведомленных американских источников, продолжала недооценивать силу России» («Красная звезда». 9 мая 1991 г.).

В момент, когда подполковник говорил это, мемуары Гудериана еще не были написаны. И не до мемуаров тогда было Гудериану. Он в тот момент вполне мог рассчитывать на нюрнбергскую петлю. В свою очередь, Гудериан не мог знать, что сообщает какой-то подполковник офицерам сталинской контрразведки. Но слова обоих свидетелей по смыслу полностью совпадают:

Гитлер ничего не знал о мощи Красной Армии.

- 7 -

Знание (или незнание) противника – важнейший показатель готовности к войне. Вот начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер оценивает состояние советской артиллерии. Сведения о противнике начальнику Генерального штаба поставляет разведка. Кто же еще? Что германские разведчики сообщили начальнику Генерального штаба о Красной Армии, то он и вписывает в свой дневник, то он и положил в основу своего анализа и стратегического планирования. Итак, служебный дневник Гальдера, запись 2 февраля 1941 года о советской артиллерии: «Матчасть устарела. По опыту боев в Финляндии, артиллерия непригодна к ведению эффективного огня на поражение».

Сколько спеси и наглости в этом безграмотном, тупом прусском солдафоне! На себя бы посмотрел! Германская полевая артиллерия ни в какое сравнение с советской идти не могла. Обратим внимание на индексы германских орудий, которые составляли основу полевой артиллерии: FH-13, FH-18. FH – это полевая гаубица, цифры 13 и 18 означают годы принятия на вооружение – 1913-й и 1918-й. Были в германской армии и куда более старые артиллерийские системы – даже XIX века. Полевая артиллерия Германии была собрана из покоренных стран: Австрии, Чехословакии, Польши, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Франции, Югославии и Греции. Эти страны имели орудия не только отечественные, но и приобретенные на стороне. Поэтому на вооружение гитлеровской армии попали шведские, британские, американские, японские и даже российские орудия, например, русская 76-мм полевая пушка 1902 года и 122-мм полевая гаубица 1910 года. Всего на вооружении гитлеровской армии были орудия 28 разных калибров. Орудия начала века не были большой редкостью. Встречались старушки и очень почтенного возраста – до 50 лет и более, а это означало, что пришли они из предшествующего XIX века.

Все это, вместе взятое, никак по количеству с нашей артиллерией сравниться не могло. Все эти собранные с миру по нитке артиллерийские орудия надо было как-то снабжать запасными частями и снарядами. Но для 75-мм немецкой пушки образца 1918 года снаряды требуются одни, а для трофейной французской пушки образца 1922 года при таком же калибре снаряды требовались другие.

Вдобавок ко всему – проблема с тягой. Основа германской артиллерийской тяги – лошадка. Но пушку к лошадиному хвосту не прицепишь. Между пушкой и лошадьми должен находиться передок – двухколесная повозка, в которую с одной стороны впрягают лошадей, а с другой цепляют станины орудия. Проблема заключалась в том... Слово генерал-полковнику Ф. Гальдеру – «Военный дневник», запись 26 ноября 1940 года: «Конные упряжки для противотанковых орудий... У нас нет передков».

И это не все. Они вступили на советскую территорию и вдруг сообразили, что... «положение с конским составом плохое. Артиллерия испытывает недостаток в лошадях» (Гальдер. Военный дневник. Запись 19 августа 1941 года). Перед Второй мировой войной в Германии создавалась специальная артиллерия: железнодорожная, зенитная, противотанковая (никуда не годная), но в области чисто полевой артиллерии, т.е. в области артиллерии, которая решает основные огневые задачи на поле боя, начиная с 1918 года не было создано НИ ОДНОЙ новой пушки, ни одной новой гаубицы. И вот горе-стратег Гальдер пишет, что в Красной Армии материальная часть артиллерии устарела.

Между тем в Советском Союзе были созданы лучшие в мире артиллерийские системы, в конце 30-х годов началось массовое их производство и насыщение Красной Армии. Германская разведка об этом ничего не знала. Потому германскую армию ждали сюрпризы. Тот же генерал-полковник Гальдер после 22 июня 1941 года протрезвел и изменил свое мнение о советской артиллерии. Записи в служебном дневнике пошли совсем другие:

12 июля 1941 года: «Эффективность снарядов хорошая, моральное воздействие сильное. Много новейших, неизвестных нам до сих пор артсистем».

3 августа: «Огонь артиллерии противника невыносим, так как наша артиллерия из-за недостатка боеприпасов не оказывает противодействия».

4 августа: «Артиллерия противника действует хорошо».

11 августа: «Русская артиллерия обладает большой подвижностью благодаря применению

тракторов».

28 августа: «Русские 76,2-мм пушки с пятитонными тягачами. Их можно очень хорошо использовать в Африке. Снаряды этих пушек пробивают танковую броню толщиной 60 мм даже при стрельбе на дистанцию свыше 1000 метров. Возможно, что они могут быть использованы в войсках в качестве тяжелых противотанковых пушек».

Советская полевая артиллерия была лучшей в мире по качеству орудий и снарядов, а по количеству стволов и снарядов превосходила все армии мира того времени, вместе взятые. Кроме того, она превосходила германскую артиллерию по маневренности. Трактор в роли артиллерийского тягача все же лучше лошадки. А еще лучше – советский пятитонный гусеничный артиллерийский тягач, на который не может налюбоваться Гальдер. И вот вопрос: перед войной практически вся Красная Армия находилась за пределами старых государственных границ на враждебных ей территориях Бессарабии, Северной Буковины, Западной Украины, Западной Белоруссии, оккупированных государств Прибалтики. Для немецкой разведки – раздолье: вербуй любого, он расскажет, какие в Красной Армии пушки и гаубицы, он сделает снимки, подберет осколки на полигоне, с пьяными советскими артиллеристами потолкует...

Но ничего немецкая разведка не делала и ничего не знала, десятки тысяч новейших советских орудий она не увидела. А ведь их было столько, что спрятать невозможно.

- 8 -

Германская разведка ничего не знала о советской авиации. Перед войной гитлеровская разведка доложила, что в Советском Союзе 5000 боевых самолетов. Гитлер этому не поверил: слишком уж много. Не поверил, но, как вспоминает генерал Гальдер, был столь высокой цифрой смущен. Он все время спрашивал, не ошиблись ли разведчики?

Ну конечно, они ошиблись. 1 июля 1941 года Гальдер пишет в дневнике: «Наше командование ВВС серьезно недооценивало силы авиации противника в отношении численности. Русские, очевидно, имели в своем распоряжении значительно больше чем 8000 самолетов». Да, это так. У Сталина боевых самолетов было 23 000.

Гитлеровцы думали, что в Советском Союзе самолеты плохого качества. Они просто поверить не могли, что МиГ-3 по всему комплексу летно-тактических характеристик превосходит «Мессершмитт-109». Особо ощутимым было превосходство в скорости. Германская разведка считала, что новейших самолетов в Красной Армии мало. Однако в одном только Западном особом военном округе одних только МиГ-3 было больше, чем всех «Мессершмитт-109» на всем советско-германском фронте. Германская разведка ничего не знала про Як-1 и ЛаГГ-3. И не будем вслед за маршалом Жуковым повторять, что их было мало. Прочитайте еще раз хоть все издания так называемых, «мемуаров Жукова». Люди, писавшие эту странную книгу, сообщают общее (взятое с потолка) количество германских самолетов, но почему-то не сообщают, сколько в том числе было более или менее новых самолетов, а сколько устаревших. Появление Ил-2 было для германских разведчиков сюрпризом. И опять же не будем повторять, что их было мало: в Германии ни одного такого самолета не было, и до конца войны германским конструкторам ничего равного создать не удалось.

И бомбардировщик Пе-2 оказался сюрпризом для германской разведки. Он превосходил любой германский бомбардировщик, прежде всего – в скорости. Ничего равного нашим ДБ-3Ф и ТБ-7 в Германии не было. Но не было ничего равного и нашему Ер-2. Германская разведка ничего не знала о новейших советских самолетах Ар-2, Як-2 и Як-4. Кстати, наши мемуаристы и официальные историки тоже о таких самолетах по какой-то причине не вспоминают и в статистику их не включают. Или, может быть, Жуков Георгий Константинович, находясь на высоком посту начальника Генерального штаба, понятия не имел, что в Советском Союзе есть Ер-2?

- 9 -

Германская разведка ничего не знала о советских воздушно-десантных войсках. Наслушавшись своих премудрых разведчиков, Гальдер записывает в свой служебный дневник 22 февраля 1941 года вывод о советских десантниках: «Парашютисты – в незначительном количестве».

Это в Советском Союзе парашютисты в незначительном количестве?!

Только с апреля 1934 по февраль 1936 года на одной только Украине было подготовлено 427 000 парашютистов (Киевский краснознаменный. М.: Воениздат, 1974. с. 122). В настоящее время общепризнанно, что Советский Союз перед Второй мировой войной подготовил парашютистов в 250 раз больше, чем все остальные страны мира, вместе взятые. (смотри, например, В. Gregory, D. Batchelor. Airborne Warfare 1918-1941. Leeds: Phoebus, 1978. p. 21-22.) Советский Союз вступил в войну, имея пять полностью укомплектованных воздушно-десантных корпусов и еще пять в стадии формирования. Но избыток подготовленных парашютистов был столь огромным, что в ходе войны ими укомплектовали 1-ю, 4-ю, 5-ю и 9-ю гвардейские армии, 10-й, 11-й и 33-й гвардейские стрелковые корпуса и несколько отдельных гвардейских стрелковых дивизий. Подготовку всей этой миллионной массы парашютистов никто перед войной не скрывал. Наоборот, ее показывали всему миру. Немецкому шпиону перед войной следовало зайти в любой городской парк самого захудалого районного центра и посмотреть, с какой интенсивностью работает парашютная вышка. А без нее ни один городской парк не обходился. Немецкому шпиону следовало сходить на танцы под гармошку в любой заводской клуб и посмотреть на значки парашютистов на потертых пиджачках. С кавалерами, у которых не было такого значка, девки не шли фокстрот танцевать. Как всего этого немецкая разведка ухитрилась не заметить? В голову какого разведчика пришла мысль, что в Советском Союзе мало парашютистов?

Ну а чтобы последние сомнения о советской десантной мощи развеять, Красная Армия проводила грандиозные маневры. И выбрасывала на глазах изумленных военных атташе ведущих стран Запада небывалые, невиданные нигде в мире воздушные десанты. Пример тому – Киевские маневры 1935 года и Белорусские 1936-го. Когда ни у кого в мире не было вообще никаких воздушно-десантных войск, Красная Армия поражала военных представителей всех стран многотысячными парашютными и посадочными десантами с выгрузкой тяжелого вооружения, включая артиллерию, минометы, бронемашину и даже плавающие танки. Военные атташе США, Британии, Франции писали восторженные отчеты в свои столицы. На тех маневрах был и военный атташе Германии. Неужто он ничего не увидел? Наверное, бедняга пьяным в кустах лежал.

Для тех, кто лично не мог видеть всей этой красоты и мощи, советской пропагандой был выпущен фильм «Сражение за Киев»: на огромной высоте бесстрашные десантники через люки выползают на крылья бомбардировщиков, висят на них гроздьями и вдруг по команде все разом скользят по крыльям и обрываются в бездну. И в небе становится тесно от парашютов, которые переполняют его от горизонта до горизонта. Приземлившись парашютисты захватывают аэродром, и тут же на него нескончаемым потоком садятся транспортные самолеты, выгружая новые эшелоны бойцов и боевой техники. Вся мировая пресса от лондонской «Таймс» до «Нью-Йорк таймс», от «Фигаро» до «Чикаго трибюн» отозвались на эти учения и на этот фильм... А германская разведка строчит отчеты: парашютистов в Советском Союзе мало.

Но вот время учений завершилось, и Жуков в конце июня 1940 года осуществляет «освободительный поход» в Бессарабию. Захват румынских аэродромов осуществлен – как и отрабатывалось на учениях – внезапной выброской двух воздушно-десантных бригад. И это снято на пленку и показано не только Советскому Союзу, но и всему миру.

А германская разведка газет не читала; германские шпионы в кино не ходили и хронику не смотрели. Великие руководители германского шпионажа спали богатырским сном и, продрвав глаза, докладывали в Генеральный штаб, что ничего существенного не обнаружено, что если у русских и есть парашютисты, то в минимальном количестве...

И мудрейшие германские генералы (которые тоже газет не читали и хронику не смотрели) записывали в свои дневники удивительные сведения о том, что парашютистов в Красной Армии мало.

Да что там парашютисты! Германские генералы объявили, что их победила не Красная Армия, а неизмеримые пространства и ужасный климат. Это так. Но из данного факта следует печальный вывод: доблестные германские стратеги, собираясь в поход, ничего не знали о размерах территории Советского Союза и о его климате. А германская разведка была укомплектована выдающимися аналитиками, которые, однако, не сумели добыть сведения о том, что Россия большая страна и что в России иногда бывает зима с морозом и снегом.

ПОЧЕМУ СТАЛИН НЕ ВЕРИЛ СВОИМ ГЛАЗАМ?

Помню, когда Англия осталась один на один с Гитлером, в Ленинградском физико-техническом институте говорили, что положение Гитлера блестяще и... безнадежно.

Виктор Коган, ветеран войны. «Вести». 8 июня 1998 г.

- 1 -

У Сталина три независимые друг от друга разведки: Первое управление НКГБ, ГРУ Генерального штаба и личная сталинская разведка, спрятанная под двумя вывесками – «Секретариат т. Сталина» и «Особый сектор ЦК ВКП(б)». Между этими структурами – жестокая конкуренция.

Какова же была суммарная мощь этих структур? Мощь колоссальная. Примеры про атомную бомбу повторять не буду: каждый знает – добрая половина американских ученых, которые делали бомбу для Рузвельта, работали на Сталина. Вот другой пример: Сталин, опираясь на могущество своей разведки, держал Рузвельта за горло или за что-то еще. Держал цепко. Рузвельт (хотя и был парализован) выплясывал под сталинскую дудку все те номера, которые требовал его Кремлевский Хозяин. Рузвельт был обложен сталинскими шпионами и знал это. Перед войной и в ходе ее Рузвельт своим умением угадывать, улавливать и удовлетворять сталинские желания доводил мир до полного изумления. Да и сейчас не перестаешь поражаться, мягко скажем, уступчивости, податливости и стремлению Президента США угодить Генеральному секретарю ЦК ВКП(б). У Сталина не было ни военных (Америку не достать), ни экономических (Америка сильнее и богаче) рычагов давления на Рузвельта. Но у Сталина была разведка...

- 2 -

О проникновении сталинской разведки в государственные секреты Британии написаны целые библиотеки книг. Однако это проникновение было глубже и шире, чем принято считать.

О проникновении в руководящие военные и политические органы гитлеровской Германии известно достаточно много. В штабе верховного командования Вермахта (ОКВ) работала группа «Викинг» – семь германских высших офицеров и генералов передавали сталинской агентуре информацию прямо из кабинета Гитлера.

Помимо этого, кто-то из самых высших руководителей Третьего рейха работал на ГРУ. О нем иногда вскользь вспоминают благодарные советские рыцари плаща и кинжала: «В Германии советской военной разведке удалось получить доступ к секретнейшей информации из самых верхних эшелонов власти» («Красная звезда». 23 декабря 1989 г.). Подчеркну: тут речь не о Бормане, а о ком-то другом. О Бормане мы уже говорили, а тем, кто особо интересуется похождениями этого сталинского осведомителя, рекомендую книгу Hugo Beer «Moskaus As im Kampf der Geheimdienste». Munchen: Hohe Warte, 1983.

На Сталина одновременно работали совершенно независимые друг от друга агентурные сети. Вранье одного немедленно высвечивалось на фоне других сообщений.

В немецком посольстве в Москве работала группа «Альта»: Герхард Кегель, Эльза Штебс со товарищи. Все посольство было опутано паутиной сталинского шпионажа. Эта агентурная группа «пополнилась человеком, имевшим, по существу, неограниченный доступ к государственным тайнам Германии» («Красная звезда». 1 октября 1987 г.). От немецкого посольства в Москве тянулись нити в штаб Геринга, в научно-исследовательские учреждения Третьего рейха и, конечно, – в Министерство иностранных дел. «В числе этих разведчиков был даже один из приближенных министра иностранных дел Риббентропа. Его завербовали в Польше для работы на англичан, и по своим убеждениям он был ярким врагом Советского Союза» (ВИЖ. 1992. No 4. с. 30). Он думал, что работает против Сталина, а работал на Сталина...

Следует вспомнить и подругу жены Геринга, звезду первой величины нацистского кино Ольгу Чехову. Эта женщина сверкала на небосводе Берлина ослепительной красотой и необъяснимой, нестандартной, невиданной даже в той среде жестокостью. В 1936 году по распоряжению Гитлера Ольга Чехова была удостоена звания народной актрисы Германии. (У них – все как у нас.) На приемах она всегда была рядом с Гитлером. А в 1945 году народная актриса Третьего

рейха почему-то была обласкана товарищем Сталиным и удостоена высших советских степеней отличия. Представим подобную ситуацию, только наоборот. Гитлер взял Москву. Кто тут самая сверкающая звезда советского кино? Любовь Орлова? Вот тебе, Любовь Петровна, Железный крест с дубовыми листьями! Трудно представить? А разве подвиги Ольги Чеховой легче воспринимаются? А ведь товарищ Сталин зря никого не жаловал.

Гитлер, как и Рузвельт, понимал, что советский шпионаж – могущественная сила. «Когда русские специалисты приезжали к нам, чтобы купить станок, и им на заводе показывали буквально все, они заявляли, что в таком-то и таком-то углу такого-то цеха находятся образцы станков, которые им хотелось бы посмотреть, и очень точно описывали их. С помощью коммунистических организаций они в свое время создали систему шпионажа, которая и поныне превосходно работает» (Застольные разговоры Гитлера. Запись 5 апреля 1942 года).

- 3 -

Сталинский шпионаж простирался далеко за пределы великих держав. У болгарского царя Бориса был советник – генерал Константин Лукаш. Перед каждой встречей с царем генерал готовился отвечать на любые вопросы, которые царь мог бы ему задать. В ходе подготовки брат генерала Любен Лукаш играл роль царя и задавал царскому советнику самые каверзные вопросы. Генерал должен был отвечать точно и быстро. Получалось, что степень информированности младшего брата была никак не меньше царской. Нюанс заключался в том, что младший брат работал на ГРУ и задавал своему брату – царскому советнику – все те вопросы, которые интересовали товарища Сталина.

Чехословакия до введения советского социализма была в десятке богатейших и наиболее развитых стран мира. Заводы «Шкода» производили оружие на уровне высших мировых стандартов, в первую очередь – артиллерию. Дочь директора завода Бланка Карликова сумела вынести чертежи 210-мм пушки и передать их кому следует. Она работала на ту же агентурную группу, которая опекала болгарского царя («Красная звезда». 21 августа. 1986 г.).

Свидетельств о мощи сталинской разведки много. Вот генерал-майор авиации П. М. Стефановский как о чем-то совершенно несущественном сообщает одной фразой, что в июле 1941 года его вызвал Сталин и сказал: «Через три дня немцы будут бомбить Москву» (Триста неизвестных. с. 206). Не задерживаясь на этом эпизоде, Стефановский рассказывает о том, какие меры были приняты и как через три дня был отражен первый массированный воздушный налет на Москву. Но мы остановимся на этом, казалось бы, незначительном эпизоде. Как Сталин мог знать, что именно через три дня немцы будут бомбить Москву? Летчики на аэродромах не знали, что они будут делать завтра. Это величайший секрет. От сохранения этого секрета зависят успех предстоящей операции, безопасность летчиков и их жизнь. План воздушной войны известен предельно узкому кругу лиц. Командиры подразделений и летчики узнают о целях, которые предстоит бомбить, только в самый последний момент. А товарищ Сталин знает не только то, что германские летчики будут делать завтра, но и то, что они будут делать через три дня.

А вот свидетельствует Анастас Микоян: «27 марта 1943 года во втором часу ночи его вызвали на ближнюю дачу Сталина, в Воыньское. Сталин сообщил, что, по данным разведки...» (ВИЖ. 1976. № 6. с. 62). Только что отгремела Сталинградская битва. Красная Армия рванулась вперед, но в районах Харькова, Орла и Белгорода была остановлена. Наступило равновесие сил. Ни одна из сторон не способна была больше наступать. Обе стороны перешли к обороне и начали интенсивную подготовку к летнему сражению, которое развернется в этих районах через четыре месяца. Это будет одно из самых кровопролитных сражений в истории человечества, оно войдет в историю как Курская битва. Сражение началось 5 июля 1943 года. Но германские генералы начали штрихами набрасывать замысел операции еще 13 марта 1943 года, а 27 марта Сталин об этом уже сообщил Микояну и приказал тайно готовить к оборонительному сражению и к последующим наступательным операциям стратегический резерв – Степной военный округ в составе восьми армий, включая одну воздушную и одну гвардейскую танковую армии. Степной военный округ разворачивался позади основной группировки советских войск и в критический момент битвы был преобразован в Степной фронт...

В каждом деле Сталин постоянно заглядывал в карты Гитлера. По мере развития плана германской операции в районе Курска все детали, все изменения в плане немедленно доклады-

вались Сталину. Перед началом операции германские генералы, которые были непосредственными исполнителями, получили соответствующие директивы и окончательный вариант плана. Сталин этот вариант получил на шесть дней раньше их.

Говоря о готовности к войне, мы не можем не сравнить и эту сферу: слепая гитлеровская разведка не знала Советский Союз даже в объеме немецкого школьного учебника, а сверхмощная сталинская разведка проникала в самые сокровенные тайны как сталинских врагов, так и союзников. Примеров можно привести еще множество, однако не забудем: это только то, что рассекречено, то, что не представлялось важным. Настоящие тайны сталинской разведки никогда не будут раскрыты.

- 4 -

Но странная вещь: разведка докладывает Сталину, что Гитлер собирается нападать, а Сталин не верит своей разведке. Не верит своим ушам, не верит своим глазам. Может быть, Сталин не понимал мощи своей разведки?

Надоели (надеюсь, не мне одному) неисчислимые изыскания на тему, кто и когда предупредил Сталина: «Корсиканец» сообщил... «Рамзай» сообщил... «Старшина» сообщил... британский посол сообщил... американский... И опять: «Рамзай», «Софокл»...

Но Сталин все равно не верит.

Нам предлагали на выбор одно из двух объяснений или оба сразу:

Сталин был настолько глуп, что не понимал грозящей опасности, Сталин был настолько труслив, что боялся и не хотел смотреть правде в глаза.

Из этого следует вывод: Гитлер – могуществен, мудр и смел, Сталин – забит и запуган.

И еще вывод, более общий: там – готовая к войне великая раса, а тут прячут головы в песок отсталые, трусливые придурки.

- 5 -

А теперь давайте посмотрим на ситуацию из-под кремлевских звезд, из сталинского кабинета.

Застегнитесь на все пуговицы, если у вас нет трубки, возьмите в рот карандаш и представьте себя Сталиным.

Вот в ваш кабинет входит товарищ Голиков. Филипп Иванович. Генерал-лейтенант. Начальник ГРУ. Он расстилает карты обстановки на зеленом сукне огромного стола, выкладывает шифровки и копии добытых документов: вот, мол, товарищ Сталин, они нападать собираются.

А товарищ Сталин, помолчав и подумав, тихо спрашивает: «Зачем?»

Хорошо товарищу Сталину такие вопросы задавать. А что отвечать Голикову? Действительно, ЗАЧЕМ ГИТЛЕРУ НАПАДАТЬ?

Говорят, что Гитлеру земля потребовалась. Сталин этому не верил. И мы не поверим. В начале 1941 года Гитлер имел столько земли, что уже не знал, что с ней делать. В его подчинении были: Австрия, Чехословакия, большая часть Польши, Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Люксембург, половина Франции, Нормандские острова Великобритании, Югославия и Греция. Под влиянием Германии находились Финляндия, Венгрия, Румыния и Болгария. Кроме того, германские войска вели боевые действия в Северной Африке. Ему мало земли? 12 ноября 1940 года в Берлине Гитлер заявил Молотову: «Из-за невероятного расширения театра военных действий Германия была вынуждена, с целью противостояния Англии, вторгнуться в отдаленные от Германии территории, в которых она, в общем, не заинтересована ни политически, ни экономически» (СССР-Германия. 1939-1941. Составитель Ю. Фельштинский. С. 104).

Если посмотреть на карту, то мы будем вынуждены согласиться: какой толк Германии от того, что ее войска находятся на севере Норвегии, в Югославии или на Нормандских островах?

Гитлер продолжал: «Необходимость жизненного пространства. Во время войны Германия приобрела такие огромные пространства, что ей потребуется сто лет, чтобы использовать их полностью» (Там же. с. 105).

И тут следует с бесноватым согласиться. Нахватав столько за полтора года, нужно думать не о новых землях, а об удержании захваченного. И уж если Гитлеру все же нужны новые земли,

то перед ним лежит прекрасная Франция. Гитлер разгромил Францию в войне, но захватил только половину территории. Юг Франции лежит беззащитный. Бери его! Ведь это лучшая часть Франции – Лазурный берег, пальмы, курорты, виноградники, коньяк и вина, сыры в подвалах и лимоны на дереве! И за все за это не надо воевать. Франция капитулировала, так забирай же ее всю!

Кроме того, Франция в тот момент – великая колониальная держава. Франция разгромлена, а ее колонии на это никак не отреагировали. Десятки миллионов людей во французских колониях все так же подчиняются французским колониальным властям, хотя за спиной этих властей никого нет – за ними звенящая пустота. Стоит объявить французские колонии германскими – и территорий будет столько, что хватит всем немцам на веки вечные. А если и этого мало, то Бельгия – великая колониальная держава. И Голландия тоже. Берите даром Бельгийское Конго и Индонезию, которая тогда называлась Нидерландской Индией. За все это тоже не надо воевать.

Давайте представим себя советскими разведчиками-аналитиками. Нам завтра на доклад к товарищу Сталину идти, и Сталин задаст все тот же вопрос: ЗАЧЕМ ГИТЛЕРУ НАПАДАТЬ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ? И что мы Сталину ответим? Что Гитлеру Марсель, Тулон, Ницца и Канны даром не нужны, а вот за Алатырь, Кувакино и Колуево он готов поставить на карту судьбу своей страны и собственную жизнь?

Каждый знает: Германия на два фронта воевать не может. Об этом сам Гитлер писал в «Майн кампф». Причина – в нехватке ресурсов. Но не только это волновало Гитлера. Когда страна окружена врагами со всех сторон, у народа появляется сомнение в правоте своего дела: может ли так быть – мы правы, а все вокруг ошибаются и воюют против нас? Гитлер писал: «Искусство истинно великого народного вождя вообще во все времена заключается прежде всего в том, чтобы не дробить внимания народа, а концентрировать его всегда против одного-единственного противника... Когда народ видит себя окруженным различными врагами, то для более слабых и нестойких характеров это только дает повод колебаниям и сомнениям в правоте собственного дела» («Майн кампф». Часть I, глава III).

Под истинно великим народным вождем Гитлер, понятно, имел в виду себя самого и высказывал в данном случае здравую мысль: если врагов много, то это народом плохо воспринимается. Сталин читал «Майн кампф» и явно был согласен с Гитлером в данном вопросе: воевать на два фронта Германия не может. Что же толкнуло Гитлера на гибельный путь, против которого он сам так резко выступал?

Иногда задают вопрос: а разве в 1941 году у Гитлера было два фронта? Ведь война против Британии затухла...

Это не так. В начале июня 1941 года Гитлер уже имел три фронта. Нападением на Советский Союз он открывал не второй фронт против себя, а четвертый.

Первый из них – это война против Британии. Если смотреть с нашей колокольни и считать дивизии, вовлеченные в боевые действия, то война между Британией и гитлеровской Германией действительно представляется вялотекущей. Но Британия в тот момент – величайшая колониальная империя и великая океанская держава. В 1940 году Гитлер выбил Британию с континента, но война продолжалась на морях и в небе. Эта война охватила огромные пространства. Она велась все более яростно и интенсивно. Район боевых действий британского и германского флотов – от Северной Норвегии до Уругвая, от Гренландии и Исландии до Мадагаскара. С самого первого дня эта война высветила полную неготовность Германии противостоять Британии на морях и океанах.

В сентябре 1939 года Британия имела 15 линейных кораблей в строю и 9 в постройке. Германия – 2 (с очень слабым вооружением) в строю и 8 в постройке. Из этих восьми в строй вступили только два. Из них один, «Бисмарк», был введен в состав флота в апреле 1941 года, а в мае утоплен британским флотом. После этого второй из них, «Тирпиц», практически всю войну прятался в норвежских фиордах. Лишь иногда он появлялся, как мышка из норки, и тут же снова быстро прятался.

В сентябре 1939 года Британия имела 6 авианосцев в строю и 6 в постройке. Германия – ноль в строю, 1 в постройке. Он никогда не был построен.

По остальным классам кораблей соотношение было примерно таким же. Это означало, что высадка германских войск в Британии была не более чем мечтой самоубийцы. При попытке форсирования Ла-Манша германские войска либо были бы утоплены, либо получили возможность

высадиться на пляжах Британии, но тут же были бы отрезаны британским флотом от своих главных сил и баз снабжения на континенте.

В 1941 году строительство германского флота только разворачивалось. Германская кораблестроительная программа «Z» предусматривала строительство 6 линкоров к 1944 году, 4 тяжелых крейсеров к 1943 году и еще 4 – к 1945 году, 2 авианосцев к 1947 году и 13 легких крейсеров к 1948 году.

Я часто слышу: не все мехкорпуса Сталина были полностью готовы в 1941 году. Часть из них должны были быть полностью вооружены только в следующем году. Потому, говорят мне, Сталин не мог напасть на Гитлера в 1941 году, надо было ждать до 1942 года.

С этим согласен. Только давайте тот же аргумент распространим и на Гитлера: его флот был к войне не готов. В войне против океанской державы это имело первостепенное значение. В момент начала Второй мировой войны кораблестроительная программа Гитлера была не завершена, ее планировали завершить только в 1948 году. Потому Вторую мировую войну Гитлер не должен был начинать в сентябре 1939 года. Он должен был серьезно готовиться к войне, ждать девять лет и только в 1948 году подписывать пакт Молотова – Риббентропа.

Но если бы Гитлер и дожидался еще девять лет, то и тогда война с Британией для него была бы самоубийственной: Британия развивала свой флот быстрее и вкладывала в его строительство гораздо больше средств. Все равно и в 1948 году Гитлер не мог бы тягаться с Британией в морской мощи.

Война на море уносила мало (по нашим понятиям) жизней. Вот 27 мая 1941 года британским флотом утоплен самый мощный германский линкор «Бисмарк». Это всего только 1600 человек экипажа, из которых 110 попали в плен, а остальные погибли. Людей мало. Но линкор – это 50 тысяч тонн самой лучшей стали. Из этой стали можно было бы построить 2500 самых мощных немецких танков того времени – Pz-IVD, боевой вес – 20 тонн. А если считать не по расходам стали и других материалов, а по затратам энергии, времени и труда, то постройка одного линкора обходилась дороже постройки 5000 танков. Таким образом, потеря линкора, если считать по погибшим людям, – это потеря одного полка. А если считать по стоимости – это потеря сразу нескольких полнокровных танковых армий. Один «Бисмарк» стоил больше, чем все танки, которые Гитлер имел в 1941 году. Поэтому давайте не будем говорить, что война между Британией и Германией в 1941 году утихла, что, начиная войну против Сталина, Гитлер открывал только один фронт, а второй в это время якобы бездействовал.

На допросе 17 июня 1945 года гроссадмирал К. Дениц показал: «Гибель „Бисмарка“ положила конец наступательной деятельности тяжелых немецких кораблей в Атлантике». 27 мая 1941 года всем стало ясно: никаких надежд покорить Британию у Гитлера нет.

И вот представьте: вы – товарищ Сталин. У вас в руках все сведения, все доклады. Ситуация: Гитлер в безвыходном положении, победить Британию он не может, нет никаких на это возможностей, добром война с Британией для Гитлера уже кончиться не может. Разведка докладывает: чтобы облегчить свое положение, Гитлер решил напасть еще и на Советский Союз... На одном фронте он справиться не может, потому решил воевать сразу на двух фронтах. Авось так ему будет легче...

Сталин такой чепухе не поверил.

А вы бы поверили? Гитлер не может справиться с Британским львом, поэтому он решил одновременно растерзать и Русского медведя?..

- 6 -

Война на море против Британии и после 22 июня 1941 года пожирала поистине невероятные ресурсы Третьего рейха. Гитлер не мог блокировать Британию надводными кораблями, потому развернул самую мощную в истории всех флотов программу строительства подводных лодок. В 1940 году в состав германского флота вошли 54 новые подводные лодки. В 1941 году – 202. В 1942-м – 238. Далее – по нарастающей. Выполнение такой программы требовало огромных затрат труда, энергии, материалов. В основном германские подводные лодки действовали в Атлантике против британского и американского флотов. Строительство каждой подводной лодки означало, что не будет построено 10, 20, а то и 50 танков.

Помимо войны на море, между Германией и Британией шла ожесточенная воздушная вой-

на. И тут неготовность Германии к войне проявилась особенно явно. В 1940 году германская авиация сбросила на британские города 36 844 тонны бомб. Этого оказалось недостаточно для того, чтобы Британия сдалась. Но этого оказалось достаточно, чтобы пробудить холодную британскую ярость. В том же году Британия ответила: 14 631 тонна бомб – на германские города. Сил германской авиации было недостаточно, чтобы британское воздушное наступление остановить. В 1941 году Германия высыпала на Британию 21 858 тонн, а Британия ответила – 35 509 тонн (P. Briekhill. The Dam Busters. London, 1951. p. 47, 117, 166, 249).

Война в воздухе требовала от Германии огромных расходов.

Первым следствием налетов британских ночных бомбардировок было то, что миллионы немцев проводили ночи в бомбоубежищах и утром шли на работу злыми и невыспавшимися. Вторым следствием были разрушения жилых кварталов и промышленных объектов с соответствующими побочными эффектами. Третьим – на борьбу с британскими самолетами надо было отвлекать значительные силы. Шпеер это выразил так: «Десять тысяч орудий вместо того, чтобы воевать на Востоке, смотрели в небо». Эти орудия пожирали огромное количество боеприпасов. Кроме того, половина германской авиации была выделена для продолжения воздушной войны против Британии.

Перед тем как начинать войну против Советского Союза, гитлеровские стратеги должны были подумать о том, что британская авиационная промышленность сильнее германской. В 1941 году британская промышленность выпустила 20 100 самолетов. И 2400 было получено из США. А германская промышленность выпустила 11 030. Но самолет самолету рознь. Одно дело – построить самолетик на одного человека с одним двигателем, другое дело – четырехмоторный стратегический бомбардировщик. Британия строила стратегические бомбардировщики, и много. А Германия – нет.

В перспективе воздушная война не сулила Германии ничего радостного.

В ноябре 1940 года товарищ Молотов побывал в Берлине, встречался с Гитлером и Риббентропом. Британская авиация в эти ночи особенно яростно бомбила столицу Третьего рейха.

И вот представьте себе, возвращается Молотов в Москву и товарищу Сталину докладывает ситуацию: Гитлер не способен защитить небо Германии, даже Берлин. Неужели в данный момент ему нужны земли на Востоке?

- 7 -

Но война между Германией и Британией шла не только в воздухе, морях и океанах. Шла жестокая война и на земле. В 1940 году германские войска захватили Нормандские острова: Джерси, Гернси и ряд более мелких. Острова британские, но лежат они у самой Франции. Даже с Гернси, самого далекого из них, в хорошую погоду виден французский берег. Полосочкой. С точки зрения военной, острова надо было захватывать, а с точки зрения политической – нет. Захват этих островов означал, что впервые за тысячу лет британские острова топчет вражеская нога. При мысли об этом у гордых британцев раздувались ноздри. Ярость благородная британцев распирала с такой силой, что лучше бы с ними Гитлеру было не связываться. Захват этих островов означал – мира с Британией быть не может. Британия не простила бы ни одному своему лидеру попытки договориться с Гитлером до тех пор, пока германские солдаты находятся на земле Британии. А Гитлер не мог забрать свои войска с этих островов по соображениям престижа.

Получался тупик для обеих сторон. И пока германские войска сидели на Нормандских островах, Сталин был спокоен: война между Британией и Германией прекратиться не может, а воевать на два фронта для Германии – самоубийство.

Кроме того, германский африканский корпус воевал в Африке против британских дивизий. Ничем хорошим эта затея для гитлеровцев кончиться не могла: снабжение германских войск шло только через Средиземное море, а там господствовал британский флот.

- 8 -

Так что фронт против Британии существовал, и у Гитлера не было никаких перспектив победить на этом фронте. Тут война уже была проиграна.

Но у Гитлера был и еще один фронт.

Гитлера почему-то повлекло в Югославию. А там как в России: вход – рубль, выход – два. Легко войти, да трудно выйти. Тут еще – и Греция.

«Нападение Италии на Грецию было не только легкомысленно, но и вообще излишне... В результате самовольных действий итальянцев и ошибки на Балканах крупные немецкие силы были скованы в Африке, затем и в Болгарии, Греции и Югославии» (Гудериан. Воспоминания солдата. с. 190-191).

Победить в Югославии было невозможно: горы и лес, много воды и чудесный климат. Для действий партизан это лучшее место на земле. А народ там суровый. И чем больше крови проливали германские войска, тем хуже становилось их положение.

Введение войск в Югославию и бессмысленная война в горах ничего не давали Германии, кроме траты времени, сил и средств. Вступлением в Югославию Гитлер открыл новый фронт борьбы, и тут не приходилось рассчитывать на победу, тем более – на молниеносную. Четыре года германский Генеральный штаб был вынужден держать в этой стране отборные дивизии, которые вели войну без надежды на победу. Ни один аналитик не смог бы предсказать столь глупого хода германского командования. Да ведь не одна Югославия сопротивлялась. В Польше у Гитлера проблем было никак не меньше. А еще Болгария, Греция, Франция, Норвегия... Оккупация огромной территории требовала чудовищной траты сил. Просто расстелите большую карту Европы, очень большую – на весь пол, – и прикиньте, сколько нужно иметь солдат, чтобы организовать патрулирование во всех городах Европы хотя бы по ночам. Задумайтесь над тем, сколько нужно солдат, чтобы организовать охрану всех мостов, тоннелей, водонапорных сооружений, дамб, заводов, шахт, портов, железнодорожных депо и вокзалов, дорог обыкновенных и железных, аэродромов, складов, электростанций, концлагерей, штабов, мест расквартирования оккупационных войск и др.

Сколько надо солдат для организации обороны береговой линии и оккупации всевозможных островов. Сколько их нужно для прочесывания гор, лесов, холмов, кустарников, брошенных карьеров, штолен и т.д., чтобы выловить всех недовольных.

Если бы Европа даже не сопротивлялась, у Гитлера все равно не было сил всю ее контролировать. Кто бы поверил, что его еще и в Россию потянет?

А ведь они не просто контролировали, они еще взяли на себя всю администрацию во всех оккупированных странах. И бюрократия плодилась с невиданной скоростью. Под маской образцового немецкого порядка скрывалась анархия невероятных масштабов. Генерал-майор Б. Мюллер-Гиллебранд рассказывает лишь о важнейших руководящих инстанциях, которые находились в одном только Париже.

Во-первых, штаб командующего войсками на Западе. Он подчинялся Гитлеру.

Во-вторых, штаб начальника германской военной администрации Франции. Он являлся высшим политическим и административным органом. Одновременно начальник военной администрации был начальником всех оккупационных войск во Франции. При нем находился начальник войск СС и полиции во Франции. «Вследствие того, что последний получал указания по своей службе непосредственно от рейхсфюрера СС, стала серьезно страдать согласованность в военном управлении Франции, так как рейхсфюрер СС использовал свой орган для самовольного вмешательства в мероприятия военной администрации».

В-третьих и в-четвертых, «Военно-морские и военно-воздушные силы были представлены во Франции своими штабами, которые, однако, не подчинялись командующему войсками на Западе».

В-пятых, посольство Германии в Париже. Оно подчинялось Риббентропу и гнуло свою линию.

В-шестых, военно-экономический и промышленный штаб во Франции, который являлся органом, представлявшим управление военной экономики и промышленности вооруженных сил.

В-седьмых, «Непрерывно появлялось большое количество специальных представителей от разных инстанций, например, от государственного уполномоченного по четырехлетнему плану, от министра вооружений и боеприпасов, генерального уполномоченного по рабочей силе, министерства транспорта, от организации Тодта и т.д. и т.п.» (Сухопутная армия Германии 1933-1945. Т. 2. с. 78-79).

Все это германский генерал называет «хаосом, существовавшим в отношениях между высшими государственными органами». И чем больше плодилось бюрократии, чем больше ука-

заний они писали, тем хуже работала экономика. С такой организацией покоренная Европа не могла долго жить.

Вдобавок ко всему эти огромные территории были лишены стратегического сырья, необходимого для жизни общества и продолжения войны. Война оборвала экономические связи Европы с остальным миром. Если на гигантский завод не поставлять только один необходимый компонент, все производство остановится. Потому, если огромные колеса и крутились, то вхолостую. Европа беднела и нищала на глазах. Голод уже ухватил Европу цепкой, костлявой рукой. Все это должно было взорваться и рухнуть. В ближайшем будущем.

Даже если бы гитлеровцы и не творили своих чудовищных злодеяний, покоренная Европа была пороховой бочкой, а короткий шнур уже горел и искрился.

Покоренная Европа стала вторым фронтом Гитлера.

- 9 -

Но был у Гитлера и третий фронт.

Соединенные Штаты Америки.

Тут вполне подходят слова Геринга: «Война уже идет, хотя пушки еще не стреляют».

Рузвельт уже оказывал военную помощь титанического размаха как воюющему Черчиллю, так и «нейтральному» Сталину. Но этим дело не ограничилось. Уже летом 1940 года Соединенные Штаты Америки считались «невоюющим союзником» Британии. В любой момент приставка «не» могла отброситься за ненадобностью. В сентябре Британия получила от США 50 эсминцев. Про эти корабли принято говорить, что они были «устаревшими». Пусть будет так. Но Германия ни от кого такого подарка не получила. Ей бы сошли и устаревшие, но таких союзников у нее не оказалось.

11 марта 1941 года Конгресс США принял закон о ленд-лизе. Немцы этот шаг Америки расценивали как объявление войны.

24 марта 1941 года правительство США предоставило британскому флоту право использовать судоремонтные мощности американского флота.

30 марта все германские и итальянские суда в американских портах были конфискованы. Это уже акт войны. Дело в том, что в соответствии с международным правом корабль под флагом своего государства является частью территории этого государства. Если вы захватываете корабль под флагом Германии, значит, вы захватываете часть германской территории. Что американским правительством и было сделано.

10 апреля 1941 года правительство США объявило Красное море «невоенной зоной» и заявило о своей решимости не пускать туда чужие (т.е. немецкие и итальянские) корабли. Красное море становилось как бы территориальными водами США. Это делалось для того, чтобы беспрепятственно снабжать британскую армию в Африке и на Ближнем Востоке и британский флот в Средиземном море.

Гитлер захватил Данию, но не захватил Гренландию, принадлежавшую Дании. И вот 13 апреля 1941 года американские войска высаживаются в Гренландии. С этого момента война между США и Германией, хотя и не была объявлена, но уже вступила в некую критическую фазу.

24 апреля «зона безопасности» США была расширена до 30 градусов западной долготы. Половину Атлантического океана Америка объявляла своим внутренним морем с правом топить любые германские корабли, если они осмелятся тут появиться.

27 мая Рузвельт объявляет чрезвычайное положение в стране.

14 июня 1941 года была «заморожена» вся немецкая и итальянская собственность в США.

16 июня были закрыты немецкие консульства в США.

Это война. Гитлер это понимал лучше других. 21 июня он писал Муссолини: «Вступит ли Америка в войну или нет – это безразлично, так как она уже поддерживает наших врагов всеми силами, которые способна мобилизовать».

Давайте же согласимся: объяснение, что Гитлер напал на Советский Союз ради завоевания жизненного пространства, мягко говоря, странное. В тот момент Гитлер уже терял контроль над Атлантикой, британский флот блокировал морские коммуникации Германии, что неизбежно вело Германию к катастрофе, и Америка уже замахнулась чудовищным замахом. Неужто Гитлеру

в этой обстановке нечем больше заниматься, кроме как воевать за Гусь-Хрустальный?

ГЛАВА 16 КОГО БЫ НАМ ПОВЕСИТЬ?

Немецкие войска были недостаточно подготовлены и оснащены, а также не имели полноценного руководства.

Э. Миддельдорф. Тактика в русской кампании. с. 25

- 1 -

На верхних этажах власти гитлеровской Германии были не самые умные люди. Но ступенькой ниже – какие имена: генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, генерал-полковник Гейнц Гудериан, генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель! Вокруг выдающихся гитлеровских полководцев созданы целые науки. Ученые-роммелеведы собирают свои конференции и присваивают друг другу премии, а гудериановеды собирают свои симпозиумы. Нас давно приучили к мысли: у Сталина – тупые кавалеристы-рубачи, а у Гитлера – блистательные полководцы, мыслители, теоретики и практики. Деяния гитлеровских генералов воспевают как подвиги Геракла. Эта мода давно перекинулась и на нашу страну. Вот выступает «соловей Вермахта» Иван Стаднюк, один из главных певцов гитлеровской мудрости и мощи: «У немецких генералов была академическая выучка. Они воспитаны на старой прусской военной системе, хорошо знали стратегию, законы ведения войны и были вышколены по высшему классу военной науки» (ВИЖ. 1989. Но 6. с. 6). Это тот самый Стаднюк, который опозорил свое имя трехтомным сочинением: гитлеровские генералы умны, образованны и инициативны... И вслед за Стаднюком пошла ватага подражателей строчить романы про мудрейших германских полководцев. Всех этих сочинителей наши вожди венчали лаврами. Жажущим триумфа рекомендую рецепт неувядаемой славы, немедленного и шумного успеха: напишите роман про умного, чуть усталого Гудериана, и коммунисты вам тут же Букера дадут.

А на Западе – хуже. Зайдите в книжный магазин Лондона, Вашингтона или Парижа – и вы обнаружите не то что полку книг о великих гитлеровских стратегах, но целый отдел магазина. Вам покажут каталоги объемом с хороший телефонный справочник с названиями книг о каждом из них. О германских стратегах рангом ниже – тоже неразгретаемые завалы литературы. Если открыть книгу не о Роммеле, Манштейне или Гудериане персонально, а просто книгу о войне, то и там – тигриная доля о них же, о даровитых германских стратегах... и о тех, кто их сокрушил: американских и британских генералах.

Вот британский школьный учебник. Издание Оксфордского университета: история XX века. В учебнике из 380 страниц 78 о том, как британская армия по африканским пустыням гоняла Роммеля и его таки разгромила, правда, захватить не сумела. А о том, что германская армия воевала еще и на Востоке, в том же учебнике ОДНА страница. Но какая! Наглядность – главный принцип обучения. Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Потому на всю страницу – мастерски выполненный рисунок: Сталин у глобуса. От того, что рисунок почти фотографического качества, создается впечатление полной реальности. Увидев такое, я чуть было не начал крушить книжный магазин на Чаринг-Кросс. Но спохватился. Не магазин виноват, да и не Оксфордский университет пустил в оборот историю про сталинский глобус. Эта история на длинных и тонких ногах пошла в свет из исторического доклада, которым наш дорогой Никита Сергеевич услаждал XX съезд КПСС. Хрущев рассказывал о сталинской слепоте и трусости, а съезд бурно реагировал на хрущевские откровения. Лучшие люди страны одиночными воплями и дружным, отлаженным хором выражали возмущение сталинской глупостью. Со времен того съезда история про глобус прижилась и укоренилась. Человек мыслит образами. Вот тебе, человечество, яркий, немеркнувший образ: придурковатый Сталин обстановки не знал, в детали не вникал, а руководил войной по глобусу!

Кстати, существует довольно много снимков как сталинского кабинета, так и кабинета Гитлера в Имперской канцелярии. Так вот, у Гитлера в кабинете стоял огромный глобус, а в кабинете Сталина глобуса не было. Кроме того, глобусы стояли и в других резиденциях Гитлера.

Существует достаточно свидетельств, что именно Гитлер руководил войной по глобусу. Вот одно из них: «В гостиной „Бергхофа“ стоял большой глобус... Один из военных адъютантов многозначительно показал мне обычную карандашную черту – с севера на юг, по Уралу. Так Гитлер пометил, где будет кончаться область государственных интересов Германии и начинаться сфера интересов Японии» (А. Шпеер. Воспоминания. с. 257). И почему-то никто не изображает Гитлера, рисующего свои будущие границы на глобусе. И почему-то Хрущев и многочисленные его прихлебатели, начиная с Некрича, приписывали и продолжают приписывать Сталину гитлеровскую дурь.

На той единственной странице в британском школьном учебнике, под тем рисунком – семь строк (СЕМЬ) о нашей войне. В семь строк оксфордские мудрецы втиснули всю хрущевско-жуковскую версию: неготовность Советского Союза, неспособность, тупоумие, обезглавленная армия, одна винтовка на троих и Сталин – горе-полководец – у глобуса.

Выходит (не только из оксфордского учебника), что у нас горе-полководцы, а британские генералы самого Роммеля сокрушили.

Чем же он знаменит, этот самый Роммель? Чем знамениты Гудериан и Манштейн?

Прежде чем разбираться с заслугами гитлеровских стратегов, зададим вопрос: ПОЧЕМУ ПОСЛЕ ВОЙНЫ ИХ НЕ ПОВЕСИЛИ?

- 2 -

Если нельзя было повесить всех, то следовало повесить хотя бы главных. С Роммелем ясно – он то ли выбрал самоубийство, то ли ему помогли словом и делом самоубийство совершить. Но Гудериан и Манштейн отделались легким испугом. Может быть, были овечками невинными?

Не очень они на тупорылых овечек похожи. Агрессивная война стала возможной только потому, что было создано орудие агрессии – германские танковые войска. Отец и создатель германских танковых войск – Гудериан. Без него никакие захваты были бы невозможны. Не было бы германских танковых войск – не было бы и захваченных территорий, не было бы ни Освенцима, ни других лагерей смерти, ни множества преступлений, которые гитлеровцы сотворили в чужих странах.

Гудериан виновен не только, так сказать, вообще, но и виновен в конкретных военных преступлениях.

19 сентября 1941 года пал Киев. Причина в том, что 2-я танковая группа Гудериана обошла Киев огромным крюком. А через десять дней 29 сентября 1941 года – Бабий Яр. Это в Киеве. В 1945 году Гудериан попал в плен. Советским обвинителям ничего не стоило связать Гудериана и Бабий Яр одной веревочкой и на той веревочке Гудериана повесить. Но советские обвинители, которыми руководил Андрей «Ягуарьевич» Вышинский, почему-то Гудериана к ответу не потребовали.

Защитники нацизма говорят: во всем виноваты Гитлер и СС, а доблестная германская армия преступлений не творила. Бабий Яр – работа СС, честный солдат Гудериан тут ни при чем. Ладно. Допустим, Гудериан за Бабий Яр ответа не несет. Но в киевском котле в руки Гудериана попали сотни тысяч солдат и офицеров Красной Армии. Многие тысячи офицеров и комиссаров были истреблены в первые же дни, когда еще находились под конвоем солдат Гудериана, т.е. у него в плену. Вот бы ему обвинительное заключение предъявить! Но нет.

С июля 1944 года Гудериан – начальник Генерального штаба сухопутных войск. За все, что творилось на фронте и в тылах, он нес полную ответственность. На его шею можно вешать все, что нравится, и эту шею сунуть в петлю. Его можно судить хотя бы за «выжженную землю» при отступлении, за разрушенную и сожженную Варшаву, за истребление ее жителей, за подготовку к полному уничтожению Кракова. Гудериану можно было поставить в вину уничтоженные города и взорванные мосты, снесенные заводы и сожженные деревни, расстрелянных заложников и любое количество невинно убиенных.

Но на Нюрнбергском процессе Гудериан был... свидетелем. Жертвы нацизма – свидетели, и среди них – несчастный Гудериан. Тоже свидетель.

- 3 -

А вот Манштейн. Разгром Бельгии, Голландии, Франции и британской армии на континенте – дело его рук. Это он предложил план. Это он настоял лично перед Гитлером на том, чтобы другие варианты были отвергнуты, а его план осуществлен. Франция пала, а британская армия бросила все свое вооружение в Дюнкерке и унесла ноги с континента только по счастливому стечению обстоятельств. И не сидел Манштейн в кабинете, а вместе с Гудерианом и прочими претворял свой план в жизнь (точнее – в смерть), проявив изрядное злодейство. Повесить его! Но советские товарищи рассудили иначе: подумаешь, разгром Франции! Это не преступление. И французские судьи покорно поддакивали.

С 22 июня 1941 года Манштейн воевал в Прибалтике. Что там творилось, напоминать не буду. Но там происходили вещи, мягко говоря, жуткие. В прямом и непосредственном подчинении Манштейна была самая свирепая из всех дивизий СС – «Мертвая голова». За похождения этой дивизии Манштейна следовало на цепи тянуть в суд: он голова над «Мертвой головой». Советские обвинители могли (и должны были!) выписать Манштейну счет за Прибалтику. Но не выписали.

В 1942 году Манштейн воевал в Крыму. Там он учинил кровавую резню, сравнимую по масштабам с той, которую Пятаков, Бела Кун и Землячка в том же Крыму устроили по окончании Гражданской войны. За Крым Манштейну тоже можно было выставить счет... Были и другие с ним счета. Но советские обвинители проявили удивительный гуманизм. За ту резню Сталин вывез всех крымских татар из Крыма, вместе с дряхлыми старухами, которые никого не резали, и грудными младенцами, появившимися на свет уже после тех событий. Однако Манштейна, который руководил резней или по крайней мере попустительствовал ей, почему-то в Казахстан не увезли.

Манштейн – военный преступник. Он был осужден... британским судом за преступления, совершенные в 1940 году во Франции: не за подготовку и планирование агрессивной войны, а за расстрел военнопленных. (Его, правда, пожалели и быстро выпустили.) А Советский Союз к Манштейну претензий не имел.

- 4 -

На Нюрнбергский процесс советская сторона вызывала удивительных свидетелей. Например: генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс. Это он, Паулюс, планировал агрессивную войну против Советского Союза. Именно его вариант нападения был принят и осуществлен. Вдобавок он еще и на советской территории воевал. И очень даже преуспел. За год проскочил воинские звания от генерал-лейтенанта до генерал-фельдмаршала. Во всей германской армии Паулюс прорвался на восток дальше всех – аж до Сталинграда. Там он стал первым за всю историю германским генерал-фельдмаршалом, попавшим в плен. Паулюс командовал 6-й армией с января 1942-го по январь 1943 года. Любые преступления солдат и офицеров 6-й армии можно было ставить в вину Паулюсу.

Вот бы кого в петельку!

Но наши компетентные органы решили: Паулюс – не преступник. Он – свидетель преступлений... Может быть, британские и американские судьи несговорчивыми были, не согласились Паулюса повесить?

Прежде всего они были сговорчивыми. Но если бы они и были несговорчивыми, то Паулюса можно было бы повесить и без Нюрнбергского процесса. Сталин имел выбор: пытками загнать Паулюса, объявив о естественной кончине, или судить его открытым или закрытым судом в Советском Союзе. А можно было бы его в железной клетке в Нюрнберг доставить не как свидетеля, а как обвиняемого в чудовищных преступлениях: вот он – главный планировщик и один из главных исполнителей... Не хотите Паулюса в Нюрнберге вешать? Черт с вами, он наш пленник, вернем в Лефортово и открутим голову и все остальное, что откручивается.

Но Паулюсу голову не открутили. Его даже не судили.

Так, может быть, вообще никого из германских стратегов после войны не судили?

Нет, судили. И казнили. В Нюрнберге были осуждены и повешены генерал-фельдмаршал В. Кейтель и генерал-полковник А. Йодль.

Их вина: они планировали агрессивную войну.

Тут самое время издать вопль удивления.

- 5 -

Мы помним, что в гитлеровской Германии штабы громоздились над штабами. Казалось бы, самые высокопоставленные штабы должны заниматься планированием войны против Советского Союза. Но нет. Так как война против Советского Союза представлялась простой, короткой и легкой, большие штабы и величайшие стратеги – Кейтель и Йодль – не утруждали себя. Они в такие мелочи не вникали. У них полет выше. Потому замысел войны против СССР разрабатывался не на уровне Главного командования Вермахта, а ниже – в Генеральном штабе сухопутных войск. «Барбаросса» вызревала не в ОКВ, а ниже – в ОКХ.

Указания о разработке директивы No 21 на проведение операции «Барбаросса» шли по следующей цепи:

- Верховный главнокомандующий Гитлер;
- главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич;
- начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер.

По приказу Гальдера предварительные расчеты проводил полковник фон Грейфенберг. Первые наброски – генерал-майор Маркс. Маркса сменил генерал-майор Фридрих Паулюс. С сентября 1940 года по январь 1942-го Паулюс был первым обер-квартирмейстером Генерального штаба сухопутных войск. В переводе на понятный нам язык – начальник оперативного управления, т.е. творец всех планов. Стрелки «Барбароссы» нарисованы его рукой. 5 декабря 1940 года соображения Паулюса были доложены Гитлеру. Докладчик – Гальдер. Доклад – в присутствии фон Браухича и генерал-майора Брандта.

Вот их-то и следовало вешать за подготовку агрессивной войны: Браухича, Гальдера, Маркса, Паулюса. И Грейфенберга с Брандтом – для полной компании.

По мере вызревания замысла круг посвященных расширялся: сначала к подготовке были привлечены командующие группами армий, затем – командующие армиями и танковыми группами, потом – командиры корпусов и дивизий... Все они включались в дело и тоже рисовали стрелки на картах. Вот в феврале 1941 года Паулюс в штабе 2-й танковой группы Гудериана отработывает на картах варианты действий. 28 февраля Паулюс докладывал Гальдеру, что Гудериан задачу понял, военная игра на картах показала, что план Паулюса, по мнению Гудериана, осуществим.

Потому и Гудериан следовало вешать в числе авторов плана, как и всех командующих группами армий, полевыми армиями и танковыми группами. Не мешало бы и командиров корпусов с командирами дивизий...

Почему же советские обвинители потребовали казнить Кейтеля и Йодля, если знали, что «Барбаросса» не их творение?

- 6 -

Чем же занимались Кейтель и Йодль?

Кейтель и Йодль – штабные крысы... На советской территории не воевали. И на других территориях – тоже. Они просидели всю войну в берлинских кабинетах и бункерах... Они занимались проблемами поистине стратегическими...

Кейтель и Йодль смотрели шире, дальше. Для них разгром Советского Союза

– дело решенное еще до того, как появились первые стрелочки на картах. Войну против Советского Союза они мысленно пропускали как проблему уже решенную и смотрели далеко вперед в стратегическую перспективу. Повседневным планированием, такими мелочами, такой рутинной, как разгром Красной Армии, пусть занимаются исполнители рангом пониже. Кейтель и Йодль руководили войной в мировом масштабе. Подозреваю – по глобусу. 17 февраля 1941 года Гитлер приказал генерал-полковнику А. Йодлю разработать план вторжения через Афганистан в Индию (ВИЖ. 1961. No 6. с. 88). Афганистан они мыслили взять наскоком и, не задерживаясь, пройти с триумфом через Индию. Уж очень им не терпелось вымыть сапоги в Индийском океане.

11 июня 1941 года Йодль под руководством Кейтеля завершил разработку знаменитой директивы No 32 о том, что делать после победоносного разгрома Красной Армии: осенью 1941

года нанести удары из Ливии через Египет – в Иран и далее в Индию; из Болгарии через Турцию – на Ближний Восток.

И вот советские обвинители требуют смерти Кейтеля и Йодля за то, что они хотели сапоги в океане вымыть. Вот это преступление! И американские, британские и французские судьи кивали головами: это чудовищно! Повесить Кейтеля и Йодля за намерения! И суд выносит смертные приговоры.

Кейтеля и Йодля, авторов фантастических, никогда не осуществленных планов покорения Афганистана, Ирана, Турции, Индии и Египта, повесили.

Итак, одних судят и вешают. Других не судят и не вешают. По каким же критериям происходил выбор?

Только не подумайте, что я противник этого дела. Совсем нет. Я очень даже большой энтузиаст. Но у меня вопрос: почему составление фантастических прожектов – преступление, а разработка и осуществление планов разгрома всех армий Европы и захват всех европейских государств – не преступление? Ну черт с ними, со всеми Фракциями, Бельгиями, Голландиями и Грециями, – но почему за разработку и осуществление «Барбароссы» наши обвинители никого к ответу не требуют?

Кстати, Красная Армия и британская армия в августе 1941 года оккупировали Иран, а наши компетентные вездесущие органы еще и устроили там государственный переворот. Если оккупация Ирана – преступление, то надо было в Нюрнберге советских и британских генералов вешать: они Иран захватили, а Кейтель с Йодлем только замышляли.

И если разработка плана покорения Афганистана – преступление, то что прикажете делать с нашими доблестными покорителями Афганистана? У нас-то опыт афганский куда как шире и глубже, чем у Йодля и Кейтеля. И не два человека у нас этой проблемой занимались. И не только теоретически. У нас полководцев, терзавших Афганистан, целый табун. А имена какие: генерал-полковник Тухаринов, Маршал Советского Союза Ахромеев, генерал-полковник Кривошеев, Маршал Советского Союза Устинов, генерал армии Грачев, генерал-полковник Громов, генерал-лейтенант Лебедь, генерал армии Гареев, генерал-майор Руцкой. Их тоже вешать прикажете? Чем, скажите, они лучше Кейтеля и Йодля? Кейтель с Йодлем на землю Афганистана ни разу не вступили. А наши генералы и маршалы почти десять лет там проливали чужую кровь без причины, без повода, без толку и без пользы.

- 7 -

В Нюрнберге повесили не только Кейтеля и Йодля. Там же был осужден и повешен министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп.

А ведь это странно.

С 1934 года Риббентроп – специальный уполномоченный по вопросам РАЗОРУЖЕНИЯ. С 1936 года – посол в Великобритании. Британию он любил, был убежденным англофилом, сделал все для того, чтобы между Германией и Британией не было войны. С 1938 года Риббентроп – министр иностранных дел. Мюнхенские соглашения? Но их подписывали не министры, а главы правительств, в том числе – правительств Британии и Франции. За Мюнхен Даладье и Чемберлена надо вешать. Они под соглашением подписались, а подписи Риббентропа там нет. Далее Риббентроп прославился только одним: подписанием в присутствии Сталина Московского пакта Молотова – Риббентропа. Этот пакт был ключом к началу Второй мировой войны. За это преступление Риббентропа следовало повесить. Однако Вячеслава Михайловича Молотова следовало бы на той же перекладине вздернуть. Ради равновесия. И товарища Сталина не мешало бы – между ними.

Что за суд такой: Риббентроп подписал пакт о начале Второй мировой войны – и вперед, на дощатый помост с люком, который вдруг обрывается под ногами, открывая путь в царство мертвых; Молотов подписал ту же бумагу, и вот он из-за кулис вместе с товарищем Сталиным руководит Нюрнбергским процессом.

Вторая мировая война началась разделом Польши. Карту раздела подписал и сам Сталин. Размер сталинской подписи – 58 сантиметров. Уж очень был рад наш великий вождь тому, что открывает Гитлеру путь в капкан.

Почему же Молотова со Сталиным не вешают за те же деяния, за которые повесили Риб-

бентропа?

Подписав Московский пакт о начале Второй мировой войны, Риббентроп, по существу, отключил германскую дипломатическую машину. Дальше говорили пушки, а не германские дипломаты.

Риббентропа повесили. Но разве не было более достойных кандидатов? Риббентроп не имел прямого отношения ни к Бабьему Яру, ни к блокаде Ленинграда, ни к лагерям военнопленных, в своем подчинении он не имел дивизию СС «Мертвая голова».

Если кто-то виноват, мы бьем виновного, а не первого попавшегося. Неужели Сталин в Нюрнберге вешал просто так, без разбора?

Любое непонятное действие Сталина официальные историки Запада объясняют просто: все от глупости, что с дурака возьмешь?

Это объяснение и тут бы прошло: Паулюса, который войну против СССР планировал и сам в Советском Союзе воевал, Сталин-дурак не тронул, а Кейтеля с Йодлем, которые всю войну в берлинских кабинетах просидели за составлением плана фантастического похода на Индию, повесил. Дурак Сталин, да и только!

Но в данном случае объяснить случившееся сталинской глупостью не выйдет. В Нюрнберге советские судьи делали то, что им нравилось, но все же они были в меньшинстве. Советский обвинитель только один, а западных – трое: от США, Британии и Франции. Как же, господа великие юристы демократического Запада, получилось, что вешали не самых достойных? Вы-то куда смотрели?

Каждый советский человек слышал, что был какой-то там процесс в Нюрнберге, знал наши обвинения и помнил результат: кого надо, того повесили.

Так ли?

Вот тут меня и прижмут к стенке: так ты гитлеровцев защищаешь!

Нет, господа, я обвиняю сталинский режим в том, что он мало вешал гитлеровцев. А если и вешал, то почему-то не тех, кого следовало.

Интересно почему?

ГЛАВА 17 ЗАЧЕМ СТАЛИНУ БЕССАРАБИЯ?

Зашедший в тупик и полный страха Гитлер решил в июне 1941 года повернуть на восток и напасть на Советский Союз.

Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий. М.: ИЛ, 1957. с. 336.

- 1 -

Между Балтийским и Черным морями – непроходимые болота Полесья. Эти болота рассекают весь театр военных действий на два русла, на два стратегических направления. Противник, который идет на Россию с Запада, должен выбирать направление главного удара: севернее Полесья или южнее. Традиционно завоеватели с Запада шли севернее Полесья: Варшава – Брест – Минск – Смоленск – прямой путь на Москву. Перед стратегами Гитлера тоже стоял вопрос: главный удар севернее болот или южнее?

Стратеги Гитлера решили: главный удар – севернее, вспомогательный – южнее. В 1941 году у Гитлера было четыре танковые группы. Из них для действий севернее Полесья выделялись три, южнее – одна.

Советская разведка знала о сосредоточении германских войск, знала, что против Прибалтики и Белоруссии будут действовать три танковые группы, против Украины – только одна. Что надо было делать советскому командованию? Раз главный удар немцы готовят севернее болот, значит, и главные силы Красной Армии надо иметь там же – на Западном направлении.

Если бы даже советская разведка ничего не знала о планах Гитлера, то и тогда следовало держать главные силы на Западном направлении. Даже не самому умному ефрейтору ясно: через Белоруссию и Смоленск – прямой ход на Москву.

Группировка войск – это, образно говоря, положение шахматных фигур на доске. Гене-

ральный штаб – мозг армии. Начальник Генерального штаба – это самый толковый и умный генерал во всей армии. Это он расставляет фигуры так, чтобы партию не проиграть. С февраля 1941 года Жуков – начальник Генерального штаба. И вот ситуация: 22 июня немцы нанесли главный удар севернее Полесья, разгромили советские армии в Белостокском выступе, теперь германские танковые группы могут рвануть на Смоленск и Москву... а у Жукова главные силы не тут, а южнее Полесья. Вопрос: где же хваленая гениальность Жукова? Наиболее угрожаемое направление – севернее болот, завоеватели с Запада всегда шли севернее, а Жуков главную группировку развернул южнее.

Последствия жуковской расстановки сил были катастрофическими. Для отражения удара на Москву пришлось дивизии, корпуса и армии под бомбежкой срочно грузить в эшелоны и гнать с Юго-Западного на Западное направление. Там, опять же под бомбежкой, эшелоны разгружать и с колес бросать в сражение. Получалось так: штаб 16-й армии прибыл из-под Шепетовки под Смоленск и разгружается, а батальон связи – неизвестно где. Без связи нет управления войсками. Целая армия – без управления. Вот это то, что надо называть обезглавленной армией. И виноват в этом не Сталин, очистивший армию от Седякиных и Алкснисов, а Жуков, который в мае и начале июня большую часть армий Второго стратегического эшелона двинул не в Белоруссию, а на Украину.

Это только один пример. А таких примеров – уйма. В 19-й армии, которую перебрасывали из района Черкасс под тот же Смоленск, та же картина: артиллерия разгружается тут, а снаряды в эшелонах еще не прибыли. Танкисты прибыли, а ремонтники едут. Штаб дивизии тут, а полки далеко отстали...

Вопрос: о чем же думал гениальный Жуков перед немецким вторжением? Почему самым сильным военным округом Советского Союза перед войной был и оставался не Западный, который стоял на самом опасном направлении, а Киевский?

- 2 -

Дело вот в чем. Если бы Жуков думал об обороне, то он, понятно, самую мощную группировку советских войск развернул бы на самом угрожаемом направлении – севернее Полесья. Но Жуков не думал об обороне и не планировал ее. «Направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась...), а применительно совсем к другим способам действий». Это заявил заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии М. А. Гареев в центральном органе Министерства обороны СССР («Красная звезда». 27 июля 1991 г.).

Советское военное искусство и военное искусство всех времен и народов знает только два основных вида боевых действий: наступление и оборона (Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов. М.: Воениздат, 1958. с. 61). Все остальные способы боевых действий – только производные от двух главных. По своим целям операции могут быть только наступательными или оборонительными (Советская военная энциклопедия. Т. 6. с. 64). Можно придумать еще множество других названий операциям, но все они будут лишь вариациями наступательных или оборонительных действий. Так вот, советское командование перед германским вторжением разрабатывало какие-то операции. Есть множество свидетельств того, что Жуков, Ватутин, Василевский, все генералы и офицеры Генерального штаба накануне войны работали по 16-17 часов в сутки без выходных и праздников. Они что-то планировали.

Но это что-то, по заявлению генерала армии Гареева, не было обороной. Жуков оборонительную операцию не предусматривал и не планировал.

Вот вам задача на сообразительность. Что-то готовилось. Это что-то могло быть или обороной, или наступлением. Оборона отпадает.

А что остается?

- 3 -

Если мы готовим внезапный всепокрушающий удар по Германии и ее союзникам, то нам тоже приходится выбирать направление главного удара: севернее Полесья или южнее.

Если ударим севернее, то попадем в Восточную Пруссию, а она сильно укреплена и населена немцами, которые будут сопротивляться. На этом направлении мы идем вперед вдоль берега Балтийского моря, поэтому все реки и речушки мы вынуждены форсировать в их нижнем течении, почти у самого их устья. Среди этих рек – две мощные водные преграды: Висла и Одер. В своем среднем и особенно нижнем течении – это предельно трудные для форсирования реки.

Если же мы ударим южнее Полесья, то картина меняется. Мы попадаем в район Кракова. Тут живут поляки, которые после двух лет германской оккупации встретят нас цветами и помогут в нашем благородном деле. Тут, на равнинах Польши, нет сверхмощных современных укрепленных районов. Нам не надо тратить огромных усилий на форсирование рек. В верхнем своем течении они не являются серьезными преградами. Мы наносим удар южнее Полесья, идем вперед, и наш правый фланг защищен горами Чехословакии. Наступающим войскам надо будет беспокоиться об обеспечении только одного своего фланга, а другой прикрыт. Удар из района Львова на Краков рассекает гитлеровскую коалицию, отрубает от Германии всех ее восточных союзников: Словакию, Венгрию, Румынию и Болгарию.

Удар южнее Полесья – и это главное – отрезает Германию от ее единственного источника нефти в Румынии. Нанесение одного этого удара сразу приводит к победе Советского Союза во Второй мировой войне. Далее из района Кракова лучше всего повернуть на север. В этом случае наши войска пойдут к Балтийскому морю, отсекая всю германскую армию от Берлина и внутренних районов Германии. Мы пойдем по коридору, в котором нам никто не страшен: справа наши войска до самого моря прикрыты Одером, слева – Вислой. Контрудары противника тут невозможны. Замысел такой операции – картина дьявольской стратегической красоты.

Только не подумайте, что это я такую красивую операцию придумал. Вовсе нет. Еще в 1920 году Красная Армия шла в Западную Европу. По выражению Бухарина – «непосредственно к стенам Берлина и Парижа». И уже тогда Сталин понимал, что на Берлин надо идти не через Варшаву, а через Львов. Но доказать этого он не смог ни Троцкому, ни Тухачевскому, которые решили бить растопыренными пальцами – и севернее Полесья, и южнее. При этом Тухачевский, который действовал севернее болот, операцию бездарно провалил и тем сорвал операцию Юго-Западного фронта, который действовал южнее.

В 1941 году Сталин, как и 21 год назад, весьма четко понимал преимущества удара южнее Полесья. Поэтому самым мощным военным округом Советского Союза был не Западный, который находился на самом опасном направлении, а Киевский, с территории которого удобнее всего было нанести смертельный удар Германии. План такой операции был найден и впервые опубликован храбрым полковником советского Генерального штаба Даниловым Валерием Дмитриевичем. Проведение такой операции позволяло одновременно с ней нанести удар из Белостокского выступа, а также удары двух советских горных армий через Трансильванские Альпы и удар сверхмощной 9-й армии на Плоешти через Галацкий проход. Каждый из этих ударов сам по себе мог быть смертельным для Германии.

Наш Генеральный штаб и ведущие военные историки полностью со всем этим согласны. «Нанесение главного удара на краковском направлении во фланг основной группировке противника позволяло в самом начале войны отрезать Германию от балканских стран, лишить ее румынской нефти и разобщить союзников.

Нанесение же главного удара на смежных флангах Западного и Северо-Западного фронтов приводило к лобовому наступлению в сложных условиях местности против сильно укрепленных оборонительных позиций в Восточной Пруссии, где германская армия могла оказать более ожесточенное сопротивление.

И совсем другие условия, а следовательно, и соображения могли возникнуть, если бы стратегическим замыслом предусматривалось проведение в начале войны оборонительных операций по отражению агрессии. В этом случае, безусловно, было выгоднее основные усилия иметь в полосе Западного фронта. Но такой способ стратегических действий тогда не предполагался» (Генерал армии Гареев. Сборник «Мужество». 1991. с. 253).

Все слышали? Проведение оборонительных операций по отражению агрессии в начале войны не предполагалось. А предполагалась операция с целью отсечь Германию от основных источников нефти.

В сентябре 1939-го в результате «освободительного похода» Красной Армии в Польшу новая западная граница Советского Союза пролегла так, что в Белоруссии образовался так называемый Белостокский выступ – мощный клин, который, как нос «Титаника», врезался в территорию, оккупированную Германией. То же самое произошло и в районе Львова – получился могучий выступ советской территории. Белостокский и Львовский выступления – это как бы два советских полуострова в немецком море.

В мае-июне 1940 года Гитлер громил армии Британии, Бельгии, Голландии и Франции. Практически вся германская армия воевала на Западе. Там были все лучшие германские генералы, все до последнего германские танки, практически вся авиация и артиллерия. На границе с Советским Союзом оставались только десять предельно слабых германских пехотных дивизий без единого танка и практически без авиационного прикрытия.

В это время Жуков по приказу Сталина совершает новый «освободительный поход», присоединяет Бессарабию и Северную Буковину. За счет Северной Буковины Львовский выступ был расширен. Его принято называть Львовским, хотя после присоединения Северной Буковины его правильнее было бы называть Львовско-Черновицким.

Именно этот шаг Сталина напугал Гитлера. Именно с этого момента и началась разработка замысла разгрома Советского Союза. Исторической наукой установлено, и никто с этим не спорит: до советского «освобождения» Бессарабии и Северной Буковины никаких планов войны против Советского Союза у Гитлера не было.

- 5 -

Зачем же Сталину и Жукову потребовались эта самая Бессарабия и Северная Буковина? И если без них нам никак не прожить, то неужели нельзя было найти более подходящий момент для «освобождения»? Гитлер воюет против Франции и Британии, его тыл ничем не защищен, а Сталин с Жуковым в этот момент вознесли булатный нож над единственным для Гитлера источником нефти, над нефтяным сердцем Германии. Было от чего Гитлеру перепугаться.

Вот официальный советский ответ на вопрос, зачем нам Бессарабия и Северная Буковина. «С территории Бессарабии советская авиация могла держать под угрозой нефтяные промыслы Румынии, которая была главным поставщиком нефти для Германии. Северная Буковина нужна была потому, что через ее территорию проходила рокадная железная дорога стратегического значения от Одессы через Кишинев, Черновцы на Львов, имеющая европейскую колею и позволявшая использовать подвижной состав по железным дорогам Европы».

Это написал один из наших ведущих военных историков, блестящий знаток начального периода войны полковник А. С. Орлов в «Военно-историческом журнале» (1991. № 10. с. 17).

А вот что по этому же поводу говорил Гитлер за полвека до полковника Орлова: «Совершенно очевидно, что Советы намеревались направить развитие событий на Балканах в нужном для них направлении и тем самым превратить их в плацдарм, весьма удобный для нападения на нас и остальные страны Европы. И, делая все для достижения этой цели, они одновременно изъявляли готовность заключить торговые договоры на самых, казалось бы, выгодных для нас условиях, чтобы, как только приготовления к нанесению решающего удара будут закончены, отрезать нас от нефтяных источников. Летом 1941 года они намеревались нанести сокрушительное поражение Румынии, ибо это была единственная страна, кроме России, которая поставляла нам нефть» (Застольные разговоры Гитлера. Запись 27 июля 1942 г.).

Сопоставим слова Орлова и Гитлера: один к одному. Восстановим хронологию: Гитлер воюет на Западе, планов нападения на Советский Союз не вынашивает. В это время Красная Армия захватывает Бессарабию, чтобы «держать под угрозой нефтяные промыслы Румынии». Гитлеру это не нравится, и он приказывает начать разработку планов разгрома Советского Союза, чтобы не попасть под советский удар.

Гитлер и Орлов приводят те же аргументы и даже говорят тем же языком. Слова Гитлера и Орлова никогда никем не были опровергнуты. Министерство обороны России и Генеральный штаб не уличили ни Гитлера, ни Орлова в искажении фактов.

Одно из двух:

– или в Министерстве обороны России и в Генеральном штабе засели гитлеровцы;

– или в данном случае Гитлер и Орлов сказали правду, которую невозможно и незачем опровергать.

Полковник Орлов пошел дальше Гитлера. Он говорит не только о реальной советской угрозе единственному источнику нефти для Германии, но и о подвижном составе для европейских железных дорог. В Советском Союзе колея широкая. В Центральной и Западной Европе – узкая. В сентябре 1939 года при разделе Польши Красная Армия захватила половину польских паровозов и вагонов. На территории Советского Союза они не нужны, ибо колея на «освобожденных» территориях срочно перешивается на широкий советский стандарт. Но Сталин готовил «освобождение» Германии и всей остальной Европы. В ходе первых операций, пока германская колея не перешита на советский стандарт, требовалось много паровозов и вагонов с узкой колеей для снабжения стремительно уходящих на запад советских войск. Захваченных в Польше паровозов и вагонов для подачи миллионов тонн вооружения, боеприпасов, жидкого топлива, запасных частей и прочего было явно недостаточно. Вот почему Сталин захватывал Бессарабию и Буковину – чтобы увеличить парк паровозов и вагонов для дорог с узкой колеей.

А в оборонительной войне паровозы и вагоны, захваченные в Польше, Бессарабии и Северной Буковине, были совершенно не нужны.

Итак, Сталину Бессарабия и Северная Буковина потребовались вовсе не для обороны, не затем, чтобы «народам счастье принести». У Сталина замысел шире и глубже: взять Адольфа за горло (нефтяное) и осчастливить всю Европу.

- 6 -

Элементарная военная логика подсказывала: если мы намерены обороняться, то в Белостокском и Львовском выступлениях войска держать нельзя. Наши войска в выступлениях уже в мирное время с трех сторон окружены противником. Их фланги открыты и уязвимы. Внезапный, стремительный немецкий удар по флангам этих выступов отсекает лучшие части Красной Армии от главных сил и от баз снабжения. Такая группировка советских войск в случае нападения противника неизбежно и немедленно вела к катастрофе. Именно это и случилось в 1941 году. На территории Киевского военного округа до германского вторжения был тайно развернут самый мощный советский фронт – Юго-Западный. В его составе – четыре армии. Три из них – во Львовском выступе. Уже в мирное время эти три армии почти окружены. Гитлеровцам осталось лишь хлопнуть мышеловку.

22 июня очень слабая 1-я немецкая танковая группа ударом на Луцк, Ровно и Бердичев отсекала сразу все три советские армии в Львовском выступе: 12-ю (горную), 6-ю и 26-ю. 1-я танковая группа сразу же вышла на оперативный простор и пошла по советским тылам, опрокидывая и давя аэродромы, штабы и госпитали. Тут, по тылам, – невиданные запасы советского вооружения, бензина, боеприпасов, продовольствия, медицинского имущества и пр. и пр. Любопытствующим рекомендую читать дневник Гальдера: «Немцами захвачены трофеи воистину небывалые».

А перед тремя советскими армиями во Львовском выступе встала задача с двумя решениями, оба из которых означали катастрофу: оставаться в мышеловке и ждать, когда 1-я танковая группа окончательно замкнет кольцо окружения, или бежать на восток, бросив все, что нельзя унести. И они побежали. Вскоре остались без бензина и без боеприпасов...

От одного весьма слабого удара весь советский Юго-Западный фронт рухнул.

Но это не все. Этот же удар ставил под угрозу и весь Южный фронт. Вырвавшись на простор, 1-я танковая группа могла выбирать любое направление: все пути открыты. Можно ударить в тыл Южному фронту. Можно ударить на Киев. Если Киев защищают, можно, не ввязываясь в сражения, ударить по металлургической базе Украины: по Днепропетровску, Днепродзержинску и Запорожью. А вот Крым. Можно выйти к базам Черноморского флота и захватить их. Можно взять Днепрогэс. Можно переправиться через Днепр и взять Донбасс.

Но Гитлер к войне не готовился: столько открытых направлений, а у него против всей Украины, Молдавии, Крыма, Донбасса, Дона и Северного Кавказа всего лишь одна танковая группа, в которой только одна тысяча устаревших, изношенных танков...

- 7 -

В Белоруссии Красной Армии пришлось хуже. Западный фронт имел тоже четыре армии. Основные силы фронта – в Белостокском выступе. Две германские танковые группы нанесли удары по незащищенным флангам и сомкнулись восточнее Минска. В котле оказались 3-я, 10-я и 13-я армии. Западный фронт рухнул так же стремительно, как Юго-Западный и Южный...

Шахматы – это самая примитивная модель войны. Любители шахмат не дадут соврать: сила любой фигуры резко меняется от занимаемого положения. На одной клетке конь силен и страшен, а на соседней он уязвим и немощен. Случается, что ферзь попадает в дурацкое положение. Случается, что пешка находится в таком положении, когда одним ее ходом можно выиграть всю партию. Работа начальника Генерального штаба заключается в том, чтобы расставить свое воинство с максимальной пользой. И вот вопрос: неужто перед войной великому Жукову было неясно, что загонять огромное количество войск в выступы-мышеловки нельзя? Зачем же гениальный Жуков столько сил, причем лучших, подставил под удар и сгубил?

Ответ на эти вопросы дал один из самых блистательных советских полководцев, заместитель командующего Волховским фронтом, командующий 2-й Ударной армией генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов. 22 июня 1941 года он был генерал-майором, командиром 4-го механизированного корпуса во Львовском выступе. В 1942 году он был предан командованием Ленинградского и Волховского фронтов и в результате их предательства попал в плен. В протоколе допроса 8 августа 1942 года записано: «По вопросу о намерении Сталина напасть на Германию Власов заявил, что такие намерения, несомненно, существовали. Концентрация войск в районе Львова указывает на то, что удар против Румынии намечался в направлении нефтяных источников... К немецкому наступлению Красная Армия подготовлена не была. Несмотря на все слухи о проводимых Германией соответствующих мероприятиях, в Советском Союзе никто не верил в такую возможность. При подготовке русские имели в виду только собственное наступление»

(«Красная звезда». 27 октября 1992 г.).

Тут самое время издать вопль возмущения. Издадим же его! Мерзкий предатель Власов клеветает на Красную Армию, на миролюбивый Советский Союз. Пусть будет проклято в веках его имя!

Давайте накричимся до слез, а накричавшись и успокоившись, задумаемся вот над чем: другого объяснения концентрации советских войск в Львовском и Белостокском выступлениях нет. Другого объяснения пока никто придумать не смог. И то, что говорил Власов на допросе в немецком плену, через 50 лет повторили полковник Орлов и генерал армии Гареев. И не они одни. Что же получается? Орлов и Гареев тоже власовцы? Или гитлеровцы?

В этой главе мы говорим не о румынской нефти, а о группировке советских войск, которая была почти самоубийственной для Красной Армии и совершенно непригодной для обороны страны, но такая группировка позволяла нанести Германии поражение в ходе внезапной скоротечной наступательной операции в очень короткое время. Уяснив это, мы вернемся в 1946 год на Нюрнбергский процесс.

ГЛАВА 18 НЮРНБЕРГСКИЙ ВЫБОР.

Пусть они не делают вид, будто не понимают, что коммунизм и фашизм – во многом явления одного порядка, с той существенной разницей, что последний раздавлен и проклят, тогда как коммунизм куда более коварен и потому живуч.

Эдуард Кузнецов. Выступление в парижском Дворце конгрессов 2 октября 1985 года.

Изучение материалов Нюрнбергского процесса в Советском Союзе решительно и жестко пресекалось. На английском языке материалы процесса выпущены в 116 томах. А у нас при Сталине материалы процесса не публиковались вообще. При Хрущеве выпустили... семь томов. На том и заглохло. Казалось бы, Советский Союз вел войну святую и освободительную, мы – самая

пострадавшая сторона, нам бы громче всех трубить... Неужто британцам или американцам в 16 раз больше, чем нам? Почему же нашему народу, мягко говоря, коммунисты не рекомендовали вникать в детали? Любопытных ласково успокаивали тем, что лет через сто, через двести, «когда придет время», материалы Нюрнбергского процесса будут частично рассекречены. А сейчас, говорили нам, время еще не пришло...

Между тем при самом поверхностном взгляде на ход процесса выплывают факты изумительные... Интересующимся настоятельно рекомендую найти и три раза прочитать написанную с блеском статью А. Плутника «Тайны Нюрнбергского процесса не раскрыты и 50 лет спустя» («Известия». 13 октября 1995 г.).

А мы с вами снова оказались у той же самой печки. Мы снова столкнулись с удивительным парадоксом: история-то у нас секретная, изучение истории почему-то запрещено и преследуется. И тот же вопрос на повестке дня: если война была святой и освободительной, если суд над гитлеровцами был праведным, то почему материалы процесса спрятаны от народа? Что это вы там, товарищи коммунисты, от нас прячете?

- 2 -

Нюрнбергский процесс с советской стороны направлял товарищ Вышинский Андрей Януарьевич. Но и за Вышинским кто-то стоял. И дергал за веревочки... И был это – товарищ Сталин. Это он выдвинул идею и настоял на проведении процесса. Сталин был главным режиссером Нюрнберга, хотя в то время еще не все это понимали. Нюрнбергский процесс готовился Сталиным с такой же тщательностью, как и Маньчжурская стратегическая наступательная операция. Интересы Советского Союза на процессе защищались яростно, как руины Сталинграда. Все, что делал Сталин, особенно в данном случае, имело смысл и железную логику. Эта логика понятна, когда вешают Розенберга. Он осуществлял оккупационный режим. Мы представляем, что это такое. Но была железная сталинская логика и в приговорах Риббентропу, Кейтелю и Йодлю...

Собака вот где зарыта.

Министр иностранных дел Риббентроп заявил на процессе, что война Советскому Союзу была объявлена. Советские обвинители это категорически отрицали. Доказательство у советских обвинителей стандартное: а где документ?

Риббентроп: так наш же посол в Москве фон дер Шуленбург ранним утром 22 июня 1941 года вручил Молотову соответствующие документы!

Наши: не было такого!

Риббентроп: а я, кроме того, лично в тот же момент в Берлине вручил такие же документы вашему послу Деканозову.

Наши – свое: не было такого. Не можем мы никакого документа найти, а раз так, значит, нам его не вручали, а раз не вручали, значит, война не была объявлена.

Судьи США, Британии и Франции в знак одобрения покорно головами кивали: раз советская сторона не может найти документы об объявлении войны, значит, немецкая сторона их не вручала... И в приговор вписали: «22 июня 1941 года Германия без объявления войны...» (Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. М., 1960. т. V. с. 569).

И – конец Риббентропу.

- 3 -

И нам десятилетиями вбивали в головы: без объявления войны!

А потом вышли мемуары Маршала Советского Союза Жукова.

«В кабинет быстро вошел В. М. Молотов: „Германское правительство объявило нам войну“. И. В. Сталин опустил на стул и глубоко задумался» (Воспоминания и размышления. М.: АПН. 1969. с. 248).

В том далеком 1969 году меня, весьма зеленого лейтенанта, эти строки вышибли из седла и пришибли. Тогда в первый раз шевельнулось подозрение: что-то неладно с этим самым Жуковым и его мемуарами. В каждой книге о войне сказано: без объявления... И в каждой советской газете раз в год 22 июня: без объявления... Одно из двух: или Жуков газет не читал и книг про

войну, или не читал своих мемуаров.

Но вот что интересно. Вся коммунистическая пропаганда, все эксперты, а за ними сотни миллионов людей во всем мире продолжают повторять: без объявления войны.

И тут же эти же миллионы людей читают Жукова: «Германское правительство объявило нам войну». Откровения Жукова переведены на все мыслимые языки. Неужели всем читающим не ясно, что у коммунистических агитаторов не стыкуются самые простые вещи? Неужели не понятно, что наши пригэбленные историки, идеологи и мемуаристы не способны увязать самые основные моменты?

Кто же прав: Риббентроп и Жуков, которые утверждали, что война была объявлена, или обвинители и судьи Международного трибунала в Нюрнберге, которые записали в смертный приговор Риббентропу, что война не была объявлена?

Прав был Риббентроп. И Жуков. Война была объявлена. И теперь это признано даже официальной советской исторической наукой. «В том же духе был составлен меморандум, врученный И. Риббентропом 22 июня советскому послу в Берлине. В нем утверждалось, что Советское правительство стремилось взорвать Германию изнутри и готово в любой момент осуществить агрессию против нее. Столь „опасное положение“ будто бы и вынудило нацистское правительство начать войну» (История Второй мировой войны. Т. 4. с. 31).

Почему же советские обвинители в Нюрнберге отрицали факт объявления войны? Почему наши обвинители вралли, что Риббентроп 22 июня 1941 года не вручал никакого документа советскому послу в Берлине? Почему обвинители, мягко говоря, совершали преступление против правосудия, почему шили Риббентропу явно вымышленное обвинение?

Дело вот в чем. Молотову в Москве и Деканозову в Берлине помимо «Ноты министерства иностранных дел Германии советскому правительству» были вручены три приложения к этой ноте:

– «Доклад министра внутренних дел Германии, рейхсфюрера СС и шефа германской полиции германскому правительству о диверсионной работе СССР, направленной против Германии и национал-социализма»;

– «Доклад министерства иностранных дел Германии о пропаганде и политической агитации советского правительства»;

– «Доклад Верховного командования германской армии Германскому правительству о сосредоточении советских войск против Германии».

В тот же день, 22 июня 1941 года, через несколько часов после получения этих документов, заместитель председателя СНК и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов выступил по радио с обращением к советскому народу. Слово не воробей, Молотов на весь мир сообщил, что правительство Германии предъявило претензии, и эти претензии Молотовым получены. Более того. Молотов сообщил, какие именно претензии предъявлены: «Германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы» («Известия». 24 июня 1941 г.).

Молотов должен был бы сказать: вранье, нет никакого сосредоточения! Но он этого не сказал. Нота германского министерства иностранных дел Правительству СССР и три приложения к ней ни Молотовым тогда и вообще НИКЕМ НИКОГДА не были опровергнуты.

И опровергнуть германские претензии нечем.

Советская разведка действительно вела активную разведывательную и подрывную работу против Германии и ее союзников. Теперь мы этого не скрываем – мы этим гордимся.

Советское правительство действительно проводило скрытую кампанию неслыханной интенсивности по подготовке советского населения и армии к неизбежному и скорому – в ближайшие недели – всеокрушающему удару по Германии и Румынии. Тем, кто интересуется подробностями, настоятельно рекомендую книгу В. А. Невежина «Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии „священных боев“ 1939-1941» (М.: АИРО-XX, 1997).

Советское командование действительно концентрировало небывалое в мировой истории количество войск на границах Германии и Румынии. Интересы ради возьмите подшивки «Военно-исторического журнала» и начните листать. Как только пойдет речь о начале войны, ищите номера дивизий, корпусов и армий. Встретился номер советской дивизии, например 86-й стрелковой, – возьмите карточку и впишите главное, что сказано о ней: командир – Герой Советского Союза полковник М. А. Зашибалов. Численность дивизии на 1 июня 1941 года – 10 258 человек.

13 июня 1941 года в момент передачи по радио знаменитого Сообщения ТАСС дивизия дополнительно приняла в свой состав 4000 резервистов. Управление и штаб дивизии – в имении графов Стажевских в городе Цехановец. Граница – рядом...

Если не лень, в карточку впишите номера трех стрелковых и двух артиллерийских полков в составе этой дивизии. И не забудьте главного: дивизия не готовилась к обороне, не рыла окопов и траншей, не строила блиндажей и огневых точек. Первые снаряды войны попали в штаб, где сгорели все документы и боевое знамя дивизии. Такие подробности с удивительным постоянством вам будут попадаться и дальше. В Прибалтике, в штабе 125-й стрелковой дивизии, случится то же самое происшествие. И в Бресте тоже. В штабе 22-й танковой дивизии.

86-я стрелковая дивизия входила в 5-й стрелковый корпус 10-й армии. Заводите карточку на 5-й стрелковый корпус, которым командовал генерал-майор А. В. Гарнов, и еще карточку на 10-ю армию. Напишите на маленьком флажке «86 сд» и воткните в карту. Воткните еще два флажка рядом: «5 ск» и «10 А». Занятие удивительно увлекательное. Ума не надо. Нужен интерес. Картина вырисовывается как из проявителя: вначале – неясно и расплывчато, потом – контрастно и четко. Весьма скоро вы получите частокол флажков на советских западных границах. Скоро вы с удивлением отметите: флажки некуда втыкать. А если еще и аэродромы будете отмечать, госпитали и склады, командные пункты фронтов и узлы связи, то весьма скоро потребуется клеить огромную карту на всю стену. На обыкновенной вам всех этих дивизий не уместить. И карточек на дивизии, корпуса и армии у вас соберется много-много. Сведения эти – не из ноты Гитлеровца Риббентропа, а из официального органа Министерства обороны СССР, а теперь – РФ. Так что не врал Риббентроп, вручая ноту о небывалой концентрации советских войск.

Так, может быть, все эти дивизии, корпуса и армии выдвигались к границам для обороны? Опять же нет. Коммунистические агитаторы повторяют, что сосредоточение советских войск на границах осуществлялось в целях оборонительных, в предвидении германской агрессии. Ответ им простой: пусть назовут номер хотя бы ОДНОЙ советской дивизии, которая перед германским вторжением отрыла окопы полного профиля и встала в оборону, как это было сделано летом 1943 года на Курской дуге. Так вот, ни одна советская дивизия из двухсот на западной границе в обороне не стояла.

22 июня 1941 года в первый момент войны Молотову не пришло в голову отрицать факт поистине чудовищной концентрации советских войск на границах Германии и Румынии. Но 3 июля 1941 года по радио выступил Сталин. Он уже не вспоминал о том, что Красная Армия всей своей массой была для чего-то сосредоточена на границе. Сталин не говорил о германских претензиях и причинах войны. Он выразил все просто: братья и сестры, враги напали, нам надо обороняться.

Вскоре была пущена в оборот формула: вероломно, без объявления войны. Зачем нужна была такая формула? Затем, что германские претензии были обоснованными и отрицать их было невозможно. Потому и решили в Кремле: раз возразить на немецкие претензии нечем, значит, объявим, что нам претензии не были предъявлены, не было причин для германского нападения и войну нам никто не объявлял.

В Нюрнберге советские следователи требовали от Риббентропа только одного: скажи, что Советский Союз нападать не собирался; скажи, что Советский Союз был к войне не готов и угрозы не представлял; скажи, что война не была объявлена и никаких документов ты нам не вручал.

Если бы Риббентроп на предварительном следствии принял советские предложения, то немедленно был бы переведен из подсудимых в разряд свидетелей обвинения. Но Риббентроп стоял на своем. В тюремной камере Риббентроп писал заметки, которые сейчас опубликованы: «Крупная концентрация советских войск в Бессарабии вызвала у Адольфа Гитлера серьезные опасения с точки зрения дальнейшего ведения войны против Англии: мы ни при каких обстоятельствах не могли отказаться от жизненно важной для нас румынской нефти. Продвинься здесь Россия дальше – и мы оказались бы в дальнейшем ведении войны зависящими от доброй воли Сталина. Такие перспективы, естественно, должны были побудить у Гитлера недоверие к русской политике. Он высказал мне, что, со своей стороны, обдумывает военные меры, ибо не хочет быть застигнутым Востоком врасплох».

Врет проклятый фашист?

Может быть, и врет. Но если Риббентропа за такие слова повесили, то давайте же повесим

и генерала армии Гареева с полковником Орловым. Я недаром целую предыдущую главу не пожалел, их слова цитировал. Орлов с Гареевым о том же говорили, что и Гитлер в тесном кругу, что и Риббентроп на процессе, и никто Гарееву и Орлову ни в Советском Союзе, ни в России не возразил и смертного приговора не вынес. И если за такие слова вешают, то почему бы не повесить министра обороны России и начальника Генерального штаба, которые с мнением Гитлера – Гареева и Риббентропа – Орлова согласны?

- 4 -

О том же на предварительном следствии говорил и генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель. Он стоял на своем: «Нападение на Советский Союз было совершено с целью предупредить нападение России на Германию». И далее: «Я утверждаю, что все подготовительные мероприятия, проводившиеся нами до весны 1941 года, носили характер оборонительных приготовлений на случай возможного нападения Красной Армии. Таким образом, всю войну на Востоке в известной мере можно назвать превентивной. Конечно, при подготовке этих мероприятий мы решили избрать более эффективный способ, а именно: предупредить нападение Советской России и неожиданным ударом разгромить ее вооруженные силы. К весне 1941 года у меня сложилось определенное мнение, что сильное сосредоточение русских войск и их последующее нападение на Германию могут поставить нас в стратегическом и экономическом отношениях в исключительно критическое положение. Особо угрожаемыми являлись две выдвинутые на восток фланговые базы – Восточная Пруссия и Верхняя Силезия. В первые же недели нападение со стороны России поставило бы Германию в крайне невыгодные условия. Наше нападение явилось непосредственным следствием этой угрозы» (Протокол допроса 17 июня 1945 года. ВИЖ. 1961. No 9. с. 77-87). Об этом же говорил и генерал-полковник А. Йодль: «Существовало политическое мнение, что положение усложнится в том случае, если Россия первая нападет на нас» (Протокол допроса 18 июля 1945 года. ВИЖ. 1961. No 4. с. 84-91).

Вот за эти слова их и вешали. Даже не за эти слова, а за нежелание от них отказаться.

- 5 -

«Идею судебного разбирательства выдвинул Советский Союз. Англия и США полагали, что фашистских главарей надо казнить без суда и следствия» (Н. Лебедева. Сталин на Нюрнбергском процессе. «Московские новости». 1995. No 19).

Мы привыкли гордиться тем, что именно Советский Союз был инициатором проведения Нюрнбергского процесса. Однако Советский Союз – страна большая. Много в ней лесов, полей и рек. И не думается мне, что чабаны с заоблачных пастбищ выдвинули идею проведения Нюрнбергского процесса. Как не думается мне, что жители Вышнего Волочка или Усмани были инициаторами. Но почему-то думается мне, что инициатива исходила от товарища Сталина. Во всяком случае, если бы идея Сталину не понравилась, то Советский Союз не стал бы инициатором этого дела.

Вот и подумаем: зачем Сталину процесс, если Британия и США предлагают казнить гитлеровцев без суда и следствия? Может быть, воспитанный на уважении к законам, товарищ Сталин не мог себе позволить бессудной расправы, как это могли позволить себе лидеры США и Британии, которые не привыкли считаться с законами и юристами?

6 марта 1946 года Международный трибунал в Нюрнберге принял решение об официальном издании всех документов процесса, в том числе и стенограмм судебных заседаний, на четырех рабочих языках. Проголосовали единогласно. На трех рабочих языках документы были опубликованы, а на русском – нет. А ведь это уже не вольная воля: хочу – публикую, хочу – нет. Это официальное решение трибунала, за которое голосовал и представитель Советского Союза.

Снова загадка: сначала требуем проведения процесса, а потом не публикуем его материалов... Зачем же такой процесс был нужен товарищу Сталину?

- 6 -

Десятилетия подряд нам рассказывали, что Сталин организовал Нюрнбергский процесс ра-

ди того, чтобы в законном порядке наказать злодеев, которые уничтожили миллионы невинных людей.

Иными словами: сталинский мотив – благородное стремление к справедливости. Звучит красиво. Но из этого гладкого объяснения выпирает острый царапающий угол: зачем Сталину наказывать злодеев, если он сам такой? Сталин – верный ученик Ленина, который истреблял людей миллионами. И сам товарищ Сталин от Ленина в этом деле не отстал. И сам товарищ Сталин истребил столько, что Гитлер мог бы позавидовать, причем Сталин истребил миллионы задолго до прихода Гитлера к власти. Удивительно: Сталин решил гитлеровцев наказать, но не сам ли Сталин открыл Гитлеру дорогу к власти и преступлениям? И если Сталиным движут благородные мотивы наказания злодеев, то ему следовало самому приехать в Нюрнберг и повеситься.

Еще нам рассказывали, что Сталин организовал Нюрнбергский процесс, чтобы судить нацистов за концлагеря. Этот рассказ смешнее первого. В деле организации концлагерей Гитлер был всего лишь верным ленинцем, учеником Антонова-Овсеенко, Бухарина, Троцкого, Сталина. Когда нацистов судили и вешали в Нюрнберге, нацистские концлагеря на захваченных Красной Армией территориях вовсе не пустовали и пока еще не были превращены в музеи. Они были включены в систему ГУЛАГа и процветали, только теперь уже не под красным флагом национал-социализма, а под красным флагом интернационал-социализма.

И давайте не поверим, что Сталин организовал Нюрнбергский процесс ради того, чтобы наказать поджигателей войны. Он сам эту войну организовал. Он – единственный государственный лидер, который присутствовал при подписании Московского пакта о начале Второй мировой войны. Если вешать поджигателей войны, то начинать следовало со Сталина.

Удивительно поведение США, Британии и Франции. Представители этих стран сели за судейский стол вместе со сталинскими людоедами, чтобы судить гитлеровских людоедов за людоедство. Так может быть, лидеры западного мира не знали, с кем за судейский стол садятся? Если они этого не знали – значит, идиоты. Если знали – преступники. Запад предавал демократию не только в Ялте, но и в Нюрнберге. Сев за один судейский стол вместе с коммунистическими палачами, Запад тем самым списал все преступления коммунизма и отдал Центральную Европу на изнасилование Сталину, обосновав это тем, что он ее спас и теперь в полном праве ею пользоваться по своему усмотрению.

Ах, воскликнут коммунисты, да ты решения Международного трибунала в Нюрнберге пересматривать решил? Товарищи коммунисты, не надо меня обвинять в ваших собственных грехах. Советский Союз игнорировал решения Международного трибунала уже в ходе процесса. Дальше – больше. В Нюрнберге решили, что Вторая мировая война начата гитлеровской Германией, и советские представители под этим подписались. А потом было заявлено: «Виновниками войны были не только империалисты Германии, но и всего мира» («Красная звезда». 24 сентября 1985 г.). Вот это – коренной пересмотр решений Нюрнберга.

Западные лидеры сели за один стол со сталинскими людоедами творить правосудие, в результате чего сами оказались зачисленными в людоеды. А советские товарищи от таких обвинений себя застраховали, прикинувшись умственно и физически неполноценными...

- 7 -

Идея хорошая: главных гитлеровских преступников истреблять без суда и следствия. Так сказать, мочить в сортире. Но не преступники интересовали Сталина и не их преступления. Сталину надо было уничтожить тех, кто обвинял Советский Союз в подготовке агрессии против Европы. Но всех не уничтожишь: и многие из них – на территориях, не подконтрольных Сталину. Как заткнуть им рты? Ответ: страхом.

Для того Сталин и затеял Нюрнбергский процесс. Сталин показал всем бывшим гитлеровским генералам, адмиралам, офицерам и дипломатам: вот Риббентроп, передо мной он ни в чем не виноват. Наоборот, он привез в Москву такую бумагу, которую я на радостях утвердил подписью в 58 сантиметров. Но я вешаю Риббентропа, чтобы не болтал лишнего.

Вот Кейтель и Йодль, они на моей территории не воевали, планов против моей страны не составляли, а выдумывали фантастические прожекты похода на Индию. Я их тоже вешаю. По той же причине: чтоб не болтали.

А вот преступников Манштейна, Гудериана, Паулюса, Гальдера, Цейтцлера и еще тысячи

таких же – милую. Если мне легко вешать тех, кто на моей территории не воевал, то на любого, кто на советской территории был, я дело состряпаю. Болтните лишнее, и сотни моих свидетелей уличат лично вас во всем, что требуется для смертного приговора. А писать мемуары так: русские дурачки к захвату Европы не готовились и по причине слабоумия замышлять такого не могли.

Германские генералы правила игры поняли и приняли. Вот образец поведения понятливого генерал-фельдмаршала: «9 января 1946 года Ф. Паулюс обратился с письменным заявлением к Советскому правительству, в котором разоблачал конкретных виновников развязывания Второй мировой войны, рассказывал о допущенных ими зверствах и злодеяниях на оккупированных территориях» (ВИЖ. 1990. № 3. с. 52-53). Вот это именно то, что надо товарищу Сталину. И вот свидетель Паулюс появляется в Нюрнберге: «Все присутствующие в зале ожидали, что войдет германский генерал-фельдмаршал в истрепанной военной форме с сорванными погонами. Но Паулюс появился в черном костюме, при белой рубашке с бабочкой, в лакированных туфлях» (Там же. с. 53).

В этом эффектном выходе, точнее – выходке, двойная мерзость. Ты – пленный германский генерал-фельдмаршал. Ты взят в плен в ходе сражения. Сохрани же достоинство. Появись в своем мундире, пусть рваном и истрепанном. Не принимай лакированные штиблеты из рук бериевского вертухая. Подумай, за какие заслуги тебе выписали заграничный костюм со склада НКВД. Ты же Гитлеру служил. До генерал-фельдмаршала дослужился. Маршальский жезл тебя не смущал. Широкие лампасы на штанах носил – не краснел. А теперь стесняешься? Из Нюрнберга тебя вернут в советский лагерь военнопленных мотать срок. Ты и в лагере среди других пленных генералов в белой рубашке с бабочкой красуешься?

И тут же – наша советская мерзость: за какие заслуги фашиста наряжаем? Какие такие подвиги во славу советской Родины совершил военнопленный Паулюс, что ему штаны новые выписали? А заодно и пиджак. За какую доблесть военнопленный Паулюс сверкающими штиблетами поскрипывает? Вот сидит на скамье подсудимых Вильгельм Кейтель, такой же генерал-фельдмаршал. Он в старом мундире со споротыми погонами, без знаков различия и наград.

Почему Кейтеля советские товарищи не обули в лакированные штиблеты? И Геринг в своем мундире. И Йодль. Почему бы и их в новые штаны не нарядить? А потому, что они говорят не то, что товарищу Сталину требуется.

На следующей странице «Военно-исторический журнал» описывает не стесняясь, как после судебного заседания главный советский обвинитель на Нюрнбергском процессе, будущий Генеральный прокурор СССР товарищ Руденко Роман Андреевич в своем рабочем кабинете кормит Паулюса обедом: жри, сука, заслужил! А к обеду сами знаете, что полагается. В той статье, написанной свидетелем происходящего, про водочку не забыто. Правда, сказано, что Паулюс водку сам себе наливал и пил стаканом, а про товарища Руденко и других товарищей ничего не сказано. Знать, непьющие подобались...

Картиночка – краше не изобразишь. Товарищ Руденко, главный советский обвинитель на Нюрнбергском процессе, товарища Паулюса, того самого, который «Барбароссу» придумал, в своем рабочем кабинете водочкой поит: будешь правильную линию гнуть – лет через пять еще одни штиблеты выпишем.

Если бы мы и не знали этой закулисной гадости, то все равно появление генерал-фельдмаршала Паулюса на процессе и его речи говорили о том же: крепко перековался товарищ. Или точнее, по-русски, – сучился.

И сучились все остальные гитлеровские генералы и фельдмаршалы. До них Сталин ломал хребет старому русскому уголовному миру. Сталин в массовом порядке ссучивал воров. Но сучились не все. Многие тысячи ушли в смерть, не изменив воровскому закону. А гитлеровские генералы и фельдмаршалы в подавляющем большинстве приняли принцип: лучше сучиться, чем мучиться. Они писали воспоминания с ясным ощущением прохлады, которая веяла от занесенного над ними топора. Они знали: на каждого заведено дело, и, если потребуется, советские товарищи выставят свидетелей сотнями. А свидетели подтвердят все, что им прикажут. Поэтому германские генералы писали мемуары так, чтобы советским идеологам (а также следователям МГБ и палачам) не досаждать.

Вскоре гитлеровцы и сами вошли во вкус, оценили прелести ссучивания. Они и сами поняли: такая игра им на руку – пиши о своих гениальных способностях и о русской неполноценно-

сти, тебя тут же на весь мир прославят и в Москве издадут, на тебя коммунистические историки ссылаются будут как на величайший авторитет. Худо ли?

И вот нам рекомендуют ссылаться на те авторитеты: Гудериан, мол, ничего не писал про подготовку Красной Армии к нападению... И Манштейн заявлял, что не готова была Красная Армия наступать...

А мы в данном вопросе на этих господ ссылаться не будем. Мы пойдем другим путем. Мы скажем так: перепачканный кровью и перепуганный до смерти мерзавец Гудериан в угоду советским исполнителям приговоров писал то-то и то-то; спасая свою шкуру и задницу, трусливый садист и палач Манштейн по подсказке коммунистов умолчал о некоторых подробностях и кое-что, мягко говоря, извратил...

- 8 -

Вы думаете, в этой главе я доказываю, что Сталин готовился к нападению? Нет. Эта глава о другом.

22 июня 1941 года Гитлер обратился к германскому народу и объявил, что война против Советского Союза вынужденная, превентивная, ради спасения Германии от неизбежной советской агрессии.

Никто не возразил.

После разгрома Германии Сталин объявил, что Советский Союз – невинная жертва, что никакой агрессии против Германии не замышлялось. Возразили трое: один германский министр, один фельдмаршал и один генерал. И были повешены.

Остальные гитлеровцы не возражали. Остальные не протестовали.

Вывод: гитлеровские полководцы в подавляющем своем большинстве были трусливыми, бесхарактерными, беспринципными приспособленцами.

С такими полководцами Германия победить не могла.

ГЛАВА 19 ЧТО ОНИ ЗНАЛИ ПРО БЛИЦКРИГ?

Большая часть германской армии передвигалась пешком с обозами на конной тяге.

Генерал-лейтенант Г. Блюментрит, Роковые решения. с. 91.

- 1 -

Известный израильский журналист Ярон Лондон в статье «О чем не хотел знать Сталин» пишет: «Недоверие, идеология и непроверенные слухи действовали на Сталина сильнее, чем сотни танковых дивизий, готовых к нападению на его страну» (Газета «Едиот ахронот». Русский перевод в журнале «22». 1995. No 96. с. 122).

Итак, на границе Советского Союза сосредоточены сотни гитлеровских танковых дивизий, а глупый Сталин не хочет об этом знать. Сталин верит непроверенным слухам и сплетням, а реальную угрозу не видит и видеть не желает. Он, уверяют нас, боялся смотреть правде в глаза...

А нам бояться нечего. Потому давайте этой правде в глаза посмотрим.

К затяжной войне Германия была совершенно не готова. С этим не спорит никто. Оставался только один вариант: блицкриг. Но для всякой работы нужны соответствующие инструменты. Если мы решили плавить сталь, нам нужна мартеновская печь. Если решили запустить спутник, нужна ракета. А если решили завоевать мир молниеносной войной, нам нужны танки и самолеты.

И тут мы видим главное несовпадение во взглядах на ведение войны: советские командиры считали, что танки должны быть хорошими и их должно быть много, а германские генералы Гудериан, Манштейн, Роммель, Клейст и Гепнер считали, что германские танки должны быть плохими и их должно быть мало. Мне возражают: они тоже в какой-то мере понимали, что танков должно быть много и они должны быть хорошими. Это удивительное заявление. Оно заводит нас в тупик. Если действительно гитлеровские генералы понимали значение и роль танков, то

как случилось, что они вступили во Вторую мировую войну, не имея даже трех тысяч танков? 1 сентября 1939 года в Германии танков было всего только 2980. Как случилось, что из этого количества почти половина (1445 танков Pz-I) вообще не имела пушек? Как случилось, что вторая половина (1226 танков Pz-II имела всего только жалкие 20-мм пушки? Как случилось, что танков Pz-III с нигде не годными 37-мм пушками было всего только 98, а танков Pz-IV с 75-мм короткоствольными пушками, которые для борьбы с танками не годились и не предназначались, было только 211?

Среди танков, с которыми Гитлер вступил в Польшу (т.е. во Вторую мировую войну) не было ни одного тяжелого танка, как не было и ни одного среднего. Все они были в весовой категории до 20 тонн.

Если германские стратеги понимали, что нужно иметь много танков, как же случилось, что в момент начала Второй мировой войны боевой вес всех германских танков был всего только 27 тысяч тонн. Для сравнения: Франция, которая явных стремлений к мировому господству не проявляла, на строительство одного только линкора «Ришелье» выделила в полтора раза больше броневой стали, чем гитлеровские стратеги на строительство всех своих танков, которые они сумели построить к началу Второй мировой войны. И в Германии в тот момент строились линкоры «Бисмарк» и «Тирпиц». На их строительство потребовалось более 80 тысяч тонн стали. А помимо этого строились крейсера, эсминцы и подводные лодки.

В момент начала Второй мировой войны флот Германии уступал по боевой мощи флотам США, Британии, Японии, Франции, Италии или Советского Союза. А на создание танков германские стратеги тратили ничтожную долю материальных, трудовых и интеллектуальных ресурсов в сравнении с тем, что выделялось на развитие флота.

Как же случилось, что страна, которая объявила блицкриг основой своей стратегии, тратила на создание танков гораздо меньше средств, чем на развитие своего отнюдь не самого мощного флота?

Как случилось, что германская армия 22 июня 1941 года вступила на советскую территорию, имея всего 3410 танков? (История Великой Отечественной войны Советского Союза. т. 1. с. 384). По немецким сведениям, танков было еще меньше – 3200 (Г. Гудериан. Воспоминания солдата. с. 193). Противоречия в этом нет. Гудериан считает танками только те машины, которые имели хоть какую-нибудь пушку, пусть даже и 20-мм. А советские историки в число германских танков засчитывают и те машины, которые вообще пушек не имели.

И если германские генералы понимали, что нужны хорошие танки, то как случилось, что они вступили на советскую территорию, не имея ни одного танка с дизельным двигателем? Как случилось, что они вступили в войну, не имея ни одного танка с противоснарядным бронированием? Как вышло, что они начали войну, не имея тяжелого танка даже в проекте? Как получилось, что они не имели плавающих танков даже на рисунках? Как случилось, что у них не было ни одного танка с мощной пушкой? Как произошло, что самая мощная германская танковая пушка была не способна пробивать советский КВ, в то время как КВ пробивал любой германский танк насквозь? И если немецкие генералы теоретически понимали, что нужны хорошие танки, как случилось, что все немецкие танки 1941 года были не только устаревшими, но и порядком изношенными?

Удивительно: если теоретически они понимали роль танков, то почему ничего не сделали для того, чтобы хорошие танки создать? И если нет хороших танков, то почему бы не вооружить армию достаточным количеством плохих танков? Почему плохих устаревших оказалось так мало?

Выдающийся теоретик стратегии Б. Х. Лиддел Гарт так оценивает отношение германских генералов к танкам: «Немцам пришлось расплачиваться за то, что на практике они оказались на двадцать лет позади теории, которую сами же считали ключом к успеху» (Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1976. с. 153).

Мало иметь танки. Надо создать мощные танковые соединения. В Германии были созданы танковые дивизии. Но они, мягко говоря, были неполноценными. В 1939 году у Гитлера было шесть танковых дивизий. Давайте отложим книгу, закроем глаза и оценим этот факт: Германия

вступила во Вторую мировую войну, имея ШЕСТЬ танковых дивизий! И вот какие-то недобитые прохвосты теперь утверждают, что германские генералы понимали, что такое блицкриг! И вот, имея ШЕСТЬ танковых дивизий, они вознамерились расширить жизненное пространство!

В 1940 году танковых дивизий у Гитлера стало десять. А в следующем, 1941-м – 21. Можно подумать: вот теперь-то они начинают понемногу понимать роль танков в войне. Но это иллюзия. Рост числа танковых дивизий был достигнут не за счет производства танков, а за счет, так сказать, перераспределения. Практически одно и то же количество танков делилось сначала на шесть дивизий, потом – на десять, потом – на 21. Литр водки можно разлить в две пол-литровые бутылки, а можно – в десять. И добавить воды. Так Гитлер разбавлял свои танковые дивизии пехотой.

Образно говоря, не самый лучший игрок садится играть в надежде обыграть весь мир. Он явно не понимает, что можно не только выиграть, но и проиграть. А ставка стандартная: его подлая жизнь. У него шесть тощих пачек денег. И вот из шести денежных пачек он делает сначала десять, потом еще одиннадцать. Способ простой: между настоящими хрустящими бумажками он кладет простую бумагу. Этим он никого не обманет. Но сам себя он чувствует богаче.

Лиддел Гарт комментирует: «Это удвоение численности бронетанковых войск оказалось чисто иллюзорным, так как было достигнуто главным образом за счет уменьшения количества танков в дивизиях... Кое-кто из квалифицированных экспертов-танкистов пытался возражать против подобного решения, поскольку действительным результатом этой меры было умножение числа штабов и вспомогательных войск в так называемых бронетанковых войсках... Из 17 тысяч человек в составе дивизии только около 2600 были в этом случае танкистами. Но Гитлер был упрямым. Видя перед собой огромные пространства России, он хотел чувствовать, что у него больше дивизий, способных наносить удары в глубину, и рассчитывал на то, что техническое превосходство над русскими войсками послужит достаточной компенсацией за „разжижение“ его бронетанковых войск... Однако сокращение числа танков в дивизиях усугубило главный недостаток „немецкой танковой дивизии“ – то, что в основном ее части и подразделения, по сути дела, были пехотными и не могли передвигаться по пересеченной местности...» (Там же. с. 152-153).

Термин «немецкая танковая дивизия» Лиддел Гарт берет в кавычки. Он объясняет свою точку зрения: «Танки могли бы продолжать наступление, но они, как и другие гусеничные машины, составляли лишь небольшую часть каждой так называемой танковой дивизии» (Там же. с. 158).

- 3 -

Блицкриг – это тайная концентрация танковой мощи на узких участках фронта и внезапный стремительный удар в глубину. Высшей организационной единицей германских танковых войск в июне 1941 года была танковая группа. Во всей германской армии было четыре такие группы.

Каждая танковая группа состояла из корпусов, а корпуса – из дивизий. Но мы уже установили, что танковые дивизии Гитлера были неполноценными. Кроме танковых дивизий, в составе танковых групп были моторизованные дивизии. Их можно охарактеризовать одним штрихом: во всех германских моторизованных дивизиях, вместе взятых, количество танков – 0.

Чтобы добавить ударной мощи танковым группам, в их состав, помимо так называемых танковых и моторизованных дивизий, которые и так были перенасыщены пехотой, включили еще... и пехотные дивизии. В водку, уже разбавленную водой без всякой меры, добавили еще ведро водички. Для крепости.

В 1-й танковой группе 14 дивизий, в том числе семь пехотных.

Во 2-й танковой группе 13 дивизий, в том числе одна кавалерийская и четыре пехотные.

В 3-й танковой группе 11 дивизий, в том числе четыре пехотные.

В 4-й танковой группе восемь дивизий, в том числе две пехотные.

Каждая немецкая пехотная дивизия – это 16 859 человек и 6358 лошадей, запряженных в телеги. Пехотные дивизии объединялись в корпуса, а каждый корпус имел свои собственные гужевые обозы, помимо тех, что были в составе дивизий.

Получилось, что инструмент блицкрига – танковые группы, а это громоздкие образования и их основным составом является пехота. Танковая группа – это 150-250 тысяч человек, 15-45

тысяч лошадей в обозах, 10-20 тысяч автомашин очень низкой проходимости... и 600-1000 устаревших танков.

Надо было быть большими фантазерами, чтобы такие орды называть танковыми группами. И пусть не клеветают продажные гитлеровцы, что Красная Армия копировала эту организацию. Нечего тут копировать. Ничего подобного этому позору в Красной Армии никогда не было.

Вот вам и разница: советские генералы понимали, что такое маневренная война, потому советские механизированные корпуса 1941 года, а впоследствии танковые армии – это однородные соединения. Они состояли только из подвижных войск: танковых, мотострелковых, артиллерийских на механической тяге. Были среди них укомплектованные и неукомплектованные (как, впрочем, и у немцев), но никто не додумался разбавлять советские механизированные и танковые корпуса стрелковыми дивизиями.

- 4 -

Пехотные соединения германских танковых групп передвигались так же, как египетская пехота четыре тысячи лет назад, – ножками. Давно известно, что скорость эскадры ограничена скоростью самого тихоходного корабля в ее составе. Скорость подвижной группы ограничена скоростью самого неповоротливого ее подразделения. Суммарная скорость так называемых немецких танковых групп не могла быть выше скорости пехотных дивизий, которые входили в их состав. Чем в стратегическом плане отличался этот так называемый блицкриг от действий ассирийской, карфагенской, римской, спартанской или македонской пехоты?

О каком блицкриге речь, если командующий танковой группой двинул танки вперед, в оперативную глубину, а позади пылит пехота и скрипят осями телеги пехотных обозов? И командующий танковой группой, тот же Гот или Клейст, вынужден одновременно управлять и «подвижными» соединениями, и пехотой, которая просто не способна все время бежать за танками. И куда это они с таким блицкригом намеревались добежать?

- 5 -

Это мы говорим о четырех танковых группах – «подвижных» германских группировках. Вся остальная армия была малоподвижной.

Вся остальная германская армия не имела НИ ОДНОЙ моторизованной дивизии – все так называемые моторизованные дивизии были включены в состав танковых групп.

Вся остальная германская армия не имела НИ ОДНОЙ кавалерийской дивизии. Единственная кавалерийская дивизия была включена во 2-ю танковую группу Гудериана.

Во всей остальной германской армии, действовавшей против Советского Союза, не было НИ ЕДИНОГО танка. Все 3410 были разделены между четырьмя танковыми группами.

Вся остальная германская армия на Восточном фронте – это пехота, пехота, пехота и 750 тысяч лошадей в обозах. Вот генерал-полковник Лотар Рендулич описывает свою 20-ю горную армию: «За исключением транспортных тыловых частей, армия состояла сплошь из пеших войск – 200 тысяч солдат и 70 тысяч лошадей» (Управление войсками. С, 60).

Однажды журнал «Шпигель» (1996. No 6) поместил статью, в которой, мягко говоря, не лучшим образом отозвался о моей книге «День М». Статью для наглядности усилили снимками глубокомысленного Гитлера, склонившегося над картой, а также финских лыжников, которые показали всему миру, «насколько слаба Красная Армия». А в начале статьи – на разворот – огромная фотография смеющихся германских солдат. И эта одна фотография сказала больше правды о войне, чем вся статья и множество таких же статей и целые библиотеки книг. На фотографии – 1941 год, блицкриг, германские солдаты идут по советской земле. Их много. Все – пешком. У них – ни одного автомата. Вооружение – винтовки образца 1898 года и несколько пулеметов. А на втором плане – телеги, телеги, телеги. Вот это и есть блицкриг. Если хочется посмеяться, найдите тот журнал – фотография на страницах 100-101.

Нам рисуют Сталина, «который верил сплетням и непроверенным слухам», который боялся смотреть правде в глаза, который отказывался видеть «сотни танковых дивизий, готовых к нападению на его страну». Между тем Сталин отказывался видеть «сотни танковых дивизий» не потому, что их боялся, а потому, что их просто не было. «Сотни танковых дивизий» придумал

Ярон Лондон. При всем своем фанфаронстве, ни Гитлер, ни Геббельс не похвалялись тем, что у них есть «сотни танковых дивизий». Ярон Лондон добавил им недостающее. Между тем разоблачить выдумки Ярона Лондона весьма просто. У Гитлера против Советского Союза было 3410 танков. Если представить, что у Гитлера только одна сотня танковых дивизий, то получится, что в каждой дивизии по 34 танка. Это не дивизии, не бригады и даже не полки. Это батальоны. А если представить, что танковых дивизий у Гитлера не одна сотня, а несколько сотен, тогда эти «дивизии» превратятся в роты и взводы.

Печально то, что представления о гитлеровской мощи и сталинской слабости укоренились настолько прочно, что заявления о том, что у Гитлера были «сотни танковых дивизий» никого не удивляют и никого не возмущают. Никто этих безответственных болтунов не останавливает и не спрашивает о мотивах их поведения. Никто им не задаст вопроса: а откуда у вас эти симпатии к Гитлеру?

- 6 -

Только движение приносит победу. Это сказал Гудериан. За две тысячи лет до него это же самое изрек один весьма мудрый китаец. Блицкриг – маневренная война. Основа германской маневренности во Второй мировой войне – пара лошадей, впряженных в телегу. И тут мы должны сказать правду хотя бы самим себе. Если дело обстояло так, то блицкриг был невозможен. Допустим: так называемые германские танковые дивизии ушли вперед, но без пехоты и артиллерии они беззащитны и бесполезны. Потому они вынуждены остановиться и ждать, пока подойдут пехота и артиллерия. А это уже не блицкриг.

И если конягу сделали ключевой фигурой блицкрига, то следовало иметь лошадей в достатке.

Гальдер, 17 сентября 1941 года: «Положение с конским составом. Рейхсмаршал не разрешил более вывозить из Германии ни одной лошади».

Рейхсмаршал – это Геринг. Он командовал авиацией. А заодно и всеми лошадьми. Он повелел: лошадей из Германии не вывозить, и – конец блицкригу. Но винить толстого в данном случае нельзя. Без лошадей замирала вся хозяйственная жизнь Германии. Отдай лошадей на проведение блицкрига, и это будет самоубийством, но только с другого конца – наступит крах экономики. В Германии мало бензина. Практически все отдано армии, авиации и флоту. Отдай в армию еще и лошадей и голода не миновать, и промышленность остановится.

Генерал-майор Мюллер-Гиллебранд: «Поскольку потребность в лошадях также нельзя было удовлетворить, то нельзя было восстановить подвижность войск за счет использования конной тяги» (Т. 3. с. 67).

- 7 -

Первая мировая война поставила перед всеми воюющими армиями почти неразрешимую задачу: если противник встал в глухую оборону, то как прорвать его фронт?

Британская армия эту задачу в ходе Первой мировой войны решить не сумела. Французская – тоже. Прорыв стратегического фронта был впервые осуществлен русским генералом А. А. Брусиловым в мае 1916 года. А попытки германской армии прорвать стратегический фронт к успеху не привели. Самое успешное германское наступление в марте 1918 года завершилось тем, что фронт удалось не прорвать, а выгнуть в сторону противника.

После Первой мировой войны во многих странах развернулось строительство долговременных оборонительных полос с применением броневой стали и фортификационного железобетона. Такие полосы возводили на своих границах Германия, Франция, Финляндия, Чехословакия, Бельгия, Маньчжурия, Голландия... Командование Красной Армии весьма четко понимало: наносить удар на огромную глубину – дело нужное, важное, эффективное. Но для этого прежде всего надо прорвать фронт противника. Вопрос встал вот какой. Оборона в Первой мировой войне – это траншеи в грязи, колючая проволока, пулеметы и блиндажи в три наката. И это практически непробиваемо, не прогрызаемо. Брусиловский прорыв – исключение, а не правило. В новой войне ко всему этому оборона будет усилена железобетонными казематами, противотанковыми рвами, бетонированными перекрытыми окопами, стальными ежами, сваренными из

рельсов, бетонными тетраэдрами, эскарпами и контрэскарпами, стальными, бетонными и гранитными надолбами, противотанковой артиллерией, бескрайними минными полями. Красивое дело – блицкриг. Да только как через такую оборону вырваться на простор?

Вот и еще разница: теория и практика советской глубокой операции состояла из двух частей – прорыв и действия в глубине. Немецкий блицкриг – это действия в глубине. Теория прорыва в Германии не разрабатывалась, и проблема прорыва не ставилась. Считалось, что прорыв может быть осуществлен в случае достижения внезапности. Сравнить это можно вот с чем. Советские теоретики и практики считали, что нужно уметь взломать сейф и его обчистить. А германские считали, что надо уметь обчистить. Но как в него попасть? Ответ: нахрапом, внезапным нападением, когда сейф не заперт.

Германский подход срабатывал в начальном периоде войны, если противник не стоял в глухой обороне, если удавалось застать его врасплох. Но если противник переходил к обороне и относился к ней серьезно (например, Красная Армия на Курской дуге), то немецкая военная машина буксовала. Танки сами по себе прорвать оборону не могут. Танк вооружен пушкой. У пушки настильная траектория. Пушечный снаряд летит над окопами и траншеями, а мы пригнем головы. Вот и все. Танки при прорыве глубокоэшелонированной обороны уязвимы. Это работа не для них.

Массированные удары авиации помогали танкам прорваться, когда оборона противника была слабой или ее не было вовсе. Но когда перед танками минные поля километрами и полосы траншей десятками одна за другой, когда в окопах ждет противотанковая артиллерия, то прорыв танковой массы невозможен. Этого немцы не осознали даже после войны.

Непонимание важности прорыва влекло за собой последствия.

Главным инструментом прорыва обороны в Красной Армии была признана полевая артиллерия. Прежде всего – гаубичная. Гаубица в сравнении с пушкой при том же весе имеет меньшую начальную скорость снаряда и меньшую дальность стрельбы. Зато ее снаряды более мощные и траектория навесная, что и требуется для стрельбы по зарывшемуся в землю противнику. Артиллерией Красной Армии долгие годы руководил Маршал Советского Союза Григорий Иванович Кулик. В пору его руководства были созданы лучшие в мире артиллерийские системы, прежде всего – гаубицы. Выпущены они были в количествах, превосходящих всю полевую артиллерию остального мира. Для их обеспечения были возведены самые мощные заводы боеприпасов.

Нас приучили Григория Ивановича Кулика считать идиотом. Мы не гордые: пусть будет идиотом.

А у Гитлера таких идиотов не нашлось. Там – одни гении. Потому в области полевой артиллерии не было сделано ничего. А как оборону без гаубиц проламывать? Ответ стандартный: авось сама как-нибудь проломается.

Вдобавок к гаубичной артиллерии в Красной Армии было разработано принципиально новое оружие – реактивные установки залпового огня. Если мы будем проламывать оборону противника днями, неделями и месяцами, то противник к участку прорыва подтянет новые силы и позади участка прорыва создаст новую оборонительную полосу. Поэтому было очень важно иметь такую систему оружия, которая позволяла бы в короткие промежутки времени, в минуты, нанести мощное огневое поражение противнику. Таким оружием и стали БМ-13 «Катюши». Первоначально эти установки разрабатывались для того, чтобы в короткие промежутки времени заражать большие участки местности отравляющими веществами. Приказ на разработку не только химических, но еще и осколочно-фугасных и зажигательных снарядов для БМ-13 отдал Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов. Нас учили и Ворошилова считать идиотом. Что ж, будем действовать в соответствии с учением. А у немцев идиота, равного Ворошилову, не нашлось. Потому немецкие гении никакой «Катюши» не придумали.

По взглядам командования Красной Армии, после артиллерийской подготовки огромной мощи оборону противника взламывает пехота. Для этого было решено разработать и дать советской пехоте собственные танки. Каждая советская стрелковая дивизия имела собственный танковый батальон Т-26. Нас приучили над этим танком смеяться. Но у немецкой пехоты собственного танка не было. У нас – плохой. А у них – никакого.

И вот это воинство решило сотворить блицкриг, не имея на то соответствующего инструмента. Сталин знал, что Германия имеет слишком мало танков, что все германские танки уста-

ревшие и изношенные. Из этого он делал правильный вывод: с такой неготовой к войне армией начинать войну нельзя.

Защитники Гитлера говорят, что действительно танков у Гитлера было мало и все они были устаревшими. Однако, возражают они, не на танки гитлеровские стратеги делали ставку в молниеносной войне, а на телеги. Немецкая же телега, утверждают они, была лучшей в мире. Можно ли с этим спорить? Я с этим не спорю. У меня другое возражение: если даже немецкие телеги и были лучшими в мире, то их было совершенно недостаточно для осуществления молниеносной войны. Поэтому германская армия была вынуждена использовать для блицкрига не только немецкие телеги, но и мобилизовать их со всей покоренной Европы. Дневник Гальдера, запись 2 мая 1941 года: «Распределение крестьянских подвод, прибывших из генерал-губернаторства. Примерно по 200 подвод на дивизию». Генерал-губернаторство – это оккупированная немцами Польша. У польских мужиков отняли телеги всех видов, всех размеров, возрастов и расцветок. Своих (лучших в мире) телег было недостаточно, потому сто семь германских пехотных дивизий перед началом блицкрига в Советском Союзе были пополнены телегами, конфискованными в Польше, Словакии, Бельгии, Голландии, Сербии и Франции.

Сталин не учел одной вещи: действия дурака предсказать нельзя.

Дурак непредсказуем.

- 8 -

Некоторым не нравится история такой, какая она есть. Пошла мода историю переписывать. В пользу Гитлера. Пример с «сотнями танковых дивизий» – только один из множества. Если этим вымыслом верить, то Сталин выглядит полным идиотом. Но если вспомнить действительное положение вещей, то поведение Сталина понятно: перед ним орды пехоты с телегами и лошадьми, а среди них – кое-где мелькают устаревшие танки в удивительно малых количествах. Если смотреть правде в глаза, то идиотами надо считать Гитлера и его доблестных стратегов. Они мечтали о блицкриге, как импотенты об изнасиловании. Но для любого дела требуется соответствующий инструмент.

ГЛАВА 20. ПРО БОЕВОЙ ОПЫТ.

Фюрер высказал ряд мыслей, в серьезности и последовательности которых я сомневаюсь.
Генерал-полковник Ф. Гальдер. Военный дневник. Запись 30 августа 1941 года.

- 1 -

Мало иметь инструмент. Надо уметь им работать. Нужен опыт. В 1941 году боевой опыт Красной Армии в ведении современной войны резко превосходил опыт германской армии. На это защитники Гитлера презрительно отвечают: подумаешь, боевой опыт! Это не играет никакой роли!

А некоторые гитлеровские горлопаны идут дальше: они утверждают, что в 1941 году армия Гитлера по боевому опыту почти равнялась Красной Армии. Жуков Георгий Константинович договорился до того, что германская армия на 22 июня 1941 года якобы имела почти два года опыта ведения современной войны.

Такие заявления почему-то никто не разоблачает.

Давайте разберемся. 1939 год. Война против Польши. Польша уже практически окружена германскими войсками с трех сторон. С четвертой – Красная Армия и НКВД в готовности ударить топором в спину Польше и беспощадно истреблять ее граждан, Польша отрезана от всего мира, и ждать ей помощи неоткуда. Обещания Британии и Франции – болтовня. Представьте: мы – на ярко освещенной арене цирка и нас мало. Вокруг наши враги. Они сильны, и их много. Организовать круговую оборону невозможно, да это и противоречит элементарным принципам стратегии, ибо тот, кто обороняет все, не обороняет ничего. И как бы польское командование ни расположило свои дивизии, всегда была возможность ударить им в тыл. На языке моего хулиганского отрочества такая ситуация называлась пятым углом. Один в кругу, вокруг – озверевшая

кодла. Оружие разное, самое ходовое – цепь с висячим замком на конце и заточенная велосипедная спица. В какую бы сторону тот в кругу ни развернулся, ему все равно достанется звенящей цепью между ушей. И в задницу ему спицы воткнут. Хорошо, когда не в печень.

В принципе Сталину и Гитлеру в Польше никакой блицкриг и не требовался. Можно было просто перекрыть все каналы снабжения, удавить польскую экономику и разделить страну на зоны оккупации.

Но Гитлеру надо было продемонстрировать мощь. А Сталину надо было, чтобы Гитлер вляпался в грязное дело. В сентябре 1939 года сложились просто великолепные условия для проведения молниеносной войны Германией. Сплошная оборона польской армии по периметру страны была невозможна. «Польша, к ее несчастью, являлась идеальным местом для демонстрации таких действий. Ее граница с Германией тянулась на две тысячи километров; после оккупации немцами Чехословакии германо-польская граница увеличилась еще на 800 километров. В результате этого южный фланг Польши, как и северный, примыкавший к Восточной Пруссии, оказался неприкрытым. Таким образом, Западная Польша представляла собой обширный выступ, охваченный с трех сторон немецкой территорией» (Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий. с. 314). Германской армии не надо было прорывать оборону. Впереди – ровная местность, идеально подходящая для наступления и совершенно непригодная для обороны. Через Польшу течет Висла. Но ее форсировать не надо. Войска Гитлера находились по обе стороны Вислы и шли к ней с разных сторон. Других серьезных водных преград нет. Удар по Варшаве можно наносить с любой стороны. От границы основной территории Германии до Варшавы – 230 километров. От границы Восточной Пруссии до Варшавы – 110 километров. Это означает, что базы снабжения переносить не надо. Можно снабжать войска со стационарных складов мирного времени. Никакие сотни тысяч тонн боеприпасов, горюче-смазочных материалов и прочих предметов снабжения не требуется никуда перемещать. В принципе рывок к Варшаве можно совершить без дозаправки танков. Заправились в Германии – и вперед! Обороняются-то впереди нет. Она невозможна. И не надо разворачивать полевых госпиталей, можно раненых вывозить в стационарные госпитали мирного времени. Авиацию также никуда перебазировать не придется – она ведет боевые действия со своих постоянных аэродромов. И командные пункты с узлами связи остаются на месте в подземных бункерах. Вперед можно выдвинуть только небольшие оперативные группы управления.

Война началась 1 сентября 1939 года. Весь блицкриг – одна неделя. Через неделю начались бои за Варшаву. Это уже не блицкриг. Это штурм города продолжительностью в три недели. И вот эту бандитскую расправу гитлеровские агитаторы возвели в ранг выдающейся стратегической операции: Германия, мол, постигла принципы ведения современной войны!

Однако не все шло так гладко, как это сейчас представляется. Об этом не было принято говорить: а ведь германский блицкриг в Польше провалился. 15 сентября 1939 года, через две недели после начала Второй мировой войны, резко снизилась активность германской авиации и началась массовая остановка германских танковых и автомобильных колонн. Мне посчастливилось беседовать с польскими военными историками, которые показывали совершенно потрясающие документы: в германской армии иссяк бензин. Я не вхожу подробно в этот вопрос потому, что в Польше над этой темой давно и упорно работают мои польские коллеги, которым я всей душой желаю успеха. Считаю, что разработка этой темы открывает нам совершенно новую перспективу на всю Вторую мировую войну: вторжение Красной Армии в Польшу 17 сентября 1939 года – это сталинская рука помощи бесноватому другу. Без этого весь блицкриг захлебнулся бы еще на второй неделе войны.

Перед тем как иссяк бензин, в германских военно-воздушных силах случился другой конфуз: «За первые 14 дней войны с Польшей немецкая бомбардировочная авиация истратила весь запас бомб» (Г. Керль. В сб. «Итоги второй мировой войны». с. 364). Они готовились покорить Европу и мир, а у них кончились бомбы уже в Польше. Вот это и есть уровень стратегического планирования, их готовность к мировой войне. Вот это их уровень понимания современной войны.

И пусть не рассказывают наши заслуженные мемуаристы, что Красная Армия вошла в Польшу из-за страха, как бы германская армия сразу не пошла походом на Москву. Не было у Гитлера таких сил. И если бы он пошел на Москву в октябре 1939 года, то с его доблестной армией случилось бы именно то, что случилось в октябре 41-го: она бы увязла в грязи. Красная

Армия шла в Польшу по другой причине: как бы гитлеровский блицкриг не застопорился. А он уже тормозился. Представьте ситуацию: стоят все немецкие танки и машины, не летают самолеты. Лошадей в германской армии много, правда, это обозные лошади, а не кавалерийские. Вот в этой ситуации польская кавалерия могла показать, что значит преимущество в стратегической мобильности... Но Гитлера снова спас товарищ Сталин.

- 2 -

С точки зрения большой стратегии операция в Польше – это полный провал Гитлера и его генералов. Это первый акт самоубийства гитлеровской Германии: вступили в войну, имея одного противника – Польшу, а через месяц блистательно завершили войну, имея врагами Британию, Францию, Индию, Австралию, Новую Зеландию, ЮАР, Канаду и потенциально – США. Войну против всех этих стран блицкригом выиграть нельзя, а других вариантов у Гитлера не было...

В результате блицкрига в Польше у Гитлера появилась общая граница с «нейтральным» Советским Союзом. Согласитесь: в обстановке войны против всех Гитлеру лучше бы иметь границу с Польшей, чем с Советским Союзом. От товарища Сталина можно было ожидать чего угодно...

И еще: а ведь Польша отнюдь не была разгромлена блицкригом. Немедленно после падения правительства в Варшаве было создано Польское правительство в Лондоне, которое было признано большинством стран мира и Лигой Наций. По давней польской традиции на оккупированной территории Польши возникли подпольное государство и тайное подпольное местное самоуправление. И возродились вооруженные силы. По самым осторожным оценкам, Армия Крайова насчитывала 350 тысяч солдат и офицеров, спаянных железной дисциплиной, хорошо подготовленных, организованных и вооруженных. Кроме того, поляки воевали против Гитлера на всех фронтах: в Британии, Франции, Италии, Африке, Голландии и Советском Союзе. Начиная с 1939 года численность польских формирований, воевавших против Гитлера, постоянно находилась на уровне миллиона человек. Блицкриг начался в 1939 году в Польше, а завершился в 1945 году штурмом Берлина, в котором принимали участие 1-я и 2-я армии Войска Польского.

- 3 -

В октябре 1939 года германские и советские дивизии в Польше прекратили боевые действия. На оккупированных территориях Польши работали гитлеровские и сталинские палачи и каратели, шли массовые чистки с уничтожением тысяч людей. Но это уже не из области боевого опыта. Эти действия не могли дать Вермахту дополнительного опыта ведения современной войны. А на Западе – «странная война», т.е. никакой войны. Всю осень и зиму германская армия и армии западных союзников простояли друг против друга, не предпринимая ничего.

В апреле 1940 года германская армия захватила Данию и Норвегию. Захватила быстро. Но считать это блицкригом нельзя. Тут не было использовано сколько-нибудь значительного количества танков, артиллерии и авиации. В смысле развития военного искусства эти операции не дали ничего нового.

10 мая 1940 года начинается настоящая война против Франции. Германские войска нанесли массированный удар через Арденнские горы в обход «линии Мажино». 20 мая германские танковые колонны вышли к Па-де-Кале. Операция блистательна в замысле и исполнении. Германские генералы нашли слабое место в обороне противника и двинули вперед танковые дивизии, которые стремительно вышли к морю. «Немецкий танковый поток промчался в обход громоздких скоплений союзников» (Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий. с. 307).

Все это великолепно. Но это только 300 километров пути и десять дней боевых действий. Никакого особого опыта войска от таких действий не получают. Войска идут в колоннах. Каждый танковый экипаж видит перед собой только корму танка, который идет впереди. Никому, до командиров батальонов и полков включительно, ни о чем думать не надо, не надо принимать никаких решений: только держи скорость и дистанцию. Выход к морю означал поражение западных союзников. После этого германские танковые дивизии были повернуты на юг и совершили бросок, некоторые – 400 километров, а некоторые – 500. В принципе им уже никто не мешал.

Гитлеровские генералы действовали выше похвал. «И все-таки именно французское вер-

ховное командование в наибольшей степени способствовало успеху Гитлера... Французские военачальники, привыкшие к медлительным методам времен Первой мировой войны, оказались морально неспособными справиться с танковым прорывом. И это обстоятельство парализовало все их действия» (Лиддел Гарт. Вторая мировая война. с. 78-81).

С точки зрения большой стратегии молниеносный разгром Франции был еще одним позорным провалом Гитлера и его генералов. Самым тупым курсантам-первокурсникам известны слова Клаузевица: «ЛЮБОЕ НАСТУПЛЕНИЕ, КОТОРОЕ НЕ ВЕДЕТ К МИРУ, КОНЧАЕТСЯ ОБОРОНОЙ».

Гитлеру противостояла коалиция Британии и Франции. Францию разгромили, но Британия расположена на неприступных островах. «К моменту падения Франции немецкая армия совершенно не была готова к вторжению в Англию» (Лиддел Гарт. Вторая мировая война. с. 95). Францию разгромили молниеносным ударом, но война все равно становится затяжной. Потому неправомерно использовать сам термин «молниеносная война». Война с самого начала, с 3 сентября 1939 года, стала затяжной и иной быть не могла. Надо говорить не про блицкриг, а про отдельные блиц-операции.

Я утверждаю: разгром Франции – это не блицкриг. Это – эпизод. Это короткая красивая операция в ходе длительной войны на истощение.

- 4 -

После разгрома Франции война на континенте снова утихла. Продолжалась война на море против Британии. Но ничего нового в действии флотов не было. Через океан шли конвои, подводные лодки топили транспортные корабли, а надводные боевые корабли охотились за подводными лодками, линкоры гонялись за линкорами... Все это никак не могло прибавить боевого опыта немецким танкистам, пехоте, артиллеристам, мотоциклистам, велосипедистам, саперам, войсковым разведчикам, погонщикам гужевых обозов.

Продолжалась также воздушная война против Британии: бомбардировщики бомбили города, заводы, порты и аэродромы, а истребители их отгоняли. Ничего нового и революционного в этих действиях не было. Эти действия давали опыт летчикам, но никак не обогащали теорию блицкрига, ибо авиация действовала самостоятельно, а германские сухопутные войска бездействовали. И если эти налеты и воздушные бои продолжались месяц за месяцем, то никакой это уже не блицкриг. Точно такой же опыт имели и сотни советских летчиков, которые воевали в Испании и Китае: долгие месяцы воздушных боев, удары по городам, коммуникациям, аэродромам...

Так кто же придумал глупость, что германская армия вступила на советскую территорию, имея двухлетний опыт ведения современной войны? Я насчитал 17 дней: 7 – в Польше и 10 – во Франции.

В апреле 1941 года последовало вторжение в Югославию и Грецию. Тут все прошло быстро и успешно. Как введение советских войск в Афганистан: прошли через всю страну без сопротивления и расположились гарнизонами. А потом понемногу началось... Победа на Балканах была хуже поражения. Блицкриг обернулся затяжной войной. В этой войне возможность победы Германии (как и на других фронтах) равнялась нулю.

- 5 -

О том, что в 1941 году германская армия уже имела два года опыта ведения современной войны, я узнал в 1961 году. В те дальние, почти былинные, времена вышел первый том «Истории Великой Отечественной войны». Мне было 14 лет. Смотрю, стоит в библиотеке тяжеловесный том в 530 больших страниц. Никто его не читает. А я решил.

Вообще-то я хотел только картинки посмотреть. Раскрыл том где-то на середине. Страница 200. А тут цветная карта: «Война Германии против Польши. 1 сентября – 5 октября 1939 г.». Том и распахнулся именно тут потому, что цветная карта вклеена.

Красивая карта. Красочная. Смотрю в карту – и ничего не понимаю: проклятые немцы захватили только половину Польши, а вторая половина осталась нетронутой: Вильно, Гродно, Барановичи, Пинск, Луцк, Ровно, Львов, Тернополь, Станислав... Отчего же немцы вторую поло-

вину не тронули? И отчего поляки с этой второй половины по немцам не ударили? Вспоминаю: так в ту же восточную часть Польши Красная Армия вошла, 17 сентября 1939 года. Отчего же на карте не показаны действия Красной Армии? Почему бы не показать: вот с севера, с запада, с юга – синие немецкие стрелы. А с востока – красные советские? Но нет на карте моей любимой армии-освободительницы. Выходит, в западной части Польши действовала германская армия с 1 сентября по 5 октября, а в это время в восточной части Польши вообще ничего не происходило...

Эге, думаю, эту книжку надо читать. И очень внимательно. Читаю: «В поражении Польши в сентябре 1939 года сыграло свою роль предательское поведение правящих кругов Англии и Франции по отношению к польскому народу... Определенную роль в поражении Польши сыграли и США, которые ничего не сделали для обуздания фашистских агрессоров» (С. 211).

Красная Армия вместе с гитлеровцами терзала Польшу, снабжала их горюче-смазочными материалами, немецкие бомбардировщики использовали наши радиомаяки в Минске, потом победители провели совместный советско-фашистский парад в Бресте... А виновата во всем Америка, которая агрессора не обуздала.

Со следующей страницы начинается глава о «странной войне» в Западной Европе. Вместо того чтобы помочь Польше и разгромить Германию, французские дивизии бездействовали, никакой войны на Западе не было. И доказательств – на много страниц: «Война была объявлена, а активных действий не велось...». И вопиющие примеры того, как французские офицеры получали нагоняй за перестрелки, которые иногда возникали по недоразумению. Для наглядности даны фотографии: французский генерал раздает солдатам футбольные мячи...

Читаю дальше. Вот гитлеровцы начали тайную подготовку к нападению на Советский Союз: «Немецко-фашистская армия, заблаговременно отмобилизованная и всесторонне оснащенная военной техникой, обладала почти двухлетним опытом ведения крупных боевых операций» (с. 387).

Вот такая у нас история. Сначала нам рассказывают, что французская армия играла в мячики и никакой войны на Западе не было, потом французская армия из-за тупости военного командования и предательства политического руководства была разгромлена за десять дней. А через 176 страниц в той же книге те же люди нам рассказывают, что у германской армии было почти два года опыта ведения современных боевых операций. Против кого?

Против французов, которые военных действий не вели?

Могла ли германская армия набраться боевого опыта за время «странной войны», пока французы играли в мячики?

- 6 -

А теперь вспомним об опыте, которого так не хватало германской армии.

Командование Красной Армии уделяло огромное внимание вопросам прорыва обороны. В Красной Армии они были отработаны теоретически и многократно проверены на учениях. Красная Армия имела специальные виды оружия для такого рода боевых действий: 120-мм минометы, 203-мм гаубицы Б-4 с фугасными и бетонобойными снарядами весом по 100 кг каждый. Красная Армия, единственная в мире, имела специальные танки прорыва Т-28, Т-35, КВ и КВ-2.

Кроме того, Красная Армия в 1939 году получила уникальный и бесценный опыт прорыва мощной полевой обороны японской армии в Монголии и долговременной оборонительной полосы в Финляндии. В то время ни одна армия мира такого опыта не имела. Из полученного опыта были сделаны правильные выводы: вопросам прорыва надо уделять еще больше внимания и создать еще более совершенные образцы вооружения специально для прорыва обороны.

Опыт Халхин-Гола показал: если противник прочно зарылся в землю, то авиация не способна проломить такую оборону, даже при плотности бомбометания 80 тонн на квадратный километр. Нужна артиллерия. Она и так у нас была самой мощной в мире, но с сентября 1939 года началось развертывание все новых и новых артиллерийских полков, а также строительство новых заводов боеприпасов.

Германская армия никакого внимания вопросам прорыва не уделяла. Считалось (ошибочно), что оборону могут сокрушить авиация и массированная атака легких танков. И опыта прорыва обороны германская армия не имела: в Польше оборону не надо было прорывать, так как

оборонять 2800 километров границ было просто невозможно. Во Франции германская армия обошла французскую оборону стороной...

Последствия: германская армия могла вести наступательные операции только тогда, когда Красная Армия не оборонялась, только тогда, когда Красная Армия наступала или готовилась к наступлению. Примеры: летом 1941 года – на всем советско-германском фронте; в сентябре – под Киевом, так как там не было сплошного фронта; весной 1942 года против войск Крымского фронта, которые готовились к переходу в наступление; в тот же момент – под Харьковом против наступающих советских войск; против 2-й ударной армии Власова, которая успешно наступала, в то время как ее соседи и наступающие навстречу войска были остановлены и своих задач не выполнили.

Но как только Красная Армия становилась в оборону, германская армия эту оборону прорвать не могла. Примеры: под Тулой, Москвой и Ленинградом – в 1941 году, под Сталинградом – в 1942-м, под Курском – в 1943-м. У германской армии не было теории, не было опыта, не было специального оружия прорыва.

Зачем вам опыт блицкрига, если ваши танки не могут прорваться через фронт противника?

- 7 -

Красная Армия не готовилась воевать зимой. Но в Финляндии получила бесценный опыт ведения наступательных операций одновременно несколькими армиями против сверхмощной обороны противника при очень сильных морозах и глубоком снежном покрове.

Опыт был исключительно важным и уникальным. Ни одна армия мира такого опыта не имела ни до того, ни после. Руководством Советского Союза и командованием Красной Армии были сделаны правильные выводы, недостатки устранены быстро и решительно. Учитывая наш климат и привычку народа к таким погодным условиям, внедрить этот опыт было легко, его внедрили и правильно использовали. Никакого опыта зимней войны германская армия не имела и иметь не желала. Этот опыт и не нужен, если весь год – сплошное лето. А если нет, тогда как?

На последствиях недостатка такого опыта я не останавливаюсь.

Бонапарт учил: прежде чем воевать, надо научиться снабжать армию. Сам он снабжать не научился, потому его кавалеристы по дороге из Москвы ели собственных лошадей.

У Гитлера проблемы со снабжением начались не при отходе, а еще на пути к Москве. Даже очень небольшое количество танков германское командование не смогло обеспечить всем необходимым для ведения боевых действий. Удивительно: в Польше у них кончились бензин и бомбы, ну так в следующий раз запасите их в достатке. Тем более что перед вами – Советский Союз, страна не самая маленькая. Ничего подобного. У них и в Советском Союзе те же проблемы: нехватка бензина, бомб и снарядов.

Командование Красной Армии уделяло первостепенное внимание вопросам снабжения войск. Впервые теория глубокой операции была изложена в книгах Владимира Триандафиллова «Размах операций современных армий» и «Характер операций современных армий», опубликованных в 1926 и 1929 годах. Найдите эти книги и почитайте их. Выкладки Триандафиллова просты, логичны, лаконичны и прекрасны, как теоремы в геометрии. И главный упор – на снабжение войск.

Триандафиллов рассчитывает операции исходя прежде всего из возможностей доставить наступающим войскам нужное количество боеприпасов, топлива, продовольствия, запасных частей, инженерного, медицинского и другого имущества. Он рассчитывает степень трудности подачи сотен тысяч тонн предметов снабжения в ситуациях, когда миллионные армии стремительно уходят вперед в условиях массового разрушения противником мостов, дорог и населенных пунктов.

Кстати, рождение теории глубокой операции коммунисты приписывали Тухачевскому. Но в трудах Тухачевского никаких теорий не содержится. А Триандафиллов писал свои книги, не опираясь на опыт и знания Тухачевского, а опровергая их и низвергая. Триандафиллов, не называя Тухачевского по имени, зло и едко высмеял «таранную стратегию» и показал, что разгром под Варшавой был не случайным. Использование методов Тухачевского автоматически вело к катастрофе, и если бы от них не отказались, то война против Германии была бы проиграна, так же как война против Польши в 1920 году.

После таких откровений Триандафиллов не мог долго оставаться в живых. Он погиб в странной авиационной катастрофе, и уши Тухачевского были видны всем современникам даже за дымящимися обломками самолета.

Но сейчас – не это наша тема.

Мы о снабжении. Командование Красной Армии не только понимало первостепенную важность этой проблемы, но и имело опять же уникальный опыт тылового обеспечения войск в экстремальных условиях. 1939 год. Халхин-Гол. Группировка советских войск составляет 57 тысяч человек. 500 танков, 500 орудий, почти 400 бронемашин. А также – артиллерийские тягачи, автомашины и пр. Если подвозить все необходимое со складов Забайкальского военного округа, то это полторы тысячи километров. Но в Забайкалье не все есть. Если везти с заводов и центральных складов – тогда путь 7-8 тысяч километров. Последний участок железнодорожного пути имеет очень небольшую пропускную способность и обрывается в глухой степи. Дальше – 650-700 километров – на машинах. Основная машина того времени – полуторка. Один рейс с возвращением

– 1300-1400 километров по бездорожью. Если все хорошо, то машина проходит это расстояние и возвращается за пять суток. Испепеляющая жара. Пыль. Воды нет. Люди обойдутся, но вода нужна в радиаторы. Везти войскам надо вообще все, даже дрова для полевых кухонь. Износ техники колоссальный. Расход топлива – тоже. Машину в пути надо заправлять несколько раз. Вот она доставила свой груз на Халхин-Гол, и ей надо возвращаться. Ее снова надо заправлять. Получалось, что, возвращаясь, машины увозят то, что только что сами доставили.

И вот сюда на машинах надо доставить 25 тысяч тонн боеприпасов, 15 тысяч тонн горюче-смазочных материалов, 4 тысячи тонн продовольствия, 7 тысяч тонн топлива и множество других грузов.

Все это было доставлено так, что противник не заподозрил подготовки к внезапному сокрушительному удару. После такой операции советское командование весьма четко представляло себе значение снабжения в войне.

Но это еще не все. Через три месяца советское командование получило куда более суровый и необходимый опыт: снабжение одновременно шести армий и двух флотов в экстремальных условиях полярной зимы. Все базы снабжения на одной железнодорожной линии, забитой грузами. От станций снабжения до войск иногда 200-300 километров скалистой тундры. К концу февраля 1940 года в составе шести советских армий, которые вели боевые действия против Финляндии, было 760 578 солдат и офицеров (Гриф секретности снят. с. 96).

Всех их надо было обувать, одевать, кормить, снабжать патронами, снарядами и всем прочим. В это число не входят два флота, войска НКВД, а также все те, кто уже убит, ранен, попал в плен. Таким образом, тыловые органы Красной Армии прямо накануне войны с Германией получили опыт снабжения миллионной армии в обстановке войны и полярной зимы.

Ничего равного этому опыту германская армия не имела. Никто не задумывался над вопросом о том, как же обеспечивать миллионные армии, которые вторгнутся в Советский Союз. Проблемы возникли сразу же. Снабжение германских войск на тактическом уровне осуществлялось автомашинами и гужевым транспортом. Однако подать сотни тысяч и миллионы тонн грузов хотя бы на одну тысячу километров способен только железнодорожный транспорт. Германские паровозы к нашим условиям не подходили: из-за слабой теплоизоляции котла на морозе в них замерзала вода, из-за повышенной хладноломкости металла он ломался.

В любом случае, даже если бы Красную Армию разбили в три месяца, оккупационные войска в России надо было бы снабжать. Тем подвижным железнодорожным составом, которым Гитлер располагал в 1941 году, это сделать было невозможно.

Но и до зимы возникли непреодолимые проблемы с транспортом. Запас воды и угля в немецких паровозах был рассчитан на короткие европейские перегоны, а на наших просторах их локомотивы от одной станции до другой не дотягивали. Кроме всего, на нашем угле работать они не могли, их рассчитывали на высококалорийные угли, потому размеры топки были нормальными, а тут требовались размеры топки огромные. Было еще множество других проблем, которые не позволяли обеспечивать наступающие войска всем необходимым даже в самых лучших условиях погоды, и даже тогда, когда подавать грузы требовалось на очень короткое расстояние.

Дневник Гальдера, 25 июля 1941 года: «Количество железнодорожных эшелонов до сих

пор не соответствует требованиям, предъявляемым крупной наступательной операцией... Даже если работа железных дорог улучшится, проблема снабжения будет доставлять нам серьезные неприятности. В особенности это касается предстоящего наступления 3-й танковой группы в северо-восточном направлении на Валдайскую возвышенность. Организация снабжения в этом случае будет почти неразрешимой проблемой».

Легко стрелки на карте рисовать, если не думать о том, как все это обеспечить. Но ведь и стрелки надо уметь рисовать. Ничего более дикого, чем гитлеровская директива на проведение операции «Барбаросса», в истории человечества не было.

Гитлеровские стратеги разделили свои силы на три примерно равные части и пустили их в разные стороны, не поставив конкретных задач. Одна группа армий – на север, вторая – на восток, третья – на юг.

Представьте ротного командира, который послал три своих взвода по трем расходящимся направлениям без четко сформулированной задачи... Когда советские разведчики смотрели этот план, они не могли поверить такому идиотизму. И Сталин в это не мог поверить. Советские разведчики считали немецких генералов умными людьми и предполагали, что те будут совершать только обдуманные поступки.

Но безграмотные германские генералы принимали дурацкие решения, которые ставили в тупик и Сталина, и его разведку. Гитлеровцы и сами это признают: «Разделение сил между тремя примерно равными группами армий, которые должны продвигаться по расходящимся направлениям в глубь территории России, не имея ясной оперативной цели, с точки зрения военного специалиста, не могло казаться правильным». Это написал генерал-полковник Г. Гудериан (Воспоминания солдата. с. 192).

Сам он считает это решение, мягко говоря, неправильным. Тогда возникает вопрос: а почему молчал, когда ему приказали выполнять дурацкий приказ, который не мог привести к победе? Почему он не проявил принципиальности и не сказал своим начальникам, что план «Барбаросса» идиотский? И если Гудериан считал план войны против Советского Союза неправильным, как могли советские военные специалисты всерьез принимать то, что сами германские стратеги всерьез не принимали?

Защитники гитлеровской мудрости твердят, что германские генералы знали, как надо воевать.

А у меня свое мнение: если они знали, как надо воевать, то следовало войну выиграть. Они сами выбирали время, место и способ боевых действий, но почему-то их блицкриг растянулся на шесть лет. В результате их понимания Германия завершила войну в дымящихся руинах, а ее доблестные стратеги подписали акт о безоговорочной капитуляции.

Они списали идею Триандафиллова, но главного не поняли.

А главное состоит в том, что против Советского Союза блицкриг был невозможен.

ГЛАВА 21 ЕСЛИ БЫ НЕ ЗИМА!

Будущий историк придет к заключению, что если учитывать военную обстановку, то нападение на Россию было политической ошибкой и что поэтому все военные усилия с самого начала были обречены на провал.

Генерал-полковник Герман Гот. Танковые операции. с. 163

- 1 -

Хрущевско-жуковско-гитлеровские выдумки про «неготовность» Советского Союза к войне даже не нужно опровергать. Если Советский Союз был к войне не готов, то Гитлеру следовало Сталина поймать и повесить на Троицкой башне Кремля. А вместе с ним следовало развесить на зубцах кремлевских стен всю сталинскую номенклатуру, как Петр вешал стрельцов: что ни зубец – то и стрелец. Если, как нас уверяют марксисты и гитлеровцы, страна была к войне не готова, то следовало загнать население Советского Союза в трудовые армии и заставить работать на Германию.

Почему же гитлеровцы не поймали Сталина и не повесили? Почему гитлеровцы не прошли парадным маршем по Москве? В чем дело? Если страна к войне не готова, так берите же ее! Рвите на части!

В ответ на это гитлеровцы слегка примолкали, но быстро находили лазейку: во всем виновата зима! Во всем виноваты огромные просторы, неисчерпаемые людские ресурсы Советского Союза, ужасное бездорожье и не менее ужасный климат. Если бы не грязь, не мороз, не снег, уж мы бы!.. Если бы не было зимы, то Гитлер бы вас... Хо-хо!

Еще во время войны министерство Геббельса заполонило страницы газет и журналов тысячами фотографий: немецкие машины увязают в русской грязи, погонщик хлещет плетью несчастную лошадь, которой не вытянуть телегу из жидкого месива, метель заносит танки метровым слоем снега, снежный вихрь рвет летнюю пилотку с головы бедного немецкого солдата.

Главный принцип пропаганды – наглядность. Потому подручные Геббельса демонстрировали обалдевшим тыловым бюргерам километры хроники: грязь, грязь, грязь, непролазная грязь, бескрайние поля, беспредельные равнины, снег, поземка, и ураганный ветер сбивает солдата с ног. (Съемки на аэродроме. За кадром – трехмоторный Ю-52 помогает стихии, добавляя пропеллерами ветра и драматизма ситуации.) После разгрома и падения гитлеровской Германии недобитые гитлеровцы решили: погиб наш Геббельс, но песня его не умрет. И завывали волчьим воем: ах, если бы не зима... К фокусам геббельсовской пропаганды после войны добавились документы германских штабов и генеральские мемуары с описаниями ужасов русской зимы, непроходимой грязи и невообразимого бездорожья.

Казалось бы, задача историков-марксистов в том, чтобы дать отпор этим вымыслам, чтобы никому неповадно было повторять доводы гитлеровских трепачей. Красная пропаганда должна была раз и навсегда разоблачить выдумки гитлеровцев. Но нет. Историки-марксисты не только не дали отпора, но подключились к нацистскому хору. Марксистские пропагандисты объявили, что Ваньки-дураки были глупы и неполноценны, к войне совершенно не готовы, и вовсе не они победили Гитлера, это пространство победило, просторы бескрайние, грязь и зима.

Спрашивается: зачем коммунистам нацистские вымыслы повторять? Ответ простой: им нужно доказать, что Советский Союз не мог совершить вторжение в Европу. Им надо слабость продемонстрировать. Вот и повторяют они сплетни о советской неготовности и отсталости: мол, армия у Сталина была хилая, командиры глупые, зима и мороз – единственная наша защита. Вот ария из этой оперы: «Артиллерийские орудия, мотоциклы, грузовики и даже танки застревают в непролазной грязи, колеса самолетов увязали в грунте полевых аэродромов, недопустимо сократился подвоз на фронт боеприпасов, горючего и продовольствия. На смену необычно дождливой осени пришла неожиданно ранняя зима. Когда в ноябре землю сковал мороз, многие пушки и транспортные средства так и остались там, где засели в грязи несколькими неделями раньше». Так описывает причины поражения Германии защитник Гитлера Иосиф Косинский в газете «Новое русское слово» (1990. 20 мая).

Косинскому подпевают М. Штейнберг, Ю. Финкельштейн, Л. Квальвассер, Л. Розенберг и еще целая орава.

Старая песня. Но не Косинский и Штейнберг первыми ее запели, не они придумали слова про бескрайние пространства и плохую погоду. И даже не Геббельс. Автор песни – бесноватый придурок. Первоисточник: «Застольные разговоры Гитлера». Запись 29 апреля 1942 года: «Той зимой, когда Наполеон уходил из России, самая низкая температура была минус 25 градусов, этой же зимой она достигла минус 52 градусов по Цельсию».

Так что, товарищи Косинский и Штейнберг, не возомните себя авторами: вот, мол, мы новую теорию выдвинули. Вы даже не соавторы гитлеровской песни. Вы только ее исполнители, вы – гитлеровские подпевалы. Вы рассказываете басни, которые до вас рассказывал бесноватый.

Жаль, что много у Гитлера подпевал нашлось. Совместный напор марксистской и гитлеровской пропаганды оказался столь мощным, что вслед за марксистами и гитлеровцами легенды о морозе и зиме, о бездорожье и огромных пространствах стали повторять люди вполне умные, далекие от пропаганды Геббельса. Неудивительно, что на вопрос о причинах поражения Гитлера современные германские школьники стопроцентно отвечают: зима, мороз и пространство.

Да что там школьники. Я лекции британским офицерам читаю, а мне – гитлеровский аргумент: если бы не такие пространства, так Гитлер бы вас... Ну разве не так? Ведь действительно в России бескрайние пространства, бездорожье, зима, снег и мороз. Ну согласись же!

И я вынужден согласиться. Правильно, говорю, господа. Так оно и было. Если бы не зима, если бы не мороз, если бы не такие пространства, так Гитлер разгромил бы Красную Армию и захватил Советский Союз.

На такие слова зал отвечает одобрительным ропотом. А я продолжаю: если так, то давайте согласимся и с другим допущением. Если бы Британия была не на островах, если бы не была прикрыта противотанковым рвом под названием Ла-Манш, то Гитлер бы и Британию придушил.

Это заявление гордые британцы воспринимают как национальное оскорбление. Но и мне злости не занимать: если бы в африканской пустыне не было песка и жары, если бы под Средиземным морем был тоннель для снабжения германских войск топливом и боеприпасами, то Гитлер вышиб бы британскую армию из Ливии и Египта и захватил Африку. А если бы Америка была не за океаном, а в Европе, под боком у Гитлера, и если бы Америка была маленькой страной, размером с Бельгию, то Гитлер и Америку раздавил бы. Без проблем. А если бы в Антарктиде был климат, как во Франции, то Гитлер там бы устроил для своих гениальных генералов курорты под пальмами.

Таким образом я могу выиграть любую войну: вот если бы во Вьетнаме не было джунглей, рисовых полей и болот, если бы Советский Союз не снабжал коммунистов автоматами АК-47 и патронами, если бы не давал танки Т-54, истребители МиГ-21 и зенитные ракеты С-75, то тогда Америка вышла бы победителем. А если бы в Афгане не было гор да народ помягче, то тогда...

Используя этот метод, я могу изогнуть историю в любом удобном для меня направлении и совершить все, что в голову взбредет: если бы на пути «Титаника» не плавал айсберг, так он бы с триумфом дошел до Нью-Йорка, побив рекорд скорости. Если бы Ла-Манш был шириной с бассейн в моем клубе да подогревался, так я бы каждый день через Ла-Манш плавал. А если бы Эверест был высотой метров десять и был бы он не черт знает где, а в моем саду, так я бы каждый день на Эверест взбегал. По три раза. Для здоровья.

Легко завоевать мир, если бы все было так, как нам хочется. Но в том-то и проблема, что в Афгане горы, во Вьетнаме джунгли, в Финляндии снег, в России грязь... И когда гитлеровские прихвостни рассказывают про грязь и снег, мы спросим: а знал ли Гитлер об этом до нападения? Вопли про грязь, снег и пространства как раз и служат доказательством умственной неполноценности всяких манштейнов, гудерианов и всех прочих гитлеровских стратегов. Войну в России проиграл германский школьный учитель. Надо было на уроках истории объяснить: деточки, не лезьте туда. Многие до вас лезли и поломали шеи. Всем Россия кажется рыхлой, аморфной, глупой и пьяной. Не обольщайтесь. А на уроках географии следовало объяснить, что Россия – большая страна, намного больше Греции, что климат там не очень мягкий, что иногда бывает мороз, что дороги несколько отличаются от германских. Но никто этого немецким деточкам не объяснил, и выросли из них генералы-придурки, которые вообще ничего не понимали, которые представления не имели ни о размерах России, ни о ее природных условиях.

Мудрый китаец Сунь-Цзы две тысячи лет назад учил, что подготовка войны начинается с изучения территорий, на которых предстоит действовать, надо знать все о местности, на которой собираешься воевать, надо знать про ветер и дождь, про источники воды, про мосты и дороги, реки и острова, города и деревни, про восходы и закаты, приливы и отливы, про горы, пустыни и перевалы. Когда гитлеровцы вопят про мороз и снег, они тем самым сообщают миру, что ничего об этом не знали. Они кричат об ужасных пространствах, признавая то, что понятия не имели о размерах Советского Союза. Тут и германской разведке счет пора выставить. Перед войной следовало в Россию заслать одного шпиона с задачей определить, велика ли Россия или она нечто вроде Люксембурга? Следовало определить, бывает в России мороз или не бывает? Было это сделано? Куда, простите, немецкая разведка смотрела и что докладывала? Выполнила ли она свои задачи? Согласен, немецкие стратеги были кретинами, пещерный уровень германских генералов известен всему миру, они никогда нигде не учились, они ничего не знали про наш климат и наши дороги, но ведь разведка должна была все предупредить. Не пора ли посмеяться над великими немецкими разведчиками?

Вопросы Штейнбергу, Косинскому, Городецкому и другим певцам германской мудрости: знали ли Гитлер, его гениальные генералы и вездесущая германская разведка о том, что Россия –

это большая страна? Если знали, то какие меры были приняты, чтобы победить бескрайние пространства, ужасающее бездорожье, грязь, снег и мороз? Никаких мер никто не принимал.

Допустим, я – Ванька-взводный, полез вперед, не разведав местности, и утопил танки в болоте. Кто виноват, я или болото? Кого следует расстрелять, меня или болото? Допустим, ротный Петька полез в горы, а веревки забыл. Кого тащить в трибунал за срыв операции, Петьку-дурака или горный массив? Если мы с вами, Иосиф Косинский и Марк Штейнберг, пошли в Сахару, не захватив с собой воды, кого надо винить, нас, дураков, или бедную Сахару?

Если бесноватый вознамерился переплыть Ла-Манш, но по немощи своей не переплыл, то виноват ли в этом Ла-Манш? Если фюрер полез на Эверест без веревок и ледоруба, то виноват ли Эверест в том, что высок и скользок? Если Гитлер вознамерился покорить бесконечную Россию, в которой, мягко говоря, зверский климат, то следовало создавать боевую технику, соответствующую реально существующим условиям, и строить танки, которые могли бы действовать в таких условиях... Или в такую страну вообще не лезть... И если действительно во всем виноваты наша осень и наша зима, то надо было осень расстрелять, а зиму повесить.

Германские танки создавались специально для парадов, так следовало их лишь на парадах и применять. Если они хороши в курортном климате Франции и только летом, то необходимо было их против Франции использовать. Если они для русских дорог не годятся, то и жили бы с Россией в мире. Раз уж Германия к войне не готова, то надо было Московский пакт с Молотовым не подписывать и в войну не лезть. Кто Гитлера за хвост в Россию тянул? Он же сам выбирал и место, и время, и способ действий. Бесноватый полез в Россию, не захватив теплых кальсон, так кто же в этом виноват, сам недоумок и его гениальные полководцы или Россия виновата?

Нам говорят: вот если бы Россия была поменьше... Это воровской прием. Почему ни один наемный историк-гитлеровец не использует этот прием против Америки и Британии: вот была бы Америка поменьше, так он бы вас... Когда кричит Косинский про танки, которые увязали в грязи, я советую вспомнить, какая у немецких танков была удельная мощность и каково удельное давление на грунт. Лучший немецкий танк 1941 года Т-IIIА имел 0,94 кг на каждый квадратный сантиметр опорной поверхности. Почти килограмм! На квадратный сантиметр! Конечно, он провалится в грязь. А удельная мощность у него всего только 13,9 л.с. на тонну веса. Это не удельная мощь, а удельная немощь. Остальные германские танки были еще хуже. Эти танки делали дураки ради показухи. Это типичная немецкая халтура. На таких танках можно было воевать только в опереточной войне против французских, британских и американских танков. Для настоящей войны они не годились.

Эти танки не соответствовали ни уровню нашего танкостроения, ни природным условиям, в которые бесноватый их бросил. И вот нам объявляют, что во всем грязь виновата. У гитлеровцев сознание, как у пьяного агронома: крыша течет – осень виновата, картошка в поле померзла – виновата зима.

Самый «мудрый» из германских фельдмаршалов Эрих фон Манштейн постоянно жалуется в своих мемуарах (Утерянные победы. М.: АСТ, 1999) на «местность, не приспособленную для действий танковых войск». Я думал, опять наши переводчики напутали, но в английском переводе и в немецком оригинале один и тот же смысл: местность непригодная...

Доля правды в этом есть, местность и вправду не самая лучшая, но кто под кого должен приспособливаться: полярный исследователь под Антарктиду или Антарктида под исследователя? Альпинист под Эверест или Эверест под альпиниста? Глупая русская местность не приспособилась под мудрейшего Манштейна, и потому он, бедный, потерял все победы. А если бы местность приспособилась, уж он бы показал образцы полководческого гения. И тысячи глоток прославляют гениального Манштейна: о великий, о мудрейший!

А между тем танки были впервые использованы 15 сентября 1916 года. Уже самый первый бой показал, что танки можно использовать только на доступной для них местности. А ведь это было во Франции и, повторяю, в сентябре. После того первого боя в штабах стали выделять на картах участки местности, на которых танкам лучше не появляться. Это и должно было быть сделано перед нападением на Советский Союз, германская разведка должна была составить карты и огромными красными пятнами на этих картах выделить «местности, не приспособленные для действия танковых войск». Мудрейшим Манштейнам следовало взглянуть на такие карты и присвистнуть: да как же я там воевать буду?

- 3 -

В Германии, на границе с Францией, примерно в тех районах, где в 1916 году впервые были применены танки, осенью 1939 года Манштейн готовил новое вторжение. В своих воспоминаниях он описывает непролазную французскую грязь, французский мороз и снегопад. Гитлер требовал от своих генералов готовности к сокрушению Франции, а те отвечали: погода не та. «Генерал Шперрле заявил, что его соединения не могут стартовать с размытых дождями аэродромов» (Манштейн. с. 90).

Вот она, немецкая готовность к войне. Это речь об аэродромах не на каких-то завоеванных варварских территориях России. Речь о стационарных аэродромах в Германии вблизи французской границы.

Гитлер множество раз заявлял о том, что главный враг Германии – Франция. Об этом – вся его книга «Майн кампф». Об этом Гитлер не забыл и перед своей смертью. В своем политическом завещании он написал: «Франция продолжает быть смертельным врагом немецкого народа».

И вот вам картиночка. Гитлер пришел к власти под флагом борьбы против Версальского договора, т.е. против Франции, которая, по словам Гитлера, являлась единственным врагом Германии и лишала Германию права на существование. Коль так, будь готов к войне с этой проклятой Францией. Но на германской территории в приграничных с Францией районах аэродромы грунтовые: чуть дождик – летать невозможно. Гитлер ликвидировал безработицу тем, что безработных бросил на строительство автобанов. Отчего тех же безработных не бросить на бетонирование взлетных полос? Вместо сотни километров автобана забетонируй несколько десятков взлетно-посадочных полос, и сразу готовность к войне с Францией резко возрастет. Но никто в Германии об этом не позаботился, никто к войне не готовился. И вот в сентябре 1939 года Британия и Франция объявляют Германии войну, но боевых действий пока нет.

Казалось бы: Гитлер должен бетонировать взлетно-посадочные полосы! Рабсила дармовая – народу по концлагерям уже сидит достаточно. И трудовую повинность в Германии ввели – бросай молодых балбесов бетон укладывать. Но нет, ничего не делается: будет хорошая погода – сокрушим Францию. Не будет погоды – будем сидеть на раскисших аэродромах. Тут напрашивается вопрос: если бы Франция и Британия сами нанесли удар по Германии осенью 1939 года, что бы германская армия делала без авиационной поддержки?

Манштейн продолжает свои рассуждения о невозможности германского нападения на Францию осенью 1939 года: «Важнейшей причиной было время года. Осенью и зимой германская армия могла лишь в очень ограниченных масштабах использовать два своих главных козыря: подвижные танковые соединения и авиацию. Кроме того, непродолжительность дня в это время года, как правило, не допускает достижения в течение одного дня даже тактического успеха и тем самым мешает быстрому проведению операций» (Манштейн. с. 100).

«Как известно, Гитлер собирался вести наступление поздней осенью. Проливные дожди делали местность непроходимой, либо сильный мороз и снегопад ставили под вопрос возможность успешных действий танков и авиации... Когда штаб группы армий послал очередное донесение о том, что длительные дожди в настоящее время делают начало наступления невозможным, Гитлер послал к нам своего адъютанта Шмундта с заданием проверить состояние местности. Тут Хеннинг фон Тресков оказался как раз на месте. Он безжалостно таскал целый день своего бывшего товарища по полку, Шмундта, по почти непроходимым дорогам, по размякшим распаханым полям, мокрым лугам и скользким склонам гор, пока тот, совершенно обессилевший, вечером снова не появился в нашем штабе. С тех пор Гитлер отказался от подобного неуместного контроля наших донесений о погоде» (Манштейн. с. 75).

Все это – о подготовке к вторжению во Францию: зима, сильный мороз и снегопад, грязь, почти непроходимые дороги, дождь, размытые аэродромы, с которых не смогут взлететь самолеты... Манштейн пишет правду: во Франции действительно жуткая осень и невероятно свирепая зима. Каждый знает, какая там грязь, какой мороз, снегопады и как ужасно французское бездорожье. Воевать на таких танках, какие были у Гитлера, во Франции ни зимой, ни весной, ни осенью нельзя. Только летом.

Но неужто гениальные гитлеровские стратеги верили, что в России им будет лучше?

- 4 -

Теперь обратим внимание на время и место действия. Ноябрь 1939 года. Манштейн готовит вторжение во Францию. Но он пока еще в Германии. Германский штабной офицер целый день таскал гитлеровского адъютанта по ГЕРМАНСКОМУ бездорожью, по НЕМЕЦКОЙ грязи. Это делалось затем, чтобы убедить. Не адъютанта, а пославшего его Гитлера в простой мысли Манштейна: «Осенью и зимой германская армия могла лишь в очень ограниченных масштабах использовать два своих главных козыря: подвижные танковые соединения и авиацию».

Речь не о России! Никаких намеков на разработку планов против Советского Союза в ноябре 1939 года еще не было. Манштейн старался убедить Гитлера (и убедил!) в том, что германские танковые войска и авиация не способны действовать зимой и осенью на ГЕРМАНСКОМ бездорожье, в ГЕРМАНСКОЙ грязи, в ГЕРМАНСКОМ снегу.

Так стоит ли винить РУССКУЮ грязь и РУССКУЮ зиму в поражении Гитлера, если изнеженные германские танковые войска были не способны преодолеть даже немецкое бездорожье, если немецкий дождик делал их небоеспособными, если они не переносили даже немецких морозов? Германские войска были не готовы воевать в ужасающем климате Германии и Франции. Вот бы великим стратегам сравнить: пока мы сидим на границе с Францией и воевать тут не можем, Красная Армия взламывает неприступные укрепления в Финляндии. В том климате. А мы топчемся перед французской границей, потому что нам грязь и снегопады мешают. Так кто же из нас к войне готов, а кто нет? Но об этом никто не думает и никто над гитлеровцами не смеется...

И боевые действия Красной Армии в Финляндии Гитлера ничему не научили. Гитлер никаких уроков из той войны не сделал. Поэтому под Москвой он и вляпался в грязь и снег.

Гитлер полез в Россию, сломал шею и сгорел. Но никто умственные способности Гитлера и его генералов под вопрос не ставит, никто над ними не смеется.

Из боевых действий в Финляндии гитлеровские агитаторы делают вывод о неготовности Красной Армии к войне, они твердят про нашу глупость и обезглавленную армию. Ни Гитлер, ни Косинский, ни Штейнберг, ни примкнувшие к ним Палант с Финкельштейном не вспоминают о природных условиях, в которых воевала Красная Армия в Финляндии. Никаких скидок на природные условия нам никто не делает: природные условия роли не играют.

Но вот Гитлер увяз в снегах России. Вывод Косинских и Штейнбергов: Гитлер – мудрейший полководец, только, знаете ли, ему природные условия помешали. Ах, если бы не было природных условий!

А я напомним о природных условиях в Финляндии. «Деревья лесисто-скальной зоны растут на беспорядочных нагромождениях скальных обломков, часто достигающих высоты человеческого роста и выше. Во время первых рекогносцировок я иногда пытался сойти с дороги и проникнуть в лес, но это удавалось мне крайне редко. Чаще всего это можно было сделать только на четвереньках... Движение через скалы и между ними – дело крайне утомительное. Лишь в очень редких случаях их можно обойти. О движении машин, даже после вырубке деревьев, не может быть и речи. Не проходят там и вьючные животные... Передвижение и ведение боевых действий в построениях, обычных в нормальных условиях местности, здесь исключены. Район заболоченных лесов также густо покрыт деревьями. Передвигаться там еще труднее, чем по лесисто-скальной местности».

Я специально привожу впечатления о Финляндии не советского генерала, а германского. Генерал-полковник Лотар Рендулич в 1944 году воевал в тех краях против Красной Армии и поделился своими впечатлениями (Управление войсками. М.: Воениздат, 1974. с. 189). Вот в таких условиях однажды наступала Красная Армия и прорвала «линию Маннергейма». К таким природным условиям добавьте снежный покров, снайперов, мины и все прочее. К этому добавьте мороз. Правда, до минус 52 в Финляндии не доходило...

В феврале 1940 года Красная Армия прорвала даже теоретически непреодолимую «линию Маннергейма». А нам марксисты-гитлеровцы говорят: вот она – неготовность Красной Армии к войне, вот она – глупость Сталина.

В то же самое время германская армия просто отказывалась воевать во Франции. Немецкие генералы откровенно саботировали приказы высшего командования о наступлении по причине плохой погоды во Франции. «Тут, к счастью, вмешался бог погоды и вынудил к переносу этого

срока, который только до конца января 1940 года изменялся пятнадцать раз» (Манштейн. Утерянные победы. с. 95). Приказ о наступлении переносился множество раз и после января 1940 года. Германские генералы были не готовы воевать во Франции даже в апреле, потому как в апреле во Франции страшные холода.

И вот находятся люди, которые упрекают Красную Армию в неумении воевать зимой...

А в 1941 году Гитлер воевал под Москвой. Тут не было ни полярных морозов, ни снегов по горло, ни болот, и леса под Москвой – не карельские чащобы, и грунт – не трясина, и валуны путь не преграждают, и нет тысячи озер, рельеф под Москвой – мечта для наступающего: ни тебе каменистых речек, ни берегов крутизны отвесной. И советская оборона под Москвой – не «линия Маннергейма». Но Гитлер увяз.

Тут бы и объявить: любуйтесь, вот она – хваленая «готовность» Гитлера к войне, вот она – гитлеровская «мудрость». Но так историки-коммунисты не сказали. Логика: если Красной Армии трудно в Финляндии на полярном морозе воевать, значит, она к войне не готова, а если гитлеровским войскам трудно на мягком морозце воевать, значит, они к войне готовы, но только мороз им побеждать мешает.

В XIII веке на Русь пришли монголы, и погода им не помешала, и пространства им не были помехой, и климат оказался чудесным, и дороги были хорошими, ни мороз, ни грязь, ни снег, ни ветер им не стали преградой, и зима их не остановила. Для монголов местность оказалась приспособленной, это только под мудрейшего Манштейна она не приспособилась.

А ведь у Гитлера и его полководцев решение было. Если все дело в местности и погоде, то следовало сажать солдат не на танки, машины и мотоциклы, а на монгольских лошадок.

Было еще решение. Советские «ЗИС» и «ГАЗ», американские «студебеккер», «додж», «виллис» вполне для наших дорог годились. Если проблема только в дорогах, то проблему следовало предусмотреть заранее: с американцами не ссориться, а получить у них в качестве помощи 400 000 великолепных грузовиков, и тогда никаких проблем не возникло бы.

Или выпускать машины, хотя бы приблизительно равные по качеству советскому «ЗИС-5».

- 5 -

Теперь откроем служебный дневник генерал-полковника Гальдера. Он хвалился тем, что разгромил Советский Союз за 14 дней. Однако постепенно автор дневника начинает терять задор. Потом появляются записи о нехватке резервов, снарядов, топлива для танков и машин, запасных частей и пр. и пр. Фанфары более не гремят и не звенят победно колокола. Пошли записи об упорном сопротивлении Красной Армии, о внезапных контрударах, о мудрости и твердости советского военного руководства, о тяжелых невосполнимых потерях германских войск...

Запись в служебном дневнике Гальдера 10 августа 1941 года: «Этим попыткам противника измученная немецкая пехота не сможет противопоставить решительных наступательных действий... В данный момент наши войска сильно измотаны и несут большие потери».

11 августа 1941 года: «Войска измотаны. То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне. Командование обладает крайне ограниченными средствами... В сражение брошены наши последние силы».

Блицкриг захлебнулся уже в августе! Сил нет. Вот причина остановки. Они вынуждены перейти к обороне, т.е. к позиционной войне. И вот наглые гитлеровские агитаторы объявляют, что во всем виновата грязь в октябре. Нет, герр Косинский. Нет, герр Штейнберг. Ни при чем тут грязь в октябре. Надо было готовиться к войне настоящим образом и в августе вводить в сражение Второй стратегической эшелон германских войск. Почему его не ввели в сражение? Да просто потому, что его не было. Нечего было вводить в сражение.

Армия Гитлера была настолько слаба и в такой степени не готова к войне, что ровно через два месяца после ее начала встал вопрос не о наступлении, а о том, хватит ли сил на оборону. Кроме того, во главе этой армии стояли не самые умные люди.

Гальдер, 22 августа 1941 года: «Записка фюрера полна противоречий... Положение ОКХ стало нетерпимым из-за нападков и вмешательства фюрера. Никто другой не может нести ответственность за противоречивые приказы фюрера, кроме него самого... Во второй половине дня наши споры и дискуссии были прерваны телефонным разговором с фельдмаршалом фон Боком,

который вновь подчеркнул, что его войска на том рубеже, который был достигнут ими в расчете на наступление на Москву, не смогут обороняться в течение долгого времени».

Не о наступлении речь. Не о блицкриге. Не до жиру, как бы захваченное удержать.

5 сентября 1941 года: «Наши части сдали противнику дугу фронта под Ельней». На главном стратегическом направлении войны войска группы армий «Центр» не выдержали ударов 24-й армии и сдали плацдарм, который был необходим для удара на Москву.

- 6 -

Во всем виноваты зима, мороз, снег, грязь и пространства. Согласимся. Но в этом случае надо было просто уйти из этого проклятого места. Объявить войну 22 июня 1941 года и отойти к Берлину на линию Одера и Варты. Уйти туда, где нет снега, грязи и мороза, где нет этих бескрайних просторов, где есть прекрасные автострады, где мягкий климат. Вот там и разбить этих глупых низколобых Иванов. Зачем лезть туда, где грязь и холод?

Ну хорошо, поначалу свою неготовую к войне армию переоценили, лихо шли вперед, дошли до Смоленска и Орши, но вот кончается август, а за ним, как нас в школе учили, должен наступить сентябрь и все, что следует за сентябрем. И тут надо было гениальным гитлеровским стратегам думать головами: дальше-то что? В 1812 году войска Бонапарта попали под первый снег 13 октября. А до того была грязь. Из этого следовало и исходить.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский: «При здравой оценке создавшегося положения и в предвидении надвигающейся зимы у врага оставался только один выход – немедленный отход на большое расстояние» (ВИЖ. 1991. No 7. с. 9). Решение не лучшее, но другого не было. Вопрос: почему не отошли?

Ответ находим все в том же дневнике Гальдера. 13 сентября 1941 года появляется вот такая запись: «В настоящий момент нельзя предусмотреть, какое количество сил сможет быть высвобождено с Восточного фронта с наступлением зимы и какое потребуется для ведения операций в будущем году».

Заговорил – в будущем году! Нет еще морозов. Нет еще грязи. А они вспомнили про будущий год. А это ни много ни мало, а признание того малозаметного факта, что блицкриг кончился. До грязи. До снега. До мороза. Война уже превратилась в затяжную, т.е. для Германии гибельную. Потому не надо на грязь и мороз пенять.

Не менее важным является и замечание о том, что с началом зимы германские войска будут высвобождаться... Гениальные стратеги с Гитлером во главе думали так: ударит мороз – и Красная Армия разбежится. «Верховное командование было так уверено в успехе своей безумной затеи, что важнейшие отрасли военной промышленности уже осенью 1941 года были переключены на производство другой продукции. Думали даже с началом зимы вывести из России 60-80 дивизий, решив, что оставшихся дивизий будет достаточно для того, чтобы в течение зимы подавить Россию» (Гудериан. Воспоминания солдата. с. 206).

5 ноября 1941 года Гальдер пишет: «Положение может улучшиться только с наступлением морозов».

Вот как! Они ждали зимы, как спасения. 5 ноября 1941 года они уже в безвыходном положении. Последняя надежда гитлеровцев – на природные условия: вот ударят морозы – и мы сразу победим! А отсутствие мороза – оправдание: нет победы, потому как нет мороза.

Но вот ударил мороз, и это опять им оправдание: нет победы, потому что мороз мешает.

И пошли звонари трубить об ужасных условиях. И заговорил Гитлер про минус 52...

Удивляться есть чему: Гитлер врал про минус 52, а Косинский, Штейнберг, Палант, Лондон, Черняк, Финкельштейн, Городецкий его почему-то не разоблачают. Наоборот, поддакивают: действительно в России погода просто ужасная.

29 мая 1942 года Гитлер смотрит знаменитый советский фильм «Разгром немцев под Москвой». Фильм убеждающий и впечатляющий. В «Застольных разговорах» в этот день зафиксированы комментарии Гитлера: «Этой зимой на нашу долю выпали особенно тяжкие испытания еще и потому, что одежда наших солдат, уровень их оснащения и моторизации ни в коей мере не соответствовали условиям той зимы, когда температура понизилась до минус 50... Первые немецкие пленные, вот их уже толпы без шинелей, без перчаток, без зимней одежды, пританцовывающие от холода, с глубоко засунутыми в карманы руками, которые они время от времени

вынимали оттуда, чтобы растереть уши и нос!.. И наконец, потянулись бесконечной чередой обледенелые немецкие танки, цистерны, грузовики, орудия; все брошено потому, что Генеральный штаб сухопутных войск не заготовил в свое время запасы морозостойкого горючего и зимней одежды».

Слушайте, защитники Гитлера, что фюрер глаголит: не зима виновата, а неготовность к зиме. Себя бесноватый, понятно, виновным не считает, но своих генералов обвиняет: готовили блицкриг, но уровень моторизации войск совершенно неудовлетворительный. Готовили блицкриг на лето, но почему-то воевали зимой, не заготовив морозостойкого горючего и зимней одежды.

Эти откровения современным гитлеровцам весьма не нравятся. В своей защите нацизма они пошли дальше самого Гитлера. Гитлер обвиняет своих генералов в безалаберности, а наши умники их защищают: не виноваты гитлеровские стратеги, зима виновата! Товарищи дорогие, если ваши писания не бессовестная апологетика нацизма, то как их тогда назвать?

- 7 -

Самое интересное вот что: гитлеровцы полезли в 41-м году, обожглись морозом, зачем оставаться в этой ужасной стране на вторую зиму?

Так нет же, не ушел Гитлер. На следующий год – Сталинград. Москва 1941 года ничему Гитлера не научила. И под Сталинградом немецкие вояки снова остались без теплых кальсон. И вот нам снова рассказывают про мудрость германских генералов и ужасную русскую зиму, которая под гитлеровцев не приспособилась.

В 1941 году Гитлеру времени не хватило разбить Советский Союз, а чего ему не хватило в 1942-м?

Главный вопрос: какие выводы сделал Гитлер и его мудрейшие генералы из первой катастрофической зимы в Советском Союзе? В 1941 году никаких мер для обеспечения боевых действий зимой не было принято. А что было сделано для подготовки к новой зиме? Думал ли о ней Гитлер?

Он думал. И нашел гениальное решение. «Застольные разговоры», запись 5 апреля 1942 года: «В центральной полосе первым делом нужно засадить все бескрайние заболоченные земли камышом и т.д., чтобы с наступлением следующей зимы легче можно было перенести страшный русский холод».

Вот оно – решение! Пересидим следующую зиму на бескрайних заболоченных землях в камышах. Как тигры уссурийские.

Этот перл вполне в духе бетонных паровозов и собак в безвоздушном пространстве.

Но не будем смеяться. Плохое решение или хорошее, но оно найдено. Коль так, вызывай министра восточных территорий и ставь боевую задачу: сажать камыши на заболоченных землях. Советский Союз – страна не малая. Уже идет апрель 1942 года. Если отдать немедленно приказ сажать камыши, то и тогда успеют ли засадить болота на многих сотнях тысяч квадратных километров оккупированной территории? И где взять столько семян? И сколько людей на это потребуется? И успеют ли те камыши подняться до осени и защитить доблестных германских воинов от снега и мороза?

Я не определяю и не оцениваю глубину гитлеровского идиотизма. Речь о другом: нашел решение (пусть и трижды идиотское) – действуй. Но у Гитлера нет механизма исполнения его решений. Он брякнул нечто, его слова отозвались эхом под сводами бетонного бункера и затихли. Они вписаны секретаршами и историками-летописцами в толстые черные тетради, чернила высохли, и гитлеровские слова остались в тех тетрадях навеки, не вызвав никакого действия. Гитлер брякнул нечто. Произошло сотрясение воздуха. На этом подготовка к следующей зиме завершилась. Его слова – собачий брех в безвоздушном пространстве. Никто брешущего пса не слышит, никто не реагирует. После тех слов о новой зиме никто в Германии не вспомнил, пока 19 ноября 1942 года не пропела певчая сталинградская птичка – жареный петушок.

Вопрос всем защитникам Гитлера, всем, кто утверждает, что в поражении Германии виноваты зима, грязь, снег и мороз, а мудрейший Гитлер и его гениальные полководцы не виноваты: товарищи фашисты, а сами вы не пробовали по рекомендации вашего мудрейшего фюрера перезимовать хотя бы одну русскую зиму на болотистой местности в камышах?

ГЛАВА 22

КОГДА ГИТЛЕР ПРОИГРАЛ ВОЙНУ?

Сталин понимает, конечно, то, что понял даже экс-кайзер Вильгельм: что именно при затяжной войне Гитлер идет навстречу величайшей катастрофе.

Л. Троцкий. 11 сентября 1939 года. Бюллетень оппозиции. No 79-80. с. 181

- 1 -

Принято считать, что Германия была подготовлена к войне так слабо, что сумела в самых благоприятных условиях противостоять Советскому Союзу всего только пять с половиной месяцев. Германские войска вступили на советскую территорию 22 июня 1941 года, а 5 декабря началось советское контрнаступление под Москвой, это означало конец гитлеровской Германии. Конечно, после этого были еще Сталинград, Курск, была Белорусская стратегическая наступательная операция. Но все это – лишь новые удары по зверю, который был смертельно ранен под Москвой.

Именно этой точки зрения придерживаются многие гитлеровские генералы, например В. фон Меллентин: «Битва под Москвой была поворотным пунктом войны, начиная с этого момента победа для нас была уже недостижима» (Panzer Battles. p. 429).

Однако не является ли эта точка зрения чересчур оптимистичной? Могла ли не готовая к войне Германия продержаться пять с половиной месяцев против могущественной Красной Армии? Ясно, не могла. Она должна была проиграть войну гораздо раньше. И проиграла.

На этот счет есть более авторитетные мнения. 29 ноября 1941 года, еще до начала внезапного советского контрнаступления, когда германские генералы считали, что сил у Сталина больше нет, министр вооружения и боеприпасов Германии Ф. Тодт рекомендовал Гитлеру войну против Советского Союза прекратить. Тодт считал, что «в военном и экономическом отношении Германия войну уже проиграла» (K. Reinhardt. Die Wende vor Moskau. s. 184).

Так что Германия, по мнению министра вооружения и боеприпасов, сумела продержаться не пять с половиной месяцев, а пять месяцев и одну неделю.

Но Ф. Тодт видел ситуацию из далекого уютного Берлина. Смысл происходящего тут понимался не сразу. Фронтовики сообразили раньше него. Служебный дневник генерал-полковника Ф. Гальдера, запись 24 ноября 1941 года: «Подполковник Кальден (офицер связи при штабе 2-й танковой армии) доложил об обстановке и состоянии войск армии... Наступать дальше командование армии считает невозможным».

И вот еще запись в тот же день: «Генерал-полковник Фромм: обрисовал общее военно-экономическое положение. Падающая кривая! Он полагает, что необходимо перемирие».

Это заявлено через пять месяцев и два дня после вступления на советскую территорию: **НЕОБХОДИМО ПЕРЕМИРИЕ!**

- 2 -

Однако и эти оценки завышены.

Достаточно много весьма авторитетных германских генералов считают, что поражением Германии во Второй мировой войне следует считать дату 21 августа 1941 года. В этот день Гитлер отдал приказ временно отложить наступление на Москву, а вместо этого – нанести удар на юг с целью окружения советских войск под Киевом. Операция была проведена. В киевском котле немцы захватили 665 000 советских солдат и офицеров, 884 танка, 3178 орудий, сотни тысяч тонн боеприпасов, топлива, запасных частей и продовольствия. Однако победа под Киевом была тактической. Это для какой-нибудь армии, например для британской, которая в тот момент доблестно воевала в Африке против двух немецких дивизий, такие потери могли показаться высокими. Для Красной Армии такие потери неприятны, но переносимы. Это вынужден был признать и сам Гудериан: «Бои за Киев, несомненно, означали крупный тактический успех. Однако вопрос о том, имел ли этот тактический успех и крупное стратегическое значение, остается под

сомнением» (Воспоминания солдата. с. 305).

Действительно, немцы захватили пленных и трофеи. Но! Но потеряли целый месяц. И какой! Сентябрь. Последний месяц, в котором их не готовая к войне армия могла воевать в России. Дальше – октябрь и распутица, ноябрь и мороз. Бои за Киев (сколько бы гитлеровцы ни захватили пленных и трофеев) означали переход к затяжной войне, которая для Германии была губительной. Другими словами, решение Гитлера от 21 августа о повороте на Киев означало проигрыш в войне против Советского Союза.

И слышу голоса недобитых гитлеровцев: вот не повернул бы Гитлер на Киев...

Если бы не повернул, если бы шел прямо на Москву, то ничего от этого не изменилось бы. Все равно война становилась затяжной, а следовательно, для Германии смертельной.

И не могло это кончиться добром: бросить на Москву главные силы и снабжать их конными упряжками через никем не защищенные территории. Представим: войска германской группы армий «Центр» наносят удар на Москву. Фланги открыты. Тыл не прикрыт. Резервов нет. Снабжение наступающих германских войск возможно только по единственной весьма уязвимой и достаточно поврежденной железнодорожной линии Минск – Смоленск – Вязьма – Москва и гужевым транспортом.

С севера над этими никем не защищенными территориями, по которым бредут гужевые обозы, нависают войска советского Северо-Западного фронта численностью около полумиллиона солдат с сотнями танков и тысячами орудий. Сами они практически неуязвимы, так как находятся на непроходимых для немецких танков Валдайских высотах. Гальдер, запись 25 июля 1941 года: «Нам докладывают, что местность для нас непроходима, а противник оттуда постоянно ведет контратаки...».

С юга, из районов Киева, Конотопа, Брянска единственной линии снабжения и гужевым обозам угрожают войска советских Юго-Западного и Брянского фронтов, численностью более миллиона солдат с тысячько танков и пятью тысячами орудий.

В этих условиях рывок на Москву был рывком в мышеловку.

Если бы Гитлер пошел на Москву, оставив открытыми фланги, и проиграл, то недобитые гитлеровцы потом сказали бы: а ведь мы советовали идти на Киев и захватывать Украину.

Гитлер пошел на Киев, захватил Украину... и проиграл. Недобитые гитлеровцы говорят: а ведь мы советовали идти на Москву.

А между тем никакого выбора у Гитлера не было. И это сами гитлеровцы понимали вполне четко. Генерал-полковник Ф. Гальдер, запись в дневнике 7 августа 1941 года: «На вопрос о том, что должно быть нами захвачено: Москва или Украина или Москва и Украина, следует отвечать – и Москва, и Украина. Мы должны это сделать, ибо в противном случае мы не сможем разгромить противника до наступления осени».

Уже идет август. До сентября осталось три недели. Сама постановка вопроса в августе о том, куда идти, – свидетельство полного провала германской стратегии. Если идти на Москву, то до распутицы не будет захвачена Украина и тогда за Украину придется воевать осенью и зимой. Если идти на Украину, то до наступления распутицы не будет захвачена Москва. Тогда сражение за Москву падает на осень и зиму. Можно выбрать одно, можно другое – при любом выборе от грязи, мороза и снега им уже не уйти. В любом случае война уже получилась затяжной без перспективы германской победы. А ведь еще надо Ленинград захватить. Нельзя и Крым оставлять Сталину. Крым – это базы советской авиации для разгрома нефтяной промышленности Румынии. Гитлер и это понимал.

Гальдер, запись 22 августа: «Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и содействие финским войскам... Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии».

Перед ними множество стратегических целей, и все – первостепенные. Если не захватишь Крым – проиграешь войну. Не захватишь Ленинград – проиграешь войну. Не захватишь Донецкий бассейн – проиграешь войну. Не захватишь Кавказ – проиграешь войну. Не захватишь Москву – проиграешь войну. Постоянная гонка за множеством зайцев.

А если захватишь Москву, надо будет еще дойти до Казани, Куйбышева, Саратова и Астрахани. Еще надо на Волге аэродромы построить и задавить «последний промышленный район»

на Урале.

За оставшиеся три недели августа?

- 3 -

Мы можем сколько угодно спорить о том, что было бы, если главные силы германской армии не повернули в августе на Киев, а пошли на Москву. Однако сама постановка этого вопроса выдает полное военное невежество как некоторых знаменитых германских генералов, так и их защитников.

С доисторических времен известно, что географический пункт, каким бы важным он ни казался, не может являться целью операции. Такой целью может являться только армия противника. «Ни одна из войн, в том числе и Вторая мировая, не опровергли правильности основного принципа: целью стратегии должно являться уничтожение вооруженных сил противника. Этот принцип остается неизменным, он должен быть основным лейтмотивом для действий на войне» (Генерал-полковник Лотар Рендулич. Управление войсками. с. 37).

Разгромите вражескую армию, и тогда все ваше – и беззащитная столица противника, и его промышленность, и население.

А воевать против столицы противника – это идиотизм на уровне Бонапарта. Разгроми Кутузова – тогда Москва будет твоей. И Петербург тоже. Брать Москву, не уничтожив армию Кутузова, – это то же самое, что, бросив оружие, насиловать чужую жену, зная, что ее разъяренный супруг заряжает дробовик. Захватывать чужую столицу, не разгромив армию противника, – это глупость на уровне Тухачевского. Тот тоже рвался в Варшаву в 1920 году, понятия не имея, где находятся польские войска. Надо сначала найти армию противника, навязать ей сражение, разгромить, тогда столица сама падет к ногам победителя. А рваться в столицу противника, не разбив его армию, – то же самое, что забраться в сокровищницу султана и набивать мешки драгоценными камнями, зная, что где-то тут, за занавеской, спрятались лиловые нефы с секирами. Было бы умнее сначала с ними разобраться...

Тухачевский рвался в Варшаву, знал, что армия Пилсудского рядом, но не знал, где именно. Тухачевский эту опасность игнорировал. И получил удар сокрушительной силы в левый бок. Войска Тухачевского были разбиты, пленены и интернированы в Восточной Пруссии или позорно бежали. Сам Тухачевский спасся только потому, что трусливо прятался в Минске, когда его войска были под Варшавой.

Если бы гитлеровские войска шли на Москву, то получили бы из района Киева такой же удар, как Тухачевский под Варшавой, и тоже в левый бок, а еще и в правый – с Валдайских высот.

- 4 -

Казалось бы, о чем гитлеровцам спорить: на Москву идти или на Киев? Нужно просто действовать по плану. Что там в гитлеровских планах записано: прямо на Москву или повернуть на юг?

Раскопаем гитлеровскую директиву No 21 и обнаружим, что там на этот счет ничего не сказано. Перед войной ни Гитлер, ни его гениальные полководцы об этом просто не думали. Более того, они такую ситуацию начисто исключали. Вся гитлеровская директива о том, что «отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено». Предполагалось разгромить Красную Армию на Правобережной Украине, не допустив отхода за Днепр. А за Днепром, считалось, никаких советских войск нет и быть не может.

Ни Гитлер, ни его генералы, ни его разведка ничего не знали о семи армиях Второго стратегического эшелона Красной Армии, которые тайно сосредоточивались позади Первого стратегического эшелона. Они понятия не имели о том, что позади – еще и Третий стратегический эшелон. Они не принимали в расчет, что, помимо трех стратегических эшелонов, практически мгновенно могут быть созданы сотни новых дивизий, десятки корпусов и армий, что разбитые у границ армии могут быть столь же быстро восстановлены.

По гитлеровскому замыслу за Днепром советских войск не должно было бы быть, но они

там оказались. И в миллионных количествах. В августе 1941 года приграничные сражения завершились блистательными победами германской армии, но все равно война вышла на «широкие просторы русской территории», что гитлеровскими планами не предусматривалось. Проще говоря, уже в августе война пошла своим путем, совсем не тем, который намечался Гитлером в его директиве.

Но даже и это не главное. В августе непредусмотренный поворот на Киев был возможен, а вот движение на Москву в августе было невозможно. Просто из-за неготовности германской армии к войне. В середине августа топливо для танков и самолетов было на исходе. На короткий рывок 2-й танковой группы из-под Конотопа на Лохвицу и 1-й танковой группы из-под Кременчуга на ту же Лохвицу бензин был. А для движения на Москву всей германской армии бензина не было. И это зафиксировано в документах и даже в дневнике Гальдера. Запись 17 августа 1941 года: «Серьезность положения с горючим известна всем... Можно удовлетворить только самые насущные потребности. Проведение каких-либо новых операций, требующих больше горючего, невозможно».

Вот оно: невозможно! Не прошло и двух месяцев войны, а проведение крупных операций невозможно. Да как же они к войне готовились?!

Наступление на Москву – это сверхмощная операция. А захват Москвы – еще одна. Кое-как наскребли топливо для двух танковых групп, которые наносили удары в тыл киевской группировке советских войск. Но обеспечить всю германскую армию топливом для удара на Москву, для окружения Москвы, для ее захвата, для отражения возможных контрударов в августе было невозможно. Так что у Гитлера в августе 1941 года не было выбора: на Москву или на Киев. Было возможно только на Киев. На Москву керосину не хватило.

Таким образом, приказ Гитлера от 21 августа 1941 года о повороте на Киев ничего не решил. Поход на Москву при хорошей погоде из-за нехватки топлива был невозможен. А в октябре и далее он не мог быть успешным из-за погоды. Иными словами, уже 21 августа 1941 года Гитлеру надеяться было не на что.

Был бы в августе бензин, можно было бы рассуждать: на Москву или на Киев? Но бензина не было. Потому, если бы не повернули на Киев, то тогда все равно надо было остановиться и ждать, пока в Румынии накачают достаточно нефти, превратят ее в топливо для самолетов, танков и машин и доставят в районы Могилева – Витебска – Полоцка. А это могло случиться только в последней декаде сентября. Без этого поход на Москву невозможен. Поэтому нет смысла спорить о том, следовало ли в августе идти на Москву. Незачем спорить о том, чего не могло быть.

Проблемы с бензином возникли не 17 августа, а раньше. Запись в дневнике Гальдера 4 августа 1941 года: «Положение с горючим в данный момент не позволяет использовать моторизованные части для наступления в южном направлении. Для пополнения и отдыха танковых частей потребуется 14 дней».

Трудно понять, зачем пополнять танковые части, если раньше Гальдер писал в дневнике, что советские войска разбиты и не способны создать сплошной фронт. Вот запись 3 июля 1941 года: «Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней». Через месяц выясняется, что немецкие танкисты не могут дальше воевать, если им не дать 14 дней отдыха.

Они планировали блицкриг за три летних месяца. Но в августе им надо отдыхать...

И не только о бензине речь. Дневник Гальдера, запись 11 августа 1941 года: «Верховное командование очень ограничено в ресурсах... израсходованы наши последние силы...»

- 5 -

Они планировали блицкриг. Но у них кончились силы. Уже в первой половине августа. Еще не прошло и двух месяцев войны. Они только в Белоруссии и на Украине. Причем пока еще на Правобережной Украине. На территорию России они вступили на самый краешек. А у них уже израсходованы последние силы. Это ли не признание полного провала и поражения!

Провал блицкрига виден невооруженным глазом и до этой даты. Запись 5 августа: «Войска физически устали. Фюрер заявил (и это ему внушили мы, но закулисным образом), что нынешнее развитие ситуации приведет, как и в прошлую мировую войну, к стабилизации фронтов».

Днем раньше, 4 августа 1941 года, в Борисове, в штабе группы армий «Центр», состоялось

совещание высшего командного состава. Присутствовал Гитлер.

«Генерал-полковник Г. Гудериан: докладывает обстановку на фронте 2-й танковой группы, включая потребности восполнения потерь в офицерах, унтер-офицерах и солдатах, а также в технике. В случае подвоза необходимого количества новых двигателей можно на 70 процентов восстановить боеспособность танков для ведения глубоких операций, а в случае подвоза только запасных частей – лишь для ведения ограниченных операций.

Генерал-полковник Гот: докладывает обстановку на фронте 3-й танковой группы и особенно подчеркивает, что дальнейшие операции можно вести лишь с ограниченной целью, если не будут подвезены новые двигатели» (Совершенно секретно! Только для командования. М.: Наука. с. 303).

Вот она – готовность к войне. Они планировали блицкриг. Они дошли до Смоленска. Они прошли 670 километров по советской территории, и танковые двигатели больше не тянут. Понятно, танки на войне идут не по прямой линии. Это надо учитывать. Это называется коэффициентом маневра. У хороших командиров коэффициент маневра равен 1,3. Если коэффициент выше, значит, командиров надо снимать, судить, а на их место ставить грамотных людей. Блицкриг – это прорыв и стремительный бросок массы танков вперед к намеченной цели. Как бросок советских танковых бригад в тыл 6-й японской армии в августе 1939 года: никакого маневрирования! Как бросок германских танковых дивизий к морю в мае 1940 года. Как удар советских танковых корпусов под Сталинградом: опять же никакого маневрирования. Две танковые лавины на максимальной скорости рвутся навстречу друг другу, чтобы замкнуть кольцо окружения. Как удар 6-й гвардейской танковой армии в августе 1945 года: никаких маневров, вперед к океану!

Если основная масса германских танков бесполезно маневрировала, значит, это уже не блицкриг.

Ладно, добавим великим германским стратегам 300 километров на бесполезные маневры. Получается: на 4 августа 1941 года основная масса танков 2-й танковой группы Гудериана и 3-й танковой группы Гота прошли никак не больше 1000 километров. Если они шли со скоростью 25-30 километров, значит, расход моторесурсов на каждый танк – 30-40 моточасов. И вот после 30-40 часов движения немецким танковым двигателям уже не помогает ремонт. Танковые двигатели надо менять!

Да как же они, имея такую технику, могли мечтать о блицкриге! А красная пропаганда скалит зубы: Красная Армия была не готова к войне, советский БТ-7 имел ресурс всего только 700 моточасов, а Т-34 и того меньше – всего 500!

Поправим наших агитаторов: 500 и 700 – это на наших дорогах. На европейских автострадах этот ресурс был бы намного больше. Но вы на гениальных гитлеровских творцов блицкрига посмотрите. У них через 40 часов движения все танки встали. Как же они войну планировали? Учили ли их в школе арифметике? Проводили ли они самые элементарные расчеты? Перед ними страна в 10 000 километров с запада на восток. Они прошли 700 километров – и надо менять двигатели на танках. Но двигателей в запасе нет. О чем великие стратеги думали, как войну планировали? И о чем они думают теперь? Они требуют двигатели, Гитлер двигателей не дает. Не от хорошей жизни. Долго спорили, на чем-то сошлись: «После некоторых колебаний Гитлер обещал выделить на весь Восточный фронт 300 танковых двигателей – количество, которое меня нисколько не могло удовлетворить. В получении новых танков нам было вообще отказано» (Г. Гудериан. Воспоминания солдата. с. 256).

Ну хорошо, подвезут двигатели – они захватят еще 700 километров. А дальше что?

- 6 -

Вопрос о том, что германские танковые войска исчерпали свои наступательные возможности и не способны идти вперед, обсуждается в присутствии Гитлера 4 августа, но кризис возник раньше.

Гудериан пишет в конце июля: «В районе Ельни продолжались тяжелые бои, требовавшие большого расхода боеприпасов. Здесь был брошен в бой наш последний резерв – рота, охранявшая командный пункт нашей танковой группы» (Воспоминания солдата. с. 254).

Дневник Гальдера, запись 30 июля 1941 года: «На центральном участке фронта следует перейти к обороне. На рубеже озеро Ильмень – Холм – Торопец оставить только небольшие засло-

ны! Танковые войска следует отвести с фронта для ремонта и пополнения».

Танк создан таким образом, что ремонт практически любой сложности можно проводить в полевых условиях. Но германские танки были так слабы и изношены, а танковые дивизии понесли такие большие потери, что главную ударную силу Вермахта – 2-ю и 3-ю танковые группы – уже через пять недель войны пришлось выводить с фронта для пополнения и восстановления боеспособности, а на главном стратегическом направлении войны германские войска впервые в ходе Второй мировой войны вынужденно перешли к обороне.

Еще раньше, 25 июля, было принято решение об отправке в Германию на восстановление 17-й и 20-й танковых дивизий из состава 2-й и 3-й танковых групп. Они были настолько потрепаны, что простое пополнение и восстановление в прифронтовой полосе было невозможно. В тот же день в дневнике Гальдера появилась такая запись: «Мы должны отказаться от глубоких рейдов танковых войск. Надо использовать их в тактическом плане. Захватывать территорию по частям. Это утомительное дело. Однако только так можно разгромить живую силу противника».

Отказаться от глубоких рейдов танковых войск – это отказаться от блицкрига. Но другого решения нет. У Гитлера слишком мало танков. Если бы у него было хотя бы 30 тысяч танков, тогда меньшую часть, тысяч десять, можно было бросить на разгром окруженных группировок советских войск, а лучшую и большую часть танков использовать для нанесения стремительных ударов в глубину, т.е. для продолжения блицкрига. Но германские генералы вступили на советскую территорию почти без танков. Их было меньше четырех тысяч, т.е. весьма близко к нулю. В первые дни они охватили и окружили огромные массы советских войск. Теперь окруженные войска надо разгромить. Вот эта задача и ставится малочисленным германским танковым войскам. А продолжать блицкриг некому.

Гальдер в тот же день, 25 июля 1941 года, пишет о недостатке артиллерийских боеприпасов. И поясняет: «Для маневра нужно горючее, для позиционной войны – боеприпасы!»

Итак, германское командование через один месяц и три дня пришло к выводу, что глубокие танковые операции надо прекратить. Германское командование осознало, что блицкриг захлебнулся, и заговорило про позиционную войну, окопную. Про такую, как Первая мировая. Только для блицкрига у них нет горючего, а для позиционной войны – боеприпасов. Потому в сухом документе Генерального штаба столько эмоций и восклицательных знаков.

И вот современные гитлеровцы оправдывают доблестных германских стратегов: им погода в октябре помешала!

В начале июля они отказались от глубоких ударов. В конце июля они были вынуждены перейти к обороне. В первой декаде августа стояла чудесная погода, но они исчерпали последние силы, что и записано в их официальных служебных документах. Уже в середине августа они были вынуждены восстанавливать боеспособность своих потрепанных танковых дивизий. В сентябре они были не в силах не то что наступать, но и держать оборону. Они были выбиты с плацдарма под Оршей. А потом... объяснили свое поражение плохой погодой, которая была в октябре, ноябре и далее.

- 7 -

Причины провала, который постиг Гитлера в июле-августе 1941 года, надо искать в июне 1941 года. И мы находим их в книге генерала Гюнтера Блюментрита (Роковые решения. с. 65-67): «В течение 20-30-х годов Советы создали огромную армию, насчитывавшую в мирное время более миллиона человек, и постепенно увеличивали ее. Это предшествовало перевооружению Германии в 1935 году и поэтому не может рассматриваться как ответ на введение Гитлером всеобщей воинской повинности. Какова была цель создания такой огромной военной машины? Гитлер мог прийти только к одному заключению: Сталин намеревался завоевать всю Европу... Нападение на Россию Гитлер серьезно задумал летом 1940 года. Он хотел, во-первых, нанести удар по русским, прежде чем они успеют напасть на Германию... Приняв это роковое решение, Германия проиграла войну».

Есть и более ранние даты, и более правильные.

Министр вооружений и боеприпасов гитлеровской Германии Шпеер в своих мемуарах главы «Начало падения» открывает так: «Примерно в первых числах августа 1939 года...»

Вот это и было начало падения. В августе 1939 года Гитлер и Сталин руками Риббентропа

и Молотова подписали пакт о разделе Польши. Этот пакт неизбежно вел Гитлера в ситуацию, в которой он должен был вести затяжную войну, и это стало крушением. Кроме того, Германия вела эту войну сразу на несколько фронтов, что оказалось гибельно вдвойне. Все, что последовало после подписания пакта Молотова – Риббентропа, – это только детали, этапы пути Гитлера к самоубийству. Гитлер проиграл войну не в декабре 1941 года, не в августе и даже не в июне. Он проиграл в августе 1939 года.

Гитлер сел играть в карты со Сталиным и проиграл Германию, Европу и свою жизнь. В 1941 году Гитлер, сообразив, что нарвался на шулера, внезапно хрястнул Сталина канделябром. Этого Сталин не ожидал. Удар перенес болезненно. Но главное было уже сделано. Сталин уже давно все выиграл.

Правильно сказано: не садись с дьяволом кашу есть, у него ложка все равно длиннее.

ГЛАВА 23 КСТАТИ, О БАРАНАХ.

Насколько ничтожно большинство военных советников фюрера!
И. Геббельс. 13 марта 1945 г.1

– 1 –

Гитлеровский план разгрома Советского Союза настолько изящен и прост, что его можно выразить в двух словах: шапками закидаем!

Для осуществления столь блистательного замысла не хватало самой малости: шапок. Советская военная разведка об этом знала и делала правильный вывод: Германия к войне не готова.

Вывод о неготовности Германии к войне был многократно проверен. Советская военная разведка всегда держалась правильного принципа: добывать – из самых охраняемых сейфов, проверять – самым простым, даже примитивным способом. В Академии, которая и сейчас остается в непроницаемой тени, которая никогда нигде не упоминается ни по какому поводу, мне выпало изучать десятки способов элементарной проверки получаемых сведений. Вот один из них. Еще в марте 1943 года Сталин знал, что немцы намерены срезать Курский выступ двумя фланговыми ударами по сходящимся направлениям, т. е. повторить то, что Сталин только что совершил под Сталинградом. Сведения о гитлеровском плане исходили из самых надежных источников...

Но написать на бумаге можно все, что угодно. На соответствующем бланке. И поставить печати такие, какие надо. И заделать подпись хоть самого Гитлера. А где гарантия, что это не ловушка? Что будет, если Сталин соберет силы для отражения ударов из районов Орла и Белгорода, а Гитлер ударит в другом месте? Будет катастрофа. Потому нужна проверка. Нужна гарантия, что добытые гитлеровские планы – настоящие.

И вот в той самой Академии, прямо на лекции по стратегической разведке, – летучка на сообразительность: это, ребята, обстановка на конец мая 1943 года, вот копия германского плана. Как бы вы эти сведения проверили?

Нужно сказать, что ребята туда подбирались сообразительные и выдавали настолько простые и удивительные решения, что вся группа с преподавателем во главе хохотала до слез. А потом преподаватель раскрыл секрет того, как это было сделано тогда, весной и ранним летом 1943 года: проверка точности агентурных сведений чрезвычайной важности осуществлялась молотком. Вернее, достаточным количеством молотков.

Любой фокус прост, когда знаешь его секрет. Сейчас я расскажу, и вы скажете: какая чепуха, и я бы до такого мог додуматься. Каждый из нас, начинающих бойцов туманного фронта, тоже так думал и иногда по глупости произносил вслух. На это преподаватель – матерый волк агентурного добывания

– отвечал: молодец! Вот и придумай нечто такое, до чего никто до тебя не додумался. Твой пример потом в нашей Академии изучать будут. А пока сам ничего такого-эдакого не выдумал, помолчи и оцени то, что было придумано другими.

А дело было так. Гитлеровцы, захватив всю континентальную Европу, не могли обеспечить

железные дороги своим персоналом. Все – на войне, рабочей силы катастрофически не хватало даже для промышленности и транспорта самой Германии. Поэтому, хотя железные дороги всех оккупированных стран были под немецкой администрацией и охраной, но всю тяжелую работу делали местные жители – многие и очень многие тысячи людей. За всеми не уследишь. Понятно, весь железнодорожный персонал, от стрелочников и машинистов до ремонтников, сцепщиков и грузчиков, был под контролем, людей регулярно проверяли, обыскивали, в их среде вербовали провокаторов и стукачей. Особое внимание тому, чтобы не пронесли взрывчатку или какую другую штуку, которой поезда под откос пускают. К эшелонам особой важности не подпускали никого. Даже машинисты топчутся возле своего паровоза, а гулять вдоль вагонов не могут.

Но была категория железнодорожного персонала, которая имела доступ ко всем эшелонам, включая особо важные. В те времена подшипники вагонных осей помещали в литые чугунные коробки – буксы. Сверху букса имела откидную крышку. Туда заливали масло. Ось вращалась в масле. Масло расходовалось, поэтому на каждой крупной станции вдоль эшелонов ходили смазчики. Сам смазчик машинным маслом насквозь промаслен. Смерд от него, как от поломанной бензоколонки. Он вдет вдоль вагонов и откидывает крышки буксов. Чтобы ему к каждой не наклоняться, в правой руке у него молоток с длинной-длинной ручкой. Два удара: динь-бом. Одним ударом крышку откинул, другим захлопнул: динь-бом. Если в какой буксе масла мало, он тут же добавит. На то у него в левой руке масленка с длинным-длинным носиком. Опять же, чтобы все время не наклоняться. Так он и ходит весь день. Подходят эшелоны. Стоят. Пыхтит паровоз. А над станцией: динь-бом, динь-бом. Станций вон сколько по Советскому Союзу. И смазчиков многие тысячи: динь-бом. За смазчиком немец с автоматом ходит: чтобы этот русский гад в буксу горсть песка не швырнул. Остановился смазчик. Инструмент свой на край платформы положил, опять же – чтобы не наклоняться лишний раз. Справил малую нужду. И дальше пошел: динь-бом.

В конце рабочего дня, как и в начале, его обыщут. Не выносит ли чего с собой? Нет ли при нем карандашика? Не нацарапал ли он на пачке махорки какие-то каракули с особым смыслом? Но нет с ним ничего. Молоток да масленка.

Смазчики имели доступ ко всем эшелонам, поэтому их особо проверяли. Вербовка смазчика в советской военной разведке считалась особой удачей. В мае 1943 года был дан приказ (только самым надежным из завербованных) измерять ширину гусениц танков на проходящих эшелонах. Как измерять? Ручкой молотка. Танки в эшелонах закутаны брезентом. Но иногда край гусеницы обнажен. Положи молоток на платформу и засеки ширину. Потом ногтем или камушком на ручке царапни. Сделаешь – медаль «За отвагу». Разболтаешь – сам знаешь, что будет.

Иногда танки идут на платформах с бортами. Молоток на край не положишь. Ничего страшного. Если платформы с бортами, значит, танки узкие, т.е. легкие. Это не очень интересно, знай себе платформы считай и направление следования указывай. Интересуют те танки, которые на платформах без бортов, те, которые в платформу еле вписываются.

Каждый тип танков имеет свою ширину гусеницы. Это как размер обуви. Или как след солдатского сапога: это большой немец шел, а это – маленький. Летом 1943 года германская армия впервые в массовом порядке применила самоходные орудия «Фердинанд» и танки «Пантера» и «Тигр». Вся эта техника – в весовой категории от 44 до 65 тонн. Раньше бронетанковая техника данной весовой категории немцами в большом количестве не применялась. Машины такого веса должны иметь широкие гусеницы. Анализ сообщений подтвердил: все танки и самоходные орудия с широкими гусеницами (т.е. тяжелые) направляются только в два района – к Орлу и Белгороду. И никуда больше. Следовательно, главные удары будут нанесены именно из этих районов.

А сведения, добытые из охраняемых сейфов, надо считать достоверными и подтвержденными.

И в 1941 году Сталин имел сведения из самых охраняемых сейфов. Но бумаге верить нельзя. Нужны проверки. Проверок достоверности полученных сведений было много, и все они не подтверждали готовности Германии к наступательной войне. Немцы правильно говорят: дьявол – в мелочах. Так вот, именно в мелочах германская готовность к войне и не проглядывалась. В

Академии я изучал восемь способов, которые были использованы для оценки добытых планов Гитлера. Все восемь дали отрицательный результат: Германия к войне не готова, а добытые планы – явная дезинформация. Способов проверки было не восемь, а больше. Я не знаю сколько. В мое время остальные способы на уровне Академии ГРУ не изучались, ибо оставались в категории выше, чем «Совершенно секретно». Но нам сказали, что все другие способы, без исключения, дали тот же результат: подготовка к войне в Германии велась только на бумаге, на практике не делалось ничего или почти ничего.

В «Ледоколе» я только вскользь упомянул два из известных мне способов проверки достоверности добытых планов Гитлера. Прежде всего руководство ГРУ знало, где, сколько и какого жидкого топлива и смазочных материалов производится в Германии и на захваченных ею территориях. Количество жидкого топлива, которым располагал Гитлер, было совершенно недостаточно для проведения глубоких наступательных операций. Но главное внимание было обращено на качество – какое топливо они производят? Анализ показал: Германия не ведет интенсивных исследований в области создания морозостойких топлив и масел. Промышленность Германии не производила морозостойких сортов топлива и масел в сколько-нибудь значимых количествах, а тыловые органы Вермахта и Люфтваффе не ведут накопления такого топлива и масел для большой войны.

Чтобы не перегружать «Ледокол» ненужным весом, об этом я сказал парой фраз. Понятно, этот вопрос в Академии изучался куда более серьезно и подробно. И через 30 лет я не забыл, что температура кристаллизации бензола в чистом виде $+5,4^{\circ}\text{C}$. В Германии бензин получали путем гидрогенизации низкосортных углей. В этот бензин требовалось добавлять бензол в довольно больших количествах. Бензол обладает высокими антидетонационными свойствами. Его добавляют для повышения октанового числа. Однако это резко снижает низкотемпературные свойства. Температура кристаллизации основных сортов немецкого бензина лежала на уровне от $-9,6$ до $-14,5^{\circ}\text{C}$. Ясно, что только полный идиот мог с таким бензином начинать войну против страны, где зимой

-20°C – обычное явление. Советская разведка германских генералов идиотами не считала, потому делала вывод: в Германии подготовка к войне не ведется.

Другая проверка достоверности высветила еще один из множества элементов вопиющей, поистине катастрофической неготовности Германии к войне: для покорения России требовалось заготовить минимум шесть миллионов бараньих тулупов, а германские стратеги не заготовили ни одного миллиона, ни одной тысячи, ни одной сотни. Вообще ни одного. Советская разведка знала об этом и сделала правильный вывод: Гитлер к войне не готов. Согласимся: вывод правильный. Другого вывода быть не может, неготовность налицо. Кто с этим будет спорить?

Понятно, речь шла не только о тулупах: гитлеровцам нужны были валенки, теплые белье, свитера, утепленные палатки, перчатки, те же шапки, которыми следовало Красную Армию закидать, печки-буржуйки, лыжи, лыжная мазь, маскировочные халаты, не замерзающая на морозе смазка, агрегаты для разогрева воды и смазочного масла, морозоустойчивые аккумуляторные батареи, зимнее топливо для танков, машин и самолетов, нужны были танки с широкими гусеницами, сотни тысяч машин высокой проходимости, и пр. и пр. и пр. Ничего этого не было: неготовность полная, неготовность позорная и скандальная.

Я-то думал, кто осмелится усомниться в германской неготовности? Кто вздумает утверждать, что Гитлер был к войне готов?

Я ошибся. Еще до выхода «Ледокола» в ответ на публикацию пары глав в защиту Гитлера и его мудрейших генералов выступил Иосиф Косинский (Новое русское слово. 1989. 26 июня). Он объявил, что тулупы немцам вовсе не требовались, так как «выиграть войну на Востоке планировалось до наступления зимы». Немцы, объявил Косинский, планировали разгромить Советский Союз за три месяца.

Это было самое удивительное заявление, которое я слышал в своей жизни. Была непонятна позиция Косинского, но еще более странным показалось поведение редакции газеты: зачем такое публиковать? Косинский написал глупость, зачем пачкать газетные страницы этой гадостью?

А за Косинским в защиту Гитлера бросился Марк Штейнберг, он опубликовал огромную разгромную статью «Ледокол в бараньей шкуре», на весь мир высмеивал меня и отстаивал гитлеровскую мудрость. Аргумент тот же: зачем Гитлеру тулупы, он же планировал окончить войну за три месяца!

За Штейнбергом на защиту гитлеровской стратегической гениальности поднялась целая ученая рать. Светила исторической науки из США и Германии, Британии и Франции завопили: Гитлеру тулупы были не нужны! Разве этот самый Резун-Суворов не знает, что захват России был запланирован в три месяца?

Такой напор мне кажется подозрительным: кем-то где-то в одном месте был выдуман глупейший аргумент и всем моим критикам централизованно разослан. Мои критики все как один по команде ухватились за эти самые тулупы и этих баранов: все так просто – Гитлер планировал блицкриг, а Суворов об этом понятия не имеет.

Тема про тулупы и баранов зазвучала прямо в аршинных заголовках и подзаголовках газетных разворотов: «Ледокол на бараньем пастбище», «Автора „Ледокола“ подвели бараны».

Выступает коммунист Дмитрий Антонович Волкогонов и заявляет: «Что касается бараньих тулупов... то можно было бы сказать и поточнее. Тулупы были не нужны, ибо война планировалась на три месяца...». Это сказал советник Президента России. Честно говорю, в глазах у меня темнело от таких заявлений.

А потом – еще и еще статьи, как бульжники по моей голове: «Вот такая получается у Резуна баранья стратегическая концепция войны, которая, видимо, только на баранов и рассчитана. Пусть уважающий себя читатель, не желающий, чтобы его дурачили бессовестные люди и авантюристы от истории, задумается, насколько серьезны такие утверждения. В действительности Гитлер, начиная войну, вообще не думал об этих тулупах, поскольку делал ставку на молниеносную войну, стремясь завершить ее еще до наступления зимы...». Это подписал генерал армии Махмут Гареев, доктор военных наук, профессор, академик и т.д.

Были и совсем странные обвинения. с. П. Исайкин, разгромная статья «Арифметика ошибок»: «Приходится думать, что Суворов считает читателей круглыми идиотами или баранами... но понятно, что из одной бараньей шкуры бараний тулуп сшить невозможно» (Сб. Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? с. 63).

Сергей Петрович Исайкин, вы полностью правы: одной бараньей шкуры на тулуп не хватит. Тут я с вами согласен, но прошу эту глупость мне не приписывать. Я никогда не говорил, что из одной шкуры можно сшить тулуп.

Статей о баранах было много. И все об одном: тулупы Гитлеру не нужны, он планировал завершить войну за три месяца.

- 3 -

Мнение защитников Гитлера мы выслушали.

Настало время отвечать. Итак, тулупы Гитлеру не нужны, потому как войну он планировал завершить в три месяца. Согласимся. Если так, если в три месяца планировал, то следовало в соответствии с планами и поступить: Красную Армию сокрушить, Советский Союз поставить на колени. В чем же проблема? Гитлеровская орда вступила на советскую территорию 22 июня, через три месяца, 21 сентября, надо было проводить парад победы. Отчего не завершили войну в сентябре?

Гитлеровцы отвечают: причины чисто географические – просторы, бездорожье и погода. Я и с этим согласен. Но если в Советском Союзе существуют такие географические условия, то надо было готовить войска действовать не в тепличных условиях, а в реально существующей обстановке: вооружить вездеходными машинами, способными преодолевать грязь и снег, запастись морозостойкими маслами и топливом для танков, самолетов и машин, обеспечить войска лыжами и зимней одеждой, теми самыми тулупами.

Тут гитлеровцы дружно возражают: нет, этого не требовалось, войну-то в три месяца планировали завершить!

Круг доказательств замкнулся. Честь выдающихся гитлеровских стратегов спасена.

Завершить молниеносную войну в три месяца они не смогли потому, что географические и климатические условия помешали. А к таким географическим и климатическим условиям им готовиться было не нужно потому, что они планировали в три месяца войну завершить.

Я не шучу. Читайте откровения Волкогонова, Косинского, Геббельса, Гареева и Штейнберга. В одной статье, а то и в одном предложении они доказывают, что мудрейшие гитлеровские генералы планировали быстренько завершить войну, но им помешала плохая погода, а к плохой

погоде им не надо было готовиться потому, что они планировали быстренько завершить войну...

Не перестаю удивляться наглости гитлеровских пропагандистов: планировали завершить войну в СЕНТЯБРЕ, но помешали грязь, которая была в ОКТЯБРЕ, и мороз, который ударил в НОЯБРЕ.

- 4 -

Не о баранах речь. Дело вот в чем. Всех нас марксистско-гитлеровская пропаганда приучила смеяться над Сталиным: разведка докладывала, а он, глупый и трусливый, боялся верить. В свете этой сталинской глупости все мы выглядим полными идиотами и следующим поколениям уготована та же судьба: как только речь пойдет о той войне, нашим потомкам напомнят о неготовности, неспособности, глупости и трусости. Между тем позиция Сталина проста и понятна: он был в здравом уме и понимал, что Гитлер находится в безвыходном положении, что, имея столько сил, он не способен разгромить Советский Союз, тем более – в три месяца.

И позиция лидеров советской разведки тоже понятна. Они получали сообщения о подготовке гитлеровского вторжения, но докладывали Сталину правду: это невозможно! Они докладывали так не из-за желания угодить Сталину, а потому, что дело действительно так обстояло.

Смеяться надо не над лидерами советской разведки и не над Сталиным. Гитлер и его стратеги решились на идиотское предприятие, которое ни при каких условиях не могло иметь для Германии счастливого конца. Вот над кем надо смеяться.

Глупость не в том, что Сталин не верил. Неверие Сталина понятно и оправданно. Глупость в том, что Гитлер такое мог замыслить. Но нашлись моральные уроды, которые бросились на защиту Гитлера и его бестолковых стратегов.

Война показала: даже в самой благоприятной ситуации Гитлер и его мудрейшие полководцы не смогли разгромить Советский Союз. А защитники Гитлера вопят: нет, это было возможно. Гитлер такой великий полководец, заявляют они, что, ведя войну против Британии и всей Европы, он мог одновременно с этим разгромить и Советский Союз! И не просто разгромить, а в три месяца! Потому, объявляют гитлеровские апологеты, к зиме не надо было готовиться.

И вот вам всем, защитникам Гитлера, вопрос: а что было сделано германским командованием для того, чтобы завершить войну в три месяца, до распутицы, до осенней грязи, до мороза и снега?

Отвечайте, Иосиф Косинский: мог ли Гитлер за три месяца разгромить авиацией «последний промышленный район на Урале» или не мог? Были ли у Гитлера дальние бомбардировщики? Были ли у Гитлера аэродромы у Волги, чтобы до Урала дотянуть? Было ли топливо для такой воздушной операции? Да или нет? Если ответите положительно, то перед всем миром вы покажете себя продажным гитлеровским прихвостнем. Ответить положительно на этот вопрос может только отпетый лжец, продавший душу Гитлеру и дьяволу. Каждый школьник знает, что никаких дальних бомбардировщиков у Гитлера не было, как не было для них топлива. А раз так, то война неизбежно выходила за рамки трех месяцев и растягивалась на четвертый – октябрь. По опыту Бонапарта гитлеровским стратегам должно было быть известно, что в октябре – снег. Так оно и случилось в 1941 году. «В ночь с 6 на 7 октября выпал первый снег» (Гудериан. Воспоминания солдата. с. 316).

Из-за полной неготовности к войне и простой невозможности подавить советскую промышленность за Волгой гитлеровская военная машина неизбежно попадала в грязь, увязала в ней и с той же неотвратимостью попадала в русскую зиму. Так нужны тулупы или без них можно прожить? Почему же вы смеетесь над Сталиным, считавшим гитлеровскую затею бредом? Почему вы не смеетесь над бредовыми гитлеровскими планами? Чем объяснить ваши, мягко говоря, противоестественные симпатии к гитлеровцам?

Отвечайте, Марк Штейнберг, можно ли за три месяца захватить одну шестую часть суши планеты Земля, имея 3410 устаревших танков, в числе которых ни одного тяжелого, ни одного с мощной пушкой, ни одного с противоснарядным бронированием, ни одного с дизельным двигателем, ни одного с широкими гусеницами? Можно ли за три месяца форсировать 150 000 рек, не имея ни одного плавающего танка? Можно ли, имея ничтожное количество старых танков, за три месяца сокрушить 23 000 советских танков, среди которых – лучшие в мире образцы, среди которых – тяжелые, с противоснарядным бронированием, с дизельными двигателями, с широкими

гусеницами и сверхмощными орудиями? Можно ли за три месяца все это уничтожить, если ВСЕ немецкие танковые и противотанковые пушки бессильны против КВ-1 и КВ-2? Но если советская промышленность за Волгой неуязвима, то, значит, советских танков будет не 23 000, а больше. Пока уничтожаете первые десять тысяч и вторые десять тысяч, заводы выпускают новые танки, и будут это новенькие КВ и Т-34 прямо из заводских цехов. Так можно ли это сокрушить за три месяца, если неуязвим сам источник производства новых танков, самолетов, пушек, снарядов и патронов? Ответить на это положительно может только тот, кто выжил из ума или безумно влюблен в Гитлера и его непобедимое воинство, возглавляемое гениальными стратегами.

А если это нельзя совершить за три месяца, то надо быть готовым воевать осенью и зимой. Не так ли? Так нужны тулупы или нет? Перед Гитлером страна площадью 22,4 миллиона квадратных километров. Считайте сами, по сколько тысяч квадратных километров приходится на один танк. Если бы не было вообще никакого сопротивления, то немецкому танку не хватило бы моторесурсов, чтобы просто объехать эту территорию.

Перед ними страна с населением 170 миллионов человек, если не считать присоединенных в 1940 году новых «республик». Считайте сами, по сколько десятков тысяч человек населения приходится на каждый немецкий танк. Всех не передавишь. Даже если добровольно под гусеницы будут ложиться.

Имеется опыт дружественной Гитлеру Японии: уж такие японцы разумные, уж такие развитые! Но вляпались японцы в Китай, как в трясины, и выбраться из Китая не выходит. Слишком много их, китайцев. В Советском Союзе людей было меньше, чем в Китае, но территория больше и для действия танков менее пригодна, а основная часть территории – вообще для танков непроходима. И в отличие от Китая Советский Союз мог производить лучшие в мире танки в невероятных количествах. Куда же гитлеровцы со своими тремя тысячами сунулись?

- 5 -

Юрий Финкельштейн, вам вопрос. У Гитлера армия в 3,5 миллиона человек. Основное вооружение этой армии – винтовка образца 1898 года. Основа мобильности – скрипучая мужицкая телега. Ей противостоит Красная Армия, мобилизационный ресурс которой 34 миллиона солдат и офицеров. Красная Армия действует на территориях, которые даже теоретически невозможно захватить. Можно ли, имея так мало сил, разгромить Красную Армию? Можно ли это совершить за три месяца? Даже если вы считаете, что у Гитлера – высшая раса, а ему противостояли недочеловеки, то и тогда за три месяца их всех не перебеешь. Они просто отойдут туда, куда гитлеровские телеги не смогут доехать. Так как же вы смеете утверждать, что Гитлер был к войне не только готов, но и мог разгромить Красную Армию за три месяца!

У вас два выхода. Объявите, что за три месяца можно было сокрушить Советский Союз. В этом случае мы все будем знать, что мозги у вас работают не лучше, чем у бесноватого фюрера, который грыз ковры и рассказывал про собак в безвоздушном пространстве. Или вы должны признать, что за три месяца это сделать невозможно, война в любом случае выходила за рамки лета и становилась затяжной. В этом случае без тулупов не обойтись.

- 6 -

Мечтать о покорении России мог только дурак. Мечтать о покорении в три месяца мог полный идиот.

О дремучей глупости германских стратегов говорит запись в служебном дневнике Гальдера 24 июня 1941 года: «Наши войска заняли Вильнюс, Каунас, Кейданы». (Историческая справка: Наполеон занял Вильнюс и Каунас тоже 24 июня.) Нашел чем гордиться! Нашел по кому равняться. А уж если проводишь исторические параллели, то веди их и дальше. Вспомни, что стало с воинством Бонапарта в октябре, ноябре и позже. Проведи параллель и позаботься о подготовке к зиме. Но стратеги Гитлера были способны проводить параллели только с победными маршами Бонапарта, но не способны заглянуть в печальный конец истории.

Бонапарт шел в Москву быстро, ни грязь, ни метели ему не мешали. Он захватил Москву в самом начале сентября. Стояла жара. Не было ни дождей, ни грязи, ни снега, ни мороза. Никто

Бонапарта не трогал. Кутузов – непонятно где. Казалось бы, сиди и радуйся, грейся у огня пожаров, праздной победу. Так нет же: случилось нечто такое, что заставило Бонапарта бежать из России до наступления холодов. Не зима его из Москвы выгнала! И Бонапарт до наступления зимы почему-то побежал из России. А ведь его никто не гнал. Сам побежал. Без видимой причины. Ибо сообразил: Москву можно взять за три месяца, но это не конец войны, это только начало. Россия Москвой не кончается. И зима впереди. И тулупы Бонапарту потребовались даже и после захвата Москвы. Удивительно: гитлеровцы имели такой блистательный пример из истории и повторили все те же ошибки.

Бейте меня, режьте, но логики Финкельштейна, Геббельса, Гареева, Косинского, Гитлера, Штейнберга и Волкогонова я не понимаю. Ну ладно, допустим, гитлеровцы покорили Советский Союз за три месяца: начали 22 июня, завершили 21 сентября. И что из этого? Разве после разгрома Советского Союза зимы не будет? Или как? Защитники Гитлера, известно ли вам, что после осени бывает зима? А к зиме надо готовиться. Отвечайте: на что надеялся Гитлер? Он думал, что после сентября сразу май наступит? Даже если бы сбылась идиотская мечта Гитлера разгромить Красную Армию в три месяца, что потом было бы? Он намеревался разгромить Советский Союз и в сентябре вывести свои войска в Германию? Это было бы самоубийством. А если он планировал разгромить Советский Союз и оставить на его территории оккупационные силы, не одев по сезону, то это тоже было самоубийством.

Москву и Питер Гитлер приказал уничтожить. Это не пропаганда, это теперь документально подтверждено. Как же его победившие вояки собирались зимовать? На московских развалинах? Или по деревням, не высовывая носа из избы? Так ведь сортиры у нас на улице. С метельным продувом. И часовых на ночь выставлять надо. В шинелях на рыбьем меху?

Логика потрясающая: планировал за три месяца... Да хоть за неделю! А к зиме все равно готовиться надо...

- 7 -

Командующий 3-й танковой группой гитлеровский генерал-полковник Г. Гот писал: «Задача уничтожения расположенных дальше к востоку центров военной промышленности возлагалась на авиацию. Это были утопические планы. Радиус действия немецких бомбардировщиков составлял тогда 1000 километров. Даже если бы удалось достичь намеченной линии Волга – Архангельск (это исключалось за одну кампанию, т.е. за три-четыре месяца), радиус действия бомбардировщиков был бы недостаточным, чтобы вывести из строя уральскую промышленность, район Свердловска. А ведь и за Свердловском не конец мира» (Танковые операции. с. 44).

Даже гитлеровский генерал признал: дойти до Волги за три месяца было нельзя. А если бы и дошли, то бомбить Урал было нечем. А если бы и разбомбили, то за Уралом оставались другие промышленные центры.

А наши доморощенные стратеги возражают: нет, можно было все это захватить, и очень даже быстро...

Командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Г. Гудериан писал: «Когда они развернули передо мной карту России, я не поверил своим глазам. То, что я считал невозможным, должно претвориться в действительность?» (Воспоминания солдата. с. 191).

И Гудериан считал разгром Советского Союза невозможным. Не то что в три месяца, а вообще ни в какие сроки. А наши умники не согласны: можно было разгромить.

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Карл фон Рундштедт считал, что «война с Россией – бессмысленная затея, которая... не может иметь счастливого конца. Но если... война неизбежна, мы должны согласиться, что ее нельзя выиграть в течение одной лишь летней кампании. Вы только посмотрите на эти огромные пространства. Мы не можем разгромить противника и оккупировать всю западную часть России от Балтийского до Черного моря за какие-нибудь несколько месяцев» (Роковые решения. с. 76).

Вот и начальник ГРУ генерал-лейтенант Голиков так рассуждал. И товарищ Сталин тоже. И ждали от Гитлера и его фельдмаршалов осмысленных действий, т.е. подготовки к затяжной войне, следовательно, и к войне зимой. Но осмысленных действий не отмечалось.

Да что там какие-то генералы и фельдмаршалы. «Гитлер, который резко критиковал в моем присутствии политическое руководство Германии 1914 года, не понимавшее опасности ведения

войны на два фронта, теперь сам хотел, не окончив войны с Англией, начать войну с Россией. Этим он навлек на себя опасность, вытекающую из ведения войны на два фронта, от чего его настойчиво предостерегали все старые солдаты, и что он сам стал часто называть ошибочным шагом» (Г. Гудериан. Воспоминания солдата. с. 191).

Так давайте же пойдем Сталина: и он так считал – это явно ошибочный шаг, это самоубийство. А уж если гитлеровцы и решились воевать, то в три месяца им никак не уложиться, поэтому они должны были готовиться воевать зимой. Этой подготовки нет. Следовательно, считал Сталин, Гитлер воевать против Советского Союза не намерен. Чистая логика...

Но наших современных гитлеровцев не переспоришь. Они с каким-то садистским удовольствием твердят свое: к войне зимой не надо было готовиться, Гитлер вполне мог разгромить Советский Союз за три месяца.

Такая позиция – высшая степень умственной деградации. И пока моральные уроды продолжают остервенело защищать гитлеровскую мудрость, я буду продолжать войну против них. До полного их разгрома.

13 апреля 2000 г. Бристоль

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Вестфаль З., Крейпе В., Блюментрит Г. и др. Роковые решения / Пер. с нем. – М., 1958.
- Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны: Статистический сборник No 1 (22 июня 1941 года). – М.: Воениздат, 1994.
- Бушков А. Россия, которой не было. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.
- Военные парады на Красной площади. – М.: Воениздат, 1980.
- Восьмой съезд РКП (б). Протоколы. – М., 1959.
- Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939-1942. В 3 т. / Пер. с нем. – М.: Воениздат, 1968-1971.
- Гот Г. Танковые операции / Пер. с нем. – М.: Воениздат, 1961.
- Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? / Сост. В.А. Невежин. – М.: АИРО-XX, 1995.
- Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 1998.
- Жуков Т.К. Воспоминания и размышления. – М.: АПН, 1969.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. В 6 т. – М.: Воениздат, 1960-1965.
- История второй мировой войны (1939-1945). В 12 т. – М.: Воениздат, 1973-1982.
- Карпенко А.В. Обзорение отечественной бронетанковой техники. 1905-1995 гг. – СПб.: Невский бастион, 1996.
- Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий / Пер. с англ. – М.: ИЛ, 1957.
- Лиддел Гарт Б.Х. Вторая мировая война / Пер. с англ. – М.: Воениздат, 1976.
- Манштейн Э. фон. Утерянные победы / Пер. с нем. – М.: АСТ, 1999.
- Миддельдорф Э. Тактика в русской кампании / Пер. с нем. – М.: Воениздат, 1958.
- Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. В 3 т. / Пер. с нем. – М.: ИЛ, 1956-1958.
- Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев». 1939-1941. – М.: АИРО-XX, 1997.
- Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов. В 7 т. – М.: Юриздат, 1960.
- Ордена Ленина Московский военный округ. – М.: Воениздат, 1985.
- Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 1993.
- Прозектор Д.М. Война в Европе. – М.: Воениздат, 1963.
- Рендулич Л. Управление войсками / Пер. с нем. – М.: Воениздат, 1974.
- Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1996.
- Сандалов Л.М. Боевые действия войск 4-й армии Западного фронта и начальный период Великой Отечественной войны. – М.: Воениздат, 1961.
- Сандалов Л.М. Трудные рубежи. – М.: Воениздат, 1965.
- Сандалов Л.М. Пережитое. – М.: Воениздат, 1966.

- Сандалов Л.М. На московском направлении. – М.: Наука, 1970.
Совершенно секретно! Только для командования. – М.: Наука, 1967.
Солоневич И. Россия в концлагере. – М.: Москва, 1999.
Солоневич И. Народная монархия. – Минск: Лучи Софии, 1998.
СССР – Германия. 1939-1941 / Сост. Ю. Фелытинский. – Нью-Йорк. 1983.
Стефановский Л.М. Триста неизвестных. – М.: Воениздат, 1968.
Триандафиллов В. К. Размах операций современных армий. – М.; Л.: Госиздат, 1926.
Триандафиллов В.К. Характер операций современных армий. – М.; Л.: Госиздат, 1929.
Устинов Д.Ф. Во имя победы. – М.: Воениздат, 1988.
Шапошников Б.М. Мозг армии. В 3 кн. – М.; Л.: Госиздат, 1927-1929.
Шпеер А. Воспоминания / Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 1997.
XVII съезд партии: Стенографический отчет. – М.: Партиздат, 1934. с. 127-128.
Советская военная энциклопедия. В 8 т. – М.: Воениздат, 1976-1980.
Газеты: «Вести», «Известия», «Красная звезда», «Литературная газета», «Московские новости», «Московский комсомолец», «Новое русское слово», «Правда», «Российская газета».
Журналы: «Бюллетень оппозиции», «Военно-исторический журнал», «Военные архивы России», «Вопросы истории», «22», «Знамя», «Новая и новейшая история», «Огонек», «Российское возрождение», «Родина».
Beer H. Moskaus As im Kampf der Geheimdienste. – Munchen: Hohe Warte, 1983.
Briekhill P. The Dam Busters. – London, 1951.
Fletcher D. The Great Tank Scandal: British Armour in the Second World War. – London, 1990.
Gregory B., Batchelon D. Airborne Warfare 1918-1941. Leeds: Phoebus, 1978.
Hitler A. Mein Kampf. – Munchen: Zentralverlag der NSDAP. Eher, 1933.
Dietrich O. 12 Jahre mit Hitler. – Munchen, 1955.
Mellenthin F.W. van. Panzer Battles. – London, 1955.
Reinhardt K. Die Wende vor Moskau. – Stuttgart, 1978.
Rosenberg A. Der Zukunftweg einer deutschen Aussen-politik. – Munchen, 1927.
British and American Tanks of World War II. – New York: ARCO, 1969.
Encyclopedia of German Tanks of World War Two. – London: AAP, 1978